

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Г. ЗБЕНОВИЧ

РАННИЙ ЭТАП
ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ
УКРАИНЫ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1989

Ответственный редактор *В. А. Круц*

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике

Редактор *В. П. Лагодская*

Збеневич В. Г.

З-41 Ранний этап трипольской культуры на территории Украины / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. В. А. Круц. — Киев: Наук. думка, 1989. — 224 с.: ил. — Библиогр.: с. 212—221.

ISBN 5-12-000677-9 (в пер.): 4 р. 30 к., 1000 экз.

В монографии освещается процесс сложения и становления трипольской культуры — одной из основных раннеземледельческих культур древней Европы. Дана характеристика хозяйственной деятельности, быта, социального устройства и идеологии раннетрипольского общества первой половины IV тыс. до н. э. Вопросы истории трипольских племен на территории Украины рассмотрены на фоне этноисторических процессов Юго-Восточной Европы в начале медного века.

Для ученых, в том числе археологов Румынии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Югославии, музейных работников, студентов, всех, кто интересуется археологией и древней историей.

0504000000-085
З $\frac{0504000000-085}{M221(04)-89}$ 69-89

ББК 63.4(2)

ISBN 5-12-000677-9

© Издательство «Наукова думка», 1989

ВВЕДЕНИЕ

В конце V — начале IV тыс. до н. э. Юго-Восточная Европа вступила в новую фазу исторического развития, связанную с энеолитом, или медным веком. Концепция энеолита как периода масштабных достижений во всех сферах общественно-экономической жизни древнего населения Юго-Восточной Европы прочно утвердилась в ряде обобщающих работ.

С этим периодом связано окончательное утверждение производящей экономики в более прогрессивных по сравнению с неолитом формах. Это выразилось, прежде всего, в переходе от мотыжного к пашенному земледелию с использованием тягловой силы скота, что значительно повысило производительность труда древних земледельцев. Интенсификация животноводческого хозяйства способствовала развитию подвижных форм скотоводства (в первую очередь в степной зоне) и уменьшению экономического значения охоты.

Заметные успехи были достигнуты в различных производствах. Более совершенной стала технология изготовления каменных орудий; увеличился их ассортимент и количество. Характерным признаком энеолитических культур является расписная (монохромная и полихромная) глиняная посуда. Широкому распространению высококачественной керамики во многом способствовало появление такого сложного теплотехнического сооружения, как обжигательные горны. Во всех производствах в период энеолита заметна прогрессивная тенденция к дифференциации и специализации.

В энеолите в жизнь человека прочно вошел первый металл — медь, что со-

ставляет одну из важнейших черт этого периода. Внедрение металла в быт и производство было революционным скачком, предопределившим постоянные поиски и достижения в области техники и технологии и способствовавшим дальнейшему общественному прогрессу.

Определенные изменения наблюдаются и в социальной сфере: усложняется половозрастная стратификация общества, проявляющаяся в материалах крупных могильников, свойственных энеолиту; намечаются зачатки имущественной дифференциации.

В энеолите значительно расширяется кругозор человека, более глубокими становятся его знания об окружающей природе. Усложняются идеологические воззрения древних земледельцев и связанная с ними культовая обрядность и символика.

Потребность в орудиях труда и украшениях из меди стимулировала укрепление связей между районами, где имелись источники сырья, достигнуты большие успехи в металлургии и металлообработке, и территориями, лишенными собственного металла. В период энеолита многосторонние контакты, приводившие к быстрому распространению инноваций, отмечены для многих регионов Юго-Восточной Европы, в том числе разделенных большими расстояниями. Расширению этих контактов способствовало изобретение колесного транспорта и использование прирученной в энеолите лошади как упряжного и верхового животного.

Процессы культурной и этнической консолидации, характерные для энеолита Юго-Восточной Европы, привели к

сложению в IV тыс. до н. э. нескольких крупных археологических культур. Особое место среди них принадлежит трипольской культуре, занимавшей лесостепные районы МССР и Правобережной Украины в IV—III тыс. до н. э. и давно ставшей синонимом понятия «энеолит» для этого региона. Являясь частью большой культурно-исторической области Кукутени-Триполье, простиравшейся на западе до Карпат, эта культура имела прочные связи с Подунавьем и Балканами. С другой стороны, на всем протяжении своей почти двухтысячелетней истории она контактировала со многими культурами Северного Причерноморья и восточных районов, осуществляя историческую миссию связи двух миров: земледельческого балкано-дунайского и скотоводческого степного. Посредством Триполья на восток передавались достижения высоко развитых земледельческих культур Юго-Восточной Европы, в первую очередь металл и навыки его обработки. Есть все основания полагать, что именно трипольская культура стала первоначальным фактором ознакомления с медью населения огромного района Степи и Лесостепи вплоть до Поволжья. Столь разветвленной системой контактов как в территориальном, так и в хронологическом аспекте не обладала никакая другая энеолитическая культура Европы.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с трипольской культурой, является проблема ее происхождения и развития на начальном (раннем) этапе. Без понимания того, как складывалось Триполье, невозможно уяснить процесс перехода к энеолиту всего Юго-Запада СССР. Неполной будет и более общая картина «энеолитизации» Юго-Восточной Европы, важной составной частью которой является указан-

ный регион. На раннем этапе трипольской культуры формируются почти все основные признаки, характеризующие и выделяющие ее на фоне энеолита Юго-Восточной Европы; здесь коренятся многие черты и достижения более поздних этапов. В дальнейшем идет многовековой процесс развития уже оформившейся культуры. Поэтому динамика ее эволюции может быть раскрыта лишь при уяснении исторического содержания раннего Триполья.

Имеющиеся сегодня археологические источники позволяют дать всестороннюю характеристику памятников раннего этапа трипольской культуры (поселения, жилища, производственный и бытовой инвентарь); установить абсолютную хронологию и разработать периодизацию памятников; раскрыть хозяйственную деятельность ранних трипольцев; осветить вопросы сложения раннего Триполья, расселения его носителей и их связей с энеолитическим населением различных районов Юго-Восточной Европы.

Ставя перед собой эти задачи, автор настоящей монографии основывался на материалах наиболее полно изученных раннетрипольских поселений Украины. Однако ограничиться ими — значило бы неоправданно сузить рамки исследования; поэтому в работе используются материалы с территории Молдавии и СРР, создающие широкий сравнительный фон и позволяющие восстановить более целостную историческую картину.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам по отделу археологии энеолита и бронзового века ИА АН УССР, а также сотрудникам научных учреждений и музеев Москвы, Ленинграда, Кишинева и других городов, оказавшим ему помощь в работе над этой книгой.

Глава I ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Начало изучения раннего Триполья относится к 30—40-м годам, но уже первые исследователи трипольской культуры пытались отыскать ее истоки и генетические корни, создав две концепции, отражающиеся и в современной археологической литературе. Одна из них рассматривает Триполье как автохтонную культуру, сложившуюся на местной этнической основе; согласно второй, решающую роль в сложении Триполья сыграли пришлые племена.

Наиболее последовательно отстаивал автохтонность трипольской культуры В. В. Хвойко, утверждавший, что трипольцы Среднего Поднепровья — «прямые потомки своих палеолитических предшественников», исконные местные жители. С внешними импульсами связано, по мнению В. В. Хвойко, появление расписной посуды и металлических изделий, поступавших вначале из Прикарпатья, а затем изготовлявшихся на месте пришлыми мастерами — гончарами и металлургами [175, с. 810—811; 176, с. 20—22, 97].

Э. Штерн, критикуя довольно распространенное в начале века мнение о том, что трипольская и близкая ей расписная (со спиральным узором) керамика Юго-Восточной Европы — всего лишь «отражение Микен», справедливо отмечал, что спираль — важнейший элемент орнамента европейской неолитической посуды. Кто же такие трипольцы и родственные им племена культур расписной керамики? Их родина, считал Э. Штерн, на севере, откуда они, постепенно переселяясь, достигли Днепра и Дуная. Затем под давлением других северных племен трипольцы ушли да-

лее на юг — в Малую Азию, на Балканы и в Эгейду [200, с. 45—52].

Другой путь проникновения трипольской культуры на нашу территорию наметил А. А. Спицын, полагавший, что она родственна культуре Анау и появилась из Малой Азии [155, с. 118].

В 20—30-х годах вопрос о происхождении Триполья из сферы умоизмерительных исторических построений перенесен на более твердую почву конкретных фактов и анализа археологического материала. Этому способствовал значительно усилившийся интерес к трипольской проблематике вообще, появление таких ранних памятников, как Борисовка (раскопки Н. Ф. Беляшевского) и Озаринцы (М. Я. Рудинский), а также раскопки больших стратифицированных поселений на соседних территориях Подунавья и Прикарпатья (Боян, Извоаре и др.).

Большое значение имел выход в свет книги Т. С. Пассек, посвященной классификации трипольской керамики [308]. Исследовательница выделила группу трипольской посуды с углубленным спиральным орнаментом, гребенчатым штампом и каннелюрами, представленную на таких поселениях, как Саврань (разведочные раскопки С. С. Гамченко в 1913 г.), Унгены, Вишнополь (случайные находки сосудов). В эту же группу включена керамика из Красноставки, Борисовки и Озаринцев. И хотя все перечисленные комплексы Т. С. Пассек первоначально отнесла к позднему этапу Триполья (ошибка, легко объяснимая недостаточностью одного лишь типологического анализа керамики при отсутствии стра-

тифицированных памятников), ею был верно намечен круг более или менее близких поселений, материалы которых вскоре стали обоснованно рассматриваться как раннетрипольские.

Так, Е. Ю. Кричевский считал Саврань, Унгены, Сабатиновку I, Борисовку, Озаринцы древнейшими среди трипольских поселений, подтверждая свою мысль ссылкой на данные стратиграфии Изаоре, в нижних горизонтах которого найдена преимущественно керамика с углубленным спиральным орнаментом и каннелюрами. Ближайшие аналогии материалам перечисленных памятников исследователь находил в культуре линейно-ленточной керамики (далее — КЛЛК), которую считал автохтонной. Сходство Триполья и КЛЛК проявляется, по Е. Ю. Кричевскому, в орудиях труда, керамике, характере полужемляночных жилищ, системе хозяйства. Отсюда естественно вытекает вывод о том, что трипольская культура — это результат дальнейшего развития КЛЛК [86]. Указывалось также на влияние со стороны культур Восточного Средиземноморья и Дунайского бассейна. Весьма ценной была мысль Е. Ю. Кричевского о сходстве раннего Триполья с культурой Боян, однако обе эти культуры он рассматривал лишь как локальные варианты КЛЛК.

В большой статье, написанной в конце 30-х годов и вышедшей в свет уже после смерти автора [88], Е. Ю. Кричевский изменил прежнюю точку зрения, уделив основное внимание мезолиту Поднепровья как генетической подоснове Триполья. Принимая за мезолитические кремневые пиковидные орудия, часто встречающиеся на трипольских поселениях этого района (позднее на ошибочность такого определения укажут С. Н. Бибииков и Т. С. Пассек), исследователь полагал, что Триполье вырастает на местном «подольском кампине». Мезолитические традиции ученый усматривал в жилищах (землянки Борисовки), кремневых орудиях Сабатиновки I и Кадиевцев. Что касается раннетрипольской керамики, то столовая группа (сосуды со спиральным орнаментом) по-прежнему рассматрива-

лась в связи с КЛЛК, тогда как кухонную автор склонен был считать переходной между посудой еще не открытой местной раннеолитической культуры и собственно трипольской керамикой [88, с. 396—398]. Сходство же Триполья с нео-энеолитическими культурами Юго-Восточной Европы (КЛЛК, Боян, Гумельница) Е. Ю. Кричевский объяснял не общностью происхождения, а стадийными причинами.

Итогом довоенного периода в изучении трипольской культуры стала обобщающая монография Т. С. Пассек [128], в которой исследовательница выделила особый, ранний этап развития культуры, или Триполье А. Перечисляя основные черты поселений этого этапа, Т. С. Пассек называет сосуществование углубленных и наземных глинобитных жилищ (площадок); наличие грубой кухонной керамики, а также сосудов с углубленным спиральным орнаментом, каннелюрами и гребенчатым штампом; появление одиночных медных изделий и сильно схематизированной пластики [128, с. 39—41]. Разделяя точку зрения Е. Ю. Кричевского о генетической связи трипольской культуры с КЛЛК, Т. С. Пассек отмечала и важную роль культур Подунавья и Восточного Средиземноморья в процессе становления Триполья.

Изучение раннего этапа трипольской культуры в первой половине текущего столетия тормозилось отсутствием солидной источниковедческой базы. Не был выработан и четкий критерий выделения памятников, поэтому к раннему Триполью причислялись поселения (Озаринцы, Борисовка, Красноставка и др.), связанные уже с развитым этапом культуры. Однако нельзя забывать о том, что именно в 30—40-х годах, когда исследовались почти исключительно памятники среднего и позднего Триполья, создавалась советская школа трипольеведения с ее характерными чертами: повышенным интересом к вопросам социально-экономического развития древних земледельческих племен; стремлением рассматривать трипольскую культуру на широком историческом фоне; передовой полевой методикой, основанной на принципе раскры-

тия памятников крупными площадями. Успехи этой школы предопределили наступление качественно нового этапа в изучении раннего Триполья, начало которого относится к первым послевоенным годам.

Конец 40-х — начало 50-х годов ознаменованы массовым притоком нового археологического материала из Среднего Поднестровья, где почти одновременно начали работу Среднеднестровская экспедиция под руководством С. Н. Бибикова и Трипольская (а позднее — Молдавская) экспедиция во главе с Т. С. Пассек. В междуречье Днестра и Южного Буга проводила разведки Южно-Подольская экспедиция (М. И. Артамонов). В процессе работы этих экспедиций была открыта и исследована группа раннетрипольских поселений, причем раскопки на них носили стационарный характер и осуществлялись на большой площади.

В 1945—1950 гг. С. Н. Бибиков исследовал древнее поселение у села Лука-Врублевская (Каменец-Подольского района Хмельницкой области), вскрыв пять из семи обнаруженных здесь углубленных жилищ. Обильный материал, полученный в процессе раскопок, дал археологической науке надежный источник для реконструкции многих сторон быта, материальной и духовной культуры раннетрипольского населения Украины. Быстрый выход в свет монографии о Луке-Врублевской [14] сделал результаты исследования памятника достоянием широкой научной общественности.

Среднеднестровской экспедицией на левом берегу реки также открыто почти полностью разрушенное оползнями поселение Лука-Устинская, где доисследованы два наземных глинобитных жилища [10]; разведочные работы проводились и на поселении Брага, выявленном М. Я. Рудинским еще в 1931 г. [24, с. 121—123].

Одновременно широкие поисковые работы осуществлялись и на днестровском Правобережье в пределах Черновицкой области УССР и северных районов Молдавии. Наиболее весомые результаты получены в процессе исследования раннетрипольского поселения у с. Лен-

ковцы Кельменецкого района Черновицкой области. За четыре года (1950—1953) здесь открыто пять жилищ углубленного типа и столько же наземных глинобитных площадок. Материалы поселения, опубликованные в монографии Е. К. Черныш [191], заметно дополнили источниковедческую базу изучения раннего Триполья. Значительный материал добыт также при раскопках на поселении Берново (уроч. Лука) четырех жилищ, частично разрушенных водами Днестра [131, с. 42—60]. Две полуземлянки и одна площадка исследованы в 1952—1953 гг. на поселении Солончены I [119; 131, с. 60—69]; углубленное жилище и погребение обнаружены на втором раннетрипольском памятнике в этом селе [131, с. 69—70; 121, с. 91—92, 95]. Четыре разрушенных раннетрипольских жилища (две полуземлянки и две площадки) и хозяйственные ямы выявлены Молдавской экспедицией в 1954 г. на многослойном поселении Голерканы [131, 70—79].

В эти же годы менее интенсивные, но весьма важные в научном плане работы проводились на раннетрипольских памятниках Побужья. Среднебугская экспедиция ИА АН УССР в 1947—1949 гг. провела раскопки поселения Сабатиновка II (Гайворонский район Кировоградской области), открытого перед войной. Здесь были исследованы три наземных глинобитных жилища, полуземлянка и остатки какого-то углубления, возможно, второй полуземлянки [46; 96]. В соседнем селе — Греновка — экспедиция открыла еще одно раннетрипольское поселение, на котором в 1948 г. раскопана глинобитная площадка [96]. Тогда же небольшие раскопки провел Э. А. Сымонович на поселении Данилова Балка, где обнаружены остатки наземных жилищ-площадок и собрана коллекция керамики [159]. В этом же микрорайоне следы четырех раннетрипольских поселений в окрестностях с. Могильное нашел Н. С. Гасюк [34].

Значительный масштаб приобрели раскопки поселения Александровка (вблизи с. Кирилловка Кодымского района Одесской области) в междуречье Днестра и Южного Буга. Здесь

экспедицией Одесского археологического музея с 1950 по 1957 г. вскрыты 12 наземных жилищ-площадок. Результаты этих раскопок частично опубликованы [52].

Наконец, следует упомянуть о разведочных работах на первых раннетрипольских поселениях, открытых Б. А. Тимощуком на левом берегу Прута, в верхнем его течении, — Витиловка [164], Коровия, Староселье, Новоселка.

Экспедиционные работы первых послевоенных лет, создав солидную источниковедческую базу, позволили исследователям приступить к углубленному изучению ряда вопросов, связанных с начальным этапом развития трипольской культуры. Был уточнен ареал раннего Триполья и сделана попытка наметить черты, свойственные раннетрипольским памятникам отдельных районов [192; 193]. Т. С. Пассек описаны все известные раннетрипольские поселения, и на основе этих новых материалов дана краткая общая характеристика этапа [131]. На надежную фактическую основу была поставлена разработка важнейших вопросов экономики раннетрипольских племен с привлечением данных палеозоологии и палеоботаники. Серьезные и оригинальные исследования в области идеологии ранних земледельцев проведены С. Н. Бибиковым, широко использовавшим в работе этнографические параллели [14].

Были выдвинуты и новые гипотезы относительно происхождения трипольской культуры. Анализируя материалы Луки-Врублевецкой, С. Н. Бибиков пришел к выводу, что многие категории инвентаря этого поселения имеют «южное» происхождение. Это относится в первую очередь к медным изделиям, каменным полированным орудиям, всем типам керамики (в связи с последним тезисом была подвергнута аргументированной критике мысль Е. Ю. Кричевского о прямой генетической преемственности между керамикой раннего Триполья и КЛЛК). С южными территориями исследователь справедливо связывал хозяйственную систему раннетрипольских племен, основанную на

земледелии и скотоводстве, а также истоки их идеологических представлений, отраженных в глиняной пластике [14, с. 109—110, 124, 163—169, 191—192, 274].

Иное происхождение имеет обильный кремневый инвентарь, в котором, по мнению С. Н. Бибикова, прослеживается местная производственная традиция, уходящая еще в эпоху палеолита и мезолита. Она проявляется в наличии нуклеусов палеолитического облика, односторонне обработанных призматических пластин и пластинок со скошенным краем, проколов, сверл и особенно — большого количества скребков. «Очень древнюю местную традицию, идущую из глубин палеолитического века и доживающую на юго-востоке Европы до эпохи раннего Триполья», исследователь усматривал также в формах и технике раннетрипольского домостроительства: полуземлянки с ямами внутри, чуждые культурам более южных областей [14, с. 67—77, 279]. Наконец, к числу местных хозяйственных традиций С. Н. Бибиков относил и охоту, которая, судя по значительному проценту дикой фауны на поселениях, играла большую роль в экономике раннетрипольских племен [14, с. 191—192, 279].

Таким образом, в процессе сложения трипольской культуры, по мнению С. Н. Бибикова, приняли участие два этнических компонента: южные раннеземледельческие племена, продвинувшиеся через Малую Азию и Европу, и исконное охотничье население Среднего Поднепровья, ассимилированное пришельцами [14, с. 278—281].

Правильность вывода С. Н. Бибикова о большой роли пришлого этнического компонента в формировании раннего Триполья не вызывала сомнений. Местный же компонент, не представленный какой-либо конкретной археологической культурой, оставался гипотетическим, и не случайно сам исследователь отмечал, что «всякие попытки протянуть прямую генетическую нить от мезолитических или неолитических дотрипольских культур к Триполью оказываются тщетными» [14, с. 277]. Итак, вопрос о возможном местном субстрате раннего

Триполья по-прежнему оставался открытым.

Конец 50-х — начало 60-х годов ознаменованы важными достижениями в области первобытной археологии, усилившими интерес к раннетрипольской проблематике. На территории МССР в бассейне Реута и Прута В. И. Маркевич обнаружил группу раннетрипольских поселений, инвентарь которых отмечен определенным сходством с материалами придунайской культуры Боян. Памятники этого типа (Извоаре, Ларга-Жижия и др.) ранее были известны лишь в румынской Молдове. Раскопки поселения у райцентра Флорешты, проведенные в 1955—1958 и 1960—1961 гг. Т. С. Пассек, показали, что здесь нижний слой, связанный с КЛЖК, непосредственно перекрыт слоем раннего Триполья с чертами культуры Боян. Материалы поселения Флорешты побудили Т. С. Пассек пересмотреть свой прежний взгляд на происхождение Триполья. Уже после первого сезона раскопок она пришла к выводу, что «культура раннетрипольских племен в Днестровском бассейне возникает на местной неолитической основе — культуре типа Боян-Джулешты» [129, с. 91]. В дальнейшем исследовательница пишет о продвижении боянских племен из Подунавья, расселении в Поднестровье, а возможно, и в Южном Побужье, где под их влиянием (и частично на базе) сложилась раннетрипольская культура [130, с. 57—58; 131, с. 202—203].

В эти же годы благодаря трудам В. Н. Даниленко и В. И. Маркевича на Южном Буге, а затем и в бассейне Днестра на севере Молдавии были открыты и изучены памятники неолитической буго-днестровской культуры. Последняя, несомненно, предшествовала раннему Триполью и занимала ту территорию, на которой позднее были распространены раннетрипольские поселения. Естественно, возникла гипотеза о генетической связи между буго-днестровской культурой (далее — БДК) и ранним Трипольем. Наличие такой связи отстаивал в ряде своих работ В. Н. Даниленко [41; 42], полагавший, что «культурно-историческое развитие

на территории правобережной лесостепной Украины, в частности, на Южном Буге, в продолжение развитого и позднего неолита протекало в направлении сложения собственно трипольского этнографического массива». Развитие же дунайских культур проходило независимо от Триполья и параллельно ему [42, с. 8]. Правда, появление памятников типа Флорешты привело исследователя к заключению о том, что раннетрипольские поселения западных районов (между Днестром и Быстрицей) «культурно соприкасаются с Бояном» [44, с. 224].

Роль БДК в генезисе Триполья признавала и Т. С. Пассек, оценив ее как решающую [309, с. 8].

С этих же позиций несколько позднее выступил В. И. Маркевич, полагавший, что раннее Триполье Молдавии сформировалось на базе местной БДК, а также культуры Боян, носители которой, продвинувшиеся с запада, ассимилировали автохтонное неолитическое население [103, с. 38; 104, с. 164].

60-е годы отмечены некоторым затишьем в полевых исследованиях раннетрипольских памятников. Можно упомянуть небольшие работы на поселении Гайворон в среднем течении Южного Буга, где М. Л. Макаревич в 1960—1961 гг. вскрыл два легких наземных жилища.

В 1968 г. Б. А. Тимошук доисследовал поселение, разрушенное при строительных работах в южной части г. Черновцы на правом берегу Прута. На поселении вскрыты остатки трех глинобитных площадок [165].

На территории МССР В. И. Маркевич исследовал многослойное поселение Новые Русешты с двумя землянками, относящимися к раннетрипольскому горизонту [101]. Наконец, нельзя не вспомнить о находке в 1961 г. знаменитого Карбунского влады [153].

Однако в это время продолжается интенсивное изучение ранее добытого материала. Важно отметить, что исследования велись с применением методов естественных и точных наук и при участии представителей этих наук. Большая работа по определению фаунистических остатков из раннетриполь-

ских поселений, проделанная В. И. Бибиковой [21] и В. И. Цалкиным [178], позволила выяснить удельный вес животноводства и охоты в хозяйстве раннетрипольских обитателей Украины и Молдавии, определить состав их стада и список охотничье-промысловых животных. Благодаря исследованиям З. В. Янушевич получены важные данные о наборе культурных растений, возделывавшихся древними земледельцами [203].

Новизной и тщательностью исследования отмечены работы Е. Н. Черных и Н. В. Рындиной по изучению трипольской металлургии, наметившие источники получения трипольцами меди [187, с. 53—58, 67, 71] и позволившие выяснить уровень металлообработки в ранних энеолитических культурах Восточной Европы [145; 146].

Стремлением проникнуть в сложный и труднодостижимый духовный мир трипольцев отмечены труды Б. А. Рыбакова, интерпретировавшего культовую символику и мифологию древних земледельцев эпохи энеолита [143]. Выводы автора в значительной степени базировались на раннетрипольских материалах. Опираясь на данные раскопок Сабатиновки II, М. Л. Макаревич также рассмотрел некоторые стороны культовой обрядности трипольцев [98].

Специальное исследование раннетрипольской пластики в ее технологическом и морфологическом аспектах было предпринято А. П. Погожевой. Разработав типологию антропоморфных глиняных статуэток, автор наметила на ее основе относительную хронологию памятников раннего Триполья [137]. Впоследствии эта работа вошла как составная часть в монографию о пластике трипольской культуры [139].

Следует также отметить интересную работу В. С. Титова, посвященную вопросам синхронизации трипольской культуры и соседних энеолитических культур; в ней намечен и определенный хронологический контекст для раннего этапа Триполья [324].

Изучение широкого круга вопросов, связанных с происхождением и начальными этапами развития трипольской культуры, продолжалось и в последую-

щее десятилетие, чему способствовали повсеместно развернувшиеся полевые исследования.

В 1968—1971 гг. тщательному обследованию был подвергнут большой участок среднего течения Днестра, входивший в зону затопления будущего комплексного Днестровского Гидроузла. Экспедицией Института археологии АН УССР здесь открыты 13 новых раннетрипольских поселений у сел Волошково, Ожево, Берново (уроч. Малинки), Кормань, Макаровка, Вороновица Черновицкой области; Окопы — Тернопольской; Исаковцы, Бабшин, Лоевцы — Хмельницкой; Березовские хутора и Бернашевка — Винницкой области [59]. Позднее на некоторых из этих памятников автор провел стационарные раскопки. Важные результаты получены при исследовании поселения Бернашевка Могилев-Подольского района Винницкой области. В 1972—1975 гг. здесь вскрыты шесть из семи наземных глинобитных жилищ-площадок, обнаруженных на поселении. Раскопки дали более 21 тыс. орудий труда, фрагментов керамики, целых сосудов, предметов пластики и т. д., составляющих сейчас наиболее крупную коллекцию раннетрипольского производственного и бытового инвентаря. Это же относится и к коллекции фаунистических остатков. Бернашевка — единственное пока на Украине и наиболее восточное поселение типа Флорешт — издано монографически [63].

В 1978—1980 гг. автором проведены работы на небольшом поселении у с. Окопы Борщевского района Тернопольской области (в устье р. Збруч). Здесь были раскопаны остатки трех глинобитных площадок и зафиксированы следы легких наземных жилищ. Раскопки дали обильный материал, весьма выразительный и важный в научном отношении. В эти же годы обследованы разрушенные водами Днестра раннетрипольское поселение Кормань (раскопана единственная уплывшая землянка), поселение Вороновица (обнаружено и раскопано наземное жилище) и некоторые другие [64].

Возобновились также работы на раннетрипольских памятниках Побужья и

Буго-Днестровского междуречья. На поселении Тростянец Тыровского района Винницкой области в 1973—1975 гг. были исследованы три из семи обнаруженных здесь землянок [100]. В 1974 г. продолжены раскопки поселения Александровка, ранее исследовавшегося А. Л. Есипенко [70]. Позднее в этом же микрорайоне Н. Б. Бурдо провела небольшие по масштабу раскопки поселений Тимково и Слободка-Западная [28; 28а; 29а; 29б].

Несколько новых раннетрипольских поселений открыл Б. А. Тимошук на левом берегу Прута в Черновицкой области (Черновцы-Горечка, Кидмань).

На территории МССР в начале 70-х годов В. И. Маркевич провел работы на поселениях Александровка I и Путинешты. На первом памятнике была открыта землянка, на втором — два наземных жилища и две землянки [102]. Большой и интересный материал дали два углубленных жилища, раскопанных тем же исследователем на поселении Рогожаны — памятнике, родственном Флорештам и расположенном неподалеку [105]. Заслуживают упоминания также небольшие раскопки на поселениях у с. Исаково, где обнаружено залегание двух культурных горизонтов раннетрипольского времени [11].

Результаты упомянутых выше полевых исследований освещены в ряде работ по раннетрипольской проблематике. Большое значение имел, в частности, выход в свет археологической карты памятников эпохи неолита и энеолита на территории Молдавии, подготовленной В. И. Маркевичем [103]. Ранний период Триполья представлен здесь более чем 50 поселениями. Основываясь на количестве трипольских памятников, известных в северных районах МССР, археологически хорошо изученных, В. М. Массон и В. И. Маркевич предложили палеодемографические расчеты, призванные определить здесь плотность древнего населения (в том числе и на раннем этапе Триполья), а также проследить динамику развития трипольского общества [111; 113].

Процесс расселения носителей культуры Прекукутени — раннее Триполье на территории от прикарпатских рай-

онов Молдовы до бассейна Южного Буга изучался Е. К. Черныш. Исследовательница выделила ряд последовательных фаз в развитии раннего Триполья и наметила для них хронологические соответствия в зоне распространения культуры Прекукутени. По мнению Е. К. Черныш, в очерченном ареале уже на начальном этапе развития трипольско-кукутенской культурной общности существовало несколько локальных групп памятников [197—199].

Работы В. Г. Збеневича посвящены вопросам периодизации, относительной и абсолютной хронологии раннетрипольских поселений [62], а также исследованию проблемы происхождения трипольской культуры [61].

Значительные успехи были достигнуты и в освещении экономики раннетрипольских племен. Анализ палеоботанического материала, полученного при раскопках девяти поселений, позволил Э. В. Янушевич определять видовой состав культурных растений, известных раннетрипольским земледельцам, и выяснить технологию их возделывания [201; 202]. Трассологические исследования богатейшего производственного инвентаря трипольских поселений (в том числе и наиболее ранних), проведенные Г. Ф. Коробковой и ее учениками, а также опыты экспериментального моделирования трудовых процессов в древности дали возможность не только определить функциональное назначение многих орудий труда и их эффективность, но и реконструировать хозяйственные системы Триполья [79—81; 83; 154].

Результаты всех названных выше исследований нашли свое концентрированное отражение в соответствующих главах и разделах недавно вышедшего в свет обобщающего коллективного труда «Энеолит СССР» [199].

Параллельно с раннетрипольскими поселениями изучались аналогичные памятники между Карпатами и Прутом, объединенные румынскими археологами в культуру Прекукутени. Раскопки, проведенные Р. Вульпе в 1936 г. на поселении Извоаре в прикарпатской части Молдовы, показали наличие здесь

слоя с нерасписной керамикой, залегавшего под слоями, содержащими классическую полихромную посуду хорошо известной культуры Кукутени. В 1957 г., публикуя результаты своих многолетних работ в Извоаре, исследователь выделил в прекукутенском слое поселения два горизонта: нижний (I, 1), отнесенный им к фазе Джулешти культуры Боян, и верхний (I, 2) — собственно прекукутенский. Поселения с материалами типа Извоаре I, 2 и трипольские поселения этапа А (по Т. С. Пассек) Р. Вульпе рассматривал как единую культуру, сложившуюся на основе культуры Боян-Джулешти на территории между Карпатами и Средним Днестром, а затем распространившуюся на восток, в Побужье [332, с. 111—120].

Г. Думитреску, исследовавшая в 50-х годах поселение Траян-Дялул Вией (Зенешти), расположенное в одном районе с Извоаре, отметила в материалах этого поселения черты культуры Боян и КЛЛК. Культура Зенешти, представленная, по мнению Г. Думитреску, памятниками типа Траян-Дялул Вией, пришла в Молдову с запада вдоль р. Муреш и ее притоков. Кроме выразительных черт КЛЛК и особенно Бояна, она испытала воздействие культур Винча, Тордош (Турдаш) и даже более древней — Старчево — Криш. Весьма важен вывод исследовательницы о том, что культура Зенешти генетически предшествует культуре Прекукутени (памятникам типа Извоаре I, 2), отвечая по времени фазе Боян-Джулешти и Извоаре I, 1 [241; 50].

В. Думитреску, систематизировав материалы, накопленные к концу 50-х годов, выделил в развитии культуры Прекукутени три последовательные фазы, из которых наиболее ранняя (Прекукутени I) представлена поселением Траян-Дялул Вией. Ко II фазе относятся поселения Ларга-Жижия [4], Извоаре I, 1 и др. На этой фазе культура распространяется на восток (поселение Флорешты на Реуте). Поселения III фазы (Извоаре I, 2, Траян-Дялул Фытынидор и др.) вполне аналогичны раннетрипольским (Триполью А) и генетически связаны с памятниками

предшествующих фаз [245; 248]. В сложении культуры Прекукутени, по мнению В. Думитреску, приняли участие потомки носителей КЛЛК, заселявшие Молдову; менее значительный генетический вклад принадлежал племенам культуры Боян, на фазе Джулешти продвигнувшимся в юго-западные районы Молдовы. Наконец, В. Думитреску полагал, что определенную роль в формировании культуры Прекукутени сыграли носители южнобугского неолита, хотя впоследствии отказался от этой мысли [248, с. 304].

Касаясь культуры Прекукутени, Е. Комша писал о том, что она возникла в результате ассимиляции поздних носителей КЛЛК племенами культуры Боян, продвигнувшимися из Подунавья в юго-западные районы Молдовы на фазе Джулешти. В результате слияния этих этнических компонентов возник комплекс Джулешти — Зенешти (или Прекукутени I) с заметными боянскими чертами; последующая фаза развития новой культуры (Ларга-Жижия) уже имеет выразительные прекукутенские черты и является переходной к фазе Извоаре или раннему Триполью [223; 229, с. 243—244; 77, с. 64]. Позднее, под влиянием работ В. Н. Даниленко, Е. Комша пришел к выводу, что памятники III фазы культуры Прекукутени (Триполье А), имея много общего, сформировались на разных основах: культуре Боян на западе и БДК — на востоке.

Великолепный материал многослойного поселения Тырпешти, полностью раскопанного С. Маринеску-Былку в 1959—1968 гг. [287], позволил исследовательнице сделать ряд важных и обоснованных выводов относительно происхождения культуры Прекукутени, подтвердивших и существенно уточнивших гипотезы, выдвинутые ранее Г. и В. Думитреску. В материалах нижнего слоя Тырпешти, относящегося к последней фазе КЛЛК, С. Маринеску-Былку отметила выразительные черты культуры Боян и пришла к заключению, что в Молдове КЛЛК доживает до появления здесь памятников культуры Боян (фазы Джулешти). Синтезом этих двух культур (при воздействии Винча, Тор-

доша и, возможно, Хаманджии) явились памятники I фазы культуры Прекукутени [281].

Если немногочисленные поселения Прекукутени I (Траян-Дялул Вией, Эрестегни и др.) локализованы лишь на юге Трансильвании и юго-западе Молдовы, то памятники II фазы встречаются на всей территории Молдовы и в Пруто-Днестровском междуречье, что свидетельствует о постепенном продвижении носителей культуры Прекукутени на восток. Поселения фазы Прекукутени III аналогичны раннему Триполью (Триполье А), восточная граница которого проходит в Буго-Днепровском междуречье [282, с. 109—131, 213]. Ознакомление с материалами буго-днестровской культуры и раннего Триполья в музеях и научных учреждениях СССР убедило исследовательницу в том, что БДК не играла никакой роли в сложении культуры Прекукутени [287, с. 136; 288, с. 44]. Итогом многолетнего изучения культуры Прекукутени стал выход в свет известной монографии С. Маринеску-Былку, включающей и полный свод памятников этой культуры [282].

Таким образом, за почти пятидесятилетний период изучения раннетриполь-

ских и прекукутенских памятников их исследователями вскрыт полутысячелетний исторический пласт, предшествующий хорошо известным культурам с расписной керамикой — «классическому» Триполью и Кукутени — и органически с ними связанный. Первоначально скудные, а затем все более и более обильные материалы покрывались живой исторической плотью, освещая разные стороны бытия древних земледельцев Юго-Восточной Европы.

Тем не менее, многие аспекты материальной культуры, хозяйства, быта, истории этих племен нуждаются в дальнейшем изучении. В частности, остается открытым вопрос о наличии местного неолитического субстрата раннего Триполья. Недостаточно разработана относительная хронология и периодизация памятников всего ареала этой культуры, так как многие из них лишены даже простейших количественных характеристик, что затрудняет их сопоставление. Наконец, практически остаются нераскрытыми связи раннего Триполья с родственными энеолитическими культурами Европы.

Попытка дать ответ на затронутые здесь вопросы предпринята автором в последующих главах этой работы.

Глава II ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЭТАПА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

1. Поселения и жилища

Поселения культуры Прекукутени — раннее Триполье распространены на территории в 70 тыс. км² между восточными отрогами румынских Карпат на западе и Южным Бугом на востоке. Отдельные пункты отмечены и в Буго-Днепровском междуречье (рис. 1).

Раннетрипольские поселения занимают широкую полосу молдавской и украинской лесостепи от Прута до среднего течения Южного Буга площадью около 50 тыс. км².

Сейчас известно около 150 поселений культуры Прекукутени — раннее Триполье: румынскими исследователями упомянуты 58 пунктов, из которых можно считать достоверными 40 [282, с. 151—180], в МССР зафиксировано 58 памятников [103, с. 51—138; 22, с. 194—199], на Украине — около 50. В основном поселения привязаны к долинам больших рек и их притоков, причем некоторые районы весьма насыщены раннетрипольскими памятниками. Это относится, в частности, к среднему течению Днестра, где на участке длиной 200 км (от устья Збруча до г. Могилев-Подольского) известно около 30 поселений. На археологических картах иногда отмечены «гнезда» из трех-четырёх раннетрипольских поселений, отстоящих одно от другого на несколько километров [34]. Междуречья, по-видимому, были заселены слабо.

Поселения, известные на территории Украины, изучены неравномерно. На большей части лишь собран подъемный материал; раскопкам в той или иной степени подвергнуты 20 пунктов. Полностью изучены поселения Лука-Вруб-

левецкая и Бернашевка; в Ленковцах вскрыто 11 жилищ; на остальных поселениях раскопано от одного-двух до пяти жилищ. Следует отметить, что многие поселения долины Днестра (Берново-Лука, Кормань и др.) разрушены береговыми оползнями.

На территории МССР небольшим раскопкам подвергались девять поселений; румынскими исследователями полностью изучены поселения Траян-Дялул Вией и Тырпешти, а на восьми других памятниках проведены раскопки меньшего масштаба. Таким образом, лишь четвертая часть известных сейчас поселений культуры Прекукутени — раннее Триполье выступает в качестве более или менее надежного археологического источника.

Топографическое положение раннетрипольских поселений зависит от рельефа каждого конкретного района, но почти все они находятся вблизи воды. Абсолютное большинство поселений Среднего Поднестровья расположено на краю первой надпойменной террасы, в 2—7 м над летним уровнем воды (рис. 2—5). Во время весенних паводков поселки могли быть залиты (и неоднократно заливались, как это видно на примере Луки-Врублевецкой), но эта опасность, по-видимому, игнорировалась при выборе места. Бернашевское поселение занимает верхнюю часть небольшого холма — останца на краю террасы при впадении в Днестр его левого притока — р. Жван. Высота холма — около 9 м, и при паводках воды Днестра заливают лишь его подножие (во время раскопок поселения не обнаружены прослойки речного ила, свидетельствующие о древних наводнениях).

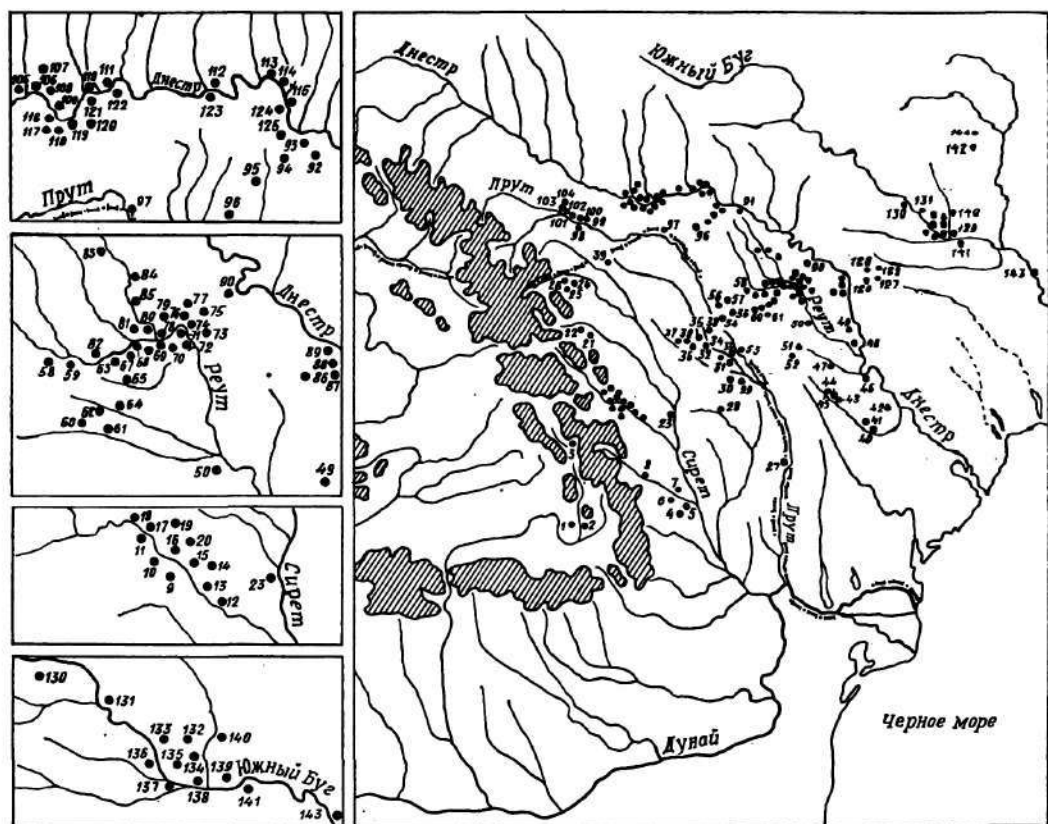

Рис. 1. Карта распространения раннетрипольских и прекукутенских поселений:

1 — Сфынту-Георге; 2 — Эрестегин; 3 — Банку; 4 — Панчу; 5 — Чиорени; 6 — Руджинешти; 7 — Мындришка; 8 — Дялул Гиядару; 9 — Ворлешти; 10 — Калу; 11 — Вадени; 12 — Костиша; 13 — Подолени; 14 — Траян-Дялул Фынтынилор; 15 — Траян-Дялул Вией; 16 — Гирову; 17 — Иавоаре; 18 — Шербешти; 19 — Глогоешти-Трулешти; 20 — Илиешти; 21 — Тырнешти; 22 — Цоличи; 23 — Алдешти; 24 — Рушни Мэвэстивоаре; 25 — Босанч; 26 — Сучава; 27 — Богднешти; 28 — Тыргу Негрешти; 29 — Ясы I; 30 — Ясы II; 31 — Вынетори; 32 — Ларга-Жижиа; 33 — Цыгенаши; 34 — Вледени I; 35 — Вледени II; 36 — Бырлешти; 37 — Вадени; 38 — Андриешени; 39 — Вылчеле; 40 — Карбуна I; 41 — Карбуна II; 42 — Новые Анены; 43 — Фундул-Галбен; 44 — Бардар; 45 — Новые Русешты; 46 — Ваду-луй Воде; 47 — Реча; 48 — Голерканы; 49 — Воротец; 50 — Исаково; 51 — Редены; 52 — Алексеевка; 53 — Новые Скулены; 54 — Кетриш; 55 — Стольничены; 56 — Чуцуля; 57 — Фундурь; 58 — Бельцы I; 59 — Бельцы II; 60 — Лазо; 61 — Старые Езарены; 62 — Николаевка; 63 — Цылешти; 64 — Лазовск; 65 — Озерное; 66 — Пражила II; 67 — Пражила III; 68 — Багринешты II; 69 — Багринешты IV; 70 — Варваровка XVI; 71 — Фрунзены; 72 — Старые Рошиетичи; 73 — Рогожаны; 74 —

Гура-Каменка VIII; 75 — Гура-Каменка IX; 76 — Гвоздово V; 77 — Гвоздово VI; 78 — Флорешты I; 79 — Флорешты III; 80 — Путинешты I; 81 — Путинешты VI; 82 — Елизаветовка; 83 — Фрумущина; 84 — Александровка; 84 — Севирово II; 86 — Шипка; 87 — Попоуцы; 88 — Солончены II; 89 — Солончены I; 90 — Верлюжаны; 91 — Каларашовка; 92 — Наславца I; 93 — Наславца III; 94 — Окница; 95 — Михалашаны; 96 — Русаян; 97 — Перерыга; 98 — Коровия; 99 — Черновцы-Рогатка; 100 — Черновцы; 101 — Новоселка; 102 — Староселье; 103 — Витиловка; 104 — Кипмань; 105 — Окопы; 106 — Исаковцы; 107 — Жванец; 108 — Бага; 109 — Вабшин; 110 — Лука-Устиянская; 111 — Лука-Врублевская; 112 — Лоевцы; 113 — Березовские Хутора; 114 — Бернашевка II; 115 — Бернашевка I; 116 — Оселивка I; 117 — Оселивка II; 118 — Верново (уроч. Лука); 119 — Верново (уроч. Малинки); 120 — Ленковцы; 121 — Вороновца; 122 — Макаровка; 123 — Кормань; 124 — Ожево; 125 — Волошково; 126 — Партизанские Конюшни; 127 — Александровка; 128 — Слободка Западная; 129 — Тимково; 130 — Тростянец; 131 — Гайворон; 132 — Могильное I; 133 — Могильное II; 134 — Могильное III; 135 — Могильное IV; 136 — Завалье; 137 — Саврань; 138 — Сабатиновка II; 139 — Греновка; 140 — Данилова Балка; 141 — Красенькое; 142 — Вишнополь; 143 — Константиновка; 144 — Майдаецкое (уроч. Гребенюков Яр)

Лишь два поселения — Ленковцы и Солончены II — расположены на краю плато высокого (до 150 м) правого берега Днестра.

В несколько иных топографических условиях расположены поселения Дне-

стро-Бугского междуречья и Побужья, занимающие повышенные участки террас, склоны ручьев и балок в 15—20 м над водой (Александровка, Сабатиновка II, Данилова Балка и др.). В аналогичных условиях находятся многие по-

Рис. 2. Поселение Исаковцы (вид с запада)

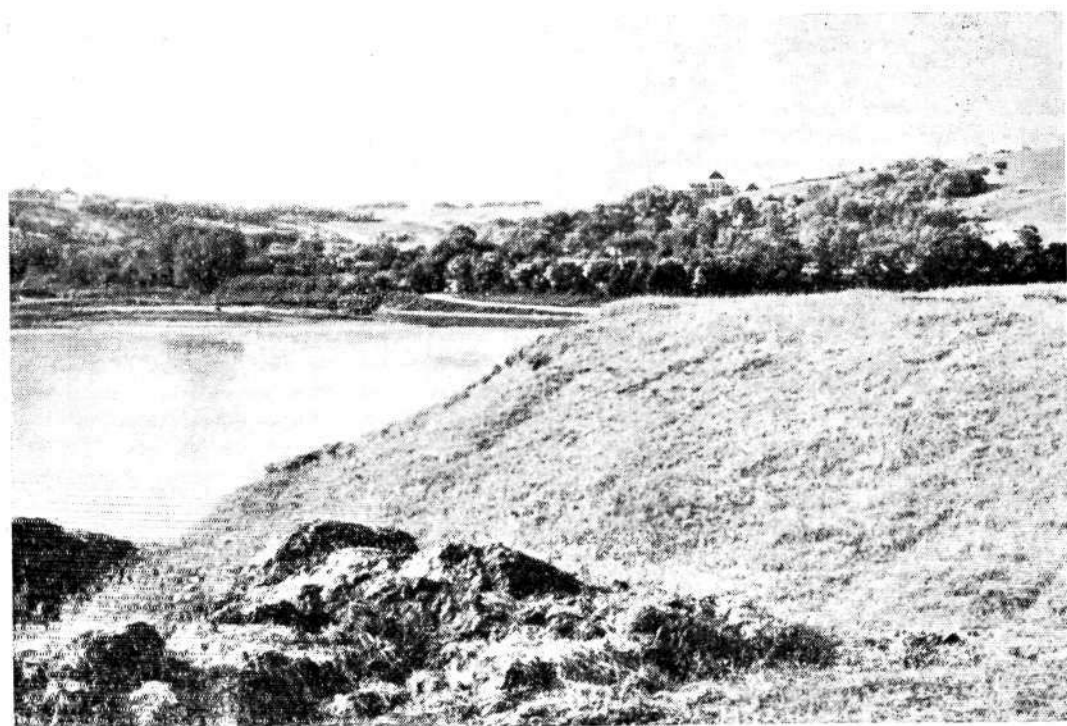

Рис. 3. Поселение Буровица (вид с запада)

Рис. 4. Поселение Кормань (вид с юго-востока)

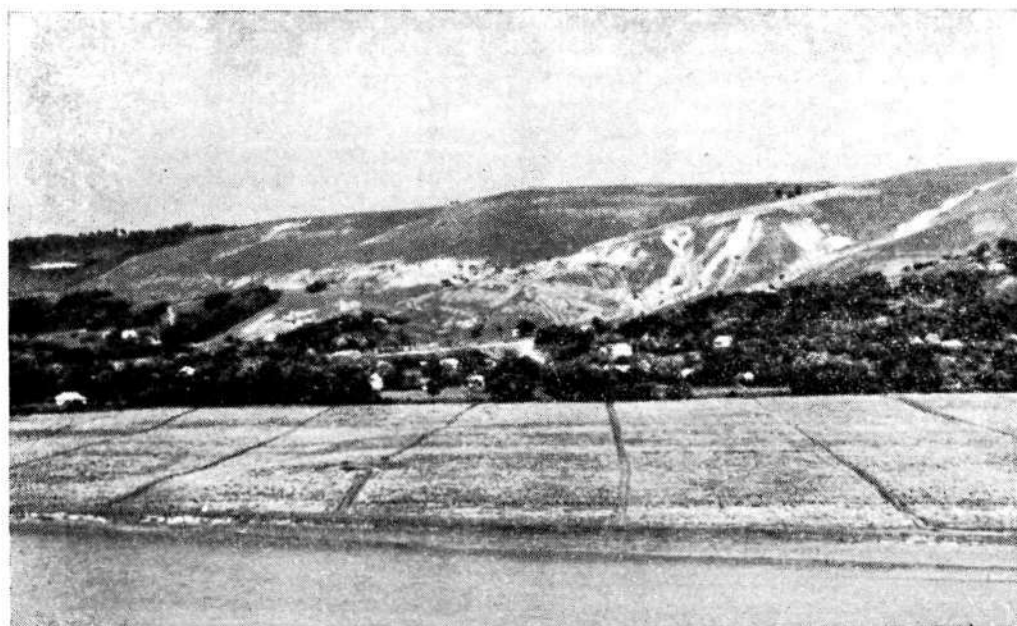

Рис. 5. Поселение Бернашевка (вид с запада)

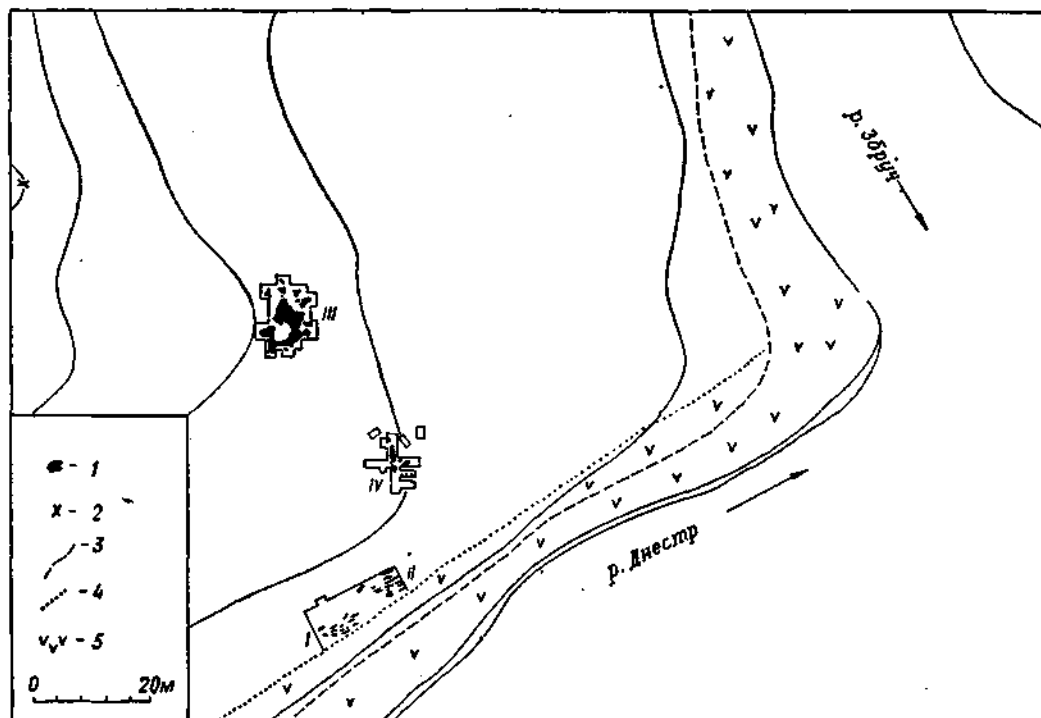

Рис. 6. Окопы. Ситуационный план поселения:

1 — остатки глинобитных площадок; 2 — ревер поселения; 3 — полевая дорога; 4 — кромка берегового уступа и граница пахоты; 5 — затопляемая пойма

поселения бассейна Сирета (Траян-Дялул Вией, Тырпешти), Прута (Ларга-Жижия) и Реута (Флорешты и др.). Необычна топография поселения Красненькое, расположенного на островке в среднем течении Южного Буга [173].

Ни на одном из собственно раннетрипольских поселений не обнаружены оборонительные сооружения; лишь на двух прекукутенских памятниках — Траян-Дялул Вией и Тырпешти — зафиксированы рвы длиной соответственно около 300 и 130 м [282, с. 172; 287, с. 25].

Площадь раннетрипольских поселений, обычно определяемая по массовому подъемному материалу и пятнам распаханых жилищ, как правило, невелика. Имеются сведения о размерах 13 поселений на Украине и 24 — на территории МССР, причем более 60 % составляют памятники, площадь кото-

рых не превышает 1 га. Часто встречаются поселки площадью 0,3—0,5 га (Александровка, Окопы, Кормань и др.). Эти цифры подтверждаются данными поселений, раскопанных полностью или большей частью: площадь Луки-Врублевской составляет 0,8 га, Бернашевки — 1 га, Флорешты — 1,5 га, Тырпешти — 0,5 га, Траян-Дялул Вией — 1,3 га.

Площадь трех раннетрипольских поселений колеблется в пределах 2—3 га (в том числе Ленковцы — 2,4 га); поселение Гайворон, по сообщению М. Л. Макаревича, достигает 6 га.

На общем фоне непомерно большими выглядят три поселения: Могильное III на Южном Буге — 20 га [34, с. 75], Гура-Каменка IX — 31 га [103, с. 105] и Рогожаны. Площадь последнего поселения в одном случае определяется В. И. Маркевичем в 35 га [102, с. 26], в другом — в 9 га [103, с. 107]. Данные о крупных раннетрипольских поселениях нуждаются в дальнейшей проверке.

Небольшим размерам раннетрипольских поселков отвечает и количество их

жилищ. Так, в Окопах обнаружено четыре наземных глинобитных жилища (рис. 6). Поселение Лука-Врублевская состояла из семи жилищ (допускаем, что несколько построек в Окопах и Луке-Врублевской было разрушено при обвалах береговой кромки). Раскопки в Бернашевке показали, что это поселение насчитывало семь жилищ-площадок, обнаруженных также и при дешифровке аэрофотоснимка местности. Семь жилищ выявлено и в Тростянце. В Ленковцах исследовано пять полуземлянок и пять площадок (рис. 7), причем автор раскопок считает, что общее количество жилищ здесь достигало 15—20 [191, с. 41]. Таким образом, есть основание полагать, что в Ленковцах одновременно функционировало до десятка жилищ (полуземлянок, а затем — площадок). На поселении Александровка обнаружено 13 жилищ [70, с. 28]. На полностью раскопанном

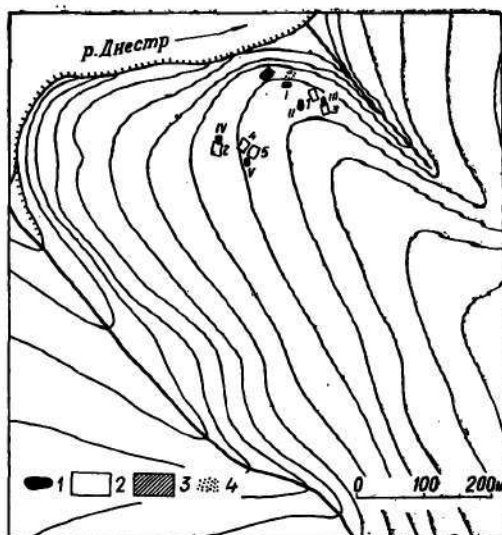

Рис. 7. Ленковцы. Ситуационный план поселения:

1 — землянки; 2 — остатки глинобитных площадок; 3 — легкие наземные жилища; 4 — мусорная куча

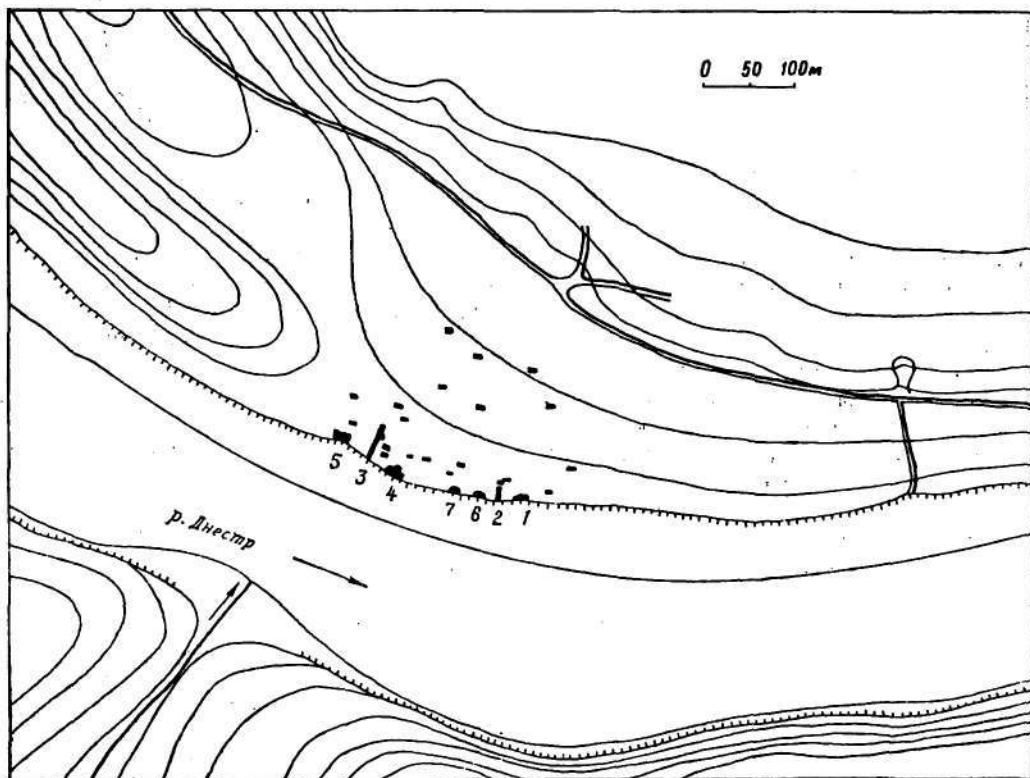

Рис. 8. Лука-Врублевская. Ситуационный план поселения.

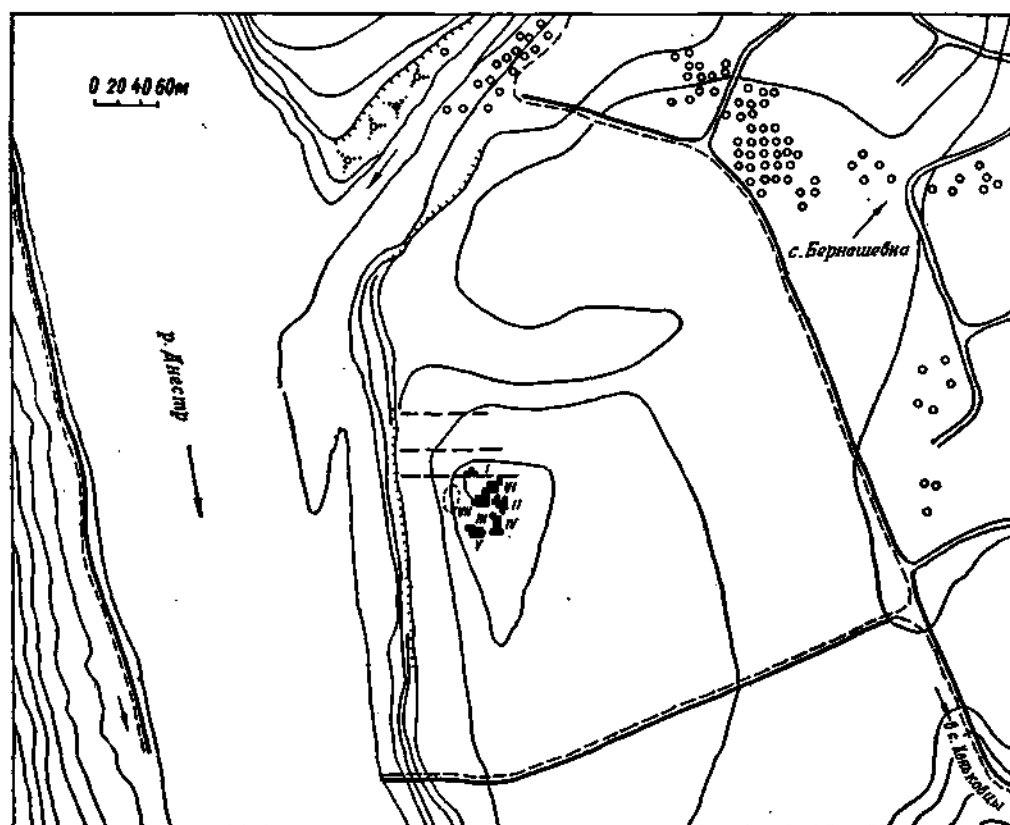

Рис. 9. Бернашевка. Ситуационный план поселения

поселения Тырпешти открыто десять наземных жилищ, окруженных оборонительным рвом [282, с. 168—169, рис. 6].

Близкую картину дают и синхронные памятники соседних раннеземледельческих культур. Так, каждый из двух строительных горизонтов поселения культуры Боян в Радовану (Мунтения) состоял из 12 глинобитных площадок [229, с. 159—164].

Жилища поселений, расположенных на нешироких надпойменных террасах, обычно размещались вдоль берега, образуя прямую улицу. Семь полуземлянок Луки-Врублевецкой выкопаны в один ряд по краю берега на расстоянии 15—20 м одна от другой (рис. 8); подобная картина прослежена в Берново-Луке, Кормани, Луке-Устиновской и на других поселениях. В некоторых случаях дома располагались в несколь-

ко рядов. Так, по мнению исследователей, на поселении Александровка наземные глинобитные постройки группировались в три относительно параллельных ряда, располагаясь вдоль склона балки [70, с. 28]. По-видимому, часто поселения строились без четкой планировки; это относится и к таким неплохо исследованным памятникам, как Ленковцы, Флорешты [131, с. 196], Траян-Дялул Вией и Тырпешти. На двух последних поселениях дома, по предположению С. Маринеску-Былку, могли быть сосредоточены небольшими группами по две-три постройки в каждой [282, с. 36].

Единственный пока пример четкой круговой планировки дает Бернашевское поселение: шесть его домов, стоящих один от другого на 15—18 м, опоясывали склоны холма, образуя почти правильный круг диаметром более 50 м; седьмое жилище находилось в центре круга (рис. 9).

На раннеэллиотских поселениях в

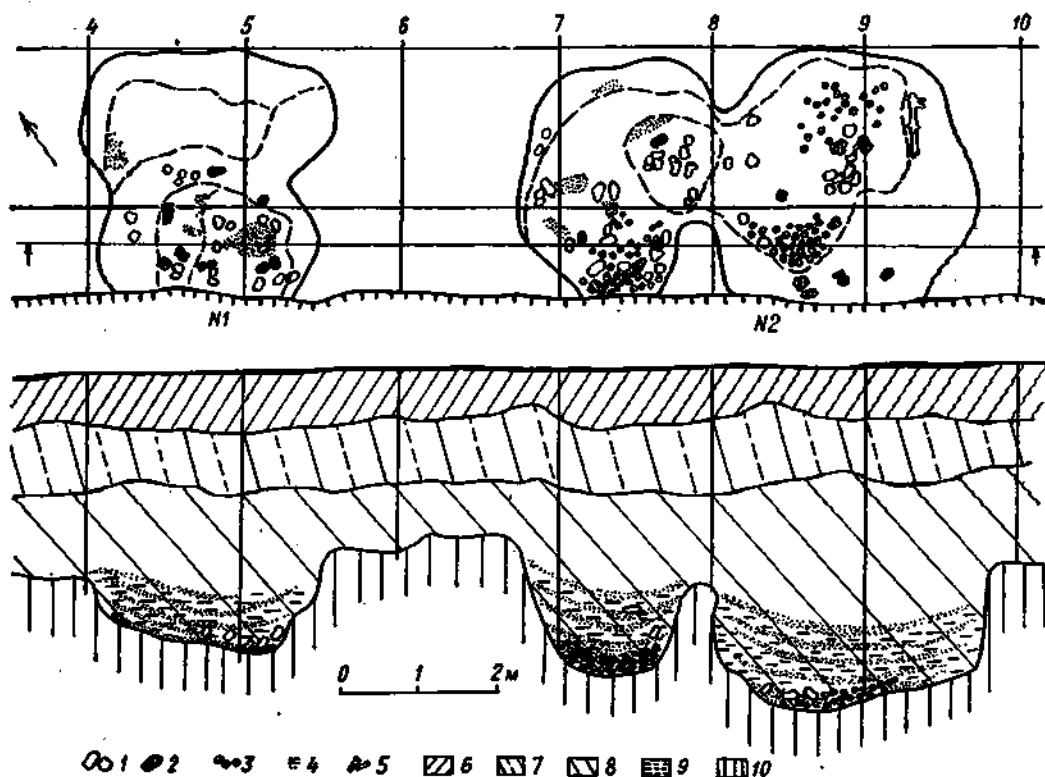

Рис. 10. Поселение Берново (уроч. Лука). План и разрез землянок 1 и 2:

1 — глиняная обмазка; 2 — камни; 3 — створки раковин; 4 — уголь, зола; 5 — мости; 6 — гумус; 7 — песчаный суглинок; 8 — культурный слой; 9 — песок; 10 — лёсс

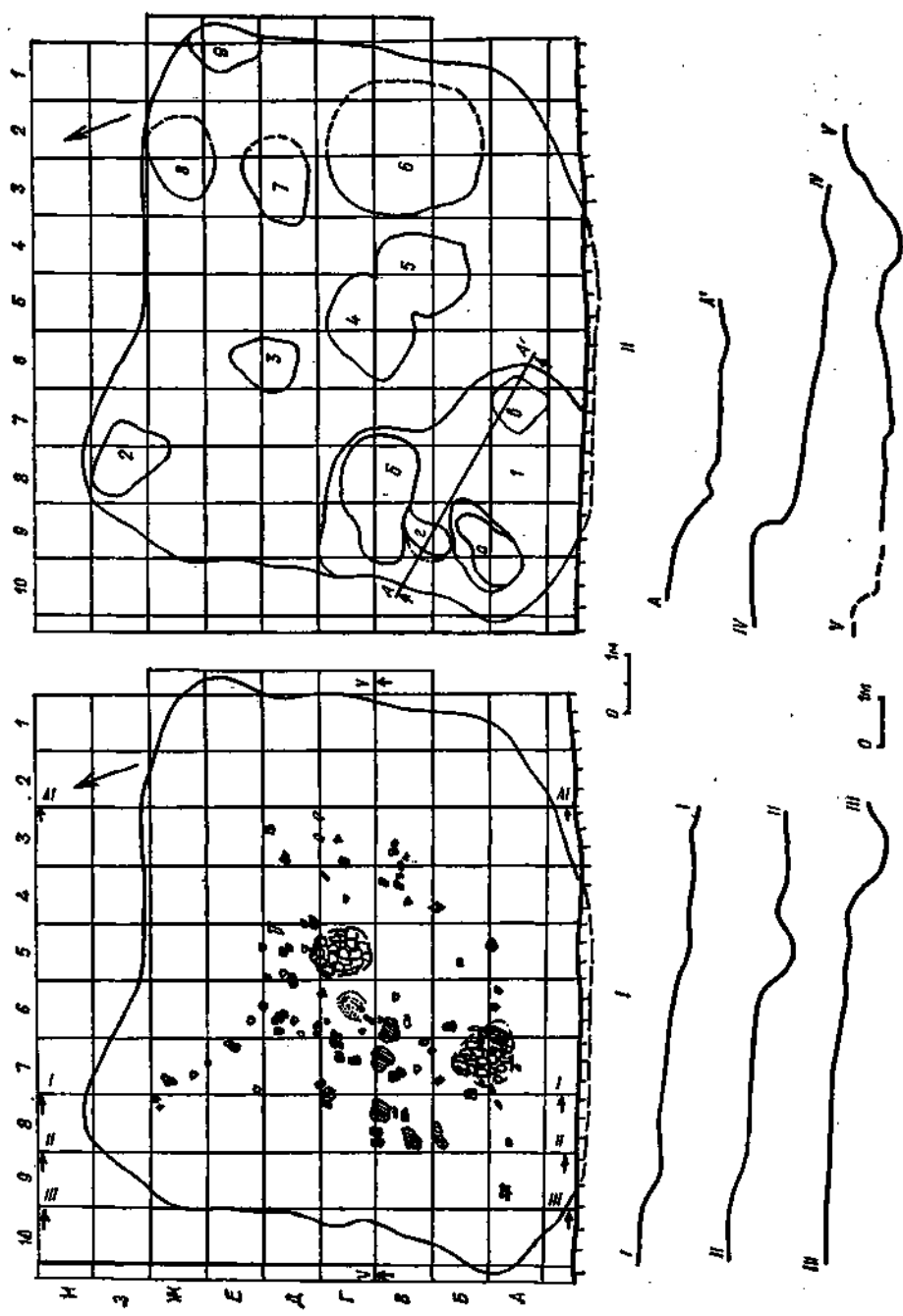
равной мере представлены жилища двух основных типов: углубленные и наземные глинобитные «площадки» («платформы» — по терминологии румынских исследователей). Гораздо реже удается зафиксировать следы легких наземных построек без глинобитных конструкций. На некоторых поселениях (Берново, Лука-Врублевская, Кормань, Тростянец и др.) встречены лишь углубленные жилища; в Ленковцах, Бабшине, Сабатиновке II, Солончехах I и II, Голерканах, Путинештах обнаружены жилища обоих типов. Такие памятники, как Бернашевка, Окны, Лука-Устинская, Черновцы-Рогатка, Александровка представлены глинобитными площадками.

Углубленные жилища, или землянки, различаются по размерам и конструкции. Обычно их глубина колеблется

от 0,6—0,8 м до 1,5 м, что предполагает наличие наземной части жилища и крыши (так называемые полуземлянки). По мнению Е. К. Черныш [191, с. 38], землянками в полном смысле этого слова являются жилища, глубина которых превышает 1,5 м (на поверхности они могли быть перекрыты простым накатом из бревен). Столь глубокие жилища встречаются крайне редко: четыре землянки в Берново (от 2 до 2,8 м), землянка № 10 во Флорештах — 2,5 м; землянка в Голерканах — 2,9 м [131, с. 43—44, 75, 195].

В плане землянки обычно имеют овальные очертания, изредка приближаясь по форме к прямоугольнику с закругленными углами. Довольно часто землянка, состоящая из двух смыкающихся ям, в плане напоминает восьмерку (рис. 10).

Количественно преобладают землянки сравнительно небольших размеров, площадь которых колеблется в пределах 6—15 м² (2×3 м; 3×4 м; 3×5 м). Они, в частности, встречаются в Ленковцах (жилища II, IV, V), Солончехах,

Р-1 4-2 4-3 4-4 4-5 4-6 4-7 4-8

Рис. 11. Поселение Лука-Врублевская. План (I — верхний горизонт; II — нижний горизонт) и профили пола жилища 5:
 1 — ямны; 2 — медные изделия; 3 — кости; 4 — створки раковин; 5 — место захоронения ребенка; 6 — глиняная обкладка; 7 — место захоронения ребенка; 8 — место захоронения ребенка; 9 — место захоронения ребенка; 10 — место захоронения ребенка.

Голерканах и т. д. Обычны и жилища средних размеров (от 15 до 30 м²), известные по раскопкам в Луке-Врублевецкой, Сабатиновке II, Тростянце и других поселениях. Весьма редко встречаются землянки, площадь которых превышает 30 м². Упомянем здесь жилища 1,2 и 5 из Луки-Врублевецкой (соответственно 8×4 м; 12×6 м; 8×8 м), жилище I из Ленковцев (6,8×5 м).

Землянка состоит из собственно жилой части и прилегающих к ней ям хозяйственного и бытового назначения (рис. 11). Если в конструкцию жилища входят две или более смыкающихся ям, то лишь одна из них предназначена для жилья. В ряде случаев она отделена от соседней ямы перегородкой, оставленной в плотном материковом грунте (Кормань; Берново, жилище 2). Стенки землянки, почти вертикальные в верхней части, постепенно сужаются ко дну. В землянке 3 поселения Тростянец зафиксирована глинобитная обмазка стен в виде плиток красноватого и желтого цветов с растительной примесью и отпечатками прутьев [100, с. 53]. Одна из стен землянки обычно бывает более пологой, возможно, определяя место входа в жилище; в ряде случаев (Берново, землянки 3 и 4) вход обозначен двумя или тремя ступеньками-уступами [131, с. 44]. В некоторых землянках Луки-Врублевецкой [14, с. 25], Ленковцев [191, с. 28] и Сабатиновка II [46, с. 135] у основания стен или неподалеку от них исследователям удалось зафиксировать небольшие ямки от столбов, поддерживающих кровлю жилища (рис. 12).

Дно землянок обычно неровное, имеет несколько уровней. В землянках поселения Берново оно было покрыто тонким слоем слабо обожженной глины. В некоторых жилищах Ленковцев (рис. 13) их обитатели пытались отчасти выровнять поверхность пола путем подсыпки и утрамбовки битого известняка, гальки [191, с. 27—28, 30].

В каждой землянке находились один-два очага, размещенные в ее центральной части или у стенки; если жилище состояло из двух смыкающихся ям, то

очаг ямела каждая из них. В процессе ремонта землянки и подновления пола очаги могли быть засыпаны и перенесены на другое место. Часто роль очага выполняло простое кострище, разложенное непосредственно на полу жилища; грунт в этом месте основательно прокален и содержит значительную примесь пепла и угольков. Иногда участок, занятый кострищами, предварительно подмазывался слоем глины. Непременной принадлежностью кострища являлись очажные камни — обожженные крупные обломки известняка. Во многих случаях очагом служила яма (иногда в виде подбоя) диаметром 1 м и более и глубиной до 0,5 м. Дно и стенки ее часто обмазаны сплошным слоем глины; заполнение насыщено золой и включает очажные камни. Подобная очажная яма выкопана, в частности, у западной стены землянки IV в Ленковцах. После ремонта жилища очаг был устроен в его северной части на площадке, обмазанной слоем глины и обнесенной невысоким глиняным бортиком [191, с. 30].

В одной из землянок поселения Голерканы обнаружены остатки куполообразной глинобитной печи, округлой в плане (диаметр 1,5 м) и вылепленной на каркасе из прутьев [131, с. 73].

В непосредственной близости от очагов обычно находятся скопления костей животных (иногда целые черепа быка и оленьи рога), кости и чешуя рыб, камни, развалы сосудов, зернотерки, многочисленные створки раковин *Unio*. Последние вообще являются существенным компонентом заполнения раннетрипольских землянок, залегая в ямах в виде отдельных скоплений или покрывая сплошным слоем пол жилища. В одной из землянок Берново более 10 тыс. створок раковин *Unio* составляли слой мощностью 15—25 см [131, с. 46].

Кроме очажных углублений, в жилищах часто встречаются ямы разных размеров, имеющие бытовое и хозяйственное назначение. В них, в частности, хранились пищевые припасы, глиняные сосуды, орудия труда и т. д. Примером специализированного хозяйственного помещения может служить южная

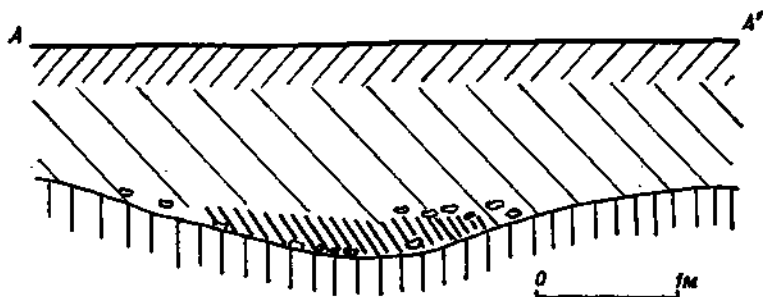
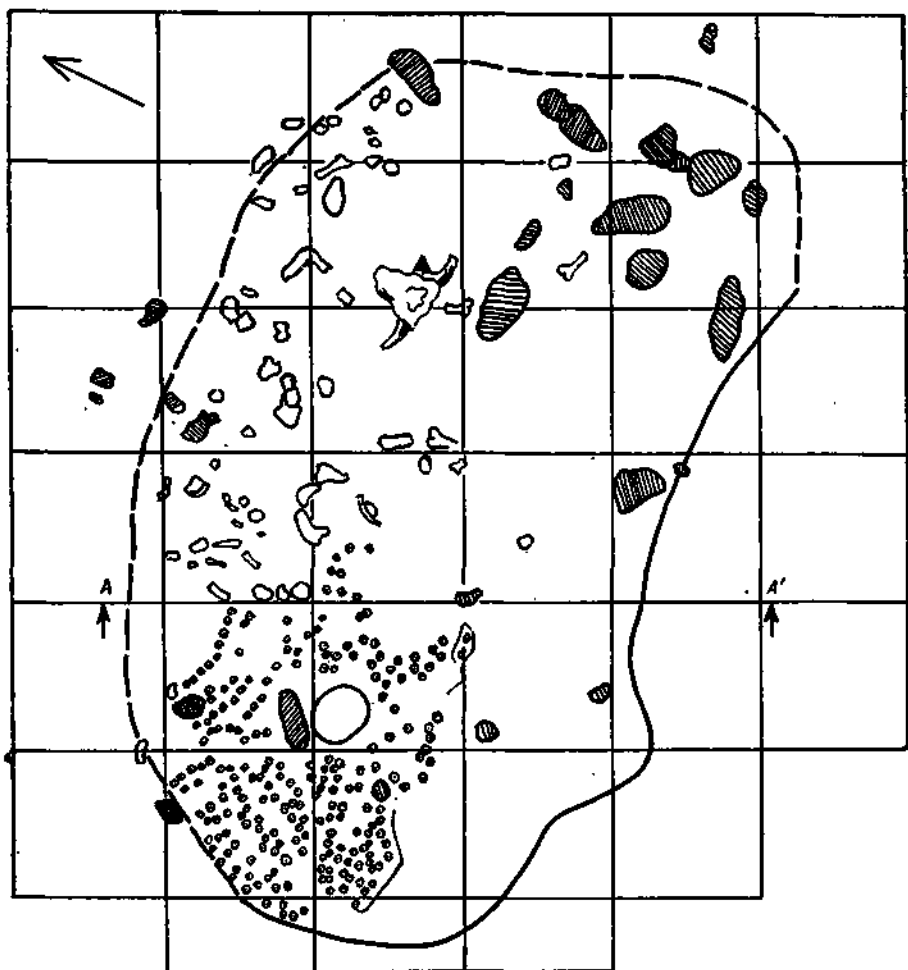

Рис. 12. Последнее Сабатывовка II. Землянка (план и разрез):

1 — глина; 2 — камни; 3 — кость, рог; 4 — створни равнин; 5 — статуэтка; 6 — гумус; 7 — гумусированный суглинок; 8 — суглинок; 9 — культурный слой в землянке

часть землянки, исследованной на поселении Кормань (рис. 14). Она выкопана позже основного (жилого) помещения впритык к нему; при этом материковым выкидом из пристройки засы-

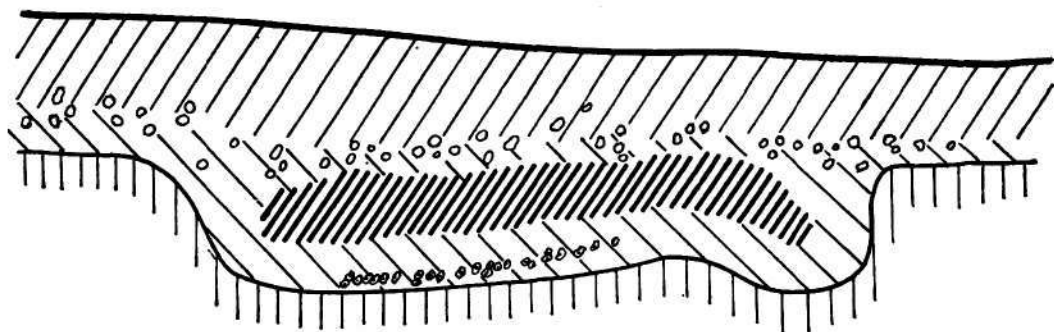
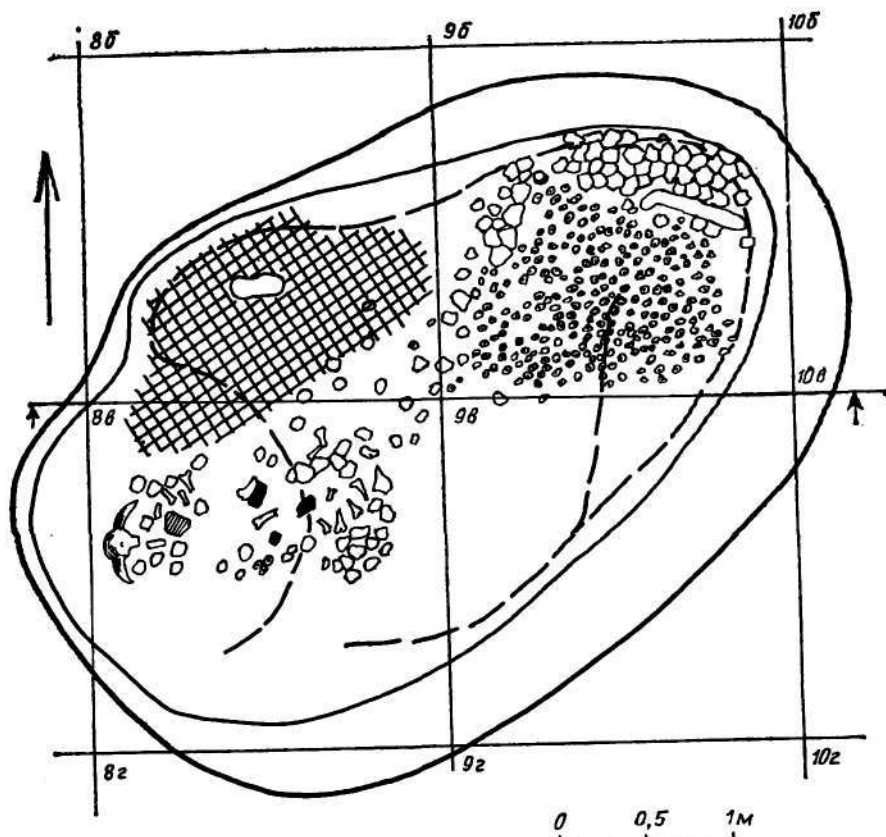

Рис. 13. Поселение Ленковцы. Землянка 4 (план и разрез):

1 — глина; 2 — камни; 3 — керамика; 4 — кость, рог; 5 — створки раковин; 6 — измельченный известняк; 7 — пепел; 8 — гумус; 9 — суглинок; 10 — лесс

пали центральное кострище жилого помещения. Вскоре этот очаг был восстановлен, а в новой, менее глубокой

части жилища, также появилось мощное кострище, яма под которым была забита створками *Unio* — спрессованными и спекшимися (рис. 15). По-видимому, южная часть землянки предназначалась для хранения и запекания моллюсков, шедших в пищу. Не случайно по характеру культурных остатков (почти полное отсутствие орудий

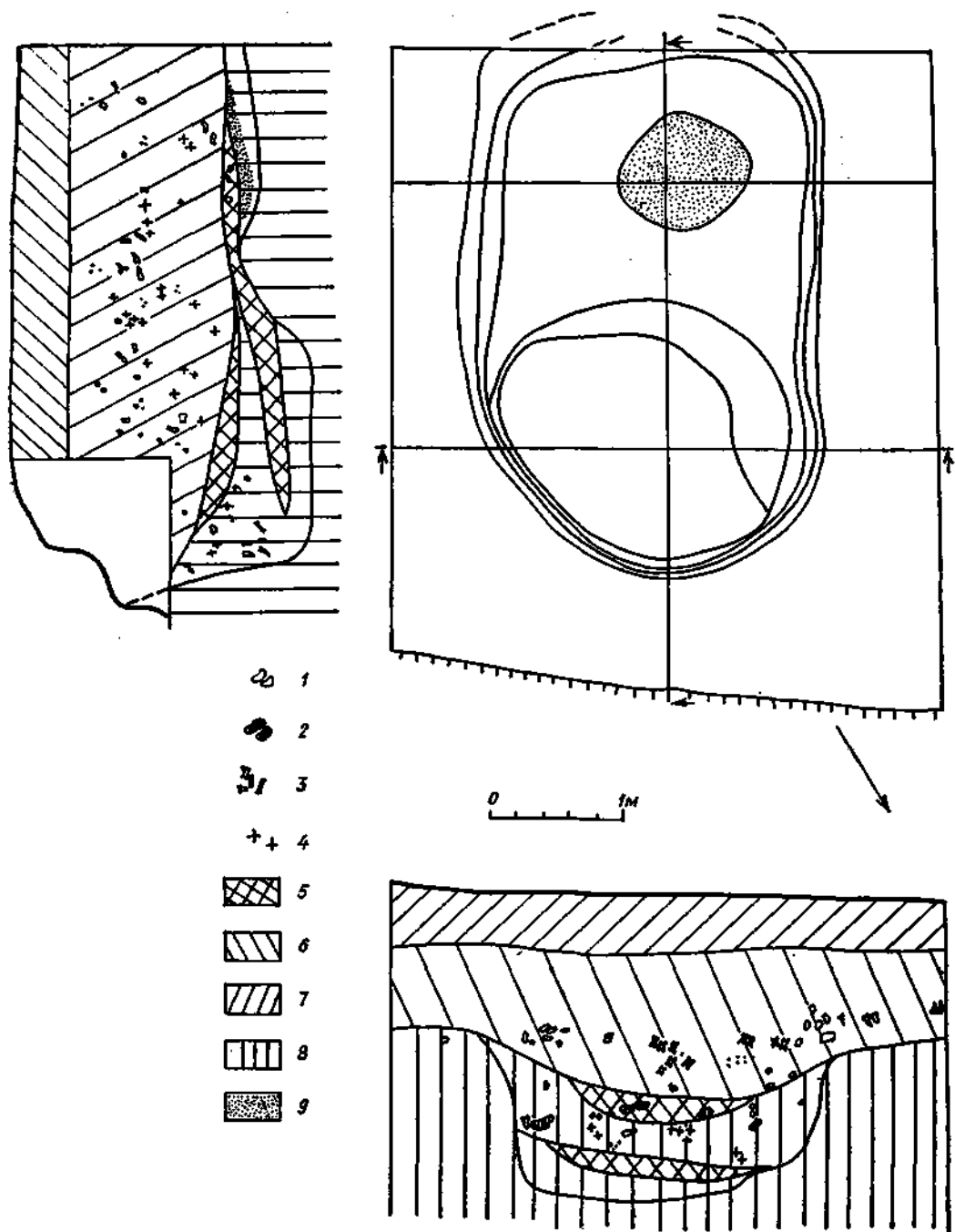

Рис. 14. Поселение Кормань. Землянка (план и разрез):

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — кость, рог; 4 — кремь; 5 — кострища; 6 — золистый суглинок; 7 — гумус; 8 — желтый суглинок; 9 — створки равнин

труда, керамики, пластики и т. д.) она заметно отличалась от жилого помещения.

Определенные участки в землянках связаны с различными производствами. У западного края жилища 1 в Луке-

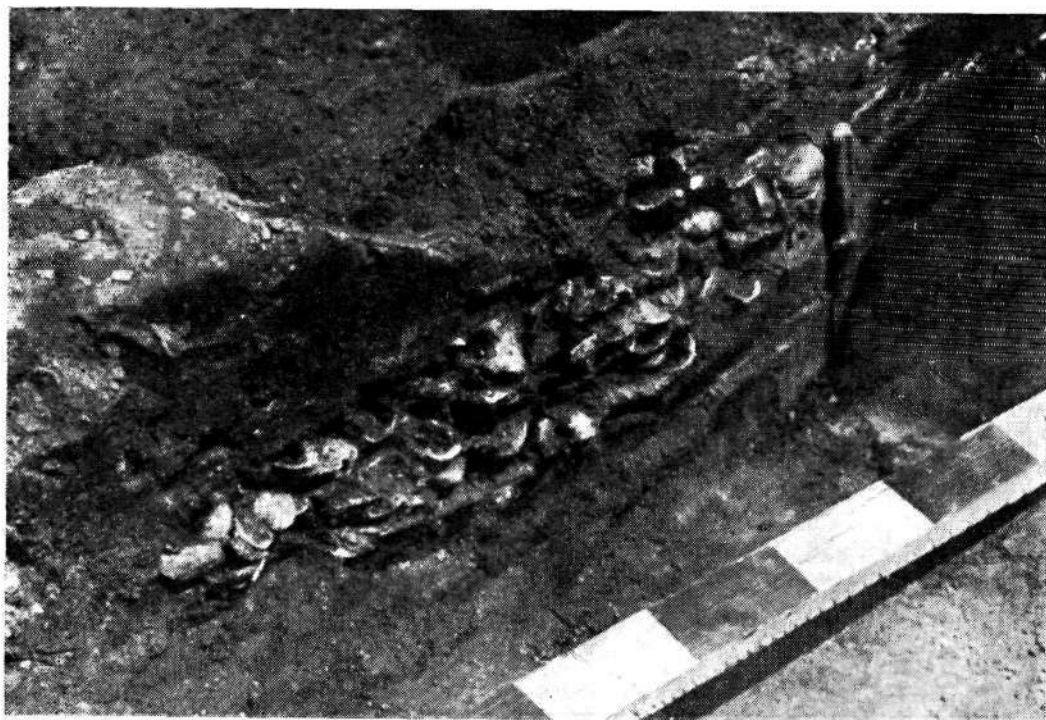

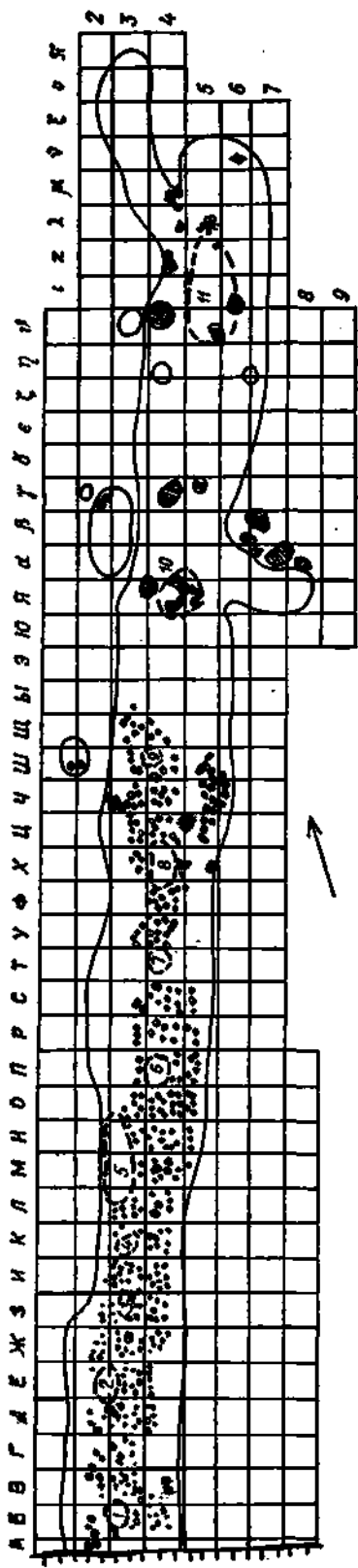
Рис. 15. Поселение Кормань. Слой раковин в землянке

Врублевецкой обнаружены остатки горна для обжига глиняной посуды [14, с. 20—21]. В одной из землянок Ленковцев, судя по многочисленным отходам, изготовлялись кремневые орудия труда [191, с. 25]; кремнеобрабатывающая мастерская обнаружена и в землянке поселения Солончены I [131, с. 62—63].

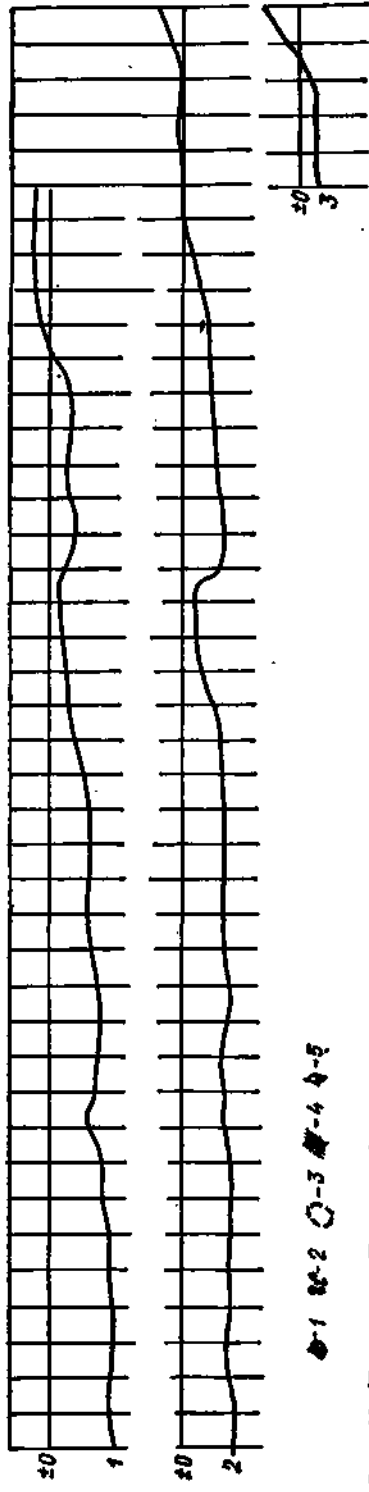
Приведенное выше обобщенное описание раннетрипольских землянок будет неполным без упоминания землянки 3 из Луки-Врублевецкой, необычной по многим своим характеристикам [14, с. 28—40]. В плане она напоминает длинный (около 45 м) коридор с относительно параллельными стенками, уходящий от берегового обрыва в глубь террасы (рис. 16). Ширина землянки в верхней части — 2,5—3,5 м, глубина — до 1,1 м, стенки пологие; место входа не определено. Она расчленена на три примерно равные части (жилые помещения), подчеркнутые изменениями в рельефе дна и небольшими «перехватами» в плане. К северному кон-

цу жилища под углом примыкает неглубокая (до 0,5 м) канава длиной около 5 м и шириной 1,5 м. Еще одна яма (длина 3 м, ширина 1,5—1,7 м; глубина до 0,85 м) примыкает с запада. С. Н. Бибиков полагает, что эти боковые углубления конструктивно входили в землянку, являясь бытовыми пристройками. Западная пристройка, судя по наличию небольших ямок, имела наземную часть в виде плетня, закрепленного на вертикально вкопанных жердях. С этой же стороны в непосредственной близости от землянки находилось несколько круглых и овальных ям разных размеров, имевших, очевидно, хозяйственное назначение.

С начальным периодом обитания связаны следы кострищ, камни и многочисленные археологические находки непосредственно на дне землянки 3. Впоследствии этот жилой горизонт почти повсеместно перекрыт слоем раковин *Unio* мощностью до 10 см, причем в верхней части слоя раковины лежали выпуклой стороной кверху, образуя плотный пол. На поверхности последнего (второй жилой горизонт) по длинной оси землянки располагались с

0 1 2 м

●-1 □-2 ○-3 ▲-4 ◆-5

Рис. 16. Поселение Лука-Врублевская. Жилище 3 (план нижнего горизонта и разрезы):
 1 — камни; 2 — старая раковина; 3 — овал; 4 — место обработки камня; 5 — медные шелуши.
 Разрезы: 1 — по линии между квадратами 3 и 4; 2 — по линии между квадратами 4 и 5; 3 — по линии между квадратами 6 и 7

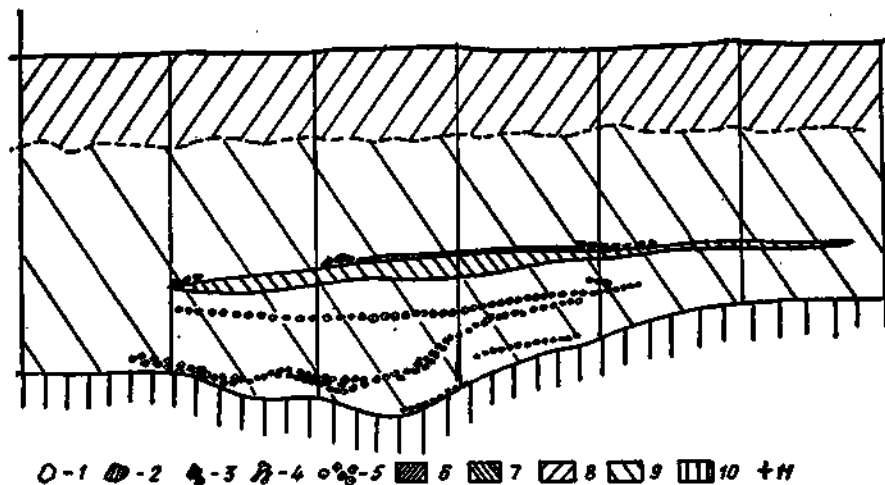
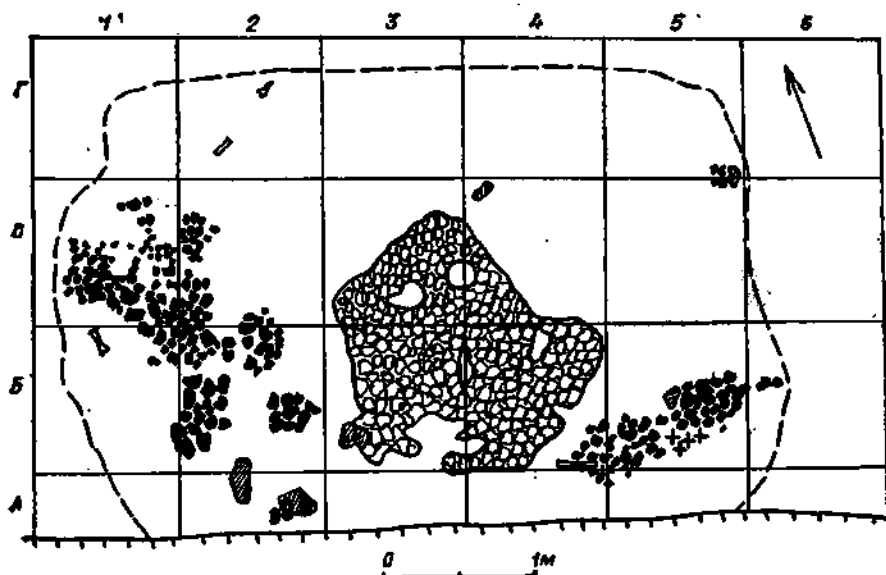

Рис. 17. Поселение Лука-Врублевецкая. Жилище 3 (план верхнего горизонта и разреза):

1, 6 — глиняная обмазка; 2 — камни; 3 — керамика; 4 — кость, рог; 5 — отщипки раковин; 7 — пропаленный грунт; 8 — гумус; 9 — суглинок; 10 — лесс; 11 — кремнь

более или менее равными интервалами 11 очагов-кострищ, в состав которых входили многочисленные камни. В центральной части жилища рядом с одним из очагов находилось рабочее место, где изготавливались кремневые изделия: здесь в изобилии встречены отходы производства.

После того, как землянка 3 перестала функционировать, в южной части ее котлована, заполненного культурными остатками, на новой дневной поверхности возникло легкое наземное жилище.

Переходя к описанию этих жилищ, заметим, что они, по-видимому, имелись на многих раннетрипольских поселениях, но так как лишены глинобитных полов, в процессе разборки культурного слоя фиксируются с трудом.

Упомянутое выше жилище в Луке-Врублевецкой (рис. 17) имело подпрямоугольные очертания (5×4 м), выделяясь легким потемнением грунта.

В центре его находился очажок в виде ровной площадки (1,7×1,6 м), обмазанной тонким слоем глины. Вокруг очага обнаружены развалы по меньшей мере десятка кухонных сосудов. К нему примыкало рабочее место, где изготовлялись кремневые орудия [14, с. 30—33].

В Гайвороне, судя по данным полевого дневника М. Л. Макаревича, открыты два легких наземных жилища овальных очертаний (площадь 40—45 м²), причем пятна культурного слоя были оковтурены по краю камнями. В каждом жилище находился очаг с глиняной обмазкой.

На поселении Вороновица исследованы остатки легкого жилища подпрямоугольной формы размерами 11×8 м (рис. 18). На его земляном полу расчищены развалы и обломки сосудов, кости животных, орудия труда, камни. Последние также окаймляли жилище. Поверх культурных остатков и между ними встречались немногочисленные обломки плитчатой тонкой (2—3 см) обмазки с отпечатками лозы, очевидно, покрывавшей некогда стены постройки.

В Окопах остатки легкой наземной постройки зафиксированы в культурном слое под глинобитными площадками (рис. 19; 20). Они состояли из скоплений раковин, расчищенных на площади 8 м², небольших плоских обломков известняка и речных галек, (4 м²) очажной ямы. Округлая яма (диаметр 1,75 м, глубина 0,65 м) была заполнена раковинами *Unio* (рис. 21). В верхней ее части лежал череп быка, на дне находились большие камни, кости животных и рыб, угольки.

Скопления культурных остатков и пятна, отмеченные исследователями в Ленковцах [191, с. 17—18], Берново, Флорештах [131, с. 46, 199], также, очевидно, являются следами наземных построек. Наличие последних следует предполагать и на поселении Ларга-Жижия в Румынии, где исследователи не обнаружили ни углубленных жилищ, ни площадок при довольно мощном культурном слое [4, с. 21].

Наземные постройки облегченной конструкции, вероятно, использовались как временные; не исключено также, что они бытовали вместе с землянками

или площадками в качестве сезонных летних жилищ.

Стационарные глинобитные дома, остатки которых дошли до нас в виде так называемых площадок, или платформ, являются характерной чертой трипольской культуры, начиная с наиболее ранних ее фаз. На раннетрипольских поселениях преобладают сравнительно небольшие (от 20 до 50 м²) дома, длина которых колеблется в пределах 7—10 м при ширине 3—5 м. Часто встречаются и жилища средних размеров (от 50 до 80—90 м²), длиной 12—15 м (Сабатиновка II, площадки 1—3; Черновцы-Рогатка, площадка 1; Бернашевка, площадка 1). Более крупные дома встречаются очень редко: это площадки 3 в Бернашевке (98 м²) и Окопах (около 125 м²), площадки 2 в Ленковцах (140 м²) и Бернашевке (150 м²).

Глинобитные жилища раннего Триполья возводились, очевидно, без предварительной планировки поверхности; лишь в том случае, когда дом строился на довольно крутом склоне, производилась подсыпка грунта (Бернашевка, жилище 1). Пол-настил прямоугольных очертаний, из глины с обильной примесью соломы, половы, желудей, измельченных створок раковин укладывался непосредственно на грунт либо на деревянную основу. Последняя состояла из бревен, жердей, плах или нешироких плашек, отпечатки которых хорошо заметны на нижней поверхности пола. Так, при снятии площадки 3 в Окопах (рис. 22) зафиксированы регулярные отпечатки бревен диаметром 10 см, лежащих под углом к длинной оси жилища. На обломках пола площадки 1 в Сабатиновке II снизу сохранились оттиски плах, лежащих в поперечном направлении; длина их составляла 7 м при ширине 0,15—0,25 м [46, с. 142].

Толщина пола обычно колеблется в пределах 7—20 см, изредка превышая эту цифру: так, мощность глинобитных обломков пола в жилище 2 на поселении Окопы местами достигала 0,3—0,35 м. В зависимости от степени обжига пол имеет светло-коричневую, розоватую, кирпично-красную окраску; мно-

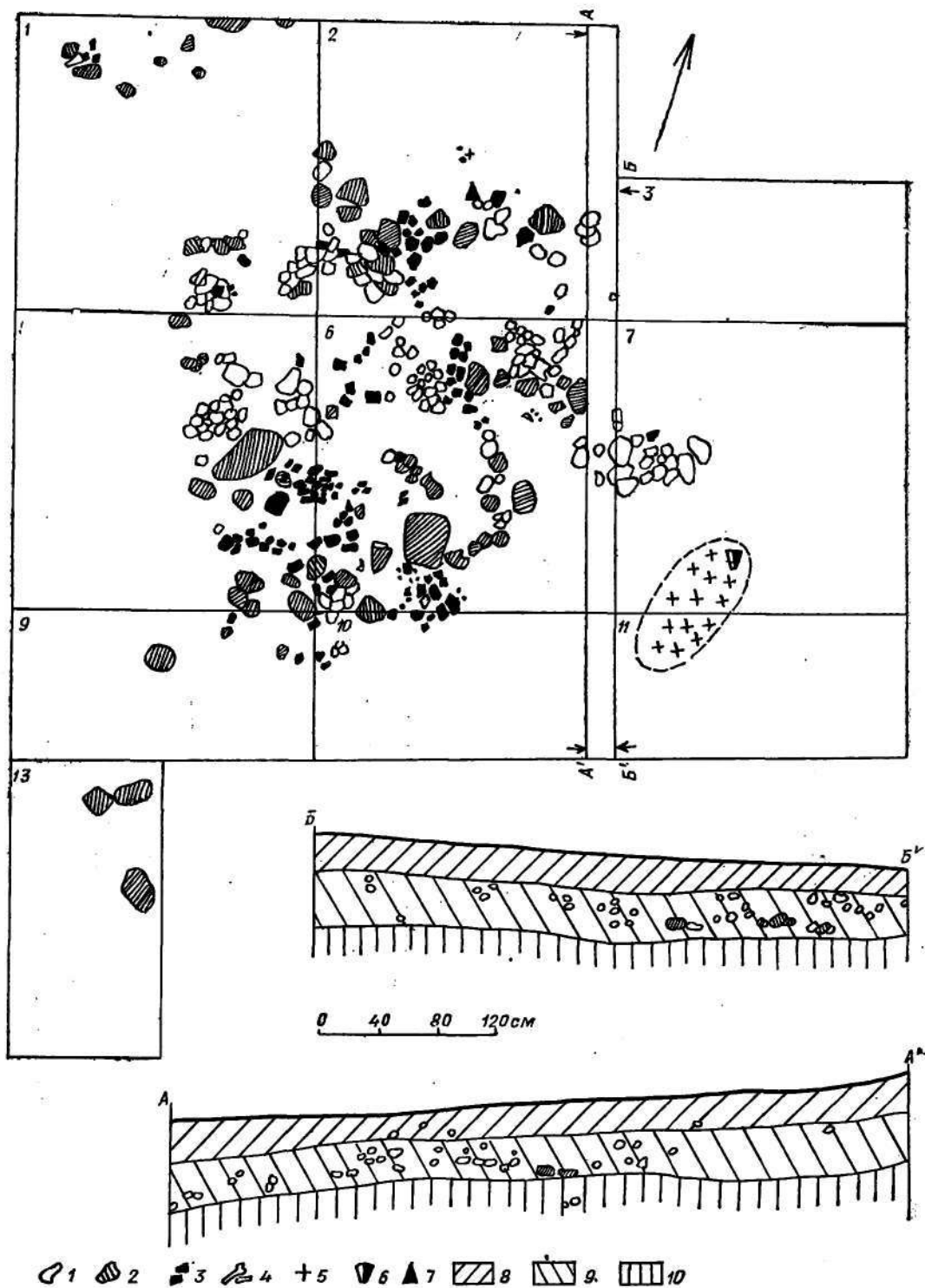

Рис. 18. Поселение Вороновица. Жилище 1 (план и разрезы):

1 — глина; 2 — камень; 3 — керамика; 4 — кость, рог; 5 — кремль; 6 — каменный топор; 7 — статуэтка; 8 — гумус; 9 — гумусированный суглинок; 10 — лесс

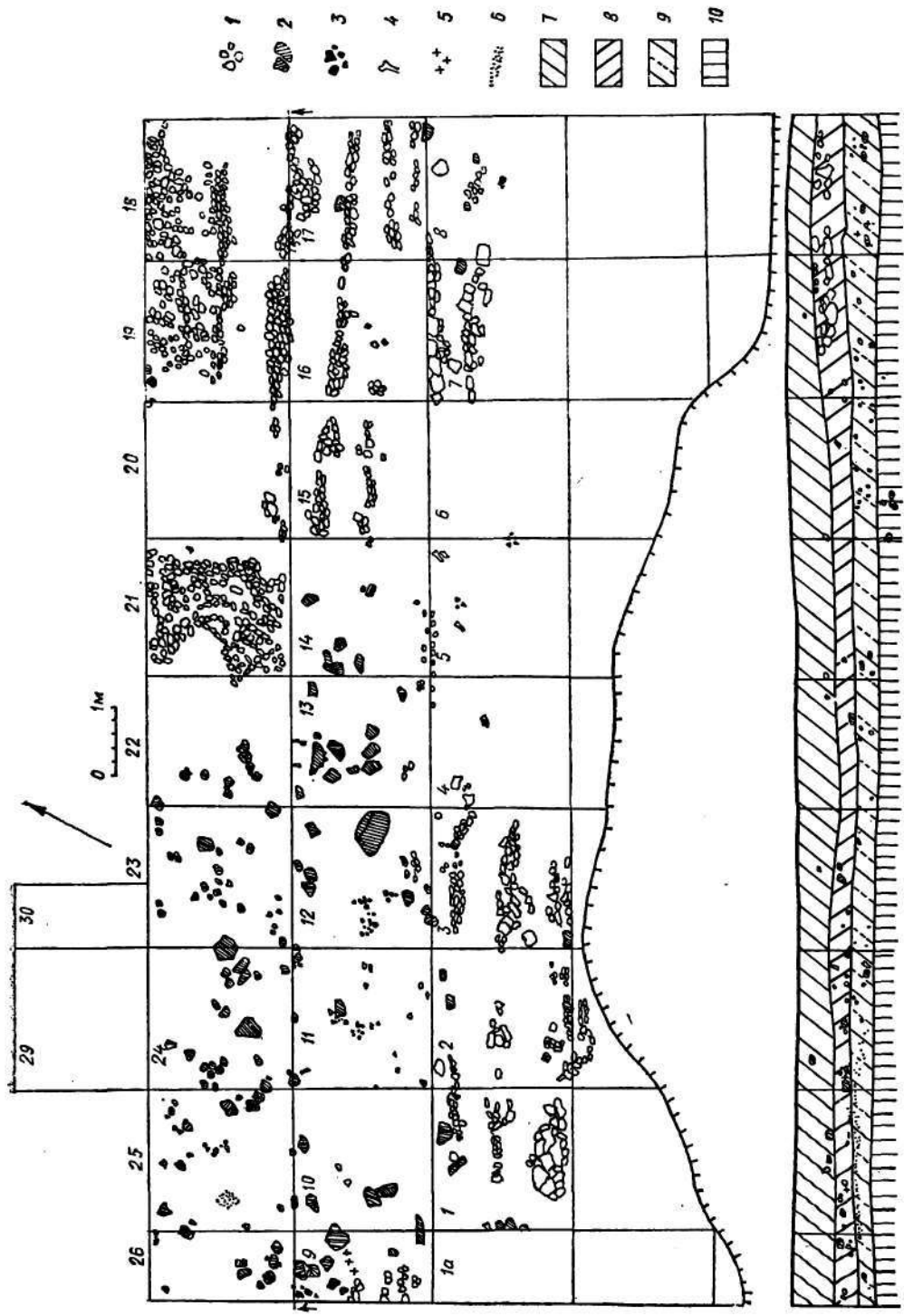

Рис. 19. Последнее Окопы. Раскол 1 (жилища 1 и 2) — план и разрез:
 1 — плена; 2 — камень; 3 — керамика; 4 — кость, рог; 5 — кремень; 6 — створки раковин; 7 — гумус; 8 — бурый суглинок; 9 — серый зольно-глий суглинок; 10 — коричнево-серый суглинок

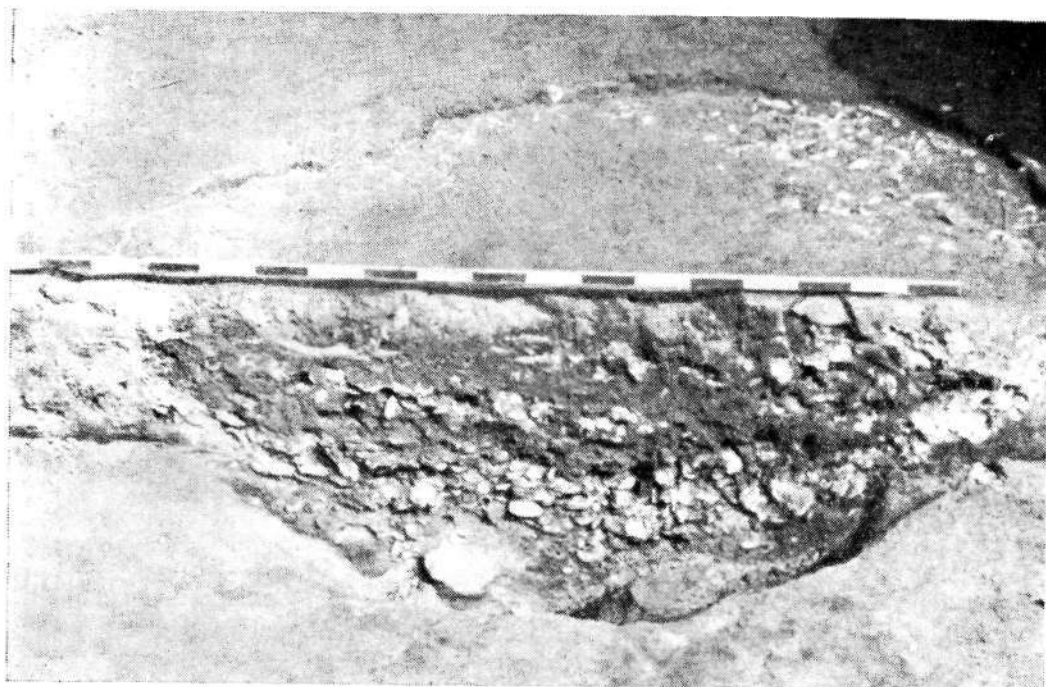

Рис. 21. Поселение Окопы. Очажная яма в раскопе 1

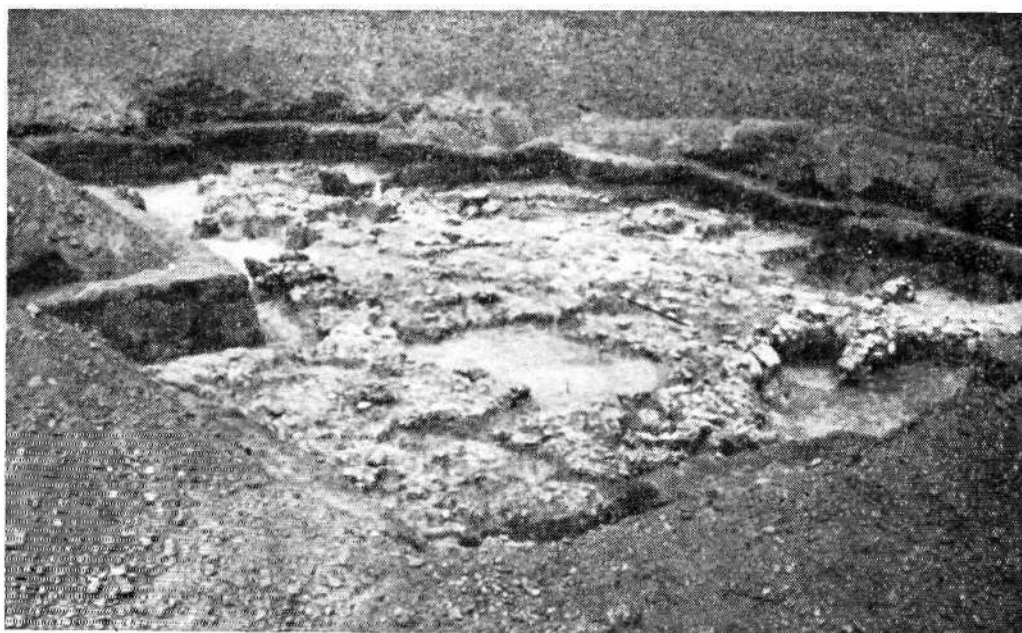

Рис. 22. Поселение Окопы. Наземное жилище 3 (вид с юго-запада)

гие обломки снизу закопчены или носят следы обжига без доступа кислорода. Пол в наземных жилищах неоднократно подновлялся, поэтому, растрескавшиеся, он часто имеет плитчатую структуру (два-три ряда «плиток»). На сохранившихся участках поверхность пола ровная, заглаженная, но обычно он разбит на аморфные вальки разной величины.

Следует отметить, что в некоторых жилищах пол глинобитный лишь на определенных участках, оставаясь земляным на большей площади. Это относится, в частности, к жилищу 6 в Бернашевке [63, с. 49—50], жилищу 1 на поселении Черновцы-Рогатка [165, с. 107], площадке в Солонченях I [119, с. 5—7] и др. На поселении Тырнешти из десяти построек лишь одна имела сплошную «платформу», а в остальных отмечены небольшие участки пола с глинобитной вымосткой [282, с. 31].

Стены глинобитных построек, очевидно, возводились из плетня и обмазывались глиной; комья рыхлой обмазки с отпечатками лозы часто встречаются среди остатков пола. В Ленковцах на площадке 5 Е. К. Черныш прослежен развал восточной стены, достигавшей в высоту 2,5 м [191, с. 16].

Кровля или потолочное перекрытие жилища поддерживались столбами, ямки от которых диаметром 0,25—0,35 м зафиксированы в нескольких местах на площадке 1 в Сабатиновке II и Греновке (рис. 23). Не исключено наличие чердака, который мог использоваться для хранения припасов и бытовой утвари.

По-видимому, при строительстве домов использовался и камень-известняк, плитчатые обломки которого в изобилии встречены при раскопках многих поселений Поднестровья и Побужья. Обычно камни залегают вдоль края площадки, повторяя ее контуры. Из камня могли сооружаться основания стен, перегородки, пороги. Часть оградки из узких длинных камней зафиксирована *in situ* на протяжении 2 м вдоль южного края жилища 3 в Бернашевке [63, с. 30—31]. Каменные вымостки примыкали к площадкам Греновки и Сабатиновки II [96, с. 83]; площадь

одной из них (жилище 1 в Сабатиновке) достигала 20 м².

Вероятно, почти все раннетрипольские площадки являлись однокамерными постройками; во всяком случае, достоверные следы их внутреннего членения в виде простенков и перегородок пока отсутствуют. В большом жилище 2 на Бернашевском поселении проход шириной в 1,5 м отделял западную часть площадки от восточной; в нем не найдено обломков обожженной глины, но встречено много камней (рис. 24). Функциональное членение жилищ иногда удается проследить по количеству и набору инвентаря, специфике тех или иных сооружений. Так, восточную половину жилища 1 в Бернашевке, насыщенную орудиями труда, камнями, костями и рогами животных, керамикой, представляется возможным интерпретировать как хозяйственную; западная половина, весьма бедная находками, очевидно, была жилой. На площадке в Солонченях I Т. Г. Мовша различает две камеры: юго-западную, где сосредоточен основной инвентарь и находится рабочее место, а также северо-восточную, с небольшим количеством находок [119, с. 5—9]. Западную часть жилища 3 в Сабатиновке II М. Л. Макаревич справедливо считает культовой, исходя из наличия здесь остатков глинобитного алтаря и множества статуэток [96, с. 94; 98, с. 290—293].

На всех площадках удовлетворительной сохранности зафиксированы остатки печей или очагов, расположенных у стены или в центральной части постройки. В небольших домах находилось по одной печи (очагу), в жилищах средних размеров — по две (Сабатиновка II, жилище 1; Черновцы-Рогатка, жилище 1; Солонченя I). На большой площадке 2 в Ленковцах, по краям и в центре ее, открыты три печи [191, с. 12—13] (рис. 25).

Открытые очаги, судя по их остаткам в жилищах 3 на поселениях Бернашевка и Окопы (рис. 26), представляют собой округлую глинобитную вымостку (толщина 5 см, диаметр 1 м) непосредственно на полу жилища. Выглаженная, ровная поверхность очага неоднократно подмазывалась. На очаге

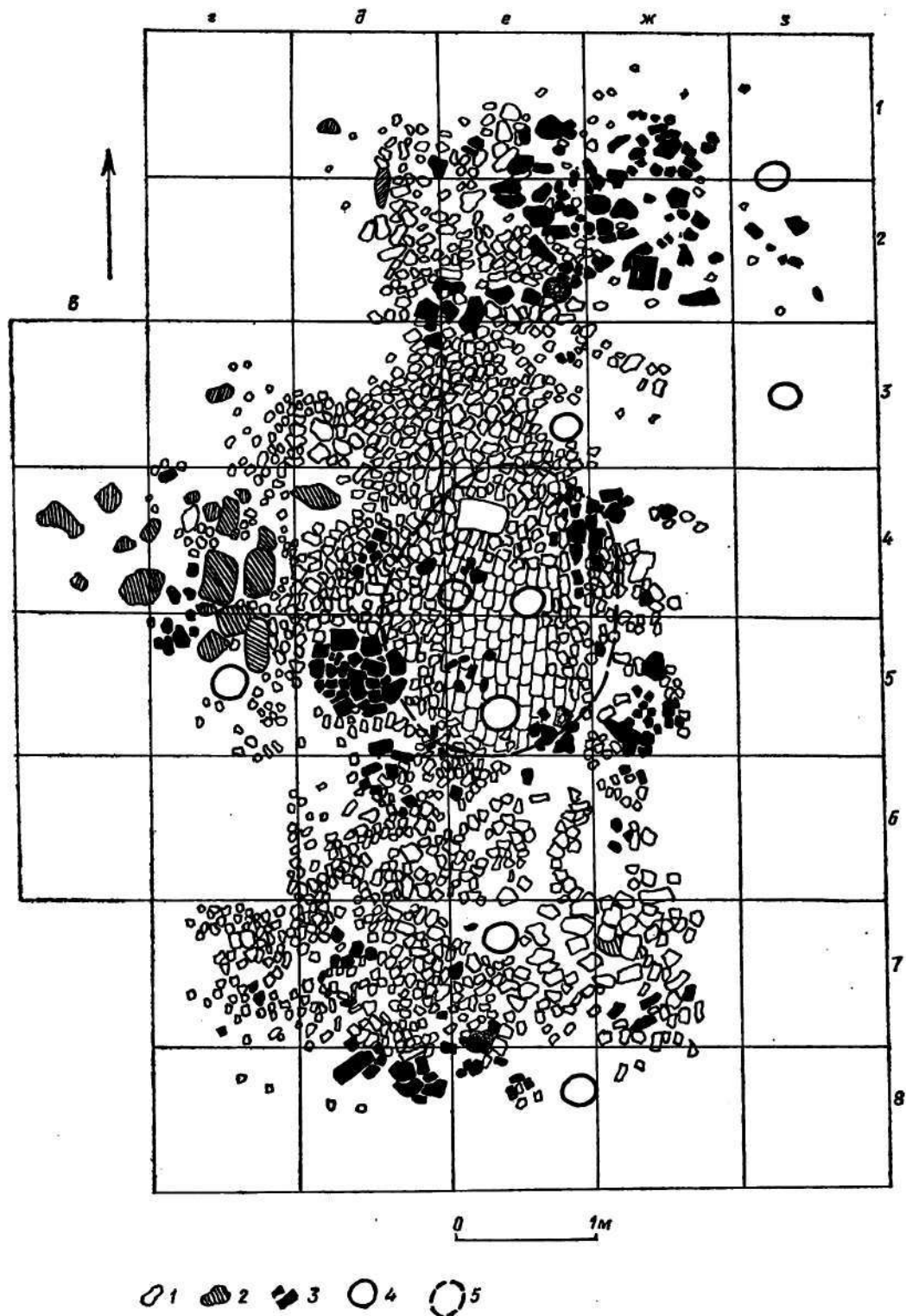

Рис. 23. Поселение Греновка. План наземного жилища:
 1 — глина; 2 — камни; 3 — керамика; 4 — ямки от столбов; 5 — очаг

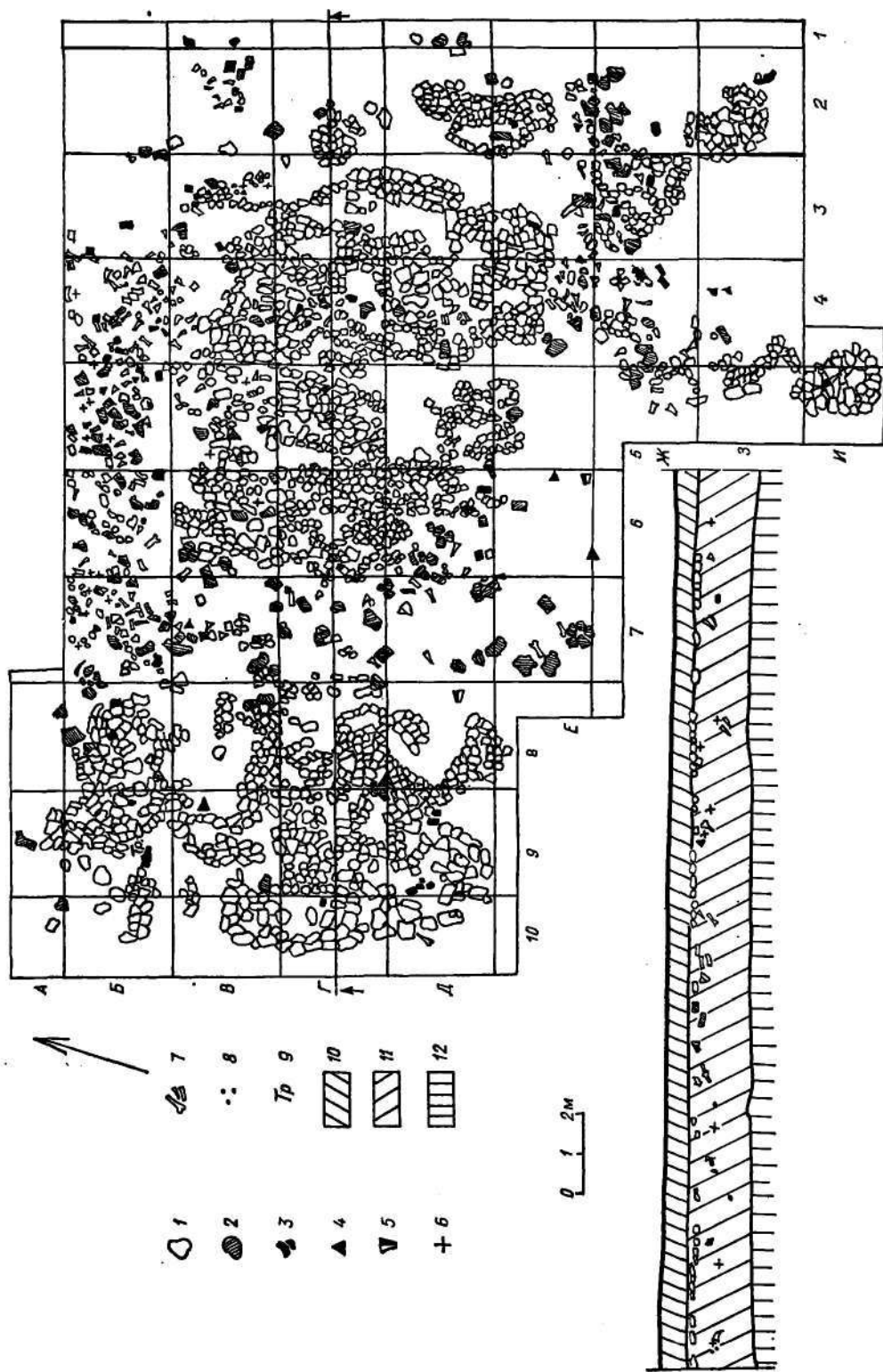

Рис. 24. Поселение Бернашовка. Жилище 2 (план и разрез):

1 — глина; 2 — камень; 3 — керамика; 4 — статуэтки; 5 — каменные топоры; 6 — кремь; 7 — кость, рог; 8 — створки вазочек; 9 — подметрипольские материалы; 10 — гумус; 11 — темно-бурый суглинок; 12 — желтый суглинок

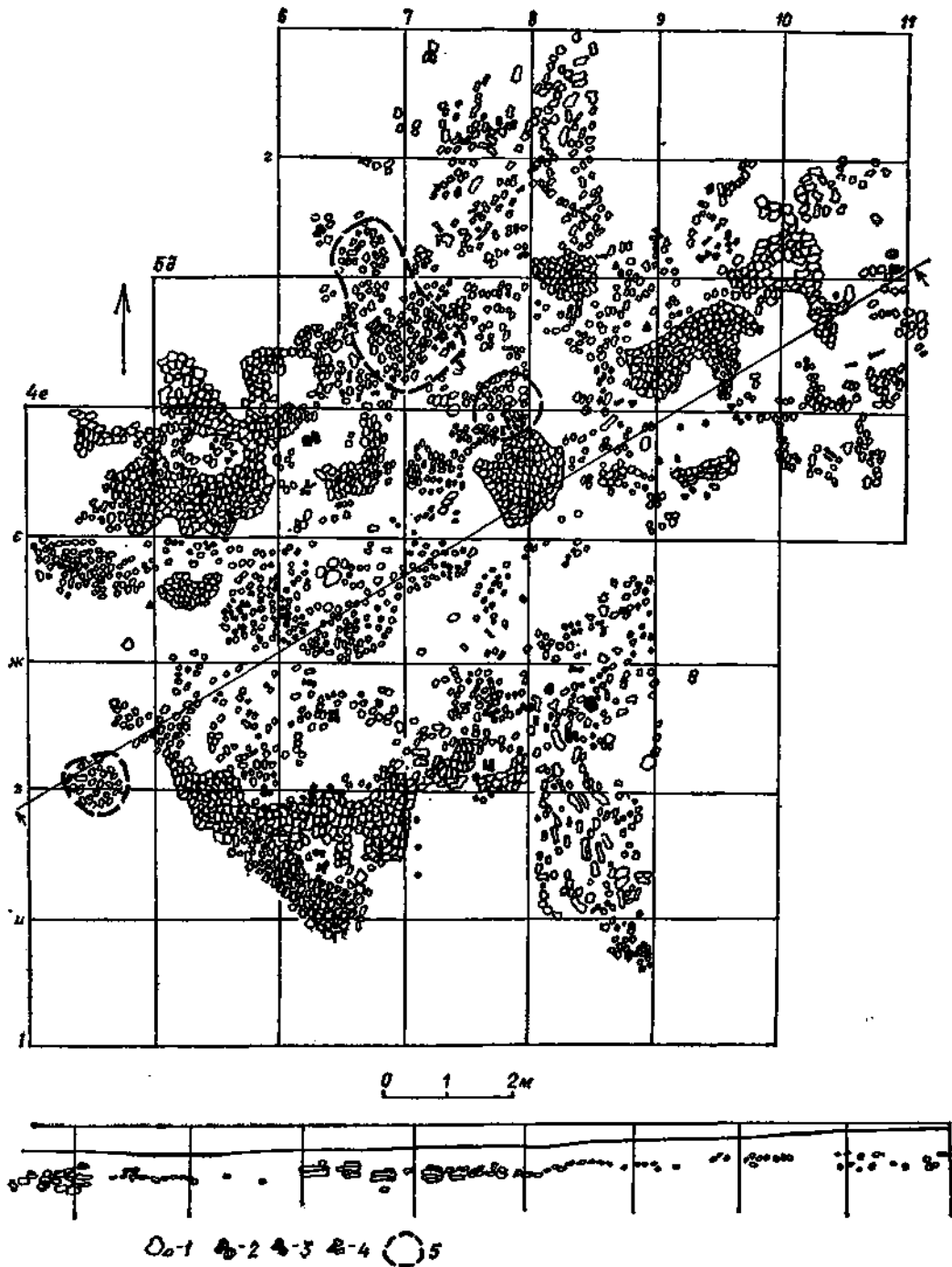

Рис. 25. Поселение Ленковцы. Наземное жилище 2 (план и разрез);
 1 — глина; 2 — камень; 3 — керамика; 4 — кость, рог; 5 — очаги

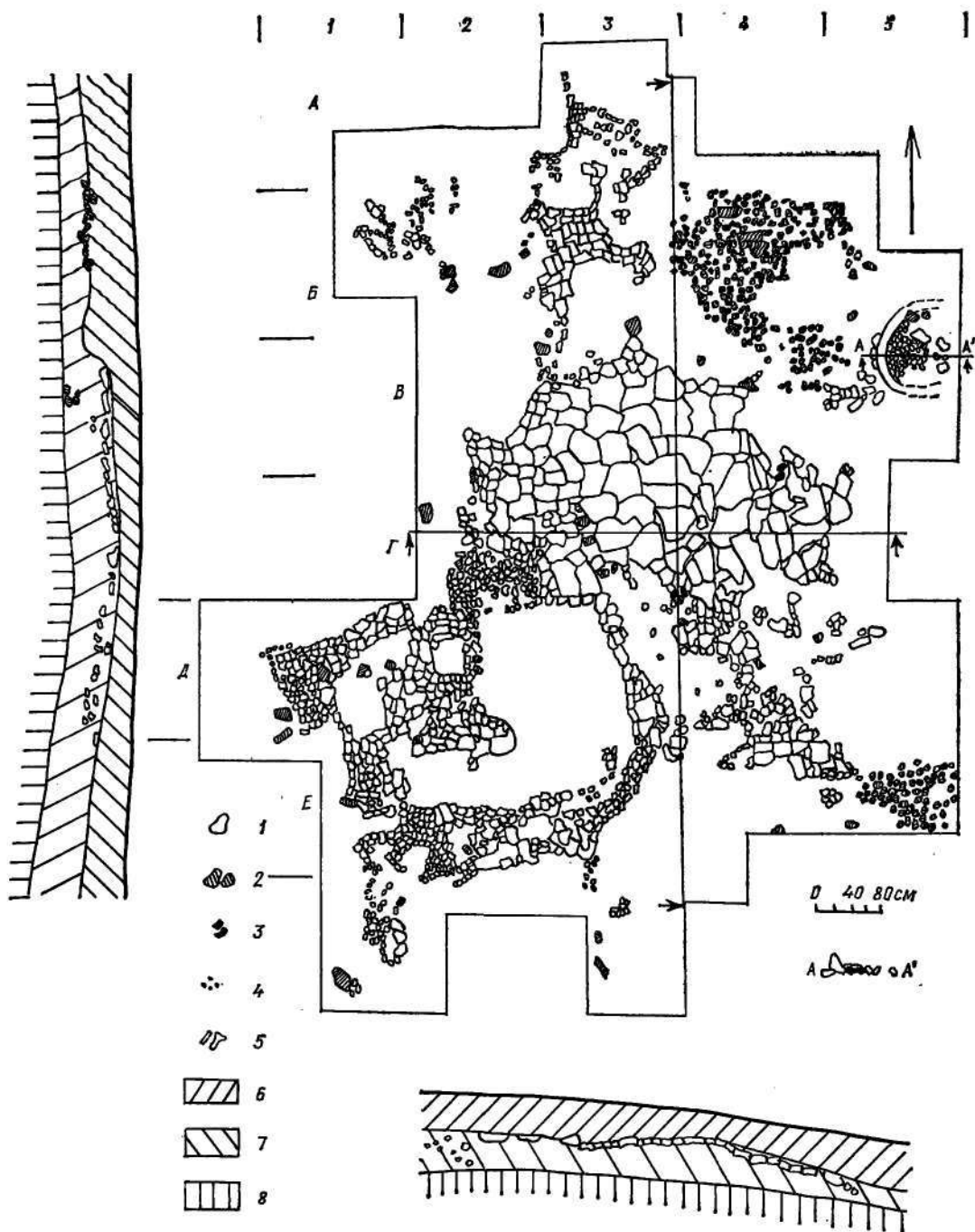

Рис. 26. Поселение Окопы, Жилище 3 (плани разрезы):

1 — глина; 2 — камни; 3 — керамика; 4 — створки раковин; 5 — кость, рог; 6 — гумус; 7 — темно-бу-
 рый суглинок; 8 — желтый суглинок

Рис. 27. Поселение Окопы. Очаг в жилище 3.

в Окопах сохранился прямой, зауженный сверху бортик высотой 0,15 м (рис. 27).

Более сложную конструкцию имели печи. Для них обычно сооружался плитчатый под мощностью от 5 до 15 см непосредственно на земляном полу или на площадке (рис. 28). Под одной из печей жилища 1 в Ленковцах выложен большими камнями. Каркас округлой купольной печи (диаметр основания 1 м) выплетен из лозы и с двух сторон обмазан глиной. Под развалами печей обычно находят раздавленные сосуды, кости животных, зернотерки, орудия труда. В ряде случаев (Ленковцы, жилища 2 и 5; Черновцы-Рогатка, жилища 1; Солончены I) к печам примыкали глинобитные прямоугольные вымостки-предпечья площадью 2—3 м², служившие, очевидно, для хозяйственных работ. Иногда рядом с печами располагались ямы небольших размеров, в которых найдены сосуды и кости животных (жилища 3 в Сабатиновке II и Бернашевке).

Многие объекты, связанные с бытом, хозяйством и производственной деятельностью обитателей раннетриполь-

ских глинобитных домов, вынесены за пределы жилища в примыкающие к нему пристройки, под навесы и т. д. Так, у северо-восточного угла площадки 3 в Бернашевке, уже за ее пределами, вскрыто большое скопление развалов сосудов, в том числе крупных кухонных горшков. Очевидно, здесь находилась легкая пристройка-кладовая, где хранились сосуды с припасами. Небольшие постройки типа сараев находились в непосредственной близости от жилищ 4 и 5 Бернашевского поселения [63, с. 35—36, 44—45]. Вблизи площадки в Солончанах I, за северной и западной ее стенами находились рабочие места по изготовлению кремневых орудий [119, с. 10]. В Бернашевке рядом с жилищами 3, 4 и 5 выявлены рабочие площадки, с которыми была связана производственная деятельность жителей поселка: разделка туш животных, изготовление кремневых орудий труда, обработка кости и рога. На этих производственных участках площадью до 50—60 м² найдены кости, камни и отходы кремнеобработки при очень малом количестве керамики (рис. 29). Статистическая обработка материала

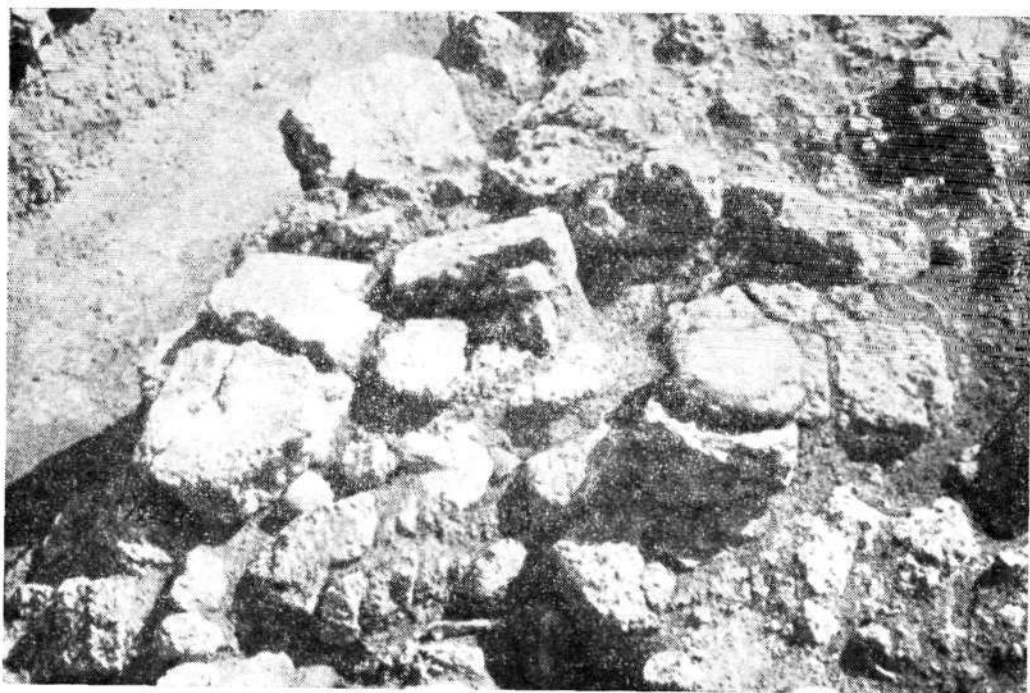

Рис. 28. Поселение Сабатиновка II. Остатки глинобитной печи в жилище 1

Рис. 29. Поселение Бернашевка II. Скопление культурных остатков в северной части жилища 4

этих «специализированных» скопления [9] показала, что они резко отличаются по составу от куч бытовых отходов, также открытых неподалеку от некоторых жилищ Бернашевки.

Остатки глинобитных частей раннетрипольских домов, как правило, сильно разрушены, разбиты плугом, поэтому любая попытка их реконструкции всегда оставляет место для дискуссии. В целом глинобитные жилища раннетрипольских поселений весьма примитивны. Упрощенность конструкции, отсутствие стандартизации в оформлении интерьера указывают лишь на самое начало развития той домостроительной традиции, которая привела со временем к созданию таких сложных построек, как жилища Владимировки, Коломийщины, двухэтажные дома Варваровки VIII, Костешт IV и других позднетрипольских поселений [107, с. 76—88].

Необходимо, однако, отметить, что в последние годы неоднократно высказывалась мысль о существовании уже в раннетрипольское время сложных по архитектуре двухэтажных построек с мощными глинобитными полами второго этажа или чердачного перекрытия. Такими были, по мнению К. В. Зиньковского и Н. Б. Зиньковской (Бурдо), дома Александровского поселения. Указанные авторы, в частности, полагают, что раскопанное ими жилище имело в центральной своей части два этажа, соединяясь сложной системой проходов (включаящей и глинобитные лестницы) с многочисленными пристройками. Столь же запутанными и сложными были в целях обороны ходы сообщения между отдельными помещениями и домами всего поселка [70, с. 29—34].

Е. К. Черныш, пересмотрев свою прежнюю интерпретацию площадок из Ленковцев, недавно предложила их новую реконструкцию, согласно которой дома на этом поселении имели земляные полы, а бревенчатое потолочное перекрытие сверху было обмазано глиной в несколько слоев [199, с. 186, табл. LIX, 2]. Высказано также мнение о наличии второго этажа в жилищах поселения Тымково [29, с. 79—82].

Приведенные выше точки зрения, к сожалению, не подкреплены соответ-

ствующей документацией (чертежи, обмеры, фотографии). Очевидно, вопрос о характере раннетрипольских глинобитных жилищ может быть аргументированно решен лишь на материалах широких и тщательно проведенных полевых исследований.

Определенные разногласия между исследователями имеются также по поводу соотношения (прежде всего хронологического) различных типов жилищ на раннетрипольских поселениях. В свое время, основываясь на стратиграфических наблюдениях в Ленковцах, где землянки III и IV непосредственно перекрыты площадками 3 и 2, Е. К. Черныш сделала правильный вывод о том, что поселение первоначально состояло из одних лишь углубленных жилищ, сменившихся затем наземными домами [191, с. 41—42]. Сейчас исследовательница считает, что землянки в Ленковцах не были самостоятельными жилищами, являясь хозяйственными пристройками к наземным домам [199, с. 186]. Такое заключение отнюдь не вытекает из материалов раскопок, опубликованных Е. К. Черныш в монографии о поселении Ленковцы [191, с. 9—34]; кроме того, напомним, что на многих поселениях (Лука-Врублевцевка, Тростянец и др.) землянки являются единственным типом жилища.

Т. С. Пассек полагала, что углубленные жилища и площадки сосуществовали в Поднестровье вплоть до позднего Триполья, однако в раннетрипольское время землянки все же преобладают, очевидно, как пережиточная (неолитическая) форма жилища [131, с. 93]. Несколько позднее С. Н. Бибииков, опираясь на стратиграфию Ленковцев и некоторые различия (прежде всего, количественные) в материалах землянок и площадок этого поселения, разделил раннее Триполье на два последовательных этапа. К более раннему из них С. Н. Бибииков отнес лишь углубленные жилища, ко второму — только площадки [17, 93—95]. Этот вывод исследователь распространил и на соседние памятники типа Болград — Алдень.

Имеющиеся источники позволяют утверждать, что в раннем Триполье не было обязательной начальной «земля-

ночной» фазы. Достаточно напомнить, что материалы Луки-Врублевцевой (поселение с землянками) в типологическом отношении более поздние, чем инвентарь Бернашевки, где исследованы площадки. На тех памятниках, где зафиксированы жилища обоих типов, землянки, по-видимому, отражают начальный этап застройки данного конкретного поселения. Сооружение наземных глинобитных домов было трудоемким процессом (заготовка и разделка древесины, поиски и добыча глины, подготовка и обжиг площадки, возведение стен и т. д.). Землянку же, как показывают экспериментальные работы, можно выкопать сравнительно быстро. Так, большое жилище 2 в Луке-Врублевцевой (длина 11, ширина 6, глубина 0,9 м) могло быть сооружено, по данным Г. Ф. Коробковой, за 400 часов, что потребовало бы затрат труда одной семьи в течение 40 дней [84, с. 224]. Поэтому, основывая новые поселения, трипольцы сначала выкапывали землянки или строили легкие наземные дома-временки. Через несколько лет, обжившись, они сооружали стационарные глинобитные дома, отвечающие местным климатическим условиям. По наблюдениям В. И. Маркевича, ямы-котлованы, из которых добывали глину для постройки площадок основателя раннетрипольских поселений Александровка и Путинешты (МССР), временно использовались как углубленные жилища. Переселившись в наземные дома, люди продолжали использовать землянки в качестве мусорных ям [102, с. 60]. В ряде случаев (Ленковцы, Бабшин, Окопы) площадки сооружались непосредственно над землянками и остатками легких наземных построек.

Такие же выводы о сочетании наземных и углубленных жилищ на одном поселении сделаны на материалах более поздних трипольских поселений [183] и памятников типа Болград — Алдень [12, с. 32; 158, с. 123].

Характер жилищ и культурного слоя раннетрипольских поселений позволяет предположительно судить о времени их функционирования. К категории временных поселков, существовавших всего несколько лет, можно отнести посе-

ление у с. Вороновица в Среднем Поднестровье. На большей его части (50×50 м), тщательно обследованной шурфовкой, выявлены легкие наземные жилища с земляным полом и очажная яма (рис. 18). Культурный слой здесь состоял из спорадических находок (кости, фрагменты керамики) на уровне древней дневной поверхности. По-видимому, поселок состоял из нескольких жилищ-временок. Блискую картину дает и поселение у с. Берново (уроч. Малинки).

Не слишком долго (примерно 10 лет) могли существовать и поселения, состоящие из одних только углубленных жилищ. Последние постоянно нуждались в ремонте, перестройке и очень быстро заполнялись культурными остатками. Культурный слой на поселениях с углубленными жилищами (Лука-Врублевцевая и др.) обычно имеет незначительную мощность, т. е. аккумуляровался в течение небольшого отрезка времени.

Более долговременными являются поселения с наземными глинобитными жилищами. Максимальный срок эксплуатации глинобитных домов, по этнографическим данным, составляет около 70 лет [70, с. 34]. Столько лет, в частности, простояли крестьянские дома в долине Моравы, во многих деталях тождественные раннетрипольским постройкам; недавно оставленные за ветхостью, они были использованы археологами для моделирования процесса сгорания древних жилищ [207]. Приведенные ориентировочные цифры должны быть увеличены применительно к некоторым раннетрипольским поселениям, где ниже уровня залегания площадок зафиксирован довольно мощный культурный слой, связанный с начальным периодом обитания.

В Бернашевке этот слой мощностью 0,3—0,5 м состоит в основном из крупных костей животных (преимущественно диких) и камней; орудия труда и керамика встречались гораздо реже. Основатели поселения жили, вероятно, вначале в легких наземных жилищах. В Окопах мощность культурного слоя под площадками составляла около 0,5 м.

Важно упомянуть о том, что керамика и другие категории инвентаря практически не изменяются во всей толще культурных отложений и на всех объектах таких памятников, как Бернашевка, Окопы, Ленковцы. Эти изменения отражают материалы поселений Сабатияновка II, Тырпешти и некоторых других, что свидетельствует о длительном их существовании (возможно, более столетия). Однако, не исключены и определенные перерывы в последовательном развитии указанных поселений. Необходимо отметить, что дома некоторых раннетрипольских поселений погибли в огне. Явные следы пожара носит, например, жилище 3 (нижний горизонт) в Бернашевке. Здесь найдены обгоревшие, оплавленные сосуды, перегоревшие и растрескавшиеся кремневые и сланцевые орудия труда, следы нагара и ошлаковка заметны на глине площадки. Грунт под площадкой и кости животных, встреченные здесь, местами обожжены до черноты. Это же можно сказать о жилище, раскопанном в Греновке [96, с. 91], и о некоторых постройках других поселений. По-видимому, в результате сильного пожара полностью погибло Александровское поселение [52, с. 13; 70, с. 30—31]. Однако нет веских оснований для вывода о том, что пожар был специально вызван жителями поселка, предварительно набившими дома горючим материалом. Более того, нельзя распространять этот вывод на все трипольские поселения [68, с. 49]. Естественнее предположить, что пожары возникали внезапно (из-за неосторожности или в результате вторжения неприятеля), и жители спешно покидали жилище или поселение, оставляя на месте бытовой и производственный инвентарь, в том числе металл (в той же Александровке), столь дефицитный в раннетрипольское время. Довольно часто после пожара жилища строились заново, и жизнь на поселении не прекращалась.

В заключение остановимся на проблеме происхождения раннетрипольских жилищ, рассмотрев, прежде всего, домостроительство неолитических предшественников трипольцев — носителей бу-

го-днестровской культуры (БДК) и культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК).

Судя по группе памятников БДК, изученной В. И. Маркевичем вблизи г. Сороки, неолитические обитатели Поднестровья сооружали жилища двух типов. Для ранних фаз развития БДК известны лишь неглубокие (в среднем до 0,5 м) полуземлянки овальных очертаний, длиной от 4 до 9 м. В каждой полуземлянке находились кострища — очаги или очажные ямы, а иногда — рабочие места по обработке кремня. В ряде случаев рабочие места и кострища обнаружены рядом с полуземлянкой, уже за ее пределами. С течением времени возникают и наземные жилища облегченной конструкции (типа шалашей) с кострищами, очажными ямами и рабочими местами внутри и снаружи. На поздних фазах БДК этот тип жилища доминирует [104, с. 136—140]. Глина при сооружении жилищ обоих типов практически не применялась.

В Побужье на поселениях всех фаз развития БДК обнаружены лишь следы легких наземных построек, часто сезонных. Изредка в их конструкцию входили камни (очаги, возможно, фундаменты стен). На Савранском поселении (поздняя фаза) все четыре жилища имели каменные конструкции [44, с. 126—130].

Для поселений КЛЛК, изученных на территории Украины и Молдавии, характерны углубленные жилища, иногда состоящие из двух-трех смыкающихся ям. Длина их колеблется в пределах 2,5—12 м (при ширине 2—5 м), глубина лишь в отдельных случаях превышает 1 м. Иногда исследователи отмечают наличие ступенчатого (одна — три ступеньки) спуска в землянку. В ямах обычно имеются кострища или очажные ямки; дно последних иногда обмазывалось глиной. За пределами землянок (или рядом с ними) встречаются хозяйственные ямы и очаги [133, с. 13—31].

Гораздо реже на поселениях КЛЛК представлены легкие наземные жилища; две такие постройки зафиксированы, в частности, на поселении Незице-

ко в Верхнем Поднестровье. Одно из жилищ площадью свыше 80 м² имело земляной пол, в центральной части которого находились открытые очаги-кострища. Рядом с ними расположены небольшие глинобитные подпрямоугольные площадки, очевидно, хозяйственного назначения. Большой интерес вызывает еще одна площадка (2,2 × 2,2 м), открытая в северной части жилища и служившая, по предположению Е. К. Черныш, местом размола зерна. Она была уложена на деревянные плахи, следы которых хорошо заметны на нижней поверхности глиняных вальков [194, с. 13; 133, с. 18].

Два наземных жилища с глинобитным полом на каркасе из прутьев и плах раскопаны на поселении КЛЖК у с. Гура Каменка в МССР [99, с. 440—441].

Таким образом, для эпохи неолита на территории Украины и Молдавии характерны легкие наземные постройки и углубленные жилища. Последние вполне обычны для неолита разных территорий. Землянка — распространенный тип жилища в неолитических культурах западного побережья Черного моря — Цонево, Усое I и II [168, с. 16—31; 169, с. 15—20], Хаманджия [211, с. 138—155, 235—239]. К северу от Дуная они распространены на ранних фазах развития культуры Боян (Болинтивяну и Джулешти) и встречаются на более поздних [229, с. 136—138]. Углубленные жилища также характерны и для ряда культур и культурных групп Карпатского бассейна [166, с. 193, 233, 256—257]. Таким образом, землянки не являются специфической чертой нео-энеолита какого-либо определенного региона.

Что же касается наземных глинобитных жилищ типа раннетрипольских площадок, то их происхождение следует связывать, судя по раскопкам последних лет, с Нижним Подунавьем и соседними районами. Такие жилища открыты на поселениях Леу и Падя в центральной части Олтении (культурная группа Дудешти-Винча, средний неолит) [304, с. 35—37]. Глинобитные дома известны на востоке Олтении в культуре Вэдастра. Один из них, рас-

копанный на эпонимном поселении, состоял из двух камер и небольшой пристройки — «веранды». Глинобитный пол-настил уложен на бревна и подвергнут костровому обжигу. Стены столбовой конструкции также обмазаны глиной; крыша поддерживалась опорными столбами. В одной из комнат находился округлый глинобитный очаг с предпечьем [292]. В Мунтении наземное жилище, весьма напоминающее раннетрипольскую площадку (глинобитный пол, лежащий на расколотых стволах деревьев; обмазанные глиной и оштукатуренные стены), открыто на поселении Радовану II, относящемся к концу фазы Болинтивяну культуры Боян [230, с. 320—321].

Позднее, уже на ранних фазах энеолита, глинобитные наземные дома присутствуют многим культурам балкано-дунайского ареала. Жилища с мощными полами на деревянных субструкциях открыты на поселениях поздней фазы культуры Винча в Селеваке (Югославия) [327]. Подобные сооружения известны также на памятниках культуры Тиса [166, с. 331—334] и группы Горжа [267, рис. 3, 6—8] в Венгрии, на поселениях поздних фаз культуры Боян в Румынии [228].

Приведенные данные уточняют и конкретизируют направления тех прямых и косвенных связей с югом, благодаря которым в трипольской культуре появились наземные глинобитные дома, близкие по типу неолитическим жилищам Балканского п-ова. Правда, навыки использования глины при строительстве домов, унаследованные прекукутенским и раннетрипольским населением района, расположенного между Карпатами и Днестром, реализовывались постепенно. Первые глинобитные жилища здесь значительно уступали в количественном отношении легким наземным постройкам и в целом примитивны по конструкции. Но уже на этапе формирования культуры Прекукутени сооружались отдельные дома с мощным глинобитным полом, лежащим на субструкциях из бревен (Эрестегин) [282, с. 26]. В дальнейшем на территории Украины и Молдавии возникают многочисленные раннетри-

польские памятники, в домостроительстве которых развиваются и приумножаются традиции глинобитной архитектуры неолитических культур Балкан и Подунавья.

2. Погребения

Источники, позволяющие судить о погребальном обряде ранних трипольцев, практически отсутствуют. Несколько разрозненных костей ребенка найдены в неглубокой ямке рядом с очагом под полом верхнего горизонта землянки 5 в Луке-Врублевской [14, с. 57, 194]. В Луке-Устинской под площадкой 2 обнаружена глубокая яма, в заполнении которой вместе с прослойками раковин, костями животных, фрагментами керамики и кусочками глиняной обмазки обнаружен череп средиземноморского типа с некоторыми негроидными чертами, принадлежавший девочке 12—14 лет [38, с. 128; 10, с. 64].

Наконец, на многослойном поселении Солончены II в Молдавии найдено погребение молодого мужчины, лежавшего в скорченном положении на левом боку. Неподалеку находились части четырех сосудов, позволяющих отнести погребение к раннему этапу Триполья [124, с. 92, 95].

Указанные захоронения непосредственно связаны с жилищами, отражая

определенную культовую обрядность, вызванную идеями обратимости, возрождения, плодородия [14, с. 197—198].

Однако объективные данные о такой важнейшей черте археологической культуры, как погребальный обряд, можно получить лишь благодаря материалу массовых могильников, связанных с функционированием поселений. Такие могильники известны пока лишь для позднего Триполья, но означает ли этот факт, что их не существовало на предшествующих этапах? Повидимому, на этот вопрос следует ответить отрицательно, так как многие неолитические и ранние энеолитические культуры Юго-Восточной Европы, близкие Триполью по хозяйству, материальной и духовной культуре их носителей, знают более или менее массовые захоронения на площади поселения, его периферии или далеко за чертой поселка. Достаточно упомянуть могильники всех фаз культуры Боян [229, с. 200—218], в первую очередь некрополь Черника (фаза Болинтиняну), насчитывающий около 350 погребений [218].

Таким образом, можно предполагать наличие раннетрипольских могильников, связанных прежде всего с долговременными поселениями; обнаружение их — дело будущих исследований.

Глава III МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В ходе раскопок раннетрипольских поселений собран обильный производственный и бытовой инвентарь из кремня, сланца, камня твердых пород, кости и рога, а также меди. Наиболее значительными коллекциями представлены такие памятники, как Бернашевка (около 6,5 тыс. изделий), Лука-Врублевцевская (около 3300), Ленковцы (1500), Окопы (1100), Гайворон (1000). Из Берново-Луки происходит около 670 орудий труда, из Сабатиновки II — 570; на остальных поселениях найдено от нескольких десятков до нескольких сотен предметов.

Материалы из Бернашевки изучены Г. Ф. Коробковой и Н. Н. Скакув под бинокулярным микроскопом; такому же исследованию подвергнута часть коллекции Сабатиновки II [83, с. 24] и небольшая коллекция из Александровки [154, с. 15—23]. Трассологический анализ позволил установить функциональное назначение изделий, уточнить технологию их изготовления и способы применения.

1. Изделия из кремня

От 90 до 98 % всего производственного инвентаря составляют кремневые изделия, особенно обильные на раннетрипольских поселениях Среднего Поднепровья, где имеются неисчерпаемые источники сырья. Здесь использовался меловой (сеноманский) кремень из отложений коренного берега, залегающий мощными плитчатыми пластами, преимущественно непрозрачный, светло-серый, иногда с белыми вкраплениями.

Сырьем служил также галечниковый (валунный) кремень более темных тонов, иногда почти черный, очень пластичный, дающий при раскалывании острый режущий край. Изредка встречается молочно-белый кремень и многочисленные изделия из прозрачного кремня волянского (?) происхождения.

На Южном Буге для изготовления орудий использовался местный галечниковый кремень низкого качества — раковистый, очень кристаллизованный. Обычно он непрозрачный, серых оттенков, крапчатый. На сколах, отщепах, нуклеусах, а иногда и на готовых изделиях встречаются остатки желвачной корки. Количество отходов кремнеобработки здесь весьма велико.

Первичная обработка сырья и, возможно, изготовление нуклеусов осуществлялись непосредственно у мест добычи кремня; производство орудий уже было связано с поселениями.

В данной работе при выделении разных категорий кремневого инвентаря раннетрипольских поселений мы придерживаемся морфологического принципа классификации, так как функциональное назначение орудий достоверно определено с помощью трассологического анализа лишь для немногих памятников. Кроме того, кремневые изделия раннего Триполья нередко были полифункциональными, выступая в нескольких качествах (скобель-нож, резец-скребок и т. д.). Сведения о количественном соотношении основных категорий кремневого инвентаря в наиболее крупных коллекциях приведены в табл. 1.

Таблица 1. Кремневые изделия раннетрипольских поселений Украины

Поселение	Всего изделий	Всего орудий труда	Пластинки		Скрёпки			
			всего	% от всех орудий	на отщепах		на пластинках	
					всего	%	всего	%
Бернашевка	4300	3737	745	20	2215	59,2	79	2,1
Окопы	784	664	399	60,1	96	14,5	63	9,3
Лука-Врублевская	3000	2392	1000	41,8	150	6,3	869	36,3
Берново	752	644	198	30,7	60	9,3	307	47,7
Ленковцы	1550	1334	848	63,7	110	8	337	25,3
Сабатиновка II	590	491	250	50,9	215	43,8	4	0,8
Гайворон	970	934	291	31,2	606	64,8	3	0,3

Нуклеусы. В зависимости от характера исходного сырья (мелкая галька, валуны, куски плитчатого кремня) размеры раннетрипольских нуклеусов колеблются в пределах 3—11 см. Абсолютное большинство на таких поселениях, как Бернашевка и Окопы составляют изделия высотой 6—7 см; в Ленковцах, Берново, Луке-Врублевской нередко встречаются нуклеусы высотой 8—11 см. В коллекциях южнобугских поселений размеры нуклеусов обычно не превышают 7 см; в Сабатиновке II и Гайвороне встречено около 20 нуклеусов высотой 2—3 см. Выделяются нуклеусы трех основных типов.

а) Конусовидные нуклеусы, как правило, преобладают на раннетрипольских поселениях (45—48 % общего количества этих изделий). Обычно они имеют цилиндрическую верхнюю часть с конусовидным окончанием (рис. 30, 2; 32, 4); реже встречаются экземпляры, приближающиеся по форме к правильному конусу (рис. 33, 1; 34, 1; 35, 1). Количественно преобладают нуклеусы с перпендикулярной постановкой ударной площадки относительно продольной оси: косополадочные конусовидные нуклеусы в коллекциях представлены небольшим количеством экземпляров (рис. 30, 2; 35, 1). Также редко встречаются и уплощенные нуклеусы.

Правильную круговую огранку имеют сравнительно немногие экземпляры (в Бернашевке — пятая часть всех конусовидных нуклеусов): остальные огранены на $\frac{2}{3}$, наполовину, или имеют следы нескольких сколов с одной стороны (рис. 30, 2; 33, 1). Противополож-

ная сторона в этом случае иногда покрыта желвачной коркой. На многих изделиях ударная площадка бывает подправлена двумя-тремя поперечными сколами.

В каждой коллекции имеется в наличии несколько нуклеусов, близких к карандашевидным; они невелики по размерам и имеют правильную круговую огранку (рис. 30, 3).

б) Призматические нуклеусы несколько уступают конусовидным по количеству (40—45 %), преобладая лишь в Бернашевке. Для всех поселений типичны экземпляры с перпендикулярной постановкой ударной площадки (рис. 30, 4; 33, 3—5; 34, 2); гораздо реже площадка бывает скошенной (рис. 32, 3; 36, 3). Призматические нуклеусы с противоположными ударными площадками (рис. 30, 5; 33, 2) составляют меньшинство (третья часть всех нуклеусов этого типа в коллекции из Бернашевки).

Экземпляры со следами правильного кругового скалывания встречаются довольно часто (рис. 30, 4; 35, 2; 36, 2, 3), преобладая в коллекции поселения Берново [131, с. 52]. Однако в целом для призматических нуклеусов характерна односторонняя огранка (рис. 30, 5; 36, 1).

На каждом поселении встречено несколько экземпляров небольших сработанных нуклеусов с правильной круговой огранкой, служивших для получения узких пластинок (рис. 30, 7); почти все они вторично использовались в качестве отжимников-ретушеров. Также немногочисленны и уплощенные нуклеусы (рис. 30, 5; 33, 4).

Скобелы		Сверла и проколки		Вкладыши серпов		Резцы и резчики		Геометрические мини-роллы	
всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
304	8,1	71	1,9	73	2	81	2,2	4	0,1
17	2,5	13	2	17	2,5	4	0,6	—	—
3	0,1	64	2,7	144	6	5	0,2	1	0,04
5	0,8	6	0,9	21	3,3	—	—	—	—
7	0,5	7	0,5	24	1,8	1	0,08	—	—
3	0,6	9	1,8	4	0,8	3	0,6	1	0,2
5	0,5	10	1	10	1	1	0,1	1	0,1

В Бернашевке, Луке-Врублевской, Ленковцах найдено около 50 подпризматических нуклеусов со смежными противоположащими ударными площадками, служивших для получения отщепов (рис. 30, 8, 9).

Следует упомянуть также шаровидные кремневые конкреции, грубо ограниченные по окружности (или ее части) и сохранившие на полюсах желвачную корку (рис. 32, 1). Эти примитивные нуклеусы, представленные небольшим количеством экземпляров, обычно использовались вторично как отбойники.

в) Аморфные нуклеусы составляют в некоторых коллекциях до 10 % общего количества этих изделий (их нет лишь в Берново). Это ядрища со следами бессистемных сколов (негативы идут в разных направлениях), употреблявшиеся для получения отщепов (рис. 32, 9; 35, 5, 7).

На всех поселениях встречены также нуклеидные обломки с негативами двух-трех сколотых отщепов или пластинок.

Отбойники. В качестве отбойников, применявшихся для скалывания пластин, обычно использовались отслужившие призматические нуклеусы крупных размеров. Их ударные площадки основательно забиты (рис. 32, 2). Как отбойники применялись также конусовидные нуклеусы, округлые кремневые конкреции, изредка — речные гальки.

Отжимники и ретушеры представлены несколькими экземплярами в каждой коллекции. Наибольшее количество их найдено в Бернашевке (52 экз.) и Луке-Врублевской (29 экз.).

В этом качестве обычно употреблялись массивные пластины и отщепы, конец которых закруглен и сглажен в процессе работы (рис. 30, 6, 10; 31, 17), а также сработанные призматические и конусовидные нуклеусы (рис. 30, 7; 32, 7; 33, 5).

Ножевидные пластинки являются одной из наиболее распространенных категорий кремневого инвентаря (около 50 % всех изделий в Ленковцах, Окопах, Кормани). На поселении Сабатиновка II пластинки составляют более 40 % всех изделий из кремня, несколько превосходя по количеству скребки. В Луке-Врублевской количество пластинок и скребков примерно равно и каждая из этих категорий инвентаря составляет более 1/3 всей коллекции. В Бернашевке и Гайвороне пластинки составляют соответственно 20 и 30 % всех орудий, заметно уступая скребкам.

Кремневые пластинки раннеэнеолитских поселений обычно правильной формы, с параллельными краями, трех- и четырехгранные в сечении. Нередки и пластинки, не имеющие четких очертаний, близкие к отщепам (в Сабатиновке II они преобладают). Длина пластинок колеблется в пределах 2—12 см, ширина 0,4—4 см. На поселениях Побужья (Сабатиновка II, Гайворон) пластинки длиной более 6—7 см не встречаются; здесь обычны изделия длиной 2—3 см при ширине 0,5—0,6 см. Для таких поселений Поддестровья, как Бернашевка и Окопы, характерны пластинки длиной 5—6 см (при ширине 1—1,2 см); в Луке-Врублевской, Берново и особенно Ленковцах нередко

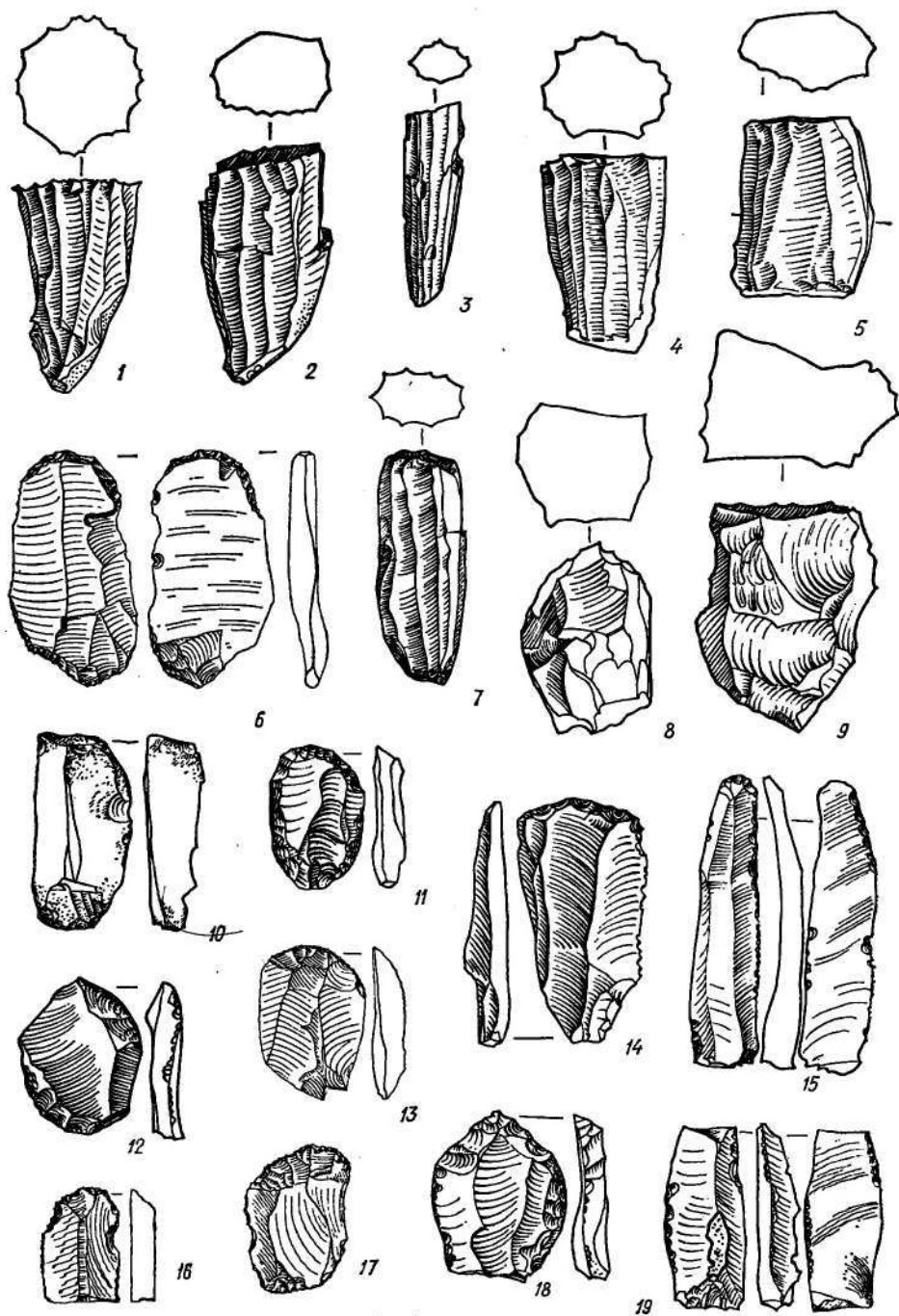

Рис. 30. Поселение Бернашевка. Кремневые изделия

можно найти пластинки длиной более 8 см. Повсеместно встречаются короткие (1—1,5 см) срединные выломы из пластинок.

Лишь от 10 до 20 % всех пластинок подвергались обработке. Обычно мелкая приостряющая ретушь наносилась на участок одного края со стороны

спинки или брюшка (рис. 30, 19; 36, 7; 33, 10; 36, 14). Изредка встречаются пластинки-ножи с ретушью по обоим краям (рис. 33, 19; 34, 3); единичны экземпляры с двусторонней противоположащей ретушью (рис. 35, 12).

Трассологическим анализом материала из Бернашевки установлена высокая степень утилизации пластин без ретуши. Многие из них ($\frac{2}{3}$ всего количества) использовались в качестве одно- и двулезвийных ножей, причем небольшие пластинки правильной формы применялись как вкладыши составных ножей. Под бинокляром заметны мельчайшие выщербины вдоль рабочего края таких вкладышей. Абсолютное большинство ножей из Бернашевки использовалось, по определению Г. Ф. Коробковой, для разделки туш животных («мясные» ножи) и лишь 11 экземпляров — преимущественно крупные широкие пластины с одним или двумя лезвиями — предназначались для обработки дерева (строгальные ножи). Более 200 пластинок с ретушью и без нее употреблялись в качестве боковых скребков с одним или двумя рабочими лезвиями.

Предположение С. Н. Бибилова о том, что микропластинки из Луки-Врублевской могли использоваться без вторичной обработки в качестве вкладышей дротиков или копий [14, с. 84], подтвердилось на материалах Бернашевки. При осмотре нескольких мелких пластинок с этого поселения под бинокляром вдоль их края прослежена узкая полоска запояровки, образовавшаяся при пробивании шкуры животного.

Отдельную группу составляют пилки-пластинки с мелкой зубчатой ретушью вдоль одного из краев. Девять пилкок выделены в коллекции из Бернашевки, три — из Гайворона, две — из Александровки. Пилки невелики по размерам и редко бывают шире 1 см (рис. 36, 13); исключением является пилка из Бернашевки, выполненная на массивной широкой пластине кофейного добруджского кремня, впоследствии использованная как развертка.

Скребки наряду с пластинками являются наиболее распространенной

категорией инвентаря, составляя на таких поселениях, как Бернашевка, Берново и Гайворон, 60% всех орудий труда из кремня. Различаются скребки двух типов — на отщепах и пластинках.

1. Скребки на отщепах преобладают на таких поселениях, как Гайворон (99,5% от общего количества скребков), Сабатиновка II (98,5%), Бернашевка (96,6%), Вороновца (90%), Брага (83,3%), Окопы (60%).

На днепровских поселениях в качестве заготовки обычно использовался массивный овальный отщеп; в Луки-Врублевской и Ленковцах немало скребков на коротких пластинчатых отщепах с параллельными краями. Наиболее характерны скребки диаметром 3—5 см; из небольших отщепов диаметром 1,5—2 см изготовлено не более 5% общего количества на таких поселениях, как Бернашевка, Окопы и др. Подлинных микроскребок неолитического облика здесь отсутствуют. На поселениях Побужья диаметр скребков редко превышает 3 см, а 7% всех скребков на отщепах из Сабатиновки II и 16% скребков из Гайворона имеют диаметр в пределах 1—1,8 см, т. е. могут быть отнесены к микролитическим.

Рабочий край скребка оформлен крупной притупляющей ретушью со стороны спинки; гораздо реже ретушь наносилась с брюшка. От 1 до 3% скребков на отщепах имеют противоположащую ретушь со стороны спинки и брюшка (рис. 32, 20). Различаются пять подтипов описываемых скребков: а) боковые — обычно наиболее многочисленные (1215 — в Бернашевке, 38 — в Гайвороне, 114 — в Сабатиновке II и т. д.), за исключением Окопов, Луки-Врублевской и Ленковцев, где преобладают концевые скребки. Эти орудия изготовлены на округлых и удлинненно-овальных отщепах; ретушью оформлен дуговидный край отщепа сбоку от ударного бугорка (рис. 35, 22);

б) концевые — с правильным дуговидным (реже — прямым) рабочим краем против ударного бугорка (рис. 32, 11, 12, 16; 33, 15; 34, 12; 35, 14—16). Часто ретушь заходит и на

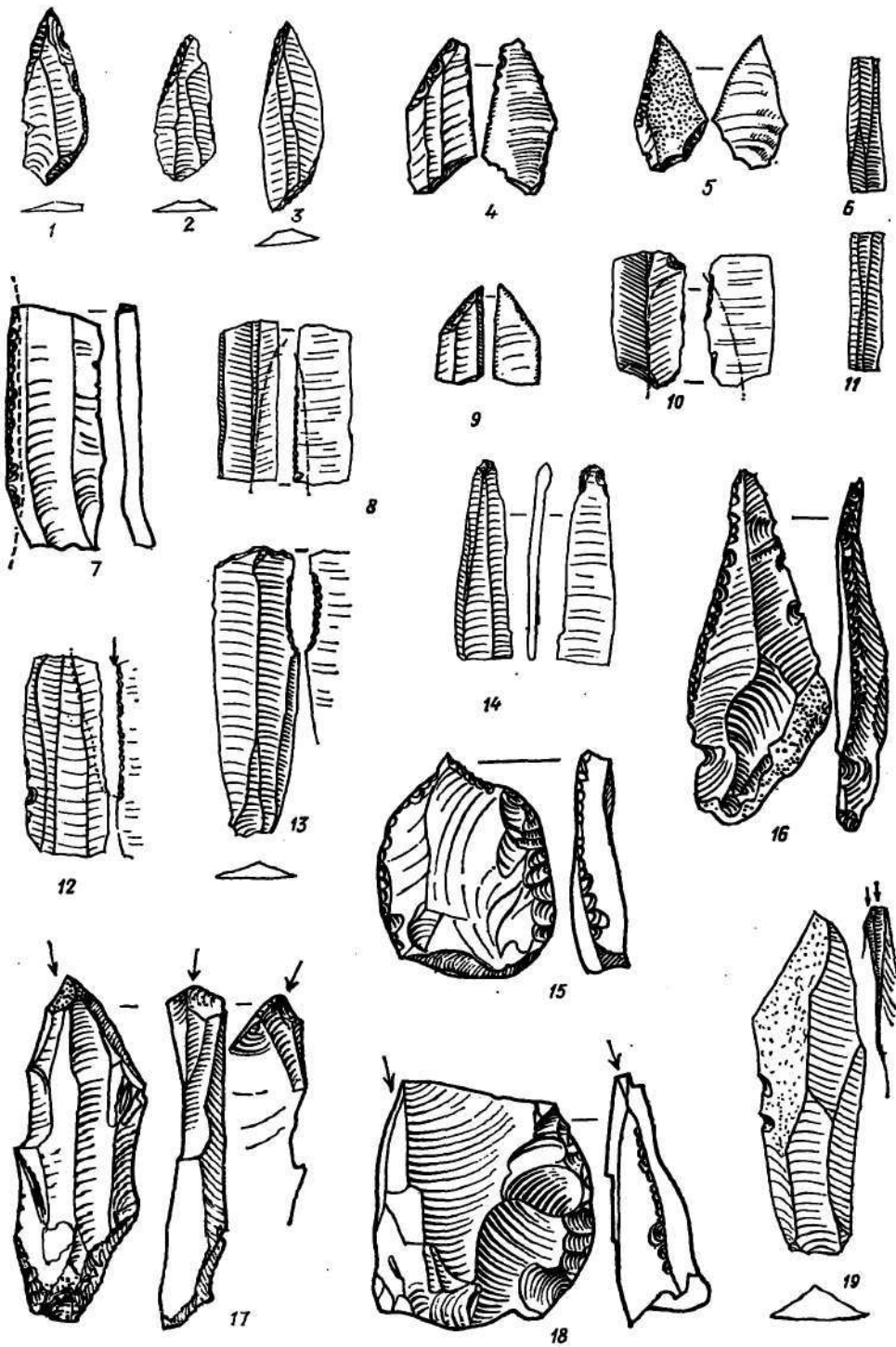

Рис. 31. Поселение Бернашевка. Кремневые изделия

боковые края орудия. Скребки этого подтипа имеют утолщенный массивный рабочий край, оформленный крупной крутой ретушью, скребок высокой формы (рис. 33, 15; 40, 16);

в) двусторонние — на овальных и округлых отщепках, у которых обычно ретушированы боковые края (рис. 30, 10; 34, 10; 36, 19—21). Гораздо реже встречаются двусторонние концевые

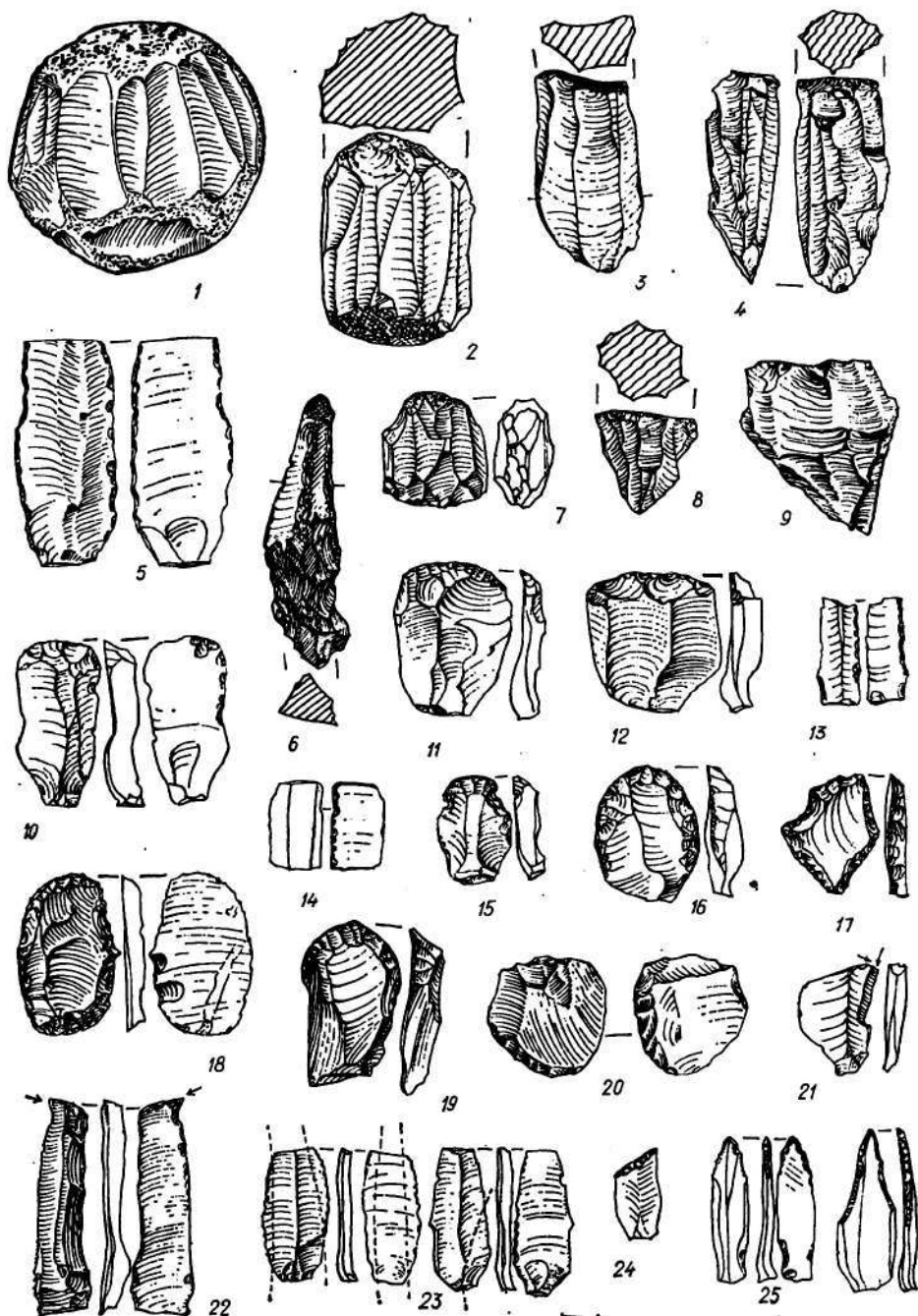
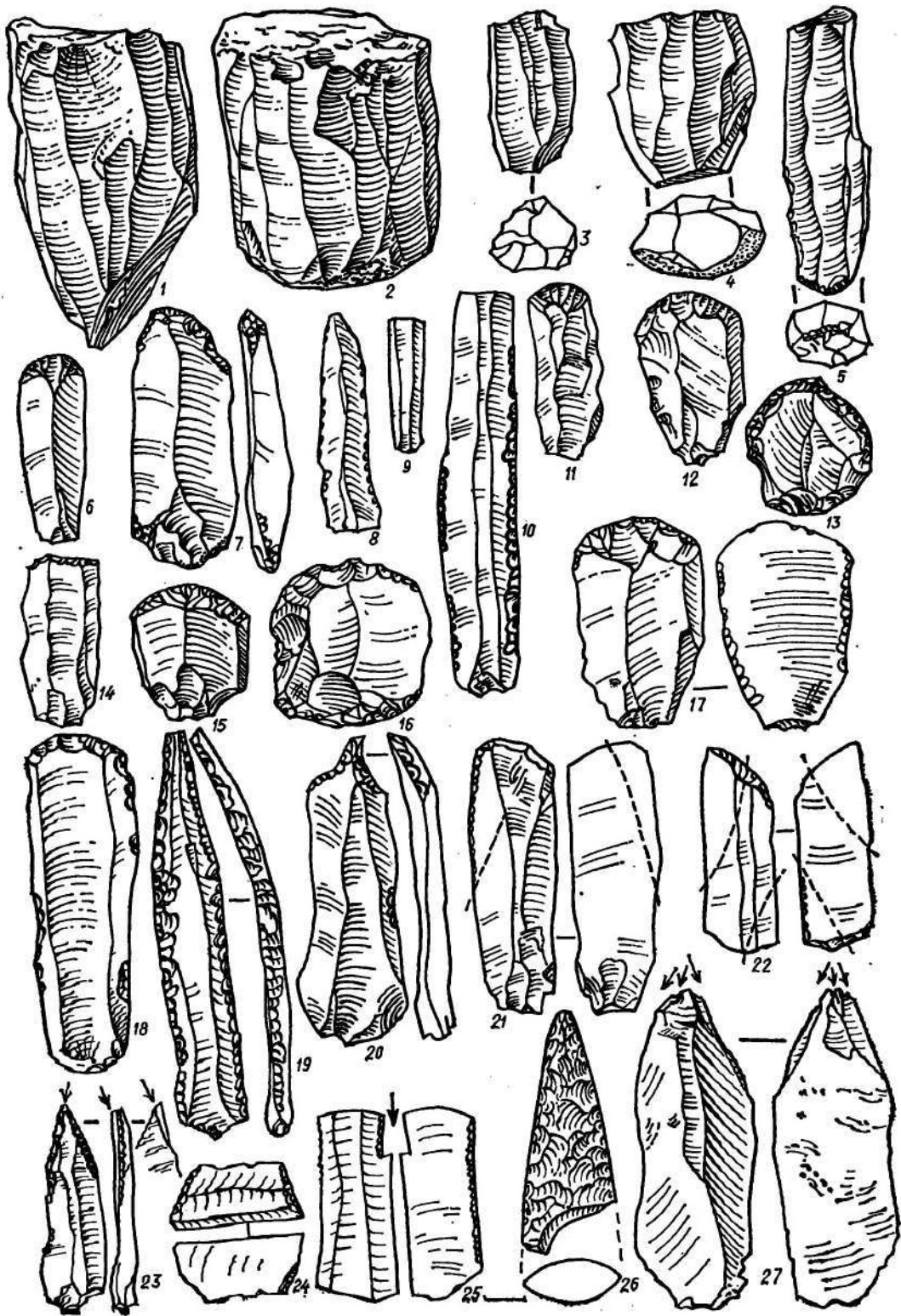

Рис. 32. Поселение Окопы. Кремневые изделия

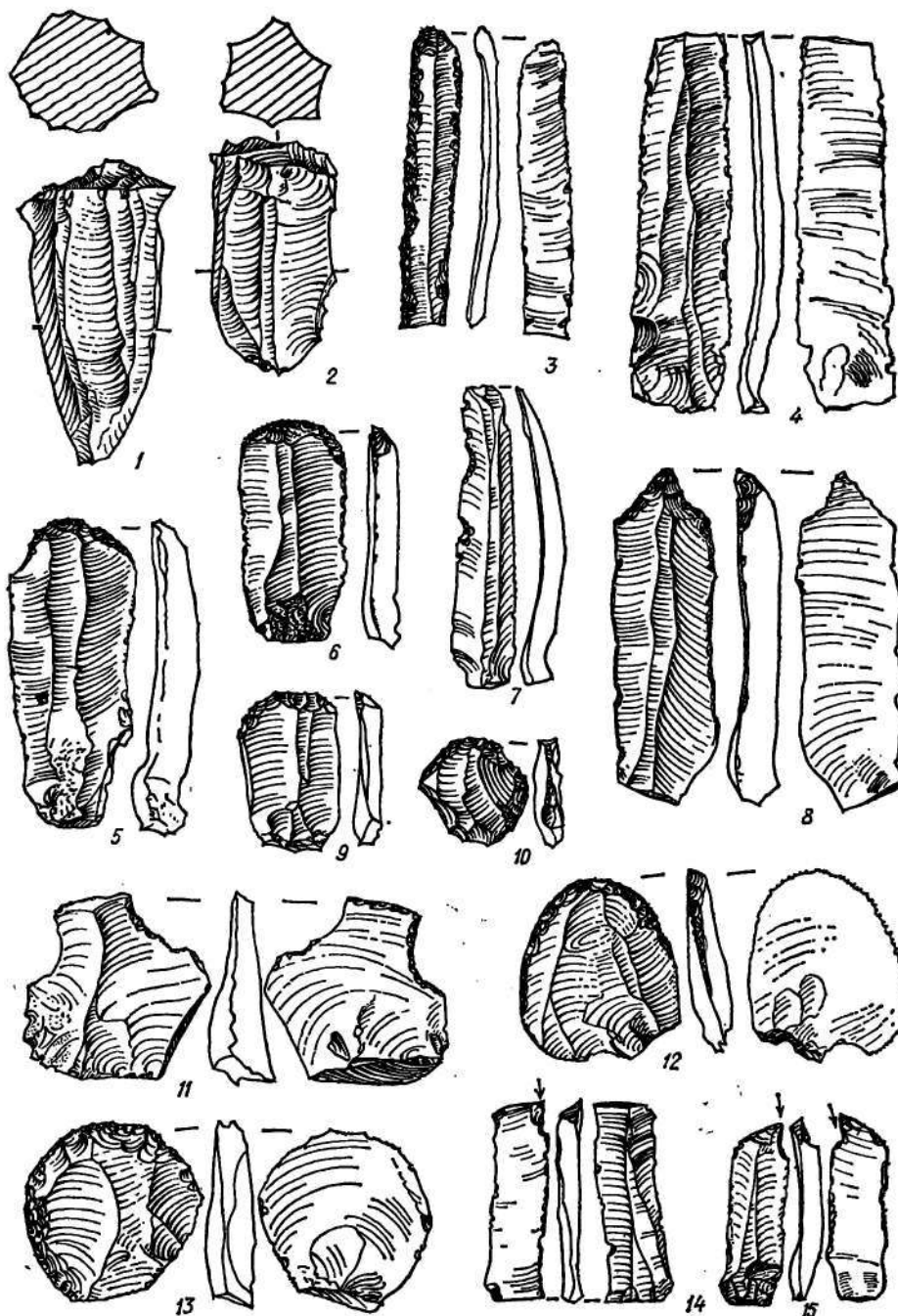

Рис. 33. Поселение Лука-Врублевская. Кремневые изделия

скребки с правильными овальными рабочими краями (рис. 30, 17; 33, 16);

г) скребки округлой формы — оваль-

Рис. 34. Поселение Кормань. Кремневые изделия

ные, циркулярные, ретушированные по всей или почти всей окружности (рис. 30, 11; 32, 18; 35, 20, 21; 36, 23). К этому подтипу принадлежит от 4 до

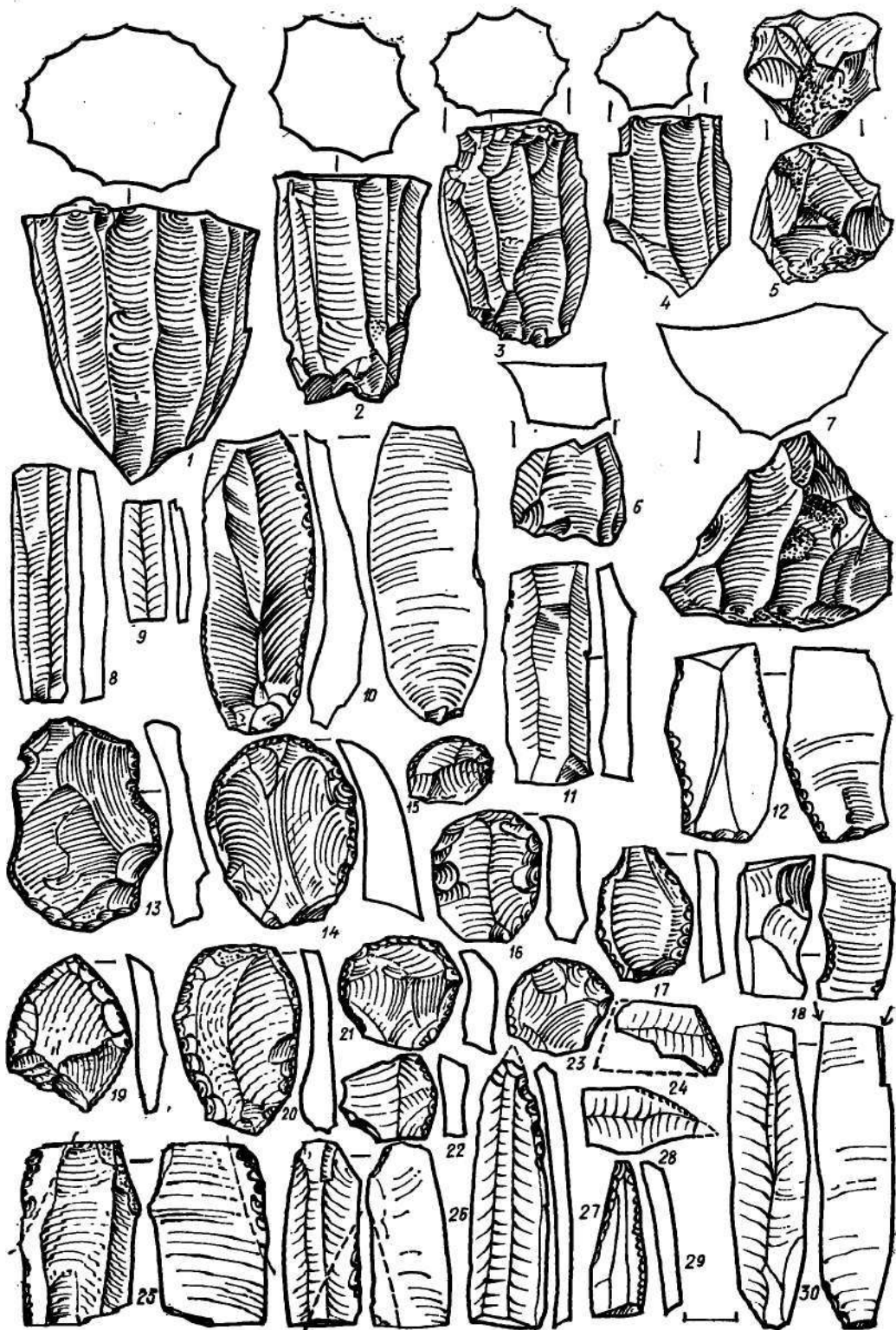

Рис. 35. Поселение Сабатиновка II. Кремневые изделия

10 % общего количества скребков на отщепах;

д) стрелчатые (остроконечные) — на отщепах с ретушированными боковыми краями, сходящимися к тонкому клювовидному острию, противоположному ударному бугорку (рис. 30, 19; 31, 15; 32, 19; 33, 13). Скрепки этого подтипа, повсеместно представленные наименьшим количеством экземпляров (51 — в Бернашевке, 21 — в Гайвороне, 13 — в Сабатяновке II и т. д.), служили для прорезывания пазов в различных материалах.

Разновидностью скребков на отщепах являются имеющиеся во всех коллекциях массивные скребла с широким дуговидным рабочим краем, оформленным ретушью.

2. Скрепки на пластинках (рис. 30, 11—15; 32, 10; 33, 6, 11—12, 18; 34, 5, 6; 36, 20) составляют большинство на поселениях Кормань (61,5 % от общего количества скребков), Ленковцы (75 %), Берново (83,6 %, Лука-Врублевская (85,3 %). Здесь они преимущественно выполнены на широких (до 3 см) и коротких (5—6 см) пластинках с параллельными или сходящимися книзу краями; полукруглый рабочий край скребка оформлен крутой ретушью (скрепки концевого типа). Иногда ретушированы и боковые края. Реже встречаются концевые скребки на пластинках длиной до 9—10 см. В Бернашевке, Окопах и Гайвороне встречено до десятка скребков на концах коротких (2—3,5 см) и узких пластинок. На некоторых экземплярах рабочий край как бы выделен с помощью неглубоких противоположащих выемок (рис. 30, 16; 32, 15).

Скобели — орудия для обработки дерева — представлены во всех коллекциях раннетрипольского кремня, но обычно количество их невелико: 17 экземпляров в Окопах, 14 — в Александровке, 9 — в Кормани и т. д. Исключение составляет набор скобелей из Бернашевки (304 экземпляра или 8,5 % общего количества орудий); 160 скобелей найдено также на поселении Путинешты в Молдавии [102, с. 61].

В Бернашевке абсолютное большинство скобелей изготовлено на пластин-

ках и лишь $\frac{1}{8}$ часть — на отщепах. Преобладают скобели-пластинки с одним или двумя рабочими лезвиями-выемками на одном из краев (реже — на двух). Со стороны спинки или брюшка выемки оформлены ретушью (рис. 31, 13; 34, 7; 36, 15). Скобели на отщепах обычно имеют одно рабочее лезвие в виде большой неглубокой выемки (рис. 32, 17; 34, 11). На разных поселениях найдено несколько однолезвийных скобелей концевого типа (рис. 36, 28). Часто скобели встречаются во вторичном употреблении на других орудиях — ножах, скребках, вкладышах серпов.

Сверла и проколки (различия между ними выявляются лишь под бинокуляром) встречены на всех поселениях в сравнительно небольшом количестве (около десятка экземпляров); исключение составляют коллекции из Бернашевки и Луки-Врублевской (соответственно 61 и 64 экз.).

Сверла преимущественно на довольно больших подтреугольных и удлиненно-треугольных отщепах, края которых подправлены притупляющей ретушью для того, чтобы орудие удобно было держать в руке. Острый рабочий конец сверла, иногда выступающий в виде специально выделенного жальца, подправлен мелкой ретушью, часто противоположащей (рис. 31, 16; 36, 18, 20). Обычно рабочий конец сверла сработан, сглажен.

В качестве заготовок для сверла использовались и пластинки разных размеров; их рабочие острие и боковые края также подправлены ретушью, в том числе противоположащей (рис. 32, 26, 27; 33, 20). В Бернашевке найдена микропластинка-сверло со скошенным и оформленным крутой притупляющей ретушью концом.

Проколки, схожие со сверлами по внешним признакам, часто изготовленные на небольших пластинках, на других орудиях-ножах, скобелях и т. д. — во вторичном употреблении (рис. 31, 14; 36, 26).

Развертки — инструмент, с помощью которого расширяли отверстия в дереве, роге и других материалах. Обычно для этой цели использовались

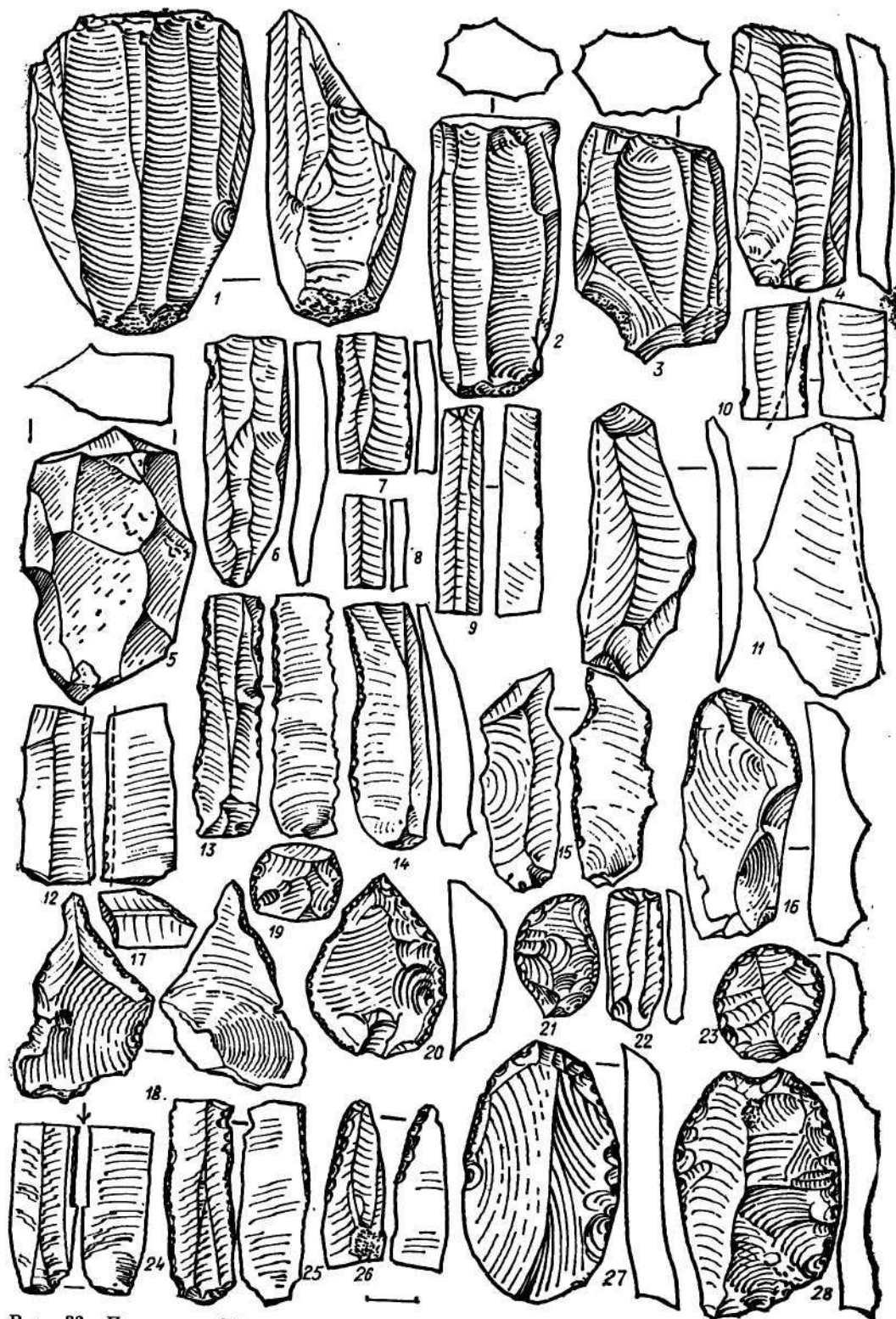

Рис. 38, Поселение Гайворон. Кремневые изделия

пластинки со слегка зауженным концом, края которых снабжены двусторонней противоположащей ретушью (рис. 32, б). Для рабочей части развертки характерны заглаженные, скругленные края; ретушь и грани пластинки также стертые, сглажены.

Пока выделено лишь девять экземпляров разверток в Бернашевке и один — в Окопах.

Резцы и резчики также встречаются повсеместно, но представлены небольшим числом орудий (пять — в Луке-Врублевецкой, четыре — в Окопах и Кормани, три — в Сабатиновке II и т. д.). Лишь в Бернашевке найдены многочисленные резцы (34) и резчики (47), составляющие 2,3 % общего количества орудий. Большая коллекция резцов и резчиков собрана также в Путинештах (49) [102, с. 61].

Примерно равным числом изделий представлены резцы двух подтипов:

а) срединные, на массивных отщепках (реже на пластинках); резцовые сколы всегда четко выражены (рис. 31, 17; 39, 27);

б) угловые, чаще всего на углу сломанной пластинки (рис. 39, 25; 35, 30), изредка — на отщепе (рис. 32, 21). Несколькими экземплярами представлены боковые резцы. В ряде случаев резец выступает как часть полифункционального орудия: резец-скребок (рис. 31, 18), резец-скобель, резец-нож и т. д. В Бернашевке найден срединный резец, выполненный на обломке нуклеуса.

Резчики, применявшиеся при тонких работах, изготовлены на небольших пластинках и отщепках. Рабочий конец их сформирован микросколами. Обычны угловые резчики на пластинках-ножах, скобелях и др. (рис. 32, 22; 34, 14, 15); гораздо реже встречаются резчики срединного типа. Одним экземпляром в Бернашевке представлен двойной резчик на пластинке. Как и резцы, резчики часто выступают в сочетании с другим орудием (резчик-скребок, резчик-сверло и т. д.).

Пластинки со скошенным краем представлены 37 экземплярами, 22 из которых найдены в Луке-Врублевецкой. Обычно это правильные призм-

матические пластинки длиной от 2 до 10 см, конец которых сломан под углом и обработан крутой ретушью, образуя режущий край (рис. 32, 25; 40, 28). Скошенный край иногда бывает слегка выпуклым или чуть вогнутым. Длинные грани в некоторых случаях частично подретушированы. С. Н. Бибиков считает эти орудия режущими инструментами [14, с. 86—87]. Микропластинка со скошенным краем из Бернашевки [63, рис. 56, 28], по определению Г. Ф. Коробковой, служила вкладышем охотничьего оружия.

Вкладыши серпов встречаются на всех раннетрипольских поселениях, составляя от 1 до 5 % производственного инвентаря. Наибольшее их количество обнаружено в Бернашевке (73 экз. — 2 % всех орудий) и в Луке-Врублевецкой (144—5 %). Обычно это пластинки правильной формы с параллельными краями и прямыми или чуть изогнутым профилем; длина их колеблется в пределах 2—7 см, ширина 0,8—2 см. Характерным признаком вкладыша серпа является косая (угловая) заполировка участка одного из краев со стороны спинки и брюшка (рис. 31, 8, 10; 32, 24; 33, 21). Отдельные экземпляры использованы дважды, о чем свидетельствует заполировка участков в верхнем и нижнем углах пластинки, расположенных по диагонали (рис. 33, 22). В Бернашевке и Окопах найдено несколько вкладышей серпа с заполировкой вдоль одного из краев пластинки (рис. 31, 7; 32, 23).

Рабочее лезвие пластинки-вкладыша обычно выкрошено, а у отдельных экземпляров снабжено мелкой ретушью; изредка поперечная подретушировка имеется на конце пластинки. На некоторых вкладышах даже невооруженным глазом заметны линейные следы износа, вызванные соприкосновением с абразивными частицами пыли и земли на стеблях культурных злаков, выращенных на вскопанной почве [80, с. 42]. В ряде случаев вкладыши серпов использовались вторично, уже в иной функции. Примерами могут служить найденные в Бернашевке сверло на узком листовидном вкладыше серпа

с ретушью вдоль краев со стороны брюшка, а также скобель на широкой пластинке-вкладыше со следами заполировки со стороны брюшка [63, рис. 58, 12, 25].

Наконечники стрел и дротиков представлены единичными экземплярами. Небольшой (длина около 2 см) листовидный наконечник стрелки с выступом-черешком на прямом основании найден в Александровке (мелкой ретушью обработаны лишь края стрелки). Близкая по форме стрелка несколько больших размеров происходит из Берново [131, с. 55]. Листовидная стрелка с прямым основанием (без черешка) найдена в Сабатиновке II. С. Н. Бибиков упоминает найденную в Луке-Врублевцевой небольшую стрелку с вогнутым основанием.

Наконечники более крупных металлических орудий (дротиков) известны в коллекциях из Берново (2 экз.). Один из них, треугольной формы (длина 5 см, ширина основания 5,5 см), имеет ретушь лишь по краям; второй, с более узким основанием, полностью обработан плоской ретушью со стороны спинки и брюшка [131, с. 55]. Треугольный наконечник дротика, изготовленный на обломке толстой широкой пластинки и обработанный крутой ретушью по краям, происходит из Ленковцев. Привлекает внимание обломок дротика (верхняя часть) из Луки-Врублевцевой (рис. 33, 26). Орудие удлиненно-треугольных очертаний (длина обломка 6,3 см) с листовидным сечением с двух сторон обработано тонкой плоской ретушью, боковые ребра также подретушированы. Поверхность дротика носит хорошо заметные следы заполировки, острие его также заполировано до блеска и сглажено. Очевидно, во вторичном употреблении наконечник служил сверлом или проколкой. Близкий по размерам, форме и характеру обработки обломок дротика найден также на поселении Александровка.

Микролиты геометрической формы встречаются очень редко. Два орудия в виде параллелограмма, выполненные на срединных выломах микропластинок, найдены в Бернашевке (рис. 31, 3, 4). Боковые грани

пластинки оформлены притупляющей ретушью. Одно из этих орудий являлось, по определению Г. Ф. Коробковой, двойной проколкой; второе — вкладышем охотничьего оружия. Аналогичное изделие выявлено в землянке на поселении Сабатиновка II [46, с. 137, табл. 1, 8].

Из Бернашевки происходят две асимметричные трапеции на срединных выломах микропластинки. Боковые грани одной из них обработаны крутой притупляющей ретушью; на втором экземпляре одна боковая грань покрыта мелкой приострающей ретушью, в результате чего образовался острый колющий край-выступ (рис. 31, 5, 9). Оба изделия применялись как вкладыши охотничьего оружия. Две асимметричных трапеции происходят из Александровки [154, с. 16, рис. 1, 17], одна — из Гайворона (рис. 36, 17).

Целая трапеция правильной формы, выполненная на обломке пластинки длиной 2,5 см и шириной 1,2 см (рис. 33, 24), находится в коллекции из Луки-Врублевцевой; обломок еще одной трапеции происходит из землянки в Сабатиновке II (рис. 35, 24).

2. Изделия из камня

Каменные орудия труда из ранне-трипольских поселений в основном изготовлены из мягких сланцев, легко доступные выходы которых повсеместно встречались в Поднестровье. Наибольшее количество сланцевых изделий (111 целых предметов и обломков) выявлено в Бернашевке; 50 и более предметов содержат коллекции из Ленковцев, Луки-Врублевцевой, Окопов; в Берново и Александровке насчитывается до 30 орудий из сланца. В Побужье, где источники сырья ограничены, сланцевые изделия очень редки (десять предметов — в Гайвороне, семь — в Сабатиновке II).

Описываемые орудия применялись для обработки дерева (топоры, тесла, долота) и в качестве мотыг; особую группу составляют немногочисленные предметы вооружения из сланца. В основном орудия имеют трапециевидную форму; реже прямоугольную или приближаются по очертанию к тре-

угольнику (обушковая часть заужена). Рабочий край дуговидный, прямой или слегка скошенный, обушок прямой или закругленный. В поперечном сечении сланцевые орудия обычно прямоугольные, реже — линоэвидные, в отдельных случаях — квадратные.

Согласно распространенному мнению, каменные орудия эпохи неолита являются топорами и долотами — если имеют симметричный клиновидный профиль, и теслами если профиль асимметричный, скошенный. Однако изучение коллекции из Бернашевки показало, что этот традиционный морфологический критерий не всегда оправдан, и объективное заключение о функциональном назначении орудий может быть сделано лишь на основе трассологического анализа.

а) Топоры обычно отличаются сравнительно большими размерами и массивностью. При средней длине 10 см и ширине 4—5 см некоторые экземпляры достигают в длину 15 см и в ширину 6 см (толщина 3—4 см). Преобладают трапецевидные орудия, хотя нередки и топоры прямоугольных очертаний с параллельными краями (рис. 37, 4, 6). Нередко встречаются большие орудия с зауженным обушком, напоминающие по форме удлиненный треугольник (рис. 37, 9). Преобладают топоры с симметричным клиновидным профилем, но не редки и экземпляры с более или менее выраженной асимметрией профиля.

б) Тесла — это, как правило, небольшие (длина 6—10 см, ширина 3,5—5 см) трапецевидные орудия с прямыми или чуть выпуклыми краями, слегка расширяющимися к лезвию (рис. 38, 1—4). Тесла других форм встречаются редко. Обычно эти орудия уплощены и имеют прямоугольное сечение; рабочий край дуговидный, реже — почти прямой. Выделяется тесло из Бернашевки с асимметричным, резко скошенным рабочим краем (рис. 38, 3). В большинстве случаев лезвие тесла, односторонне стертое в процессе работы, делает его профиль асимметричным (рис. 43, 1, 4), хотя некоторые изделия имеют и симметричный профиль.

в) Долота (стамески) заметно уступают по количеству топорам и теслам. Это узкие (1,5—2 см) прямоугольные орудия длиной от 4 до 10 см с параллельными или слегка выпуклыми боковыми гранями. Рабочее лезвие, прямое или чуть скошенное, обычно хорошо заострено и иногда чуть заужено. Профиль, как правило, симметричен (рис. 37, 7, 10).

г) Мотыги достоверно выделяются из общей массы сланцевых орудий лишь при осмотре под бинокулярном. Процент их довольно значителен (20 экз. в коллекции из Бернашевки). Обычно это массивные клиновидные орудия длиной 10—13 см, разные по форме, с симметричным и асимметричным профилем. Дуговидное (реже — прямое) лезвие мотыги очень затуплено и выщерблено в процессе работы (рис. 38, 5, 9).

Выделяется сланцевая мотыга с поселения Ожево — массивная, почти квадратная в сечении. Вес орудия 1 кг 330 г, длина 19,5 см; на обушке видны следы, оставленные муфтой (сглаженность, залощенность); на обеих плоскостях заметны неглубокие горизонтальные канавки от клиньев, дополнительно закреплявших мотыгу в муфте (рис. 38, 8). На лезвии с двух сторон остались линейные следы-штрихи, позволяющие установить, что при работе мотыга уходила в землю на 14 см.

Представляют интерес и две мотыги из Бернашевки. Первая, (длиной 8 см) имеет асимметричный профиль и сильно забитый рабочий край. Одна ее сторона плоская, вторая — слегка выпуклая; с обеих сторон от лезвия и до середины орудия хорошо видны косо идущие тонкие штрихи, оставленные комьями земли и мелкими камешками при рыхлении почвы (рис. 38, 9). Вторая мотыга (длиной 9,5 см) массивна, имеет вертикальные боковые ребра в средней части и симметричный профиль. Снизу, ближе к плоско срезанному квадратному обушку, мотыга снабжена неглубокой выемкой для соединения с коленчатой рукоятью. Рабочая часть ближе к лезвию носит следы употребления в виде тонких, вертикально идущих царапин, [63, рис. 60, 5].

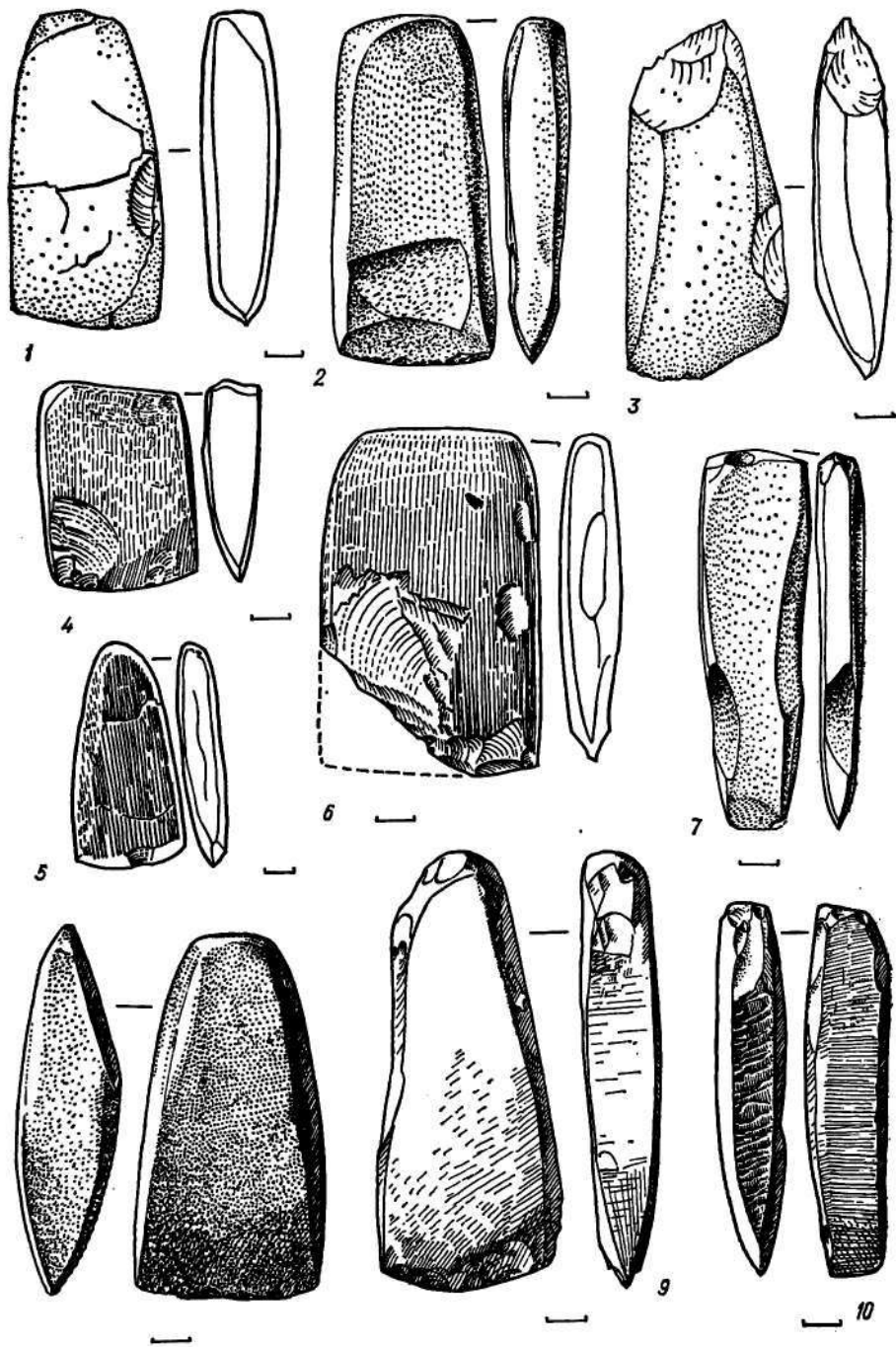

Рис. 37. Изделия из камня:

1, 3, 8—12 — Бернашевка; 2, 7 — Окопы; 4 — Гайворон; 5 — Лука-Врублевская; 6 — Сабатиновка II

Следует отметить, что многие сландевые орудия упомянутых выше типов и заготовки для них во вторичном упо-

треблении использовались как отжимники-ретушеры. В этом случае их обуховая часть закруглена, сглажена или забита в процессе работы. Обломок рубящего орудия, найденный в Бернашевке, использовался как ложи-

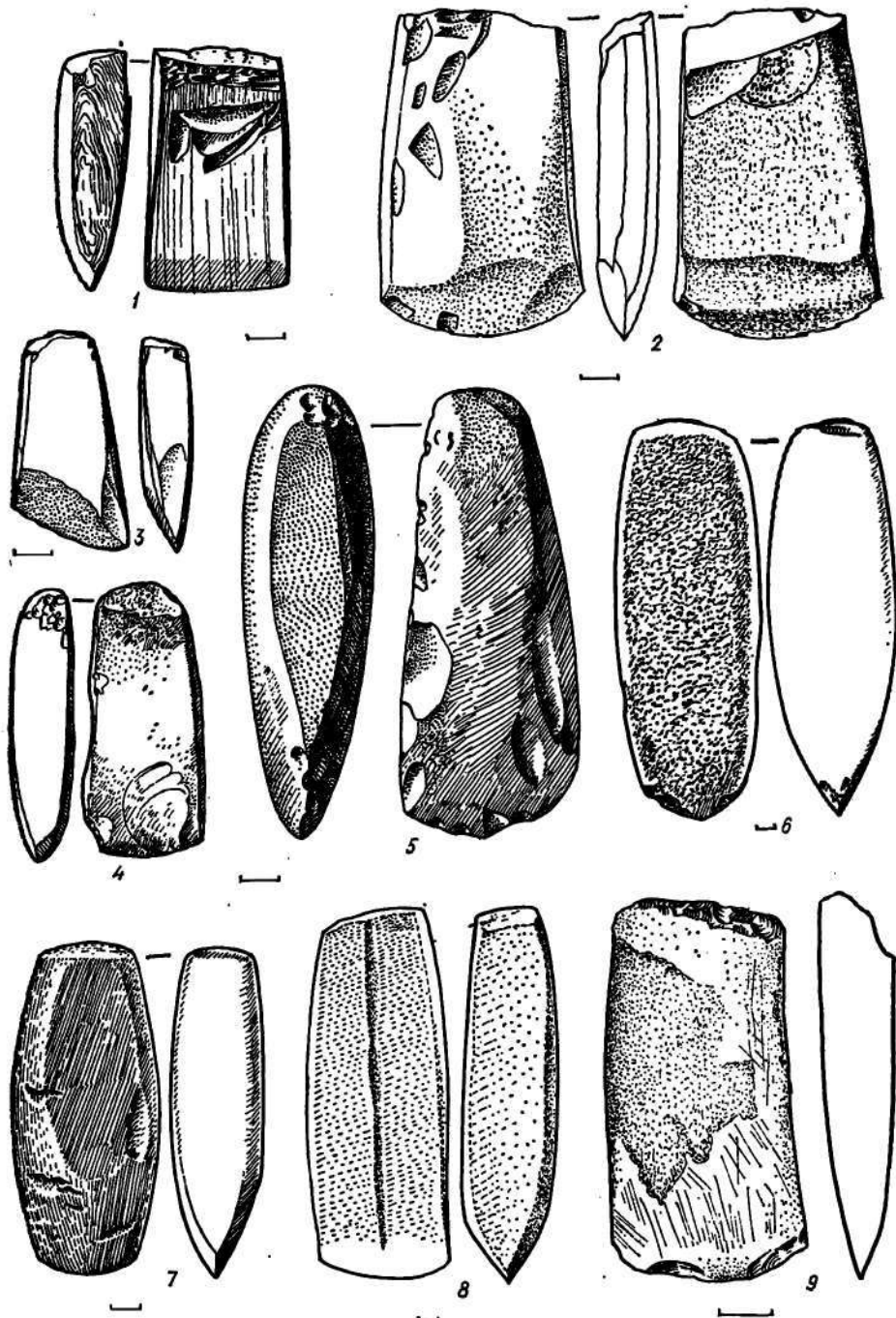

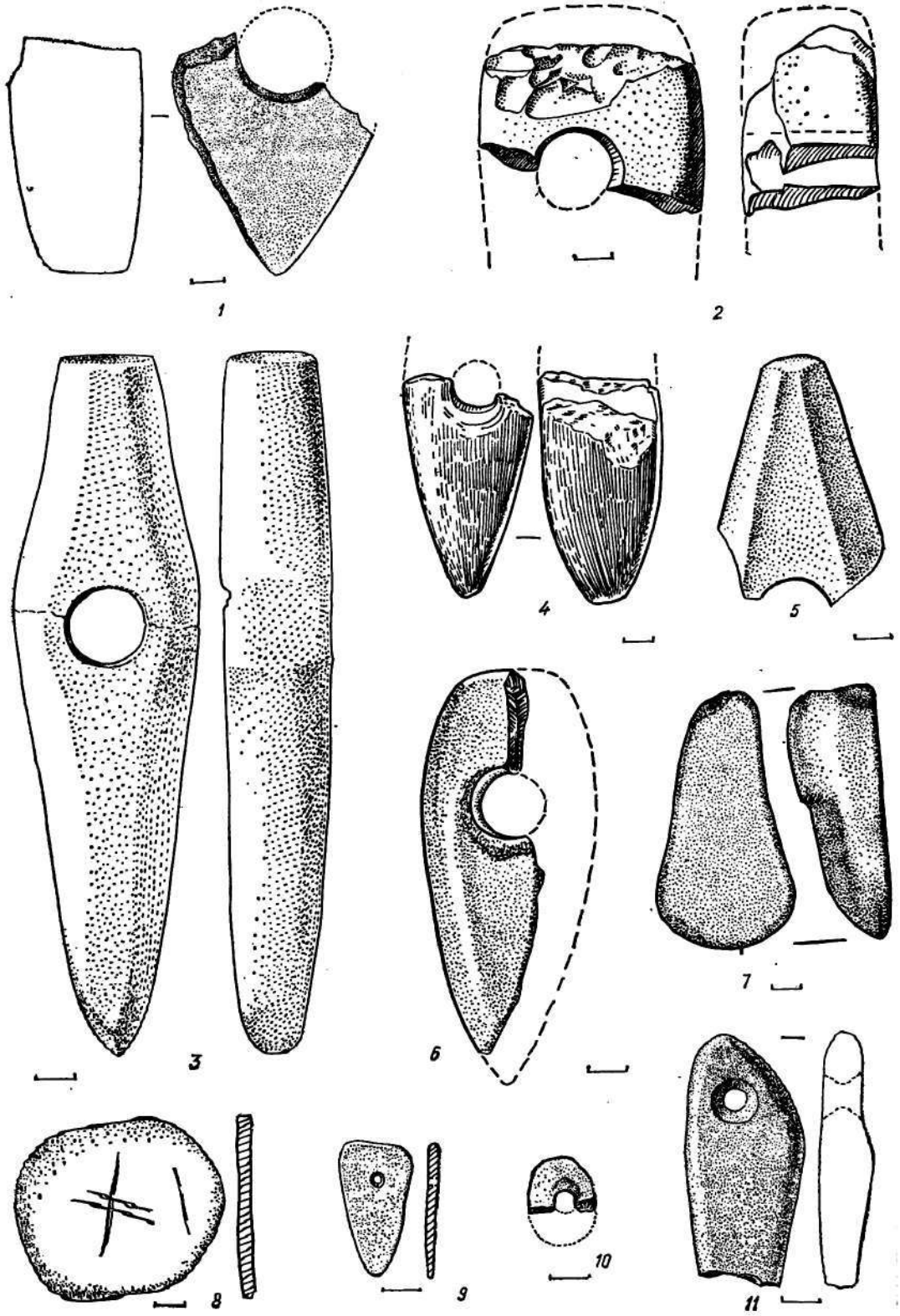
Рис. 38. Изделия из камня:

1, 3—5, 9 — Вернашевка; 2 — Окопы; 6, 7 — Гривовка; 8 — Ожево

ло при выделке кожи. С этого же поселения происходит сломанный отжимник-ретушер из плоской сланцевой

плитки с закругленными гранями; близ его рабочего конца имеется просверленное с двух сторон отверстие (рис. 39, 11).

Сверленные боевые топоры из сланца представлены несколькими экземпля-

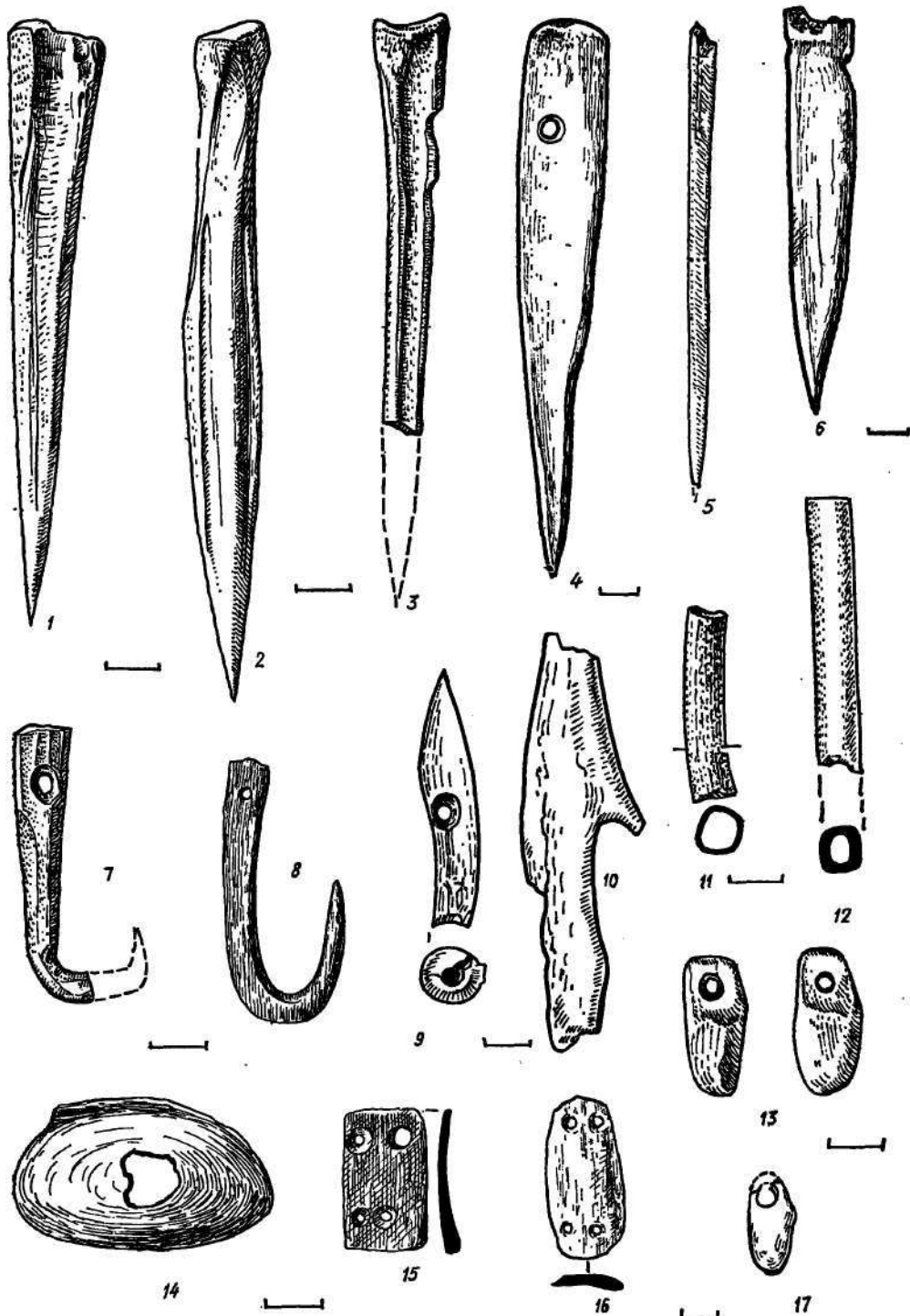

Рис. 39. Изделия из камня:

1, 2, 9-11 — Бернашевка; 3, 7 — Окопы; 4-6 — Лука-Врублевская; 8 — Сабатиновка II

5 8-1806

Рис. 40. Изделия из кости (1-13, 17) и раковин (14-16):

1-3, 6-8, 12, 14 — Бернашевка; 4 — Кормань; 5, 11 — Окопы; 9, 10, 16, 17 — Лука-Врублевская; 13 — Сабатиновка II

рамы, дошедшими в обломках. Судя по двум фрагментам из Луки-Врублевской и фрагменту из Бернашевки, это орудия ладьевидной формы, слегка уплощенные, с чуть зауженной лезвийной частью (рис. 39, 4); обушок закруглен (фрагмент из Вороновицы) или плоско срезан. В длину изделия могли достигать 20 см. Из Луки-Врублевской происходит шестигранная в сечении обушковая часть топора-молота из белого сланца (рис. 39, 5).

Ладьевидная сланцевая плита длиной 8,5 см, найденная в Луке-Врублевской, служила, по мнению С. Н. Бибикова, верхним упором для ручной лучковой дрели. В центре ее с двух сторон имеются воронки-углубления с кольцевыми следами рассверловки [14, с. 93—94, табл. 19, е]. Подобная плита обнаружена и при раскопках раннетрипольского поселения Рогатка в г. Черновцы [165, с. 108, рис. 14].

Украшения представлены подтреугольной подвеской из тонкой сланцевой пластинки, снабженной небольшим отверстием (рис. 39, 9), и ромбической подвеской-амулетом. Оба изделия найдены в Бернашевке.

В заключение следует упомянуть найденную в жилище 2 Сабатиновского поселения плоскую овальную плитку (диаметр 6 см) из коричневого сланца с тщательно зашлифованной поверхностью. На одной стороне плитки острым предметом прочерчен крестовидный знак (рис. 39, 8).

Из твердых пород камня для изготовления орудий труда преимущественно использовался песчаник различных сортов: крупнозернистый алевритовый, аркозовый со значительной примесью полевого шпата и мусковита, кремнистый ороговикованный. В Поднестровье камень, очевидно, добывали из девонских отложений, обнажившихся в долине реки. Сырьем служили также грубослоистые известняки, кварциты [136, с. 55—56]. Изредка попадаются предметы, изготовленные из эффузивных лавовых пород типа гранит-порфира, андезита, диабаз-амфиболита, встречающихся в Карпатах. Для сравнения отметим, что к западу от Прута и особенно в Прикарпатских районах (зона

прекукутенских памятников) орудия, совершенно аналогичные по форме раннетрипольским, изготавливались из местного камня твердых пород — гранодиорита, базальта, андезита, песчаника, кристаллического известняка, менилита, диатомита. Изделия из мягких мергелевых пород здесь встречаются спорадически [287, с. 29].

Для раннетрипольских поселений обычны зернотерки из песчаника в виде массивных плит длиной до 35 см со сглаженной и углубленной из-за трения рабочей поверхностью. Внешне от них не отличаются так называемые плиты-рудодробилки, определяемые лишь под биноклем [154, с. 18], и плиты для растирания краски. Работу на них производили при помощи округлых плоских каменных растиральных (иногда крупных размеров), округлых и цилиндрических пестиков и камней-куррантов. Из песчаника делались также абразивные камни, бруски-оселки (имеют следы работы в виде узких канавок). В Окопах найдены два небольших песчаниковых «утюжка» с совершенно плоской, ровной рабочей поверхностью, заглаженной до блеска (рис. 39, 7). Эти изделия применялись для лощения стенок сосудов. С этой целью иногда утилизировались и шаровидные конкреции, связанные своим происхождением с морскими осадками типа фосфорита. Поверхность одной из таких конкреций, найденных в Бернашевке, заглажена до блеска. Другая, сточенная на полюсах, служила пестом-растиральником для зерна.

Для обработки дерева использовались клиновидные топоры и тесла, по форме напоминающие аналогичные изделия из сланца (рис. 37, 8). Из жилища 3 в Бернашевке происходят три топора. Один из них, изготовленный из кремнистого песчаника, по очертаниям близок к прямоугольнику, имеет асимметричный профиль, прямоугольное поперечное сечение и ровно срезанный обушок толщиной 3 см. Второй топор, изготовленный из эффузивной породы, по форме напоминает удлинённый треугольник, симметричен в профиле, остро заточен и имеет выступающий зауженный обушок, заметно округленный

и сглаженный [63, рис. 60, 24, 25]. Массивный топор длиной 13,5 см и шириной 4,5 см с круглым срезанным обухом и дуговидным острым лезвием найден в жилище на поселении Греновка (рис. 38, 7). С этого же поселения происходит гранитная мотыга длиной 22 см и шириной 7,3 см с закругленным обухом и слегка зауженным дуговидным лезвием, несущим следы сработанности, забитости (рис. 38, 6).

На многих поселениях встречены проушные боевые топоры. Целый топор из мягкого песчаника найден в Окопах. Он имеет закругленное, зауженное лезвие и короткий цилиндрический обухок; отверстие для рукоятки чуть сдвинуто к обуху. По обеим сторонам отверстия корпус топора слегка расширяется, образуя небольшие округлые выступы. Длина изделия 19 см (рис. 39, 3). Близкий по форме целый топор с более острыми боковыми выступами и нервюрой, идущей в верхней части от края лезвия к отверстию для рукоятки, происходит с поселения Александровка. Обломки таких топоров есть в Ленковцах, Бернашевке.

Боевые топоры другого типа, найденные в Окопах и Луке-Врублевецкой, имеют форму удлиненного треугольника с закругленным основанием (рис. 39, 6). Привлекает внимание небольшой, очевидно, двулезвийный топор ромбовидной формы из Бернашевки, изготовленный из эффузивной породы типа гранит-порфира (рис. 39, 1). В Ленковцах найдена обуховая часть шестигранного боевого топора с проушиной [191, табл. IV, 16], очень напоминающего аналогичное сланцевое изделие из Луки-Врублевецкой, упомянутое выше. Такой же топор обнаружен в Витилровке на Пруте [131, с. 91].

Многие орудия из камня твердых пород использовались во вторичном употреблении как отжимники-ретушеры, отбойники, пестики.

Наконец, упомянем овальную плоскую подвеску из песчаника (Бернашевка) со сквозным круглым отверстием в центре (рис. 39, 10). Уникальной находкой является головка антропоморфной статуэтки (песчаник), описание которой приведено ниже.

3. Изделия из кости и рога

На всех раннетрипольских поселениях в изобилии представлен производственный инвентарь из кости и рога животных. Коллекция таких предметов из Луки-Врублевецкой (вместе с заготовками) насчитывает 185 изделий, из Бернашевки — более 100; в Ленковцах найдено более 70 орудий, в Берново — более 40 и т. д. В количественном отношении доминируют орудия из кости.

Шилья и проколки (рис. 40, 1—5; 41, 6, 7, 9—11) являются наиболее многочисленной группой орудий, сделанных в основном из обломков трубчатых костей (берцовой, плюсневой) диких животных — оленя, косули, кабана. Длина их колеблется в пределах 5—15 см; рабочий конец заострен, иногда тщательно заточен на манер иглы; поверхность нередко сглажена, залощена. Пятка шила (обычно с остатками эпифиза), сглажена и закруглена. Многие шилья и проколки у пятки имеют одну или несколько выемок, возможно, для закрепления в рукояти или привязывания нити. Для этой же цели, надо полагать, использовалось естественное отверстие от кровеносного сосуда, остающееся иногда на сохранившейся части эпифиза (рис. 41, 7).

В Луке-Врублевецкой встречено несколько миниатюрных, очень острых шильев-проколок из костей рыб и обломков трубчатых костей птиц [14, с. 115].

Из Бернашевки происходят два колющих орудия, определенных Г. Ф. Коробковой как иглы. Одна из них, совершенно целая, имеет два острых рабочих конца и выемку-перехват по середине. Длина ее 3,2 см, диаметр поперечника 2 мм [63, рис. 63, 17].

Привлекает внимание большое (длина около 23 см) колющее орудие из Луки-Врублевецкой, сделанное на обломке кости благородного оленя. Пятка орудия сохраняет часть эпифиза, острие хорошо заточено, поверхность гладкая, залощенная (рис. 41, 12). По мнению С. Н. Бибикова [14, с. 115], это орудие, овальное в сечении, использовалось как кивжал, точнее, стилет.

Уплощенно-овальное в сечении острие, найденное в Бернашевке, под бинокляром определено как ткацкий челнок. Вся его поверхность хорошо залощена, у пятки имеется выемка для привязывания нити (рис. 40, 6).

В качестве колющих орудий нередко использовались дуговидные пластины, вырезанные из эмали нижних клыков кабана. Сохранившиеся полностью или во фрагментах, они встречаются на всех раннетрипольских поселениях. Пластины обычно подправлены (срезан участок дуги, пристроен конец и т. д.); поверхность многих изделий сработана и заполирована, особенно на остром конце. Применение таких орудий могло быть различным. Так, некоторые изделия, найденные в Бернашевке, служили, по определению Г. Ф. Коробковой, проколками-развертками, используемыми при обработке шкур (рис. 41, 4). Орудие с заостренным концом, косо срезанным внутренним краем и сквозным круглым отверстием у пятки (рис. 41, 3) первоначально использовалось как шпатель для обработки поверхности сосудов перед обжигом, а затем — как сверло.

Кочедыками — орудиями для плетения сетей и циновок — служили крупные изделия (длиной до 20 см) из обломков плюсовых костей оленя. Четыре таких орудия обнаружены в Бернашевке; есть они и в коллекциях других поселений. Массивный рабочий конец кочедыка обычно пристроен и сглажен, поверхность залощена в процессе работы.

Лощила для кожи и обработки поверхности сосудов встречены на многих поселениях. Они имеют вид стержней или лопаточек с залощенной поверхностью; рабочий конец, как правило, сточен, заострен и слегка закруглен (рис. 41, 8). В Бернашевке найдено лощило из плюсовой кости оленя в виде пластины длиной 26 см с параллельными краями, слегка закругленным концом и сквозным отверстием в пяточной части. Вся поверхность орудия (рис. 41, 1) залощена до блеска.

По предположению С. А. Семенова, изучившего под бинокляром некото-

рые изделия из Луки-Врублевцевой [14, с. 116], в качестве лощин для керамики могли использоваться кости конечностей крупных копытных со следами сработанности с двух или четырех сторон (рис. 41, 15). Эти кости хорошо представлены во всех без исключения раннетрипольских коллекциях.

Рыболовные крючки, найденные преимущественно в обломках, происходят из Бернашевки (4 экз.) и Берново (1 экз.). Они вырезаны из метаподия оленя и имеют размеры от 3,5 до 5,5 см. Уплощенная стержневая часть крючка снабжена просверленным сквозным отверстием или зазубринами для привязывания лески. Переход от стержня к жальцу закруглен или сделан под прямым углом; острое жальце без бороздки параллельно стержню (рис. 40, 7, 8).

Для ловли рыбы могли применяться также костяные остроги и гарпуны. Обломок такой острога с шипом (рис. 40, 10) и острие со сквозным отверстием (поворотный гарпун?) выявлены в Луке-Врублевцевой [14, с. 117].

Штамп-орнаментеры для нанесения узора на глиняную посуду (в Бернашевке, Окопах, Луке-Врублевцевой и на других поселениях) изготовлены в основном на пластинках из клыка кабана, снабженных по краю зубчатой нарезкой (рис. 41, 5).

Украшения преимущественно представлены небольшими цилиндрическими пронизками из трубчатых костей птиц и грызунов (рис. 40, 11, 12). В нескольких экземплярах они обнаружены в Окопах и Луке-Врублевцевой. Из последнего поселения происходят также клыки оленя, просверленные в корневой части (рис. 40, 17). Как подражание этим украшениям следует рассматривать вырезанные на кости подвески (7 экз.) из Сабатиновки II (рис. 40, 13). С поселения Берново происходят две подвески из клыков собаки [131, с. 57]. В качестве подвесок-амулетов иногда могли использоваться и пластинки из клыка кабана, снабженные отверстиями [14, с. 199—200; 191, с. 85].

В Ленковцах найдена плоская костя-

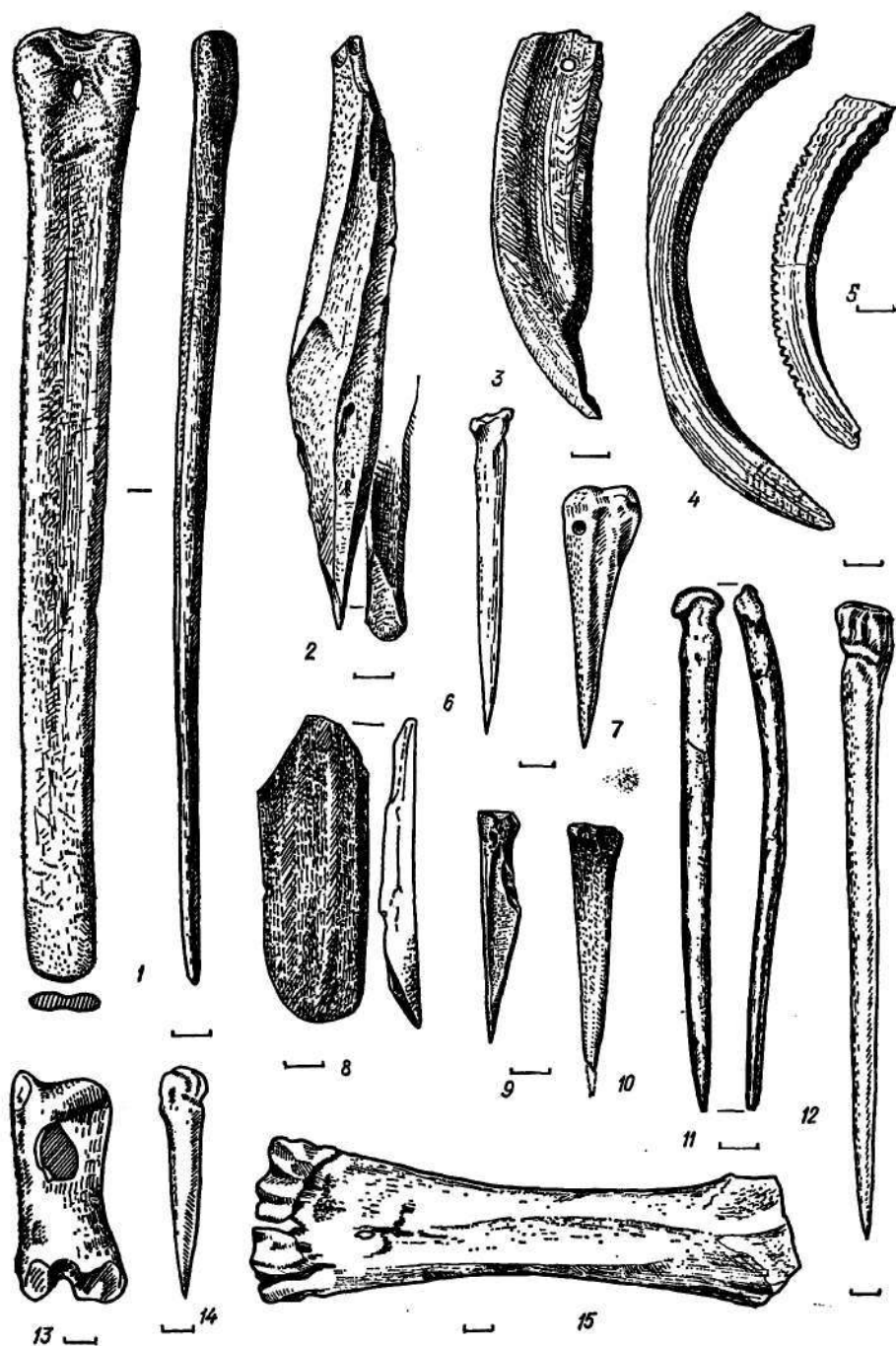

Рис. 41. Изделия из кости:
1—5, 9 — Бернашевка; 6, 7, 11—14 — Луна-Вруб-
левская; 8, 10, 15 — Окопы

ная подвеска, напоминающая по фор-
ме треугольник с закругленными угла-

ми: Е. К. Черныш полагает, что это
стилизованное изображение человече-
ской фигуры [191, с. 83, табл. XII, 39].
Схематизированная антропоморфная
фигурка из кости обнаружена также в
Сабатиновке II [96, с. 90, табл. 1, 4];

более подробно она будет рассмотрена в разделе, посвященном антропоморфной пластике.

Наконец, следует упомянуть фаланги быка и благородного оленя (рис. 41, 13) с пробитыми в эпифизарной части отверстиями (Лука-Врублевская, Берново, Ленковцы) рассматриваемые С. Н. Бибиковым как древние игральные принадлежности [14, с. 201].

Роговые изделия уступают в количественном отношении костяным, хотя встречаются почти на каждом поселении в виде готовых орудий или заготовок. Наибольшую коллекцию составляют изделия из рога оленя и косули, найденные в Бернашевке (25 экз.).

Мотыги (рис. 42, 2, 4, 5, 7; 43, 1, 3, 4) — наиболее часто встречающиеся орудия труда (19 — в Бернашевке, 5 — в Луке-Врублевской, 4 — в Окопах и т. д.), для изготовления которых использовались основания и штанги (реже — боковые отростки) рога оленя. Обычно это орудия длиной от 15 до 25 см с косо срезанным рабочим краем и закругленным обушком, имеют продольную постановку лезвия относительно оси отверстия для рукоятки. Примером может служить почти полностью сохранившаяся мотыга из Бернашевки длиной 18,5 см с продольной постановкой рабочего края и зауженным, закругленным обушком. Отверстие для рукоятки диаметром 1,5 см чуть сдвинуто к рабочему концу (рис. 43, 1). Вся поверхность орудия и особенно обушковая часть хорошо заглажена, залощена. Мотыга была вставлена в коленчатую рукоятку и заклинена в ней; следы клиньев в виде продольных вмятин хорошо видны вдоль обушковой части орудия. Отверстие использовалось для дополнительного закрепления в рукоятки путем привязывания. Спустя некоторое время рабочий конец мотыги сломался (остался узкий заостренный выступ), но орудие по-прежнему использовалось для рылления почвы.

Очень редко встречаются мотыги с рабочим лезвием, перпендикулярным оси отверстия. Такое орудие найдено, в частности, в Луке-Врублевской [14, табл. 22, а]. Одна мотыга этого типа, обнаруженная в Бернашевке, она

имела небольшие размеры (длина 13 см) и закреплялась с торца в коленчатой рукоятки (край плоско срезанного обушка стерт и закруглен в результате трения о рукоять). Дополнительное крепление обеспечивалось привязыванием рукоятки к отверстию, возможно, для этого же была прорезана канавка вокруг обушковой части (рис. 42, 7).

Из рожков косули и боковых отростков рога оленя изготавливались небольшие мотыжки для разных огородных работ. Клиновидные лезвия их обычно хорошо заточены, поверхность сглажена. Узкое сквозное отверстие-сверлина использовалось для дополнительного привязывания орудия к рукоятке (рис. 43, 4).

Обломки мотыг часто использовались вторично в качестве рукояток и муфт для разных орудий (из кремня, камня и т. д.), которые глубоко всаживались в губчатое вещество рога на месте слома и дополнительно могли закрепляться путем привязывания к проушине мотыги. Края муфт на месте слома мотыги обычно сглажены и залощены от трения инструмента. Наиболее часто в этом качестве использовались цилиндрические обломки мотыг (рис. 42, 6). Иногда небольшие мотыги или их части могли служить колотушками, молотками (рис. 42, 1).

Изредка из рога изготавливали также шилья, проколки (рис. 43, 5), долота.

В Бернашевке выявлена лезвийная часть боевого топора длиной 17 см (рис. 43, 2). Лезвие расположено в одной плоскости с продольной осью отверстия для рукоятки (диаметр последнего 2 см); небольшой перегиб профиля придает топору плавные очертания. По обе стороны отверстия на тулове топора имеется орнамент в виде нескольких рядов неглубоких округлых ямок. Вся поверхность изделия тщательно залощена и не носит никаких следов употребления. Возможно, этот топор служил не только предметом вооружения, но и инсигнией — знаком власти.

Для полноты картины здесь же упомянем изделия из створок раковин

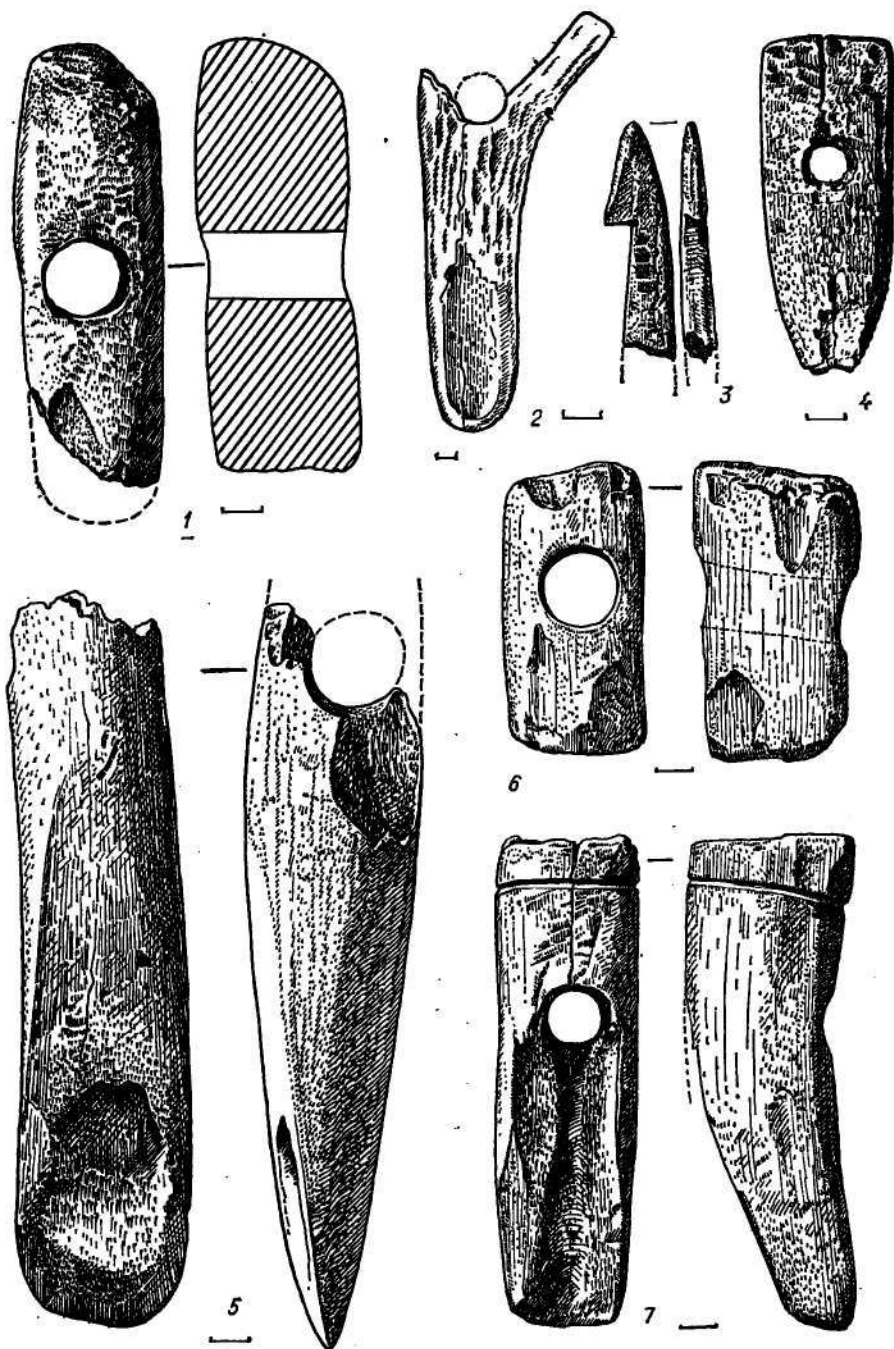

Рис. 42. Изделия из рога:

1, 5—7 — Бернашевка; 2 — Лука-Врублевская,
3 — Оюпы; 4 — Сабатиновка II

Unio — подпрямоугольные и овальные
бляшки с четырьмя отверстиями, оче-

видно, нашивавшиеся на одежду
(рис. 40, 15, 16). Эти поделки найдены
в Луке-Врублевской, Бернашевке и
некоторых других поселениях. Повсе-
местно и в большом количестве встре-
чены створки раковин Unio с округ-

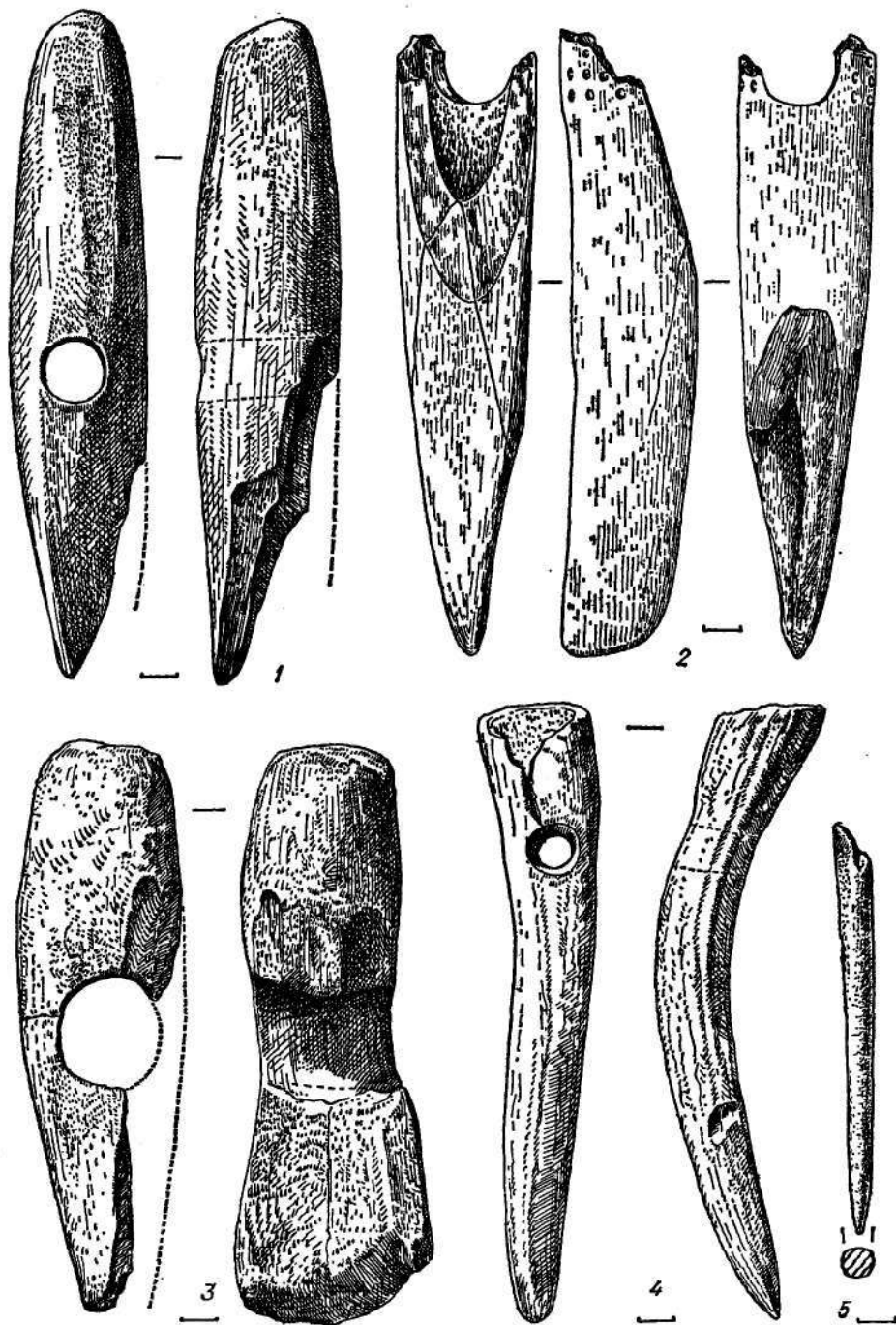

Рис. 43. Изделия из рога:

1—4 — Бергашевка; 5 — Окопы

лыми отверстиями для нанизывания их на нить (рис. 40, 14), т. е. подвески, составлявшие ожерелья.

4. Медные изделия

На раннетрипольских поселениях Украины найдено (вместе с обломками и заготовками) 24 медных предмета. Половина этого количества происходит

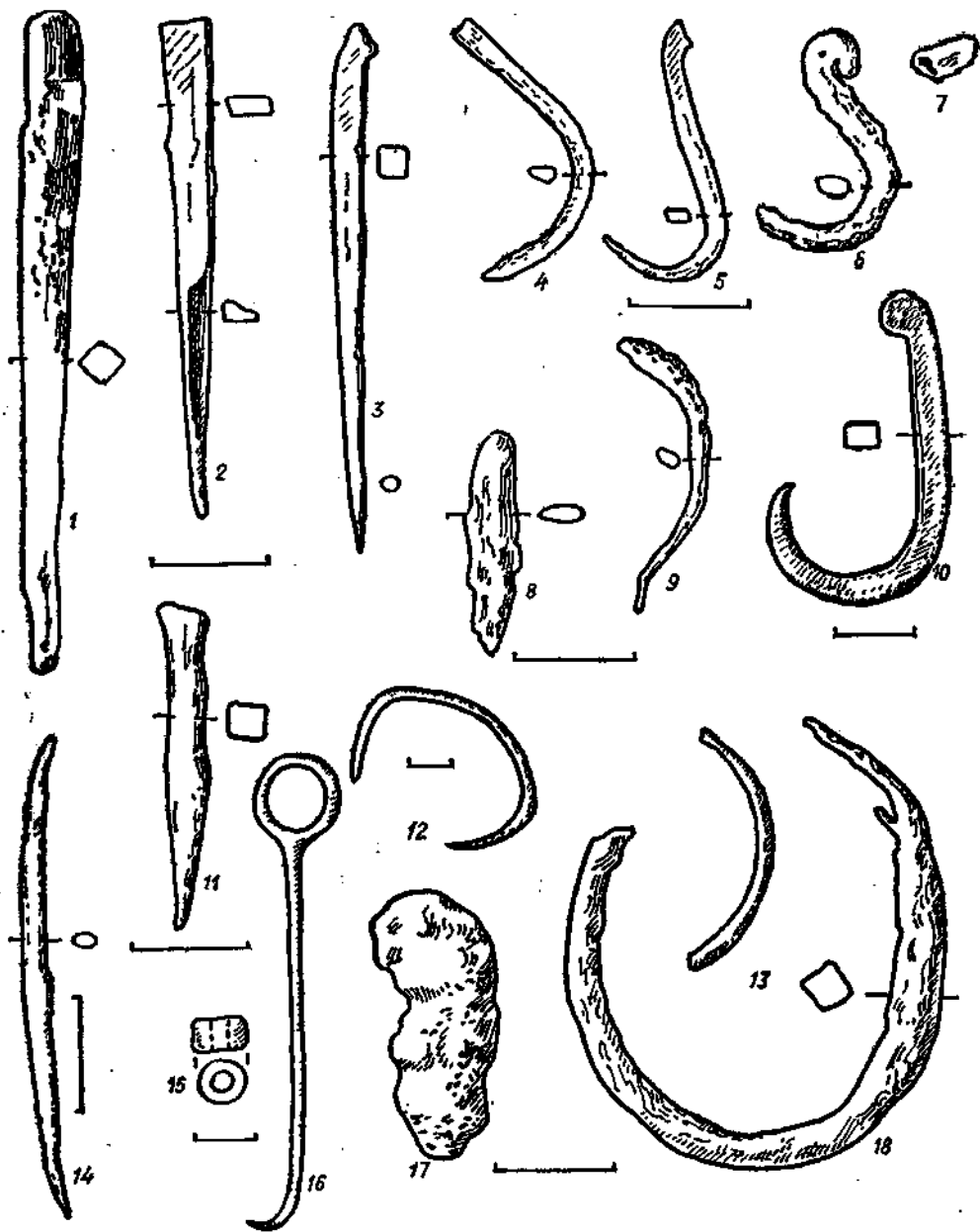

Рис. 44. Изделия из меди:

1—3, 11, 17, 18 — Лука-Врублевская; 10, 13, 15 — Берново (уроч. Лука); 12 — Ленковцы; 14 — Окопы; 16 — Александровна

из Луки-Врублевской [14, с. 120—121], 5 изделий обнаружено в Александровке, 3 — в Берново, по одному — в Окопах, Ленковцах, Луке-Устинской, Гайвороне. Из списка раннетрипольского металла следует исключить доло-

то — случайную находку на поселении Кельменцы в Среднем Поднестровье [145, с. 205—206], так как это поселение, очевидно, относится к началу развитого этапа Триполья.

Шилья в виде четырехгранных в сечении медных стержней (рис. 44, 1, 2, 11) найдены в Луке-Врублевской (3 экз.). Длина их сохранившейся части 5—6 см. Небольшой фрагмент

такого шила выявлен, по данным М. Л. Макаревича, в жилище 2 на поселении Гайворон. Обоюдоострое, овальное в сечении медное шило длиной 4,2 см происходит из поселения Окопы (рис. 44, 14). По заключению Н. В. Рындиной, оно выковано из самородной меди.

Долото или зубило в виде короткого, массивного, прямоугольного в сечении стержня найдено на поселении Александровка во время раскопок А. Л. Есипенко. Рабочий конец орудия обломан.

Рыболовные крючки встречены в Луке-Врублевецкой (2 целых экз. и 2 заготовки) и в Берново (1 экз.). Они изготовлены из четырехгранных или овальных в сечении медных прутиков (рис. 44, 4—6, 9, 10); верхняя часть загнута в петельку для привязывания лески, стержень несколько изогнут, заостренное жало без бороздки слегка отогнуто. Экземпляр из Берново [131, с. 57, рис. 9, 5] имеет прямой стержень с параллельным ему жалом, близко напоминая описанные выше костяные крючки (рис. 44, 10). Два медных крючка выявлены также на раннетрипольских поселениях Молдавии — Солончены I [131, рис. 13, 3] и Новые Русешты [101, с. 59, рис. 12, 26].

Булавка (заколка) с поселения Александровка [52, с. 19] изготовлена из тонкой, округлой в сечении проволоки и имеет вид стержня с кольцевой головкой. Острый конец булавки слегка загнут (рис. 44, 16). Длина ее около 9 см. Еще одна медная булавка или шпилька с квадратным сечением происходит из Луки-Врублевецкой. Ее слегка изогнутая верхняя часть обломана (рис. 44, 3). Длина уцелевшего стержня 4,7 см.

Украшения представлены изделиями нескольких видов:

а) цилиндрическая пронизка длиной 1 см, свернутая из тонкой медной пластинки, найдена в Луке-Врублевецкой (рис. 44, 7). Из поселения Берново происходит мелкая цилиндрическая бузинка (рис. 44, 15);

б) овальное кольцо, свернутое из массивного медного прута, найдено в Луке-Врублевецкой. Часть кольца об-

ломана; максимальный его диаметр — 3,5 см (рис. 44, 18). Дуговидный обломок небольшого височного колечка из тонкой проволоки (рис. 44, 13) обнаружен на поселении Берново (Т. С. Пасек упоминала о нем как о фрагменте шила). Два целых маленьких колечка происходят из Александровки [70, с. 36, рис. 3, 6, 7];

в) браслет из медной пластинки шириной 0,5 см, сужающейся на концах, найден в Ленковцах (рис. 44, 12). Максимальный диаметр браслета 4 см: Е. К. Черныш полагает, что он мог принадлежать ребенку [191, с. 86];

г) ромбическая бляха с четырьмя отверстиями в углах упомянута исследователями поселения Александровка [69, с. 279].

В конце списка следует назвать две бесформенные уплощенные заготовки из Луки-Врублевецкой (рис. 44, 8, 17) и медную пластинку из Луки-Устинской [10, с. 66].

Таким образом, на раннетрипольских поселениях (включая памятники Молдавии) найдено 30 медных предметов. Еще меньше медных изделий происходит с прекукутенских поселений к западу от Прута. К нижнему слою Извара относятся небольшая эллипсоидная подвеска, обломок шила с загнутым рабочим концом и тонкая полоска меди длиной 4,9 см [332, с. 111, рис. 85, 3—6]; Траян-Дялул Фынтыгилор дал три шила [243, с. 167, рис. 5, 9—11].

Наконец, на полностью исследованном поселении Тырпешти обнаружены обломок уплощенного медного стержня, два небольших кусочка проволоки, свернутых в кольцо, два более крупных обломка медной проволоки (очевидно, заготовки для украшений) и рыболовный крючок [287, с. 29, рис. 52, 1—3, 5—7].

Перечисленные выше находки не дают, однако, представления об истинном объеме металла, примененного ранними трипольцами в быту и производстве. На поселениях обычно находят лишь потерянные медные изделия или оставленные жителями при поспешном уходе. Реальную ситуацию помогают прояснить такие счастливые открытия, как знаменитый клад, происходящий с

раннетрипольского поселения Карбуна в Молдавии [153]. Из 852 предметов, входящих в состав клада, 444 — медные. В основном это разнообразные украшения: цилиндрические бусы, составлявшие ожерелье (377 экз.); трубочки-прокизи (11 экз.); пластинчатые подвески разной формы, в том числе антропоморфные (22 экз.); разнообразные нашивные бляхи (включая антропоморфные) с несколькими отверстиями (18 экз.); спиральные «пружинные» браслеты (4 экз.); наборный пластинчатый браслет из восьми звеньев. Орудия труда представлены узким клиновидным топором-геслом и проушным топором с прямым корпусом и слегка опущенной обушной частью; заготовками, очевидно, являлись две узкие медные полоски со следамиковки.

Таким образом, Карбунский клад позволяет считать, что в раннем Триполье (по крайней мере, к концу этапа) бытовало большое количество разнообразных медных изделий, прежде всего — украшений. При изготовлении раннетрипольских металлических изделий (преимущественно из плавяной металлургической меди) использовались различные кузнечные операции без применения техники литья [146, с. 83]. Металл — чистая медь с естественными примесями свинца, висмута, серебра, сурьмы, мышьяка и других элементов — поступал в основном из северофракийского горнорудного центра [189, с. 88, 264].

5. Керамика

Основной и наиболее характерный вид инвентаря раннетрипольских поселений представлен рядом коллекций, различных по составу и количеству находок. Крупнейшая коллекция (около 15 тыс. фрагментов керамики) получена в результате раскопок Бернашевского поселения. Керамические комплексы Флорешт и Окопов состоят соответственно из 9,5 и 8,5 тыс. фрагментов. В Луке-Врублевецкой обнаружено около 4 тыс. фрагментов керамики, в Рогожанах и Берново — 3,5 тыс., в Сабатиновке II — 1,5 тыс., в Гайвороне —

1 тыс. По данным Е. К. Черныш, коллекция Ленковцев состояла из 400 сосудов [191, с. 106]. На остальных раннетрипольских поселениях найдено по несколько сот фрагментов керамики.

Целые сосуды или их развалы встречаются редко (наиболее благополучны в этом отношении Александровка, Гренивка, площадка 3 в Сабатиновке II и др.), однако каждая крупная коллекция насчитывает определенное количество полностью сохранившихся или реконструированных сосудов, позволяющее объективно охарактеризовать раннетрипольскую керамику.

Классификация ее основана на технологическом принципе, учитывающем примеси к глиняной массе, характер обработки поверхности, степень обжига; большое значение имеет также орнаментация сосудов. Этими критериями пользовалась, в частности, Т. С. Пассек при описании керамики из Флорешт [131, с. 195, 197]; ими руководствовалась (хотя и не всегда последовательно) С. Маринеску-Былку, выработывая классификацию прекукутенской посуды [282, с. 55—56, 64, 75; 287, с. 30—31].

Исходя, прежде всего, из технологических признаков, в керамике культуры Прекукутени — раннее Триполье можно выделить три группы, наиболее четко проявляющиеся на ранних памятниках (Флорешты, Бернашевка, Ларга-Жижия, Окопы и др.). Посуда каждой группы присущи свои формы и специфический орнамент. Следует, однако, подчеркнуть, что это членение не является абсолютным и неизбежным: встречается керамика, в которой сочетаются технологические признаки и орнаментация различных групп [63, с. 104, 106].

Посуда 1-й группы изготовлена из глины с добавкой крупнотолченого шамота, который, как установлено исследованиями Э. В. Сайко, представляет собой различные варианты подсушенных глинистых пород, глинистые сланцы, пережженный черепок [149, с. 136—140]. В качестве отощителя в тесто добавляли песок, зерна кварца, известняк или измельченные раковины (Лука-Врублевецкая, Берново). Обжиг

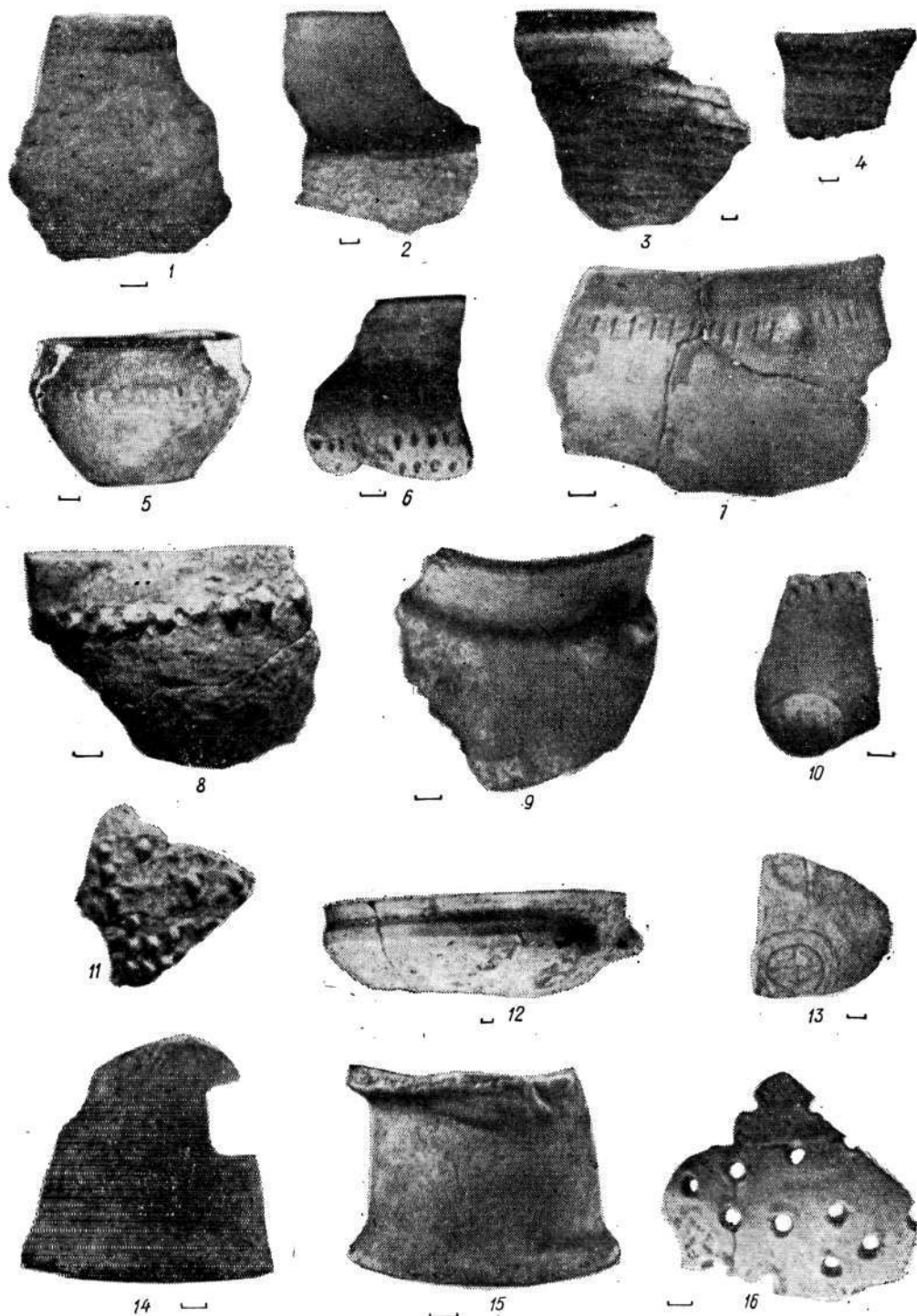
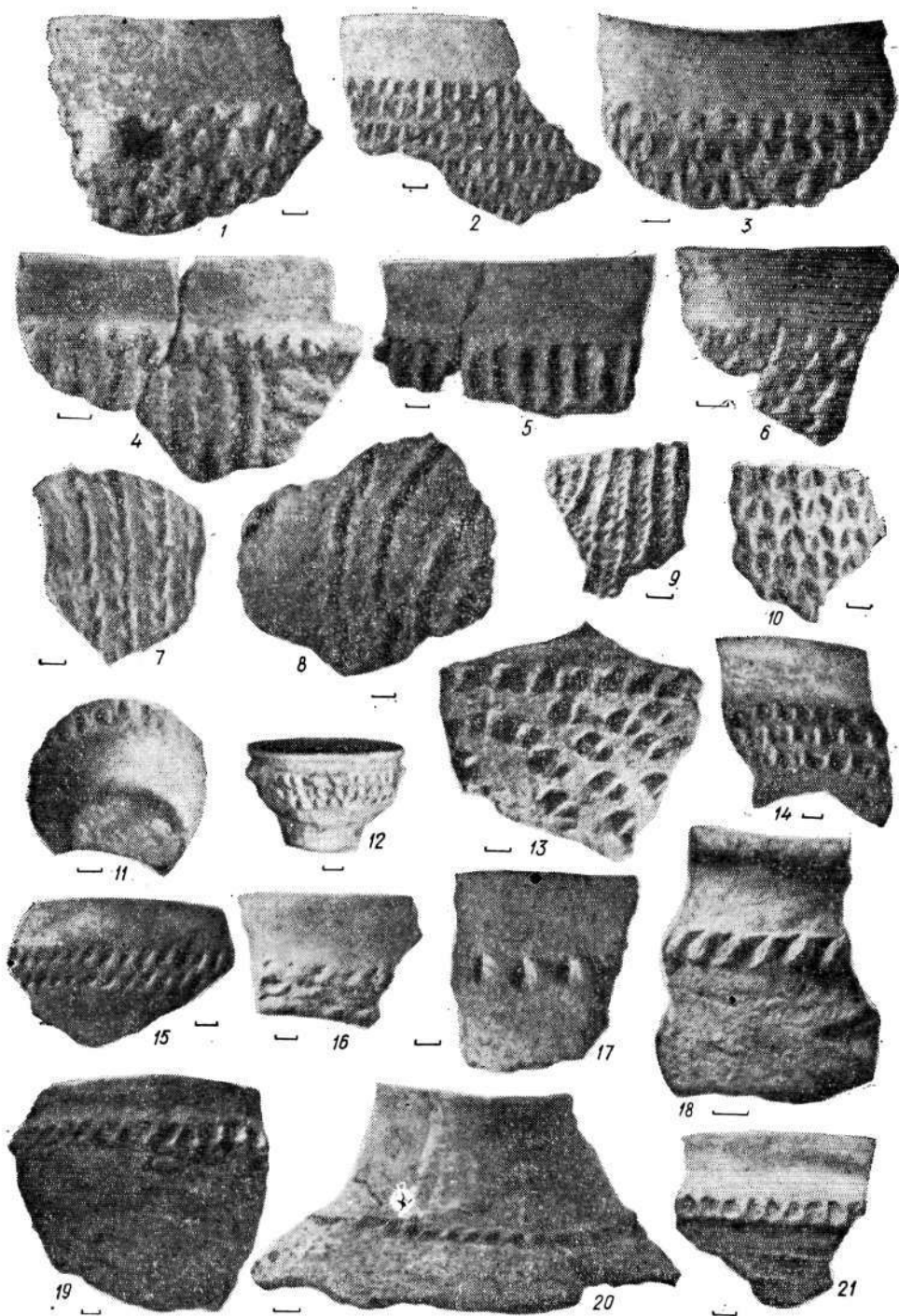

Рис. 45. Посуда 1-й группы:

1, 7 — Греновка; 2—4, 6, 8, 9, 11—14 — Бернашевка; 5 — Сабатиновка II; 10 — Гайворон; 15, 16 — Окопы

Рис. 46. Посуда 1-й группы:

1, 7, 10 — Гайворон; 2, 5, 6, 9, 12, 15, 21 — Сабатиновка II; 3, 8, 11, 13, 14, 18, 19 — Бернашевка; 4 — Вороновица; 16, 20 — Окопы; 17 — Лука-Врублевская

этой посуды неравномерный; черепок рыхлый, комковатый, толщиной 0,8—1 см и более. Поверхность шероховатая, часто носит следы небрежного

пальцевого сглаживания, идущие горизонтально, вертикально или беспорядочно (рис. 45, 3—4; 46, 21). Сглаживание осуществлялось по специально

нанесенному на поверхность сосуда густому слою обмазки.

Небольшая часть посуды 1-й группы — из глины с примесью песка и мелкотолченого шамота. Это сосуды с более плотным черепком; поверхность их сглажена и покрыта ангобом.

Для описываемой посуды характерны коричневато-желтые тона; своим розоватым мажущимся ангобом выделяется керамика Гайворона.

Посуда 1-й группы, очевидно, использовалась в основном для приготовления пищи и хранения припасов; в литературе она иногда называется кухонной. Для нее характерны следующие основные формы сосудов (рис. 47, 1—18).

Горшки нескольких подтипов:

1) С невысоким, обычно чуть стянутым венчиком, край которого слегка отогнут либо горизонтально срезан. Плечики подчеркнуты легким перегибом-ребром, ниже которого тулово конически сужается ко дну. Последнее иногда имеет невысокий (1 см) поддончик-закраину; изредка придонная часть цилиндрически вытянута. В отдельных случаях такие горшки могли иметь невысокий (2—3 см), полый цилиндрический поддон (рис. 57, 5).

Обычно эти сосуды небольших и средних размеров, высота которых колеблется в пределах 12—18 см (рис. 47, 1; 53, 1; 65, 1; 68, 3).

2) С довольно высоким (3—5 см), прямым или чуть отогнутым венчиком. Диаметр горла равен максимальному диаметру, приходящемуся на ребристые высокие плечики. Тулово сужается ко дну (рис. 47, 2; 60, 2; 66, 5).

3) Биконические горшки с резким перегибом профиля, приходящимся примерно на середину высоты сосуда (рис. 47, 3; 53, 4).

4) С невысоким, чуть стянутым венчиком, округлыми плечиками и приземистым (высота 10—12 см) туловом, плавно сужающимся ко дну (рис. 47, 4; 57, 3; 65, 2). В отдельных случаях такие горшки имеют цилиндрически вытянутую придонную часть (рис. 60, 1).

5) Округлотелые, близкие по форме глубоким полусферическим чашам. Край сосуда обычно закруглен и слегка

загнут внутрь. Реже имеется невысокий отогнутый венчик (рис. 47, 5; 54, 1—3, 9; 61, 8).

6) Удлиненных пропорций (высота 30—40 см, максимальный диаметр немногим превышает диаметр горла), с высоким прямым венчиком и округлым туловом без выраженных плечиков (рис. 47, 6; 53, 8, 9).

7) Широко открытые котловидные горшки, диаметр горла которых равен или чуть меньше максимального диаметра тулова, приходящегося на высокие плечики (округлые или обозначенные легким ребром). Тулово широкое, стенки покато сужаются к узкому дну. Высота котловидных горшков достигает 50 см (рис. 47, 7; 61, 3; 69, 5).

8) Банковидные горшки с почти нерасчлененным прямым профилем. Край венчика иногда чуть стянут (рис. 47, 8; 53, 3, 6; 67, 2).

Сосуды-«зерновики». Под этим условным наименованием исследователи обычно описывают крупные сосуды для хранения припасов и воды. Обломки их найдены в Луке-Врублевецкой, Сабатиновке II; реставрированные зерновики имеются в коллекции Александровки [67, с. 15]. Для этих сосудов характерно высокое прямое горло диаметром до 0,3 м, округлое тулово без четко выраженных плечиков, со слегка вытянутой придонной частью. В высоту они достигали 0,7—0,8 м при толщине стенок и дна 2—3 см. В ряде случаев зерновики снабжены несколькими ручками (округлыми или уплощенными в сечении), которые закреплялись при помощи цилиндрических «шпилей», вдавленных в толщу стенки. Иногда ручки асимметрично расположены на разных высотах (рис. 47, 9; 69, 6).

Изредка встречаются зерновики высотой до 0,5 м, со слегка намеченными плечиками в верхней части тулова; обычно они лишены ручек (рис. 47, 9; 57, 11).

Кувшины. К этому типу относятся сосуды с цилиндрическим или коническим горлом высотой 7—8 см и высокими угловатыми плечиками (рис. 47, 10; 53, 11). Представлены они небольшим количеством экземпляров.

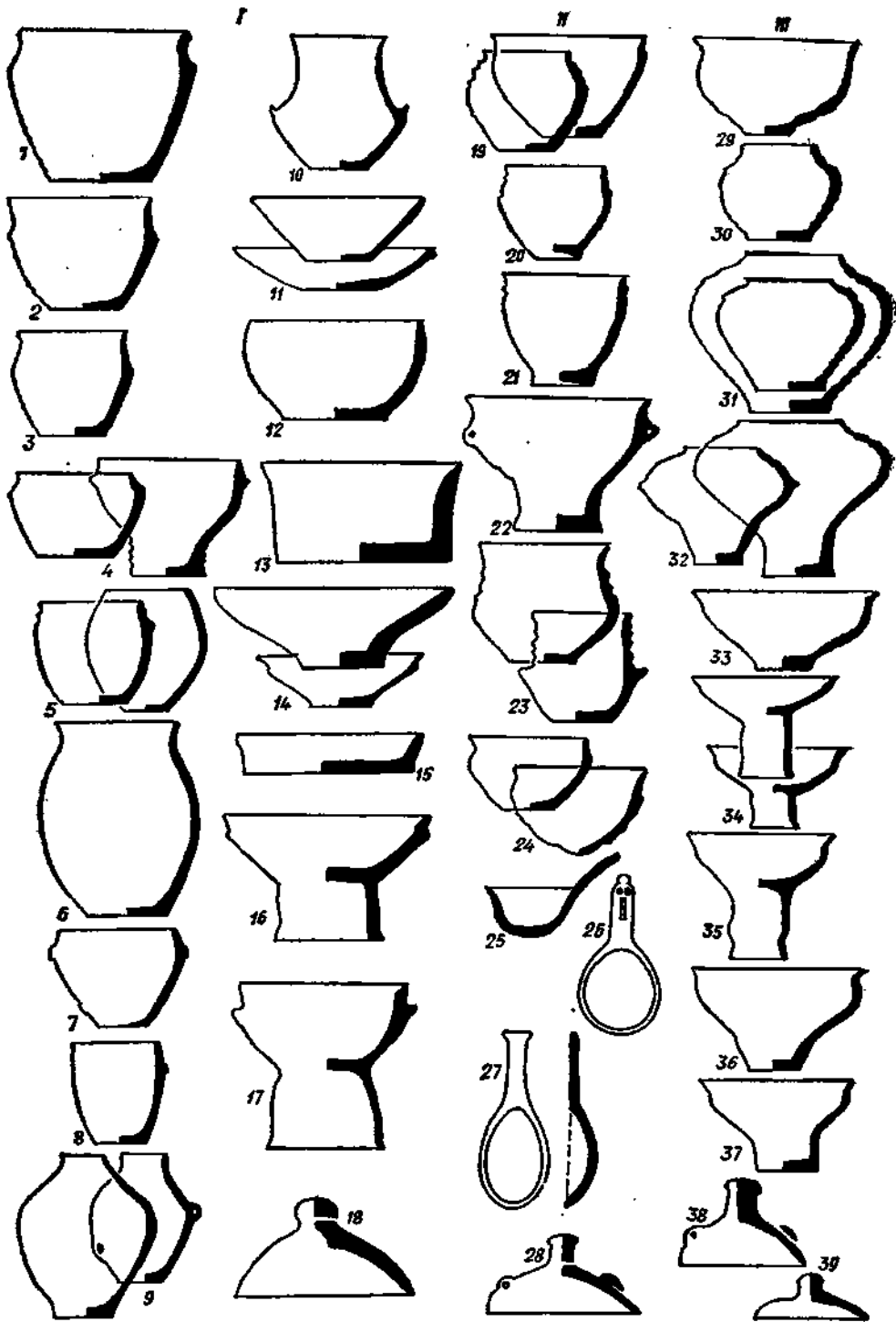

Рис. 47. Типологическая таблица раннетрипольской керамики:
 I — посуда 1-й группы; II — посуда 2-й группы; III — посуда 3-й группы

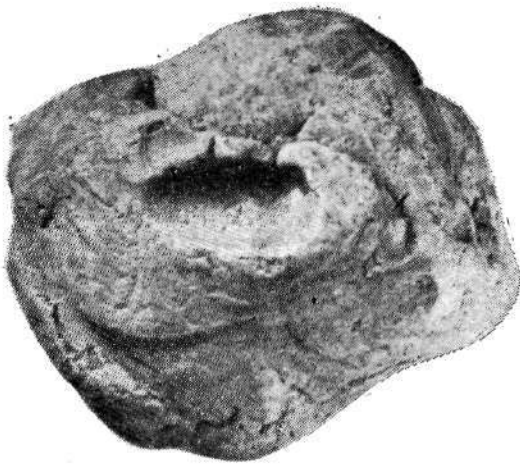

Рис. 48. Ком гончарной глины (поселение Вороновца)

Миски нескольких подтипов:

1) С коническими стенками и невыделенной придонной частью. Венчик в ряде случаев слегка загнут внутрь или отогнут. Обычно размеры этих мисок невелики, лишь наиболее крупные экземпляры достигают в диаметре 0,35—0,4 м при высоте 10—15 см и толщине стенок 1—1,5 см (рис. 47, 11; 54, 4, 12; 57, 2; 61, 6).

2) Полусферические, с округлыми стенками и загнутым внутрь краем венчика (рис. 47, 12; 61, 7; 66, 7). Миски этого подтипа встречаются редко.

3) С высокими вертикальными стенками, край которых слегка отогнут наружу (рис. 47, 13; 61, 5).

4) Миски с четко выделенной придонной частью — слегка вытянутой и зауженной (рис. 47, 14; 57, 7; 64, 2).

Жаровни. Открытые округлые сосуды диаметром 15—25 см с прямым вертикальным бортиком высотой 1,5—2 см. Иногда край бортика слегка отогнут (рис. 47, 15; 54, 11; 67, 5).

Фруктовницы. Так называемые фруктовницы — широко открытые сосуды наполовину поддоне — представлены значительным количеством экземпляров. Нижняя часть фруктовницы — поддон — невысокая (6—9 см), с прямыми или чуть расширяющимися книзу стенками (рис. 45, 15; 54, 5; 57, 10). Иногда встречаются поддоны с «раздутыми», слегка выпуклыми стенками

(рис. 63, 4). Край поддона («венчик») обычно отогнут; в стенках его на разной высоте могут быть проделаны два (очень редко — четыре) овальных или подпрямоугольных окошка (рис. 45, 14).

Особый интерес представляют поддоны, моделированные в виде схематизированных человеческих фигур, разделенных удлиненно-овальными окошками. Фрагменты таких поддонов найдены в Луке-Врублевецкой (рис. 61, 9), Берново (рис. 63, 2) и на других поселениях. Антропоморфные черты этим изображениям придают реалистически моделированные бедра и ягодицы; мы как бы видим со стороны группу людей, объединенных в ритуальном танце-хороводе [180, с. 80]. Судя по обломку сосуда из Тырпешти, в отдельных случаях к поддонам фруктовниц крепились глиняные антропоморфные фигурки, аналогичные раннетрипольским женским статуэткам [282, с. 100, рис. 86, 2; 87, 9].

В зависимости от формы верхней части фруктовницы, укрепленной на поддоне, эти сосуды можно разделить на два основных подтипа:

1) Резко профилированные, с уступом-ребром, сравнительно неглубокие, напоминающие современную тарелку с плоским, скошенным венчиком (рис. 47, 16; 54, 2; 57, 8).

2) Глубокие чаши с плавно закругленными плечиками и невысоким прямым или чуть отогнутым венчиком, часто имеющие небольшие выпуклые ручки-ушки на уровне максимального диаметра тулова (рис. 47, 17; 45, 12; 54, 10; 63, 4).

Из Ленковцев [191, с. 68, 70] происходит сосуд на цилиндрическом поддоне (рис. 65, 4), близко напоминающий описанные выше фруктовницы, но пустотелый (верхняя часть лишена дна).

Крышки. Крышки от сосудов 1-й группы встречаются редко. Обычно они полусферической формы, невысокие, снабжены короткой цилиндрической ручкой-столбиком, имеющей иногда горизонтальное отверстие (рис. 47, 18; 54, 8). Отдельные экземпляры крышек бывают плоскими или коническими.

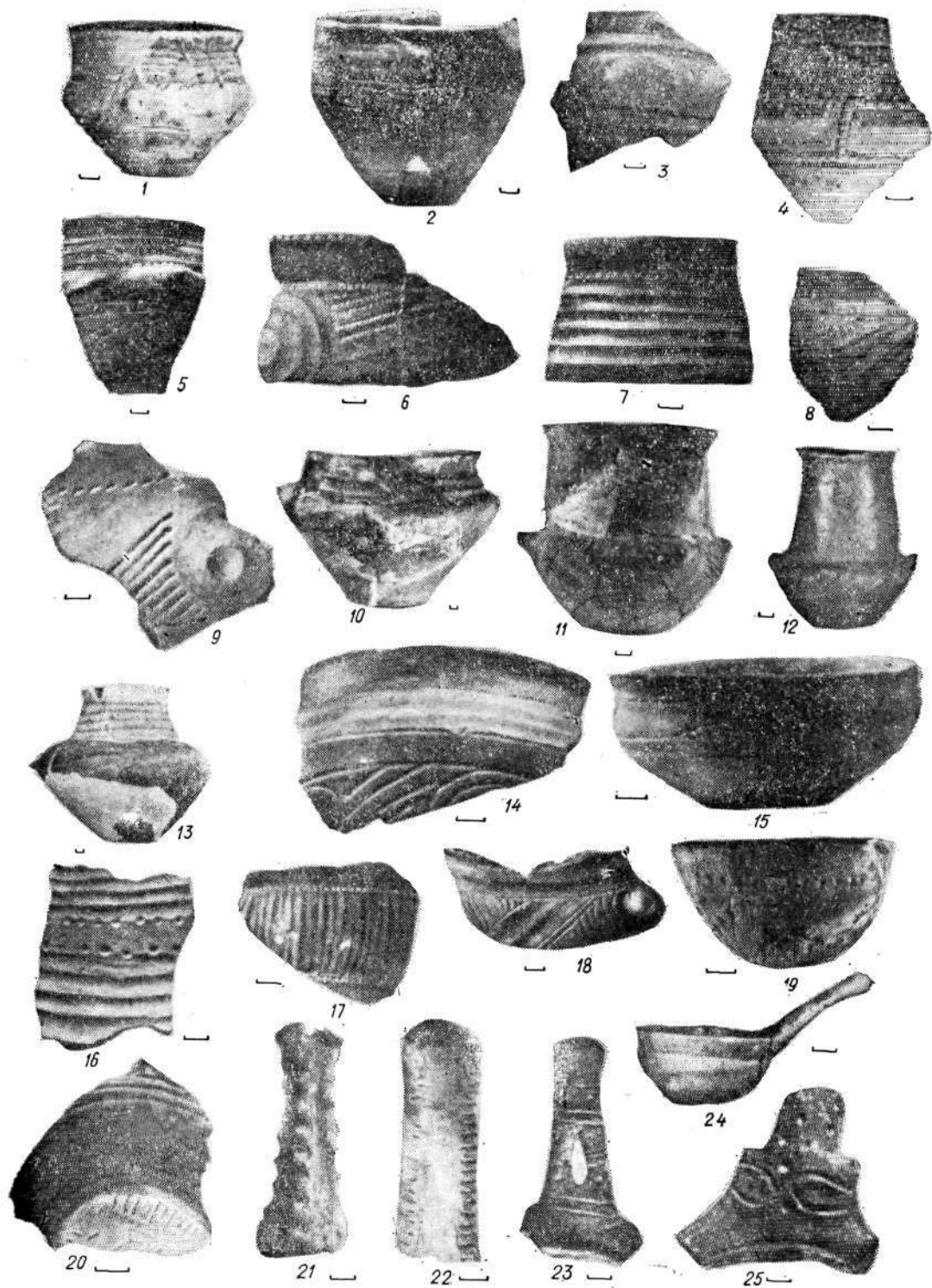

Рис. 49. Посуда 2-й группы:

1, 12 — Гайворон; 2—6, 11, 18 — Бернашевка; 7, 9, 14, 15, 19—22 — Окопы; 8, 17, 23, 25 — Лука-Врублевская; 10, 13, 24 — Сабатиновка II; 16 — Кормань.

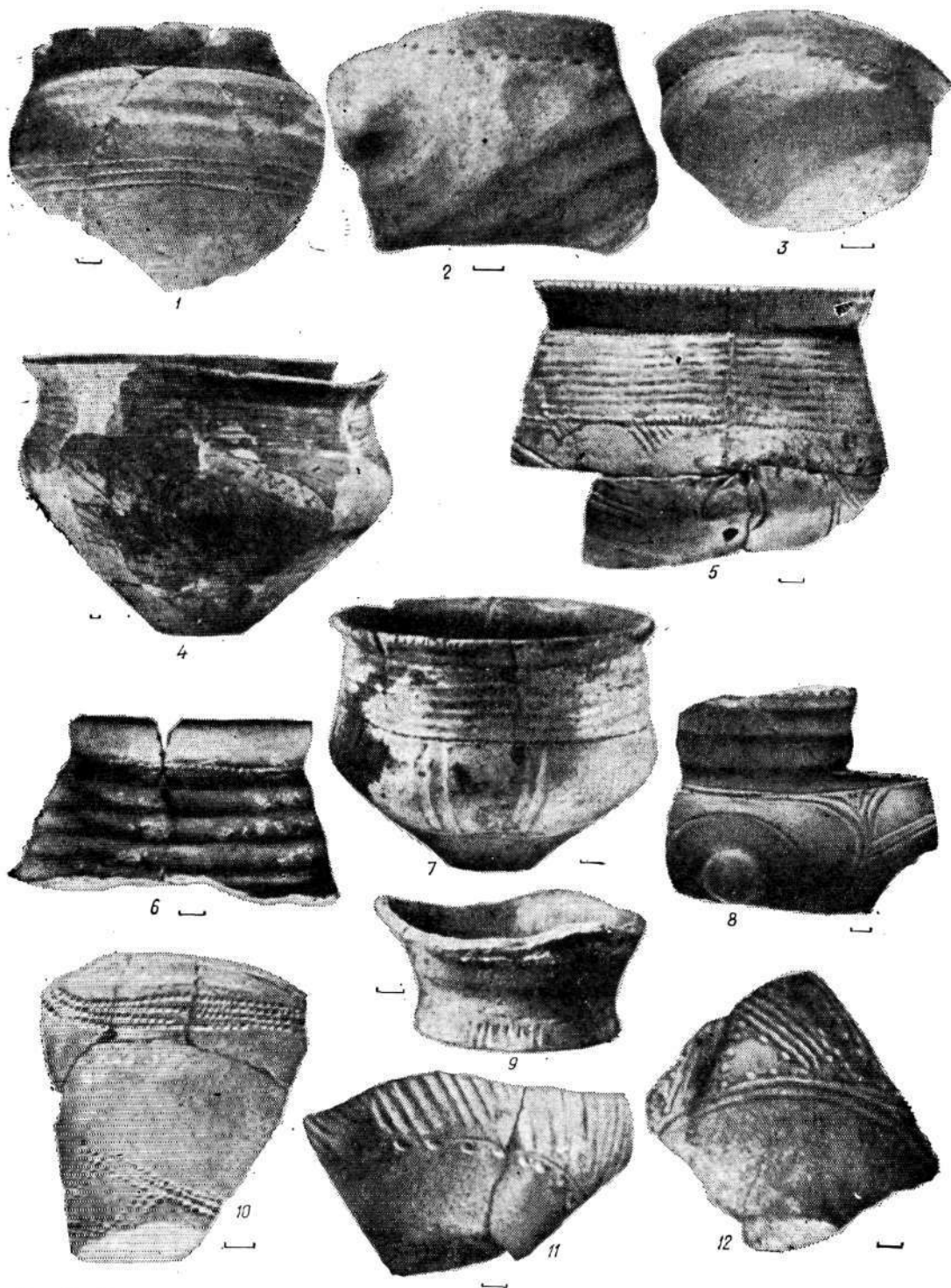
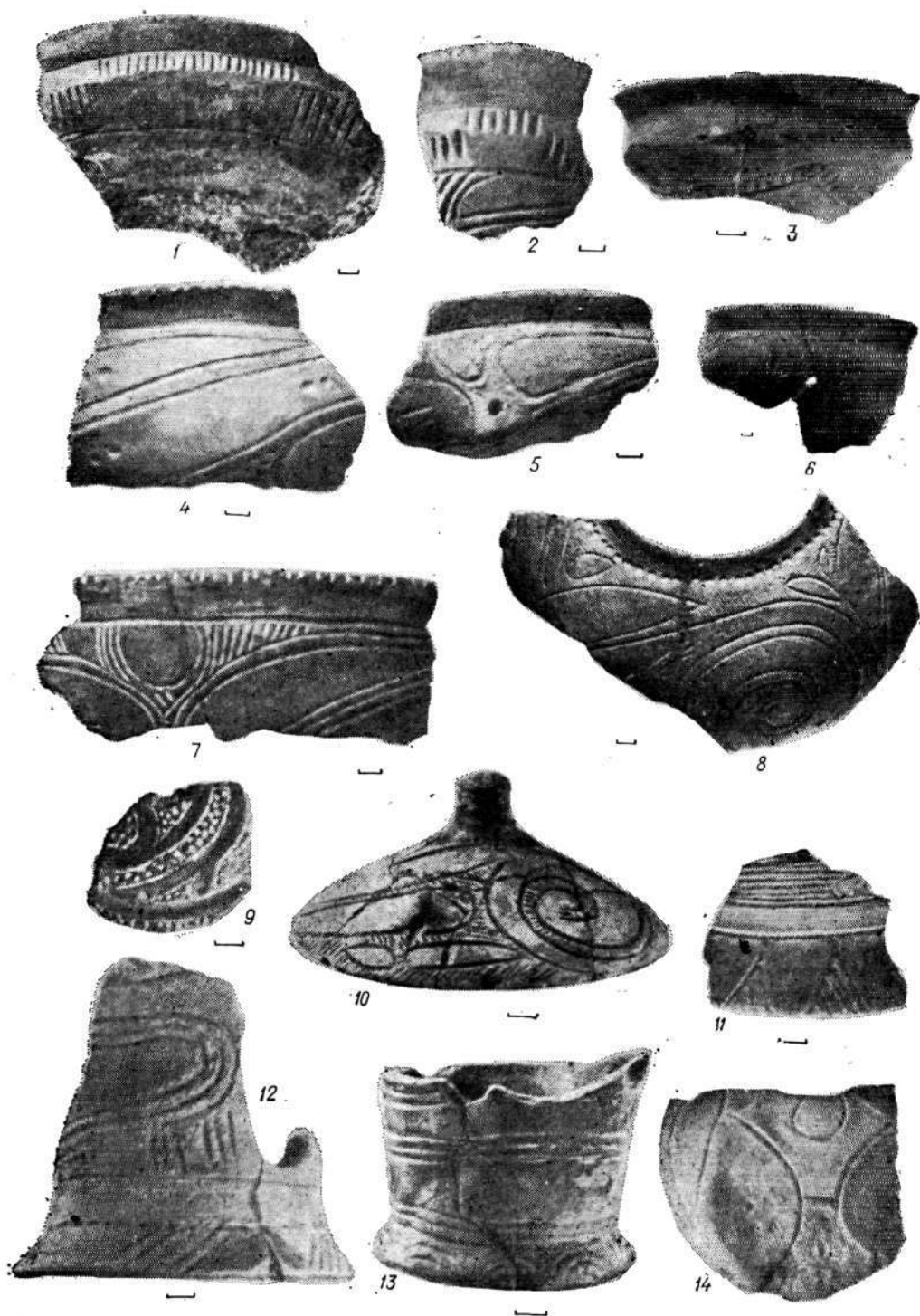

Рис. 50. Посуда 2-й группы:

1, 3, 10 — Окопы; 2 — Вороновца; 4, 5, 7, 9 — Греновка; 6 — Бернашевка; 8 — Сабатиновка II; 11 — Кормань; 12 — Лука-Врублевская

Рис. 51. Посуда 3-й группы:

1, 3, 12 — Гайворон; 2, 6, 9, 11 — Сабатиновка II; 4, 5 — Лука-Врублевская; 7 — Кормань; 8, 10, 13, 14 — Греновка

Единичными образцами представлены подпрямоугольные в плане невысокие плоски с прямым или чуть

отогнутым краем бортика (рис. 54, 7). Это же относится и к неглубоким овальным ложкам и черпакам с упло-

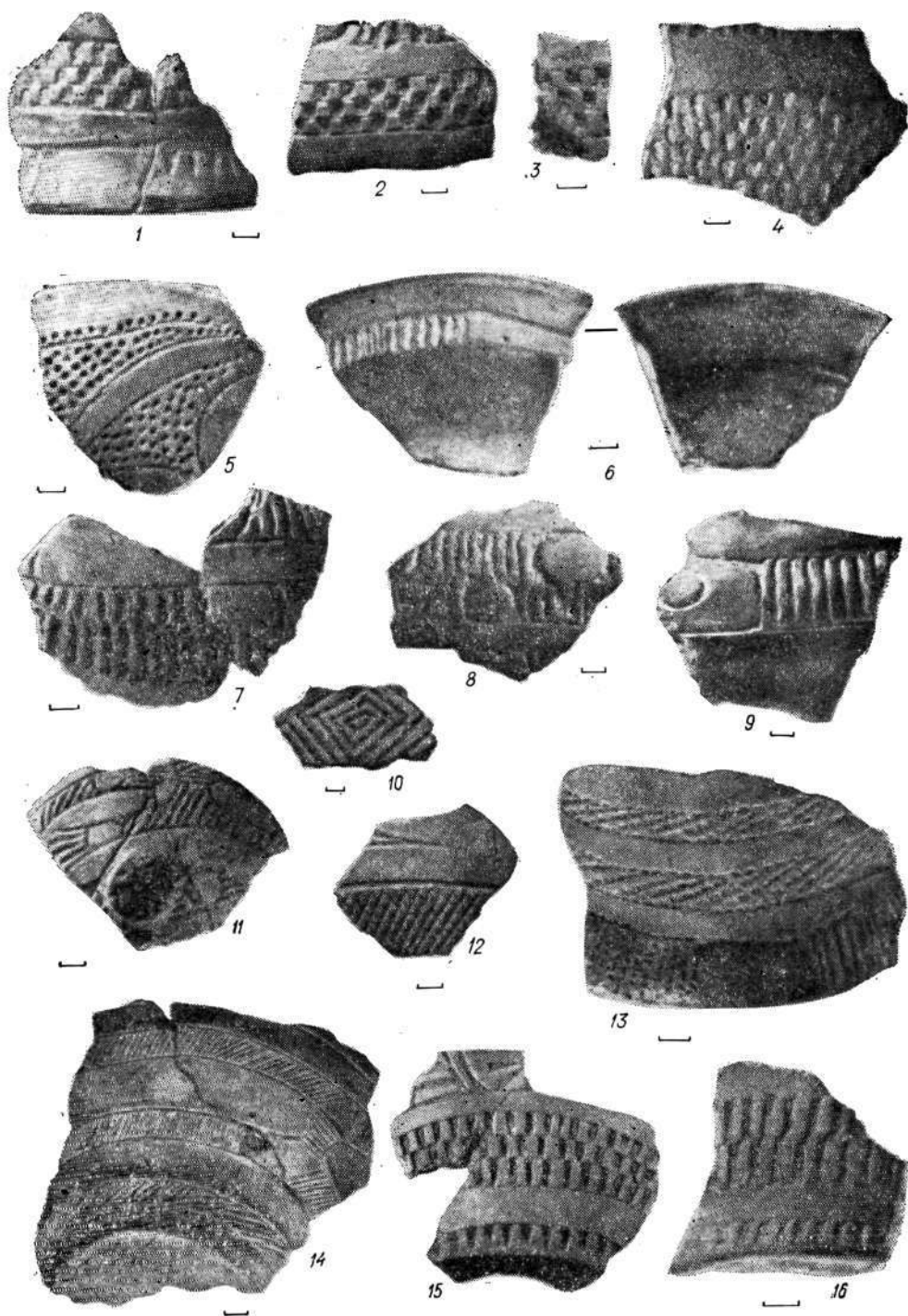
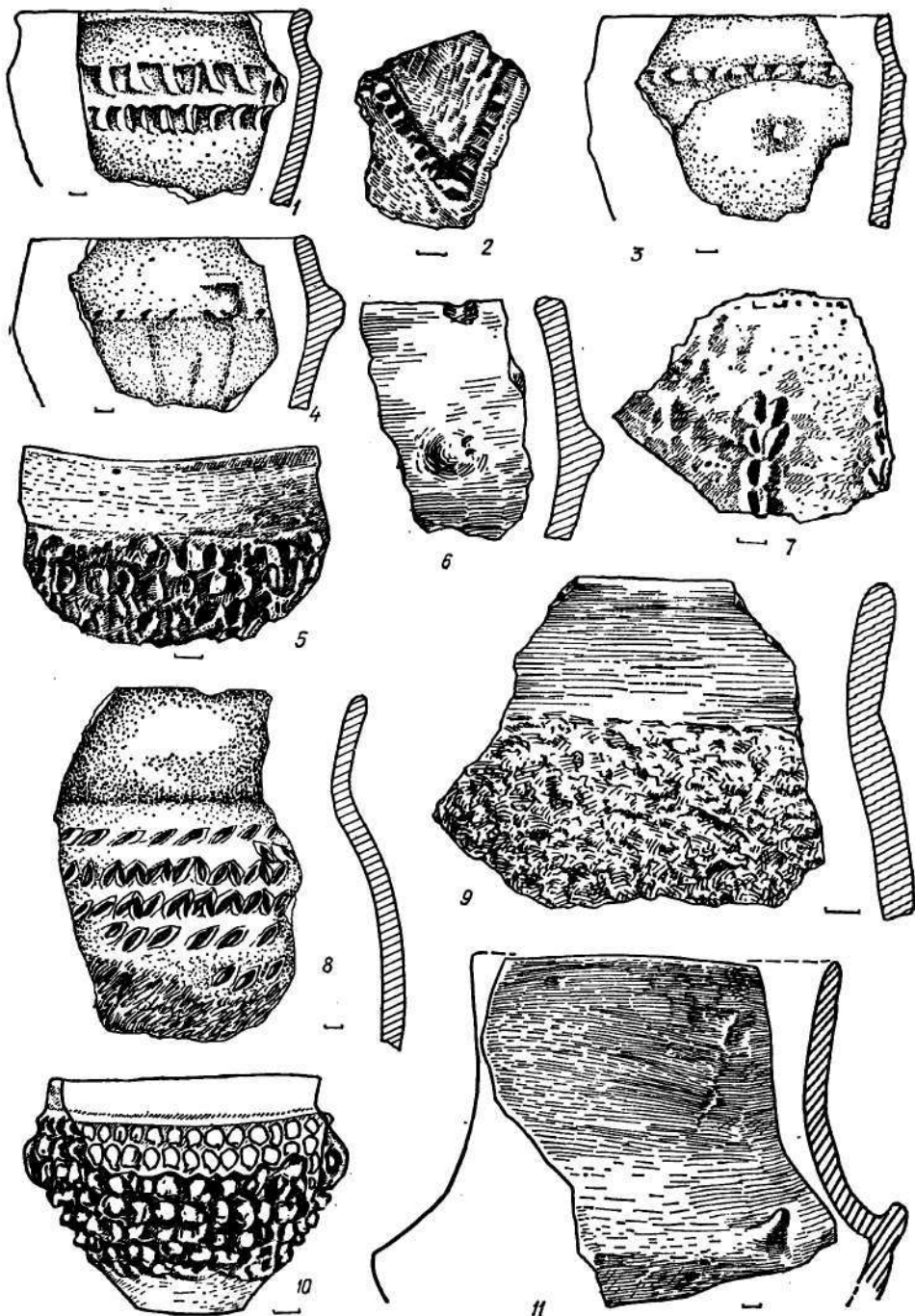

Рис. 52. Посуда 3-й группы:

1, 2, 4, 5, 8, 10, 14, 15 — Бернашевка; 3, 6, 7, 9, 11, 1-й группы
13, 16 — Оконы, 12 — Бабшин

Рис. 53. Поселение Бернашевка. Керамика

щенной ручкой (Флорешты, Ленковцы).

К индивидуальным формам относится небольшой кувшинчик из Греновки с двумя округлыми в сечении

ручками, соединяющими край венчика и основание шейки сосуда (рис. 70, 1).

Следует отметить, что некоторые сосуды 1-й группы (глубокие чаши,

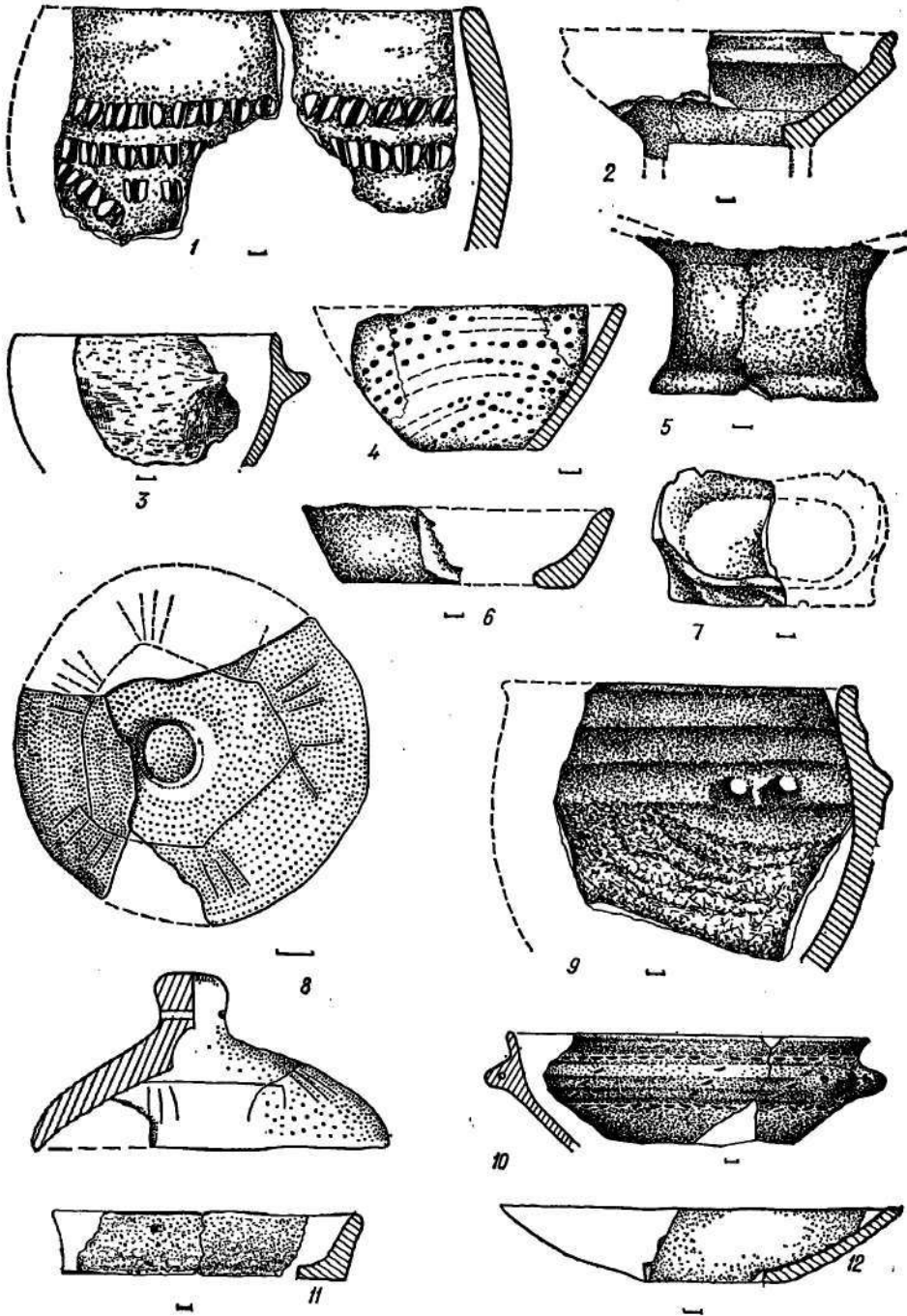

Рис. 54. Поселение Бернашевка. Керамика 1-й группы

Небольшие горшки, фруктовницы) имеют в дне или стенках сквозные круглые отверстия диаметром от 2 до 7 мм

(рис. 45, 16; 69, 3). Очевидно, они выполняли функции педилок или курильниц.

Обычно значительная часть (до 50 %) посуды 1-й группы на каждом поселении лишена орнамента (некто-

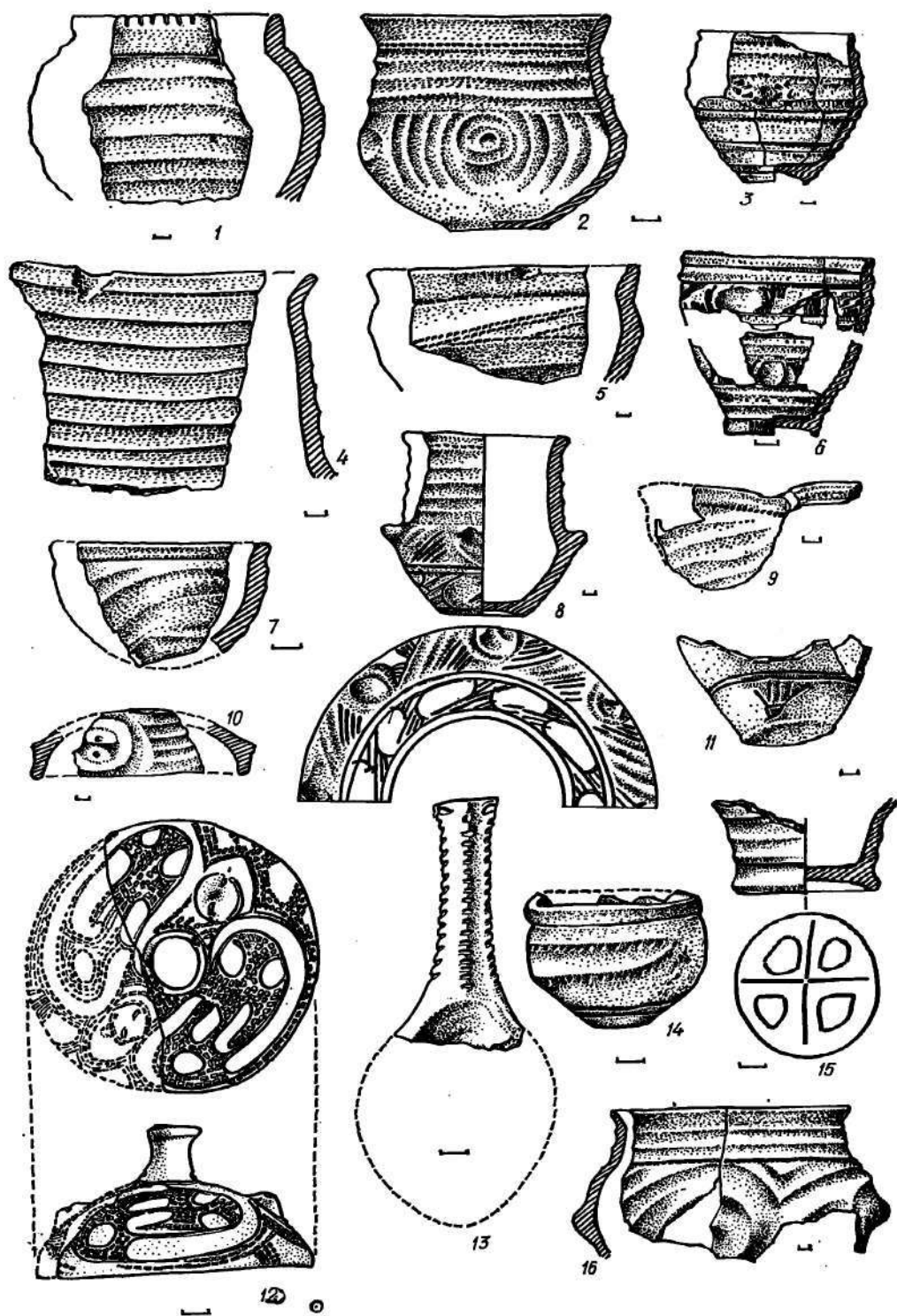

Рис. 55. Поселение Бернашевка. Керамика 2-й группы

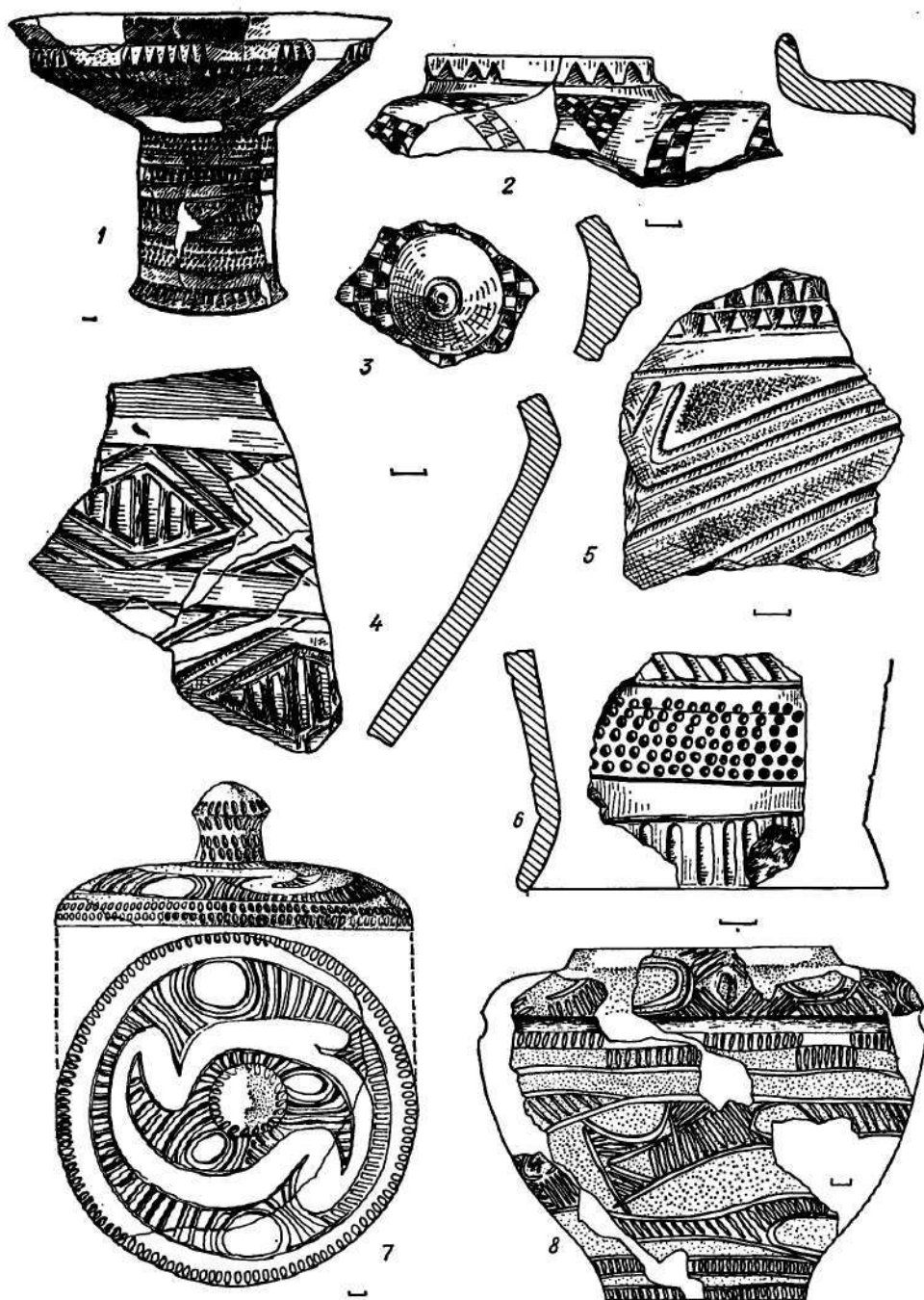

Рис. 56. Поселение Бернашевка. Керамика 3-й группы

рые горшки, миски, тазы, жаровни, фруктошницы). Остальная посуда украшена преимущественно зашипынным и

накольчатым орнаментом. Пальцевые зашипы, нередко выполненные с «отворотом» и оставляющие отпек ногтя, опоясывают одним или двумя рядами основание шейки сосуда (рис. 46, 15—21; 53, 1; 57, 3, 4; 66, 4). Часто ряды

защипов — горизонтальные, вертикальные, косые — покрывают все тулово горшка, за исключением шейки и придонной части (рис. 46, 1—3, 5—14; 53, 5, 8; 54, 1; 66, 1, 2). Защипы, поставленные под углом друг к другу, создают так называемый колосковый узор (рис. 46, 7—10; 67, 3); в ряде случаев мы имеем дело с несомненной имитацией отпечатков хлебных колосьев (рис. 53, 7). Наколы и оттиски, выполненные плоским заостренным концом палочки, призваны заменить защитный орнамент: они также нанесены под углом, с «отворотом», встречаются в тех же композициях, что и защипы (рис. 45, 5—7; 60, 3; 63, 1, 3; 64, 1). Повторяется в таком исполнении и колосковый рисунок. Примечателен сосуд из Вороновицы, тулово которого украшено накольчатым узором из вертикальных и горизонтальных рядов, составляющих чередующиеся зоны (рис. 46, 4; 60, 1).

Распространен и рельефный орнамент, обычно в виде четырех или двух конических, плоских или округлых выступов-налепов на плечиках горшков; часто налепы бывают парными (рис. 45, 7—10). Тулово крупного котловидного сосуда нередко украшено налепами в несколько ярусов. Изредка налепами или небольшими коническими бугорками, оттянутыми из стенки сосуда, бывает покрыто все тулово, за исключением шейки и придонной части (рис. 45, 11); фрагменты керамики с таким орнаментом найдены в Бернашевке, Гайвороне, Луке-Врублевцевой. Из Бернашевки происходит целый горшочек, украшенный тесно соприкасающимися бугорками (рис. 53, 10). Немногочисленные фрагменты сосудов украшены горизонтальным валиком, в единичных случаях (Берново, Лука-Врублевцевая) далеко оттянутым на манер воротничка под краем венчика сосуда (рис. 63, 1). Некоторые кухонные горшки украшены рельефными стилизованными изображениями трехпалых лап птиц или животных [14, с. 148, табл. 57], букраниями (рис. 53, 2).

Изредка сосуды 1-й группы украшались несколькими неглубокими канне-

люрами на шейке или плечиках (рис. 45, 3, 12; 54, 9); в единичных случаях мы находим на них врезанные линии или оттиски зубчатого штампа, изображения круга, креста (рис. 45, 13).

Своеобразную декоративную функцию имел распространенный прием тщательного лощения, полировки венчика и придонной части горшков, в то время как поверхность тулова оставалась нарочито грубой, шероховатой (рис. 45, 2; 53, 9).

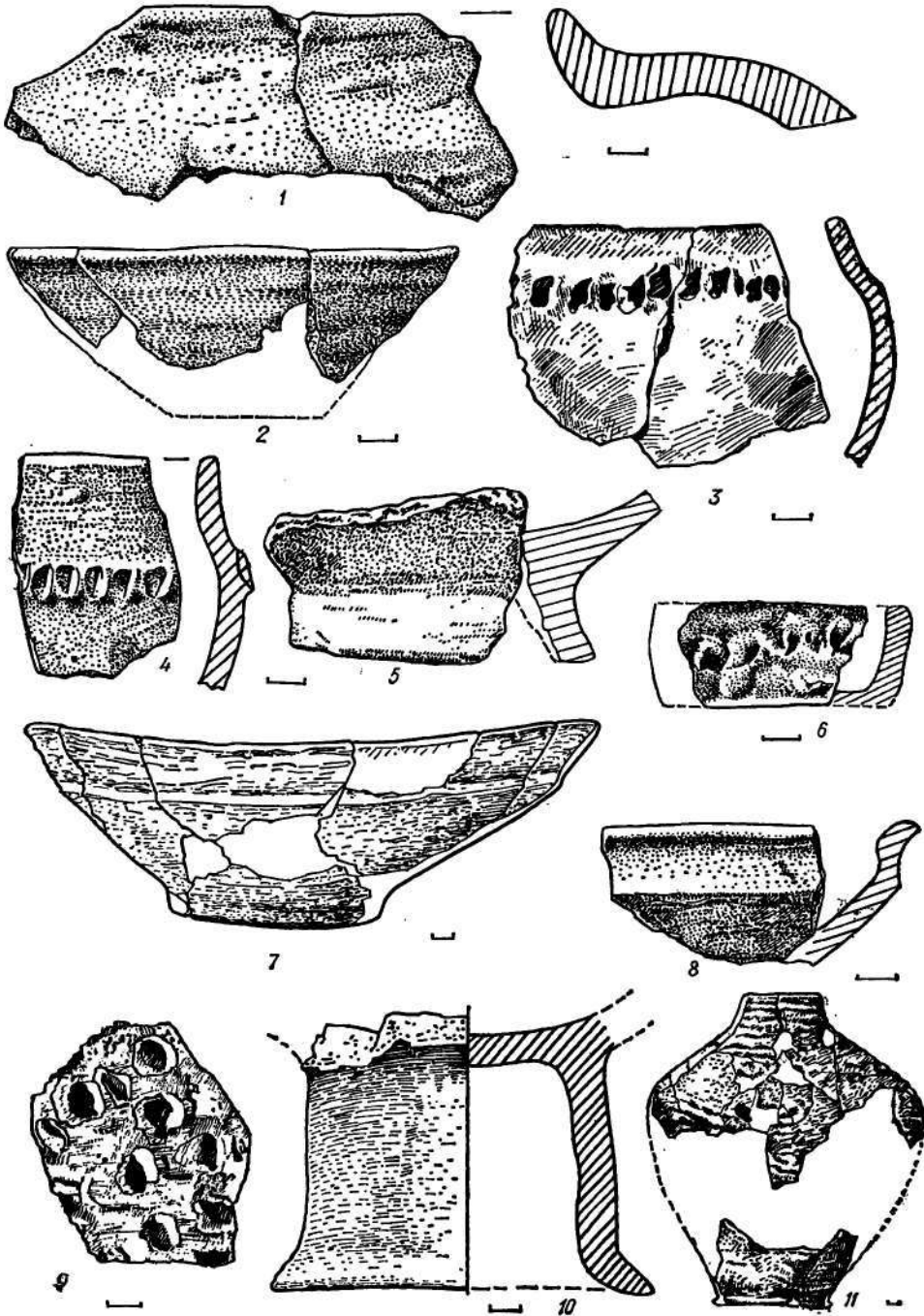
Наконец, отметим те редкие случаи, когда для ornamentации сосудов 1-й группы применялась красная краска. Примером может служить фрунтовница из землянки 2 в Берново, найденная в крупных обломках (рис. 63, 4). Верхняя часть ее (ниже ребра) и весь поддон были покрыты после обжига густым слоем бурой охры. На этом же поселении красной краской покрыты отогнутые венчики нескольких горшков. Окрашенные сосуды обнаружены в Ленковцах [191, с. 79]. В целом же красная краска гораздо чаще использовалась в декоре керамики остальных технологических групп.

Посуда 2-й группы в литературе часто называется столовой. Она обычно изготовлена из тщательно промешанной тонкоструктурной глины с примесью мелкого песка, в ряде случаев — измельченного шамота или сухой глинистой породы, в виде исключения — толченой ракушки (Берново). На поселении Вороновица найден большой округлый ком отмученной гончарной глины с глубокими следами пальцев, очевидно, предназначавшийся для изготовления именно столовой керамики (рис. 48).

Эта посуда хорошо обожжена, черепок на изломе однородный, плотный, крепкий. Сосуды, как правило, тонкостенные (0,4—0,5 см) и лишь наиболее крупные имеют стенки толщиной 0,9—1 см. Цвет поверхности сосудов чаще всего сероватый (разных оттенков), черный или более светлых тонов — коричневый, розоватый, палевый. Снаружи и внутри поверхность хорошо заглажена, часто покрыта тонким слоем мажущегося ангоба и залощена. В кол-

лекции из Берново имеется довольно много сосудов 2-й группы с поверхностью черного цвета, весьма тщательно залощенной (порой до зеркального блеска). В меньшем количестве такая ке-

рамика встречена в Ленковцах и Сабатиновке II. На последнем поселении, а также в Луке-Врублевецкой и Греновке имеется несколько мелких фрагментов столовых сосудов с графитиро-

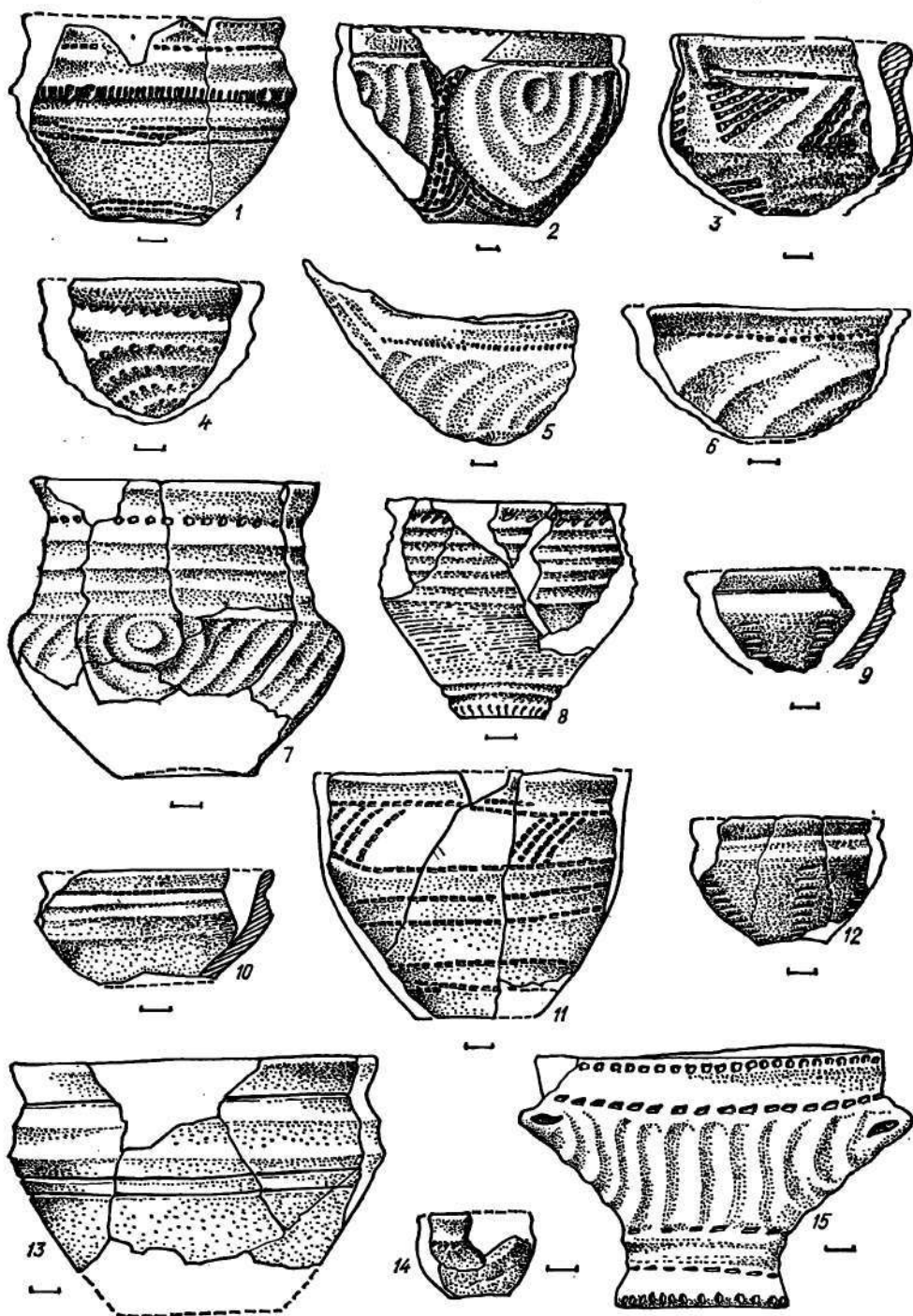

Рис. 57. Поселение Оконы. Керамика 1-й группы

Рис. 58. Поселение Оконы. Керамика 2-й группы

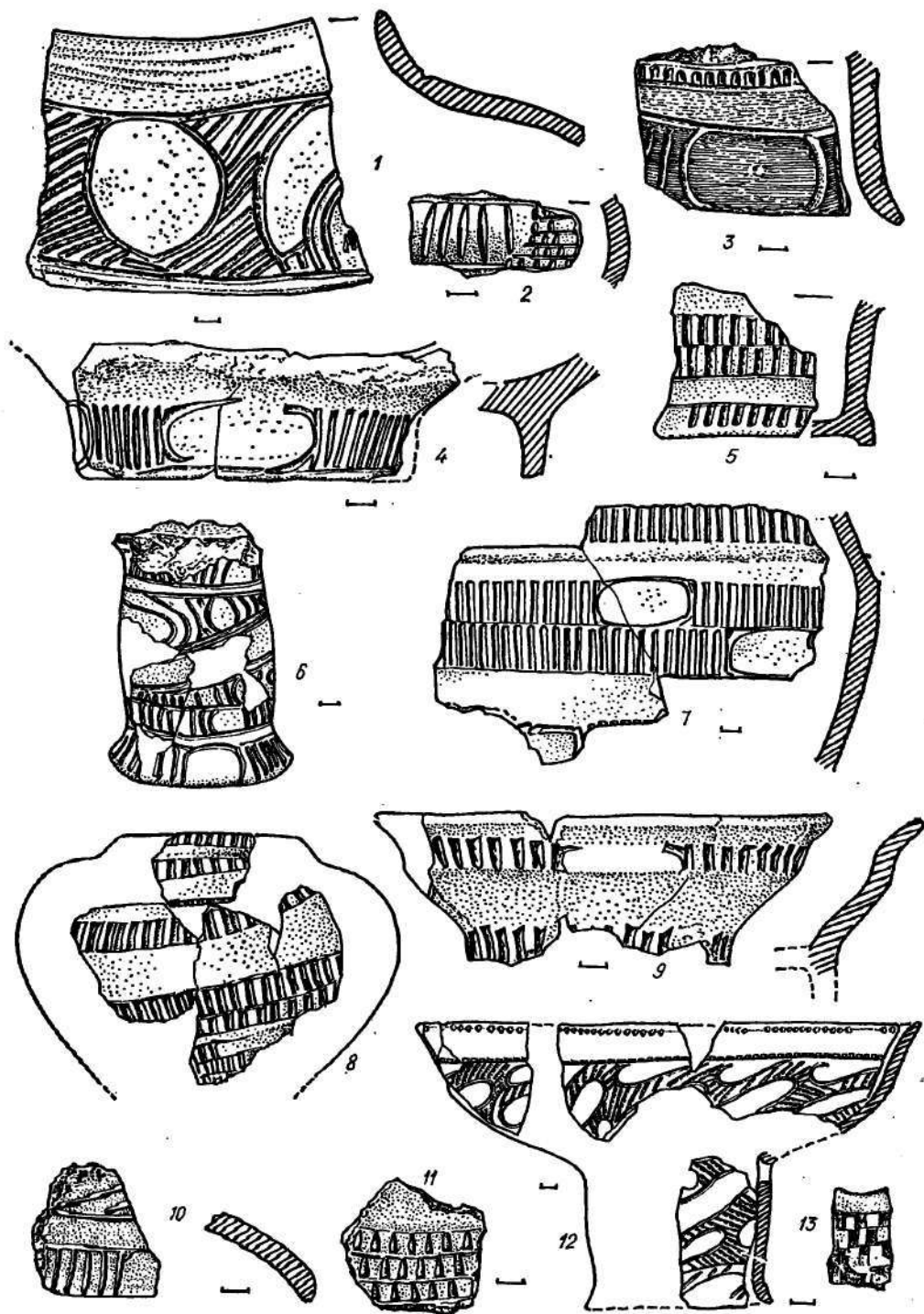
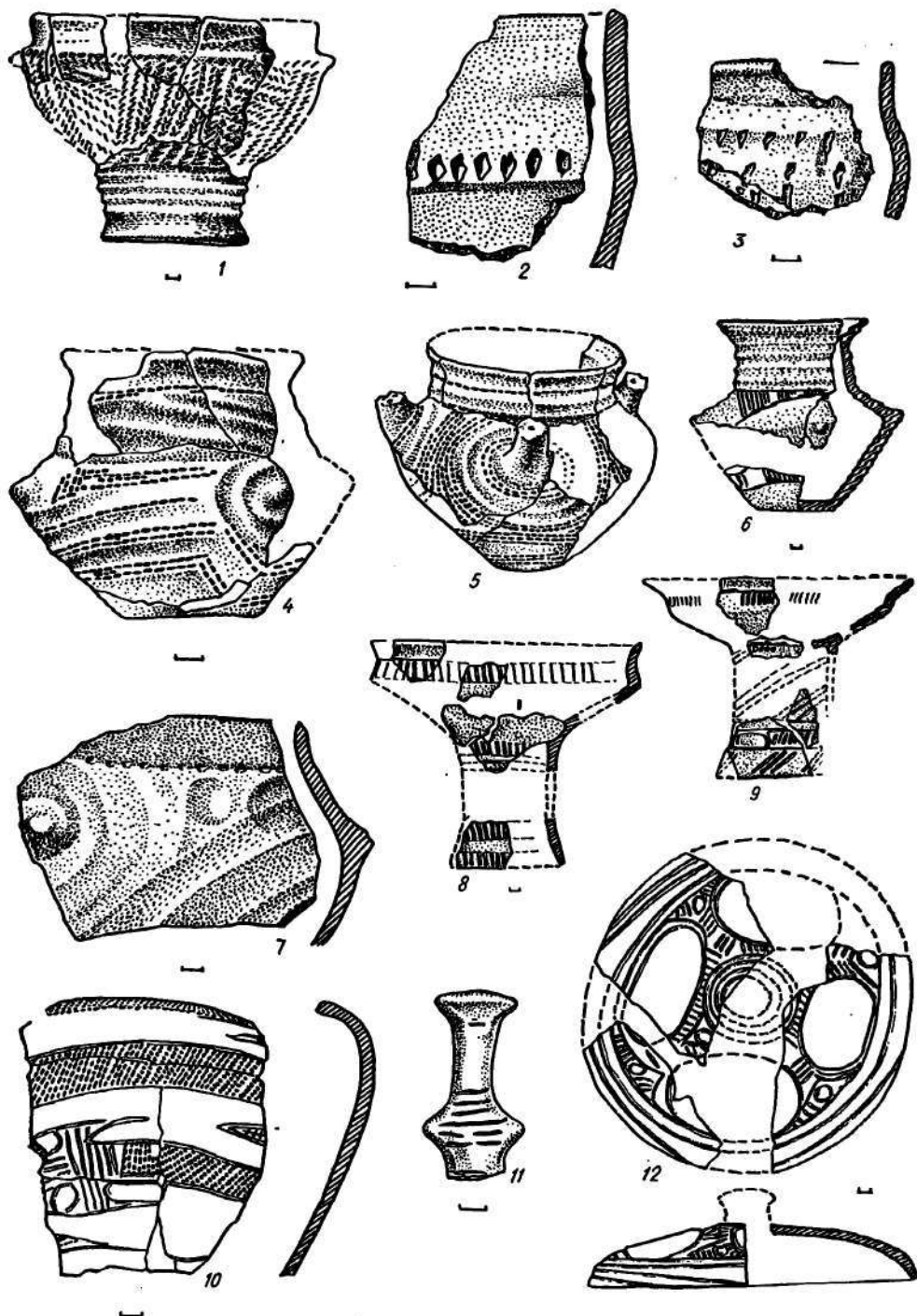

Рис. 59. Поселение Окопы. Керамика 3-й группы

Рис. 60. Керамика поселений Вороновца (1-7, 10-12); Вабшии (8); Берново, уроч. Малинки (9)

ванной поверхностью, о чем свидетельствует характерный тусклый металлический блеск.

Выделяются следующие основные

формы (типы) сосудов 2-й группы (рис. 47, 19—28).

Горшки разных подтипов:

1) Сравнительно невысокий (8—

15 см) горшок с округлым туловом и прямым, чуть отклоненным наружу венчиком. Маленькое дно горшка слегка вогнуто, образуя по краю кольцевой поддонычок. Это наиболее распространенная форма столового горшка (рис. 47, 19; 49, 3, 4, 6—9; 50, 1, 2; 55, 1; 58, 1, 2; 63, 6, 7). Некоторые горшки этого подтипа имеют высокие выпуклые плечики (рис. 47, 19; 66, 9; 67, 8).

2) Горшки таких же размеров, с невысоким прямым венчиком и плечико-ребром (острым или слегка закругленным) на середине высоты сосуда, придающим ему биконическую форму (рис. 47, 20; 49, 2; 55, 3; 58, 3, 8).

3) Широко открытые горшки с почти прямым профилем, напоминающие банку. Придонная часть слегка сужена и снабжена невысоким цилиндрическим поддоном (рис. 47, 21; 55, 6). Горшки этого подтипа встречаются редко.

4) Широко открытые горшки с прямым венчиком. Конически сужающиеся стенки переходят в вытянутую придонную часть. Дно, часто слегка вогнутое, имеет небольшую закраину. Горшки этого подтипа в небольшом количестве встречаются в Бернашевке, Окопах, и на других поселениях (рис. 47, 22; 58, 15).

Кувшины. Это крупные (иногда высотой до 0,3—0,4 м) сосуды с приземистым ребристым туловом, сравнительно высокой (6—10 см) цилиндрической или конусовидной шейкой и отогнутым плоским венчиком (рис. 47, 23; 49, 12; 50, 6; 55, 4, 8; 60, 6; 69, 7). Некоторые кувшины имеют округлое, часто слегка приплюснутое тулово и короткую цилиндрическую (или в виде усеченного конуса) шейку (рис. 49, 13; 55, 2; 16; 58, 7; 70, 6). Многие снабжены двумя или четырьмя ручками с отверстиями, расположенными на максимальном диаметре тулова.

Чашки — это небольшие сосуды диаметром 5—8 см. Тулово приземистое, с угловатыми или округлыми плечиками и выделенным коротким вертикальным венчиком (рис. 47, 24; 49, 19; 58, 9, 10, 12; 66, 11). Встречаются также чашки полусферической формы (рис. 47, 24; 49, 15; 50, 3; 55, 7; 58, 4, 6).

Черпаки и ложки находят в большом количестве на каждом раннетриполь-

ском поселении. Исключение составляют Берново и Флорешты, где данная посуда представлена единичными экземплярами. Черпаки с полусферическим корпусом нередко достигают в диаметре 8—10 см и имеют значительную емкость. Венчик черпаков обычно чуть отогнут, ручка находится под углом к корпусу (рис. 47, 25; 49, 24; 55, 9; 58, 5; 68, 8; 69, 10). Н. Б. Бурдо, выделяя наиболее крупные экземпляры черпаков из Александровки в отдельную подгруппу, называет их ковшами [66, с. 206].

Ложки, как правило, неглубокие, овальных очертаний, с закругленным краем, ручка расположена в одной плоскости с вместителем (рис. 47, 27). Ручки ложек и черпаков (рис. 49, 21—25) плоские, округлые, овальные, треугольные; пятиугольные в сечении. Иногда в основании ручки или на ее конце имеются округлые сквозные отверстия. Часто ручки моделированы в виде схематизированных антропоморфных или зооморфных изображений (рис. 55, 13; 60, 11; 69, 10).

Крышки — невысокие, полусферические — встречаются редко. В центре они имеют грибовидную столбчатую ручку; на разной высоте бывают снабжены противоположащими ушками — бугорками со сквозными отверстиями (рис. 47, 28; 55, 10, 12).

Из единичных форм следует отметить найденный на поселении Вороновица небольшой горшок с округлым туловом и невысокой прямой шейкой. На максимальном диаметре тулова помещены четыре коротких, вертикальных, плоско срезанных рожка со сквозными вертикальными каналами. Этот сосуд — полика (гутус) — по количеству рожек и форме заметно отличается от сосудов аналогичного назначения, известных по находкам на многих трипольских поселениях (рис. 60, 5).

Наконец, упомянем хорошо известный сосуд из Луки-Врублевецкой [14, с. 140, табл. 46], моделированный в виде фигурки птицы. Узкая цилиндрическая горловина сосуда заканчивается отогнутым венчиком (не сохранился), на плечах — небольшие ушки-бугорки с горизонтальными отверстиями; сосуд

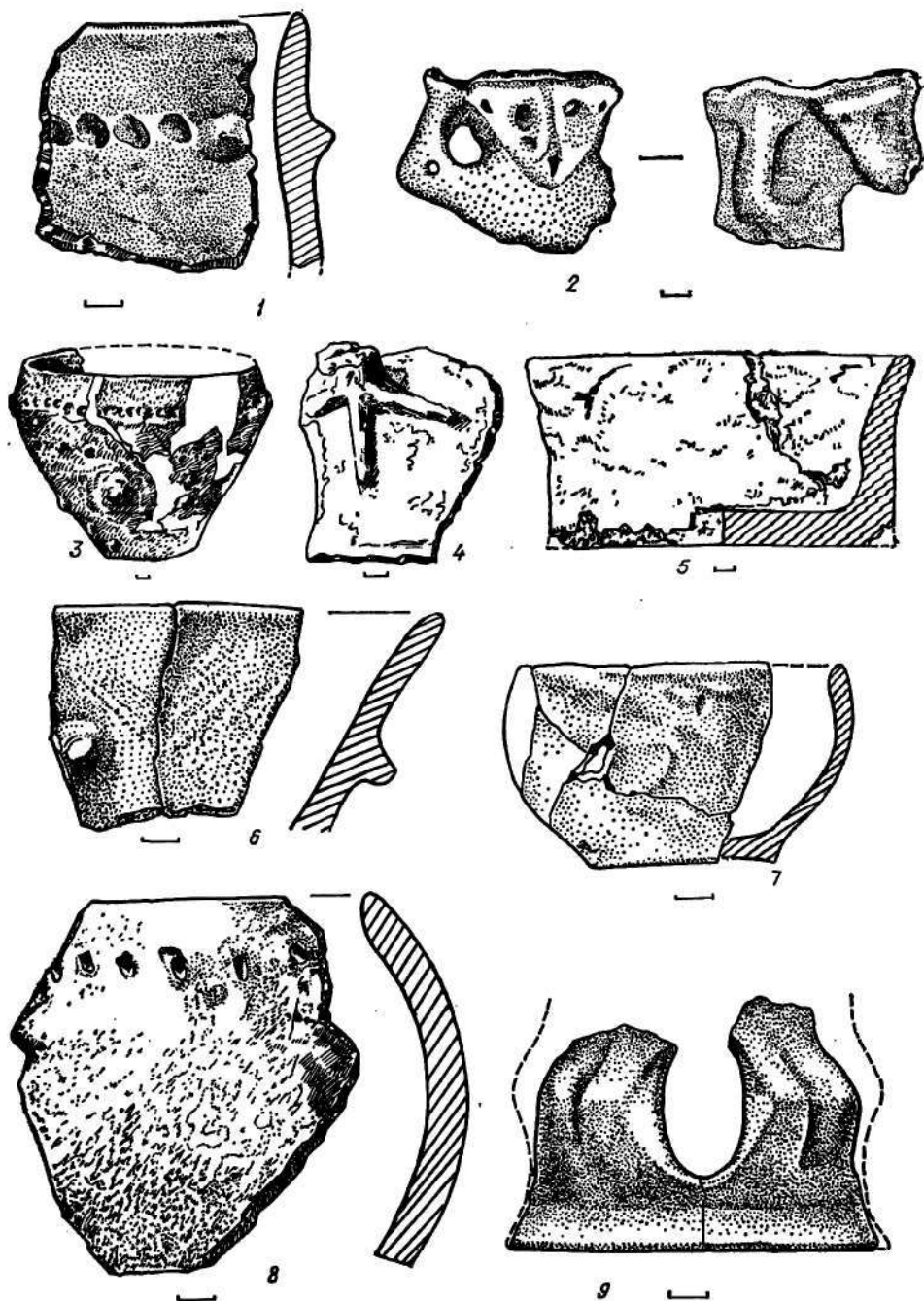

Рис. 61. Поселение Лука-Врублевская. Керамика

стоял на четырех ножках, от которых уцелели лишь основания. Орнамент выполнен при помощи каннелюр и неглубоких ямок (рис. 62, 7). Сосуд, вероятно, имел культовое назначение.

В отличие от кухонной посуды 2-й группы почти всегда орнаментирована (исключение составляют отдельные экземпляры чашек, ложек, и черпаков), причем характерны как раз элементы орнамента, которые лишь спорадически встречаются на кухонной

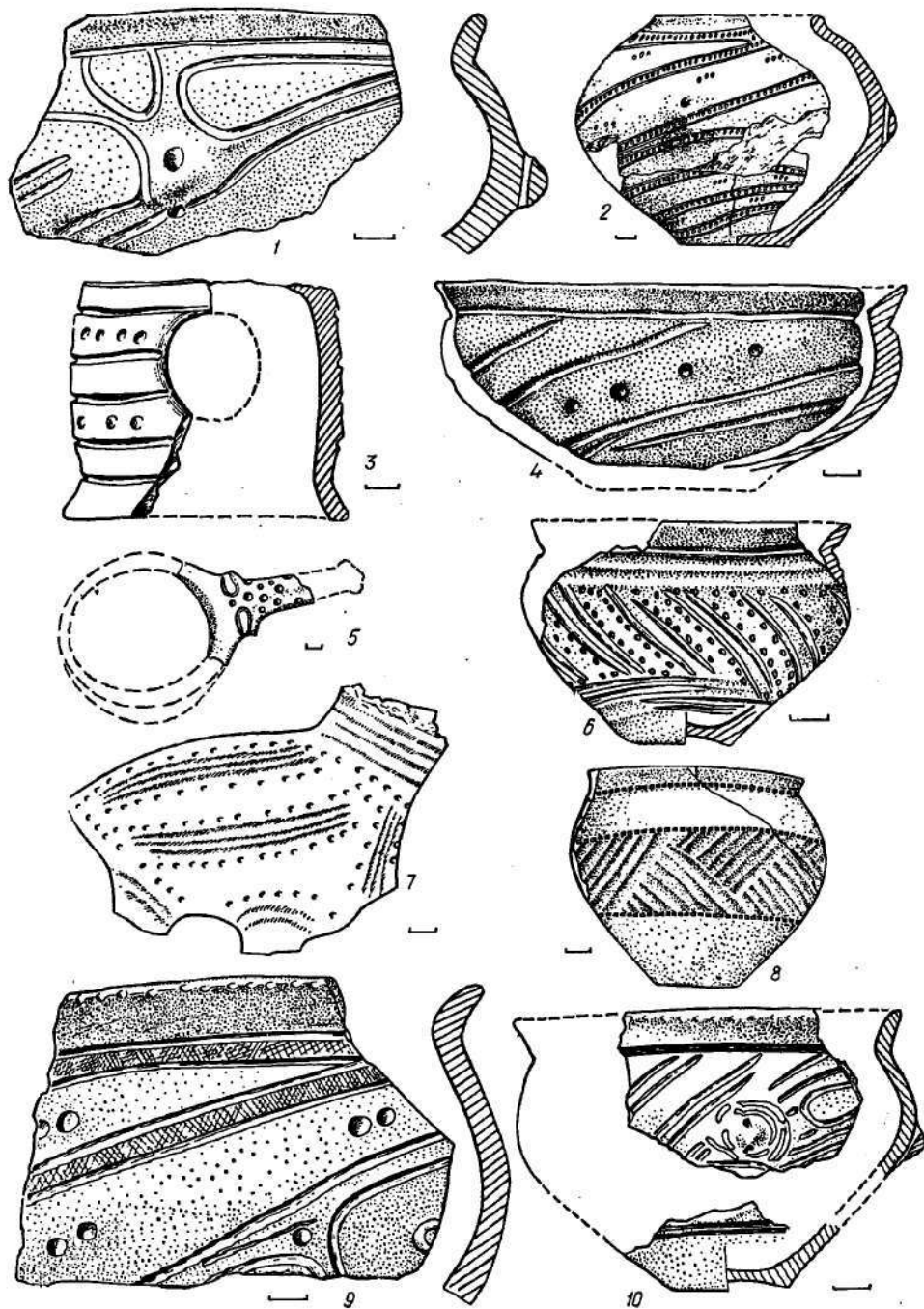

Рис. 62. Поселение Лука-Врублевская. Керамика

керамике: каннелюры, гребенчатый штамп, врезанные линии. Часто все эти элементы выступают в сочетании и до-

полняются другими видами орнамента (рельефный, наколы и т. д.). Нет строгой закономерности в размещении орнамента: у горшков подтипа 1 и 2 венчик и придонная часть, как правило, свободны, у других сосуда

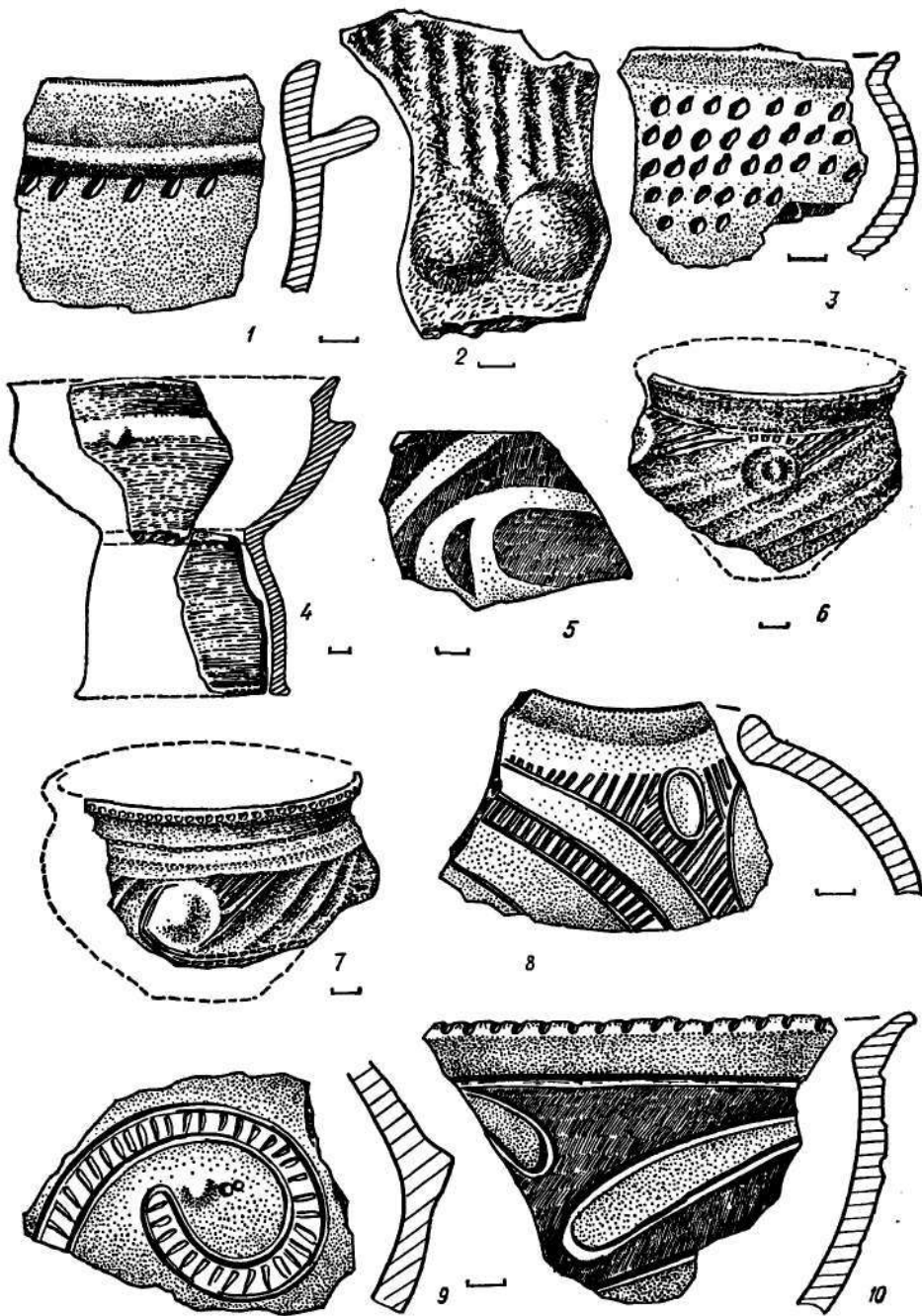

Рис. 63. Поселение Берново (уроч. Лука). Керамика

орнаментирована вся поверхность, а иногда — и дно.

Наиболее часто посуда 2-й группы

украшалась разнообразными каннелюрами — глубокими, с острыми ребрами, и не столь четкими, скорее напоминающими проглаженные линии; широкими (до 1,5 см) и узкими (0,3 см). Шейка кувшинов и цилиндрически вытянутая

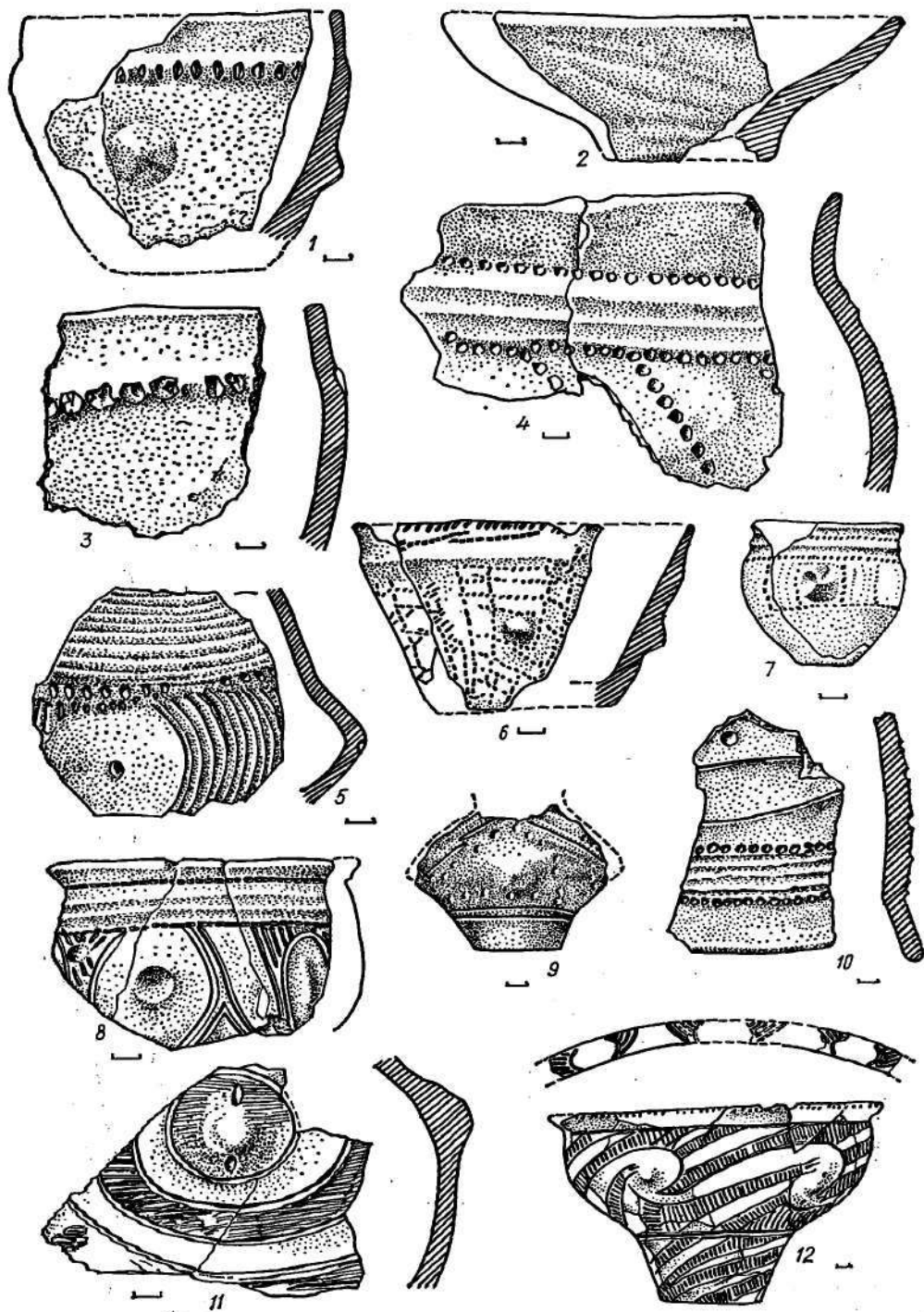

Рис. 64. Поселение Кормань. Керамика

Рис. 65. Поселение Ленковцы. Керамика

придонная часть горшков обычно орнаментированы несколькими горизонтальными рядами каннелюр. Тулово сосуда могло быть украшено горизонтальными

вертикальными (рис. 49, 7, 17; 50, 7; 55, 1, 2; 58, 8, 15; 66, 9), концентрическими (рис. 49, 6; 55, 16; 58, 2, 7), косыми (рис. 50, 2, 3; 58, 5, 6; 63, 6)

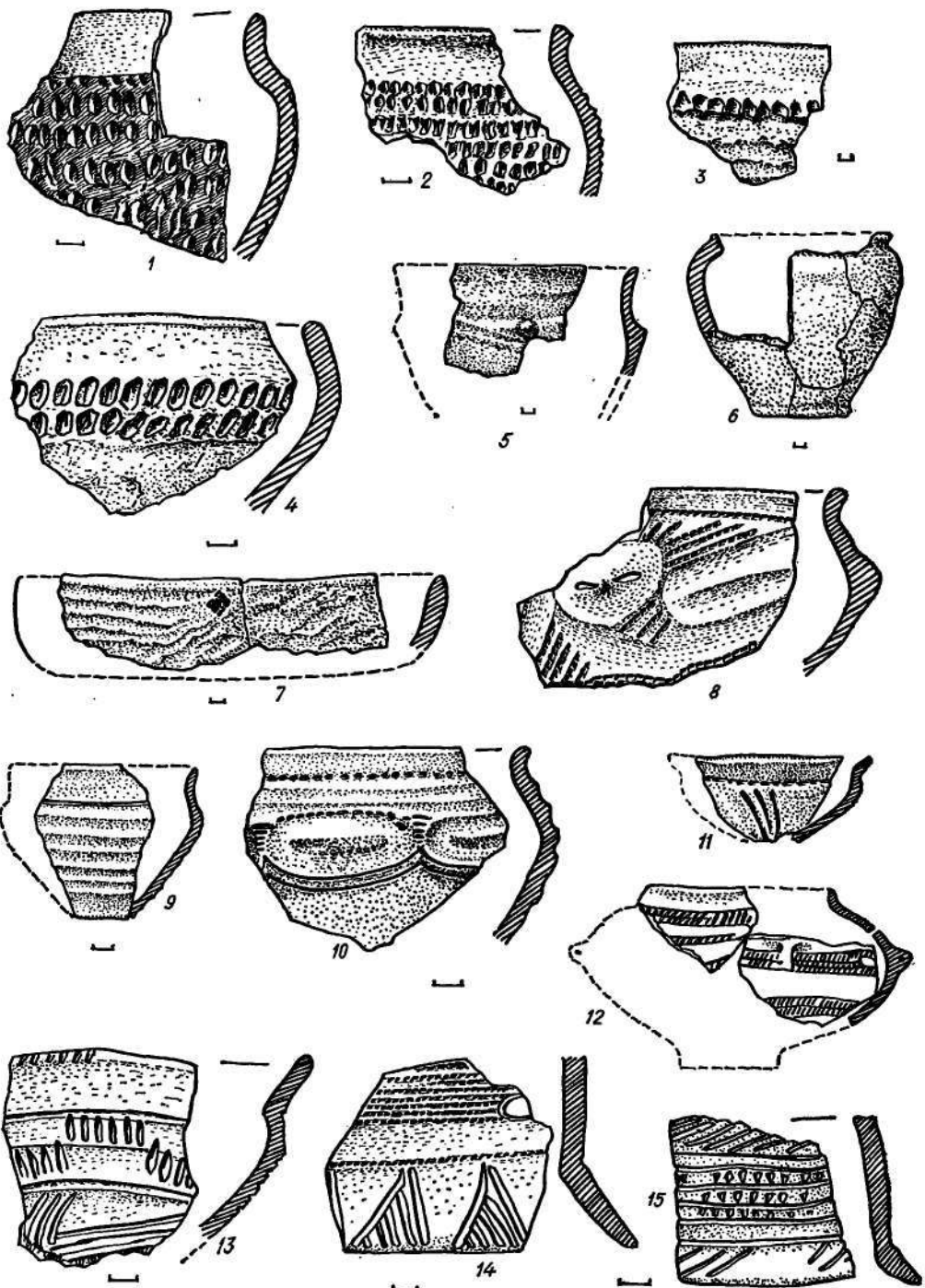
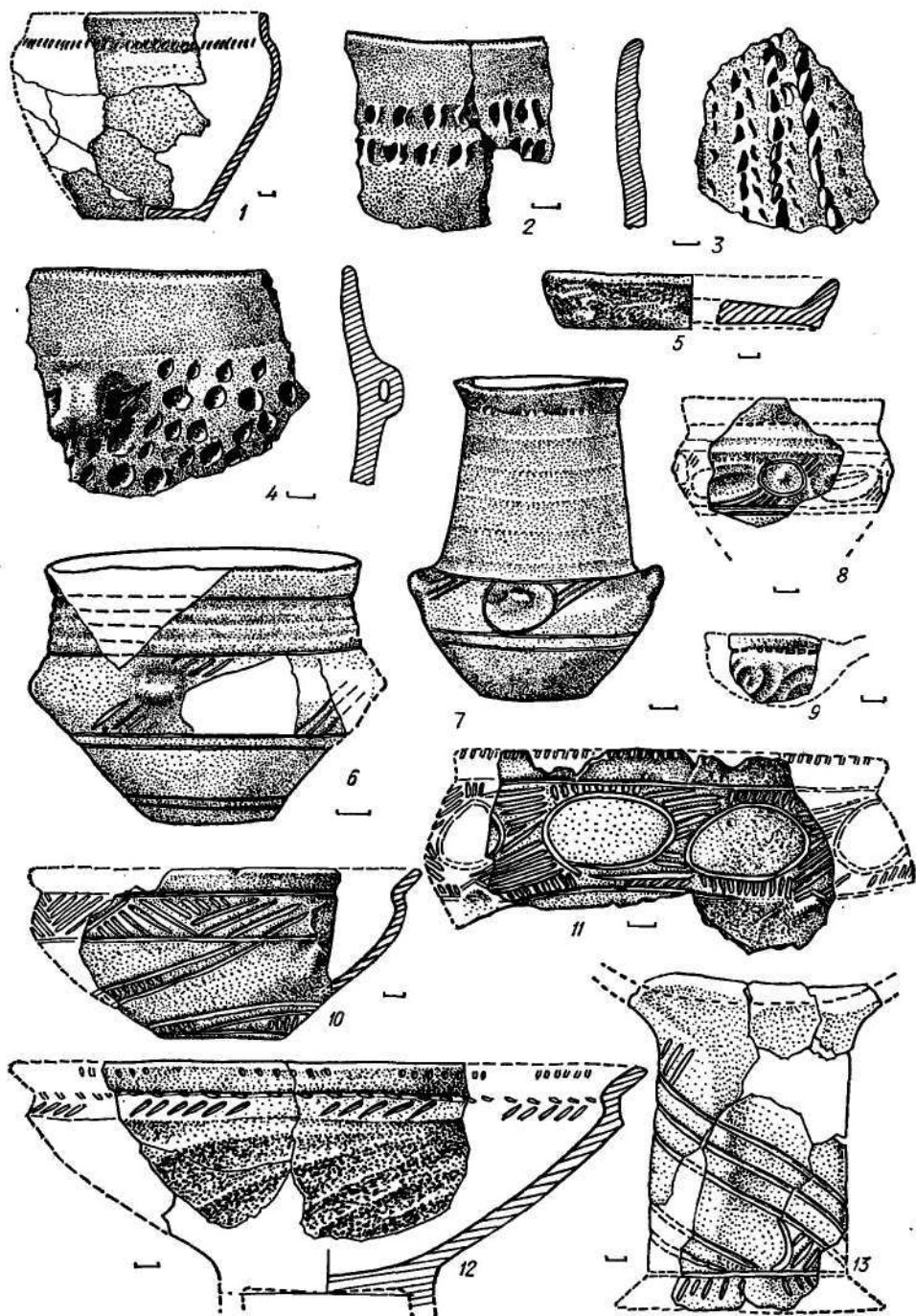

Рис. 66. Поселение Сабатиновка II. Керамика:

1, 6, 7, 11, 12, 15 — землянка; 2, 10 — площадка 1;
3—5, 8, 9, 13 — площадка 2; 14 — яма

Рис. 67. Поселение Гайворон. Керамика

рядами каннелюр. Изредка короткие отрезки каннелюр заполняют смыкающиеся треугольные зоны («паркетный» рисунок) (рис. 62, 8).

Орнаментальный узор создавался также с помощью врезанных (прочер-

ченных) линий шириной 1—2 мм, часто опоясывающих основание шейки и придонную часть горшка. На тулове сосуда при помощи врезанной линии передаются завитки спирали (рис. 49, 14; 64, 8; 65, 8), фестоны (рис. 65, 9),

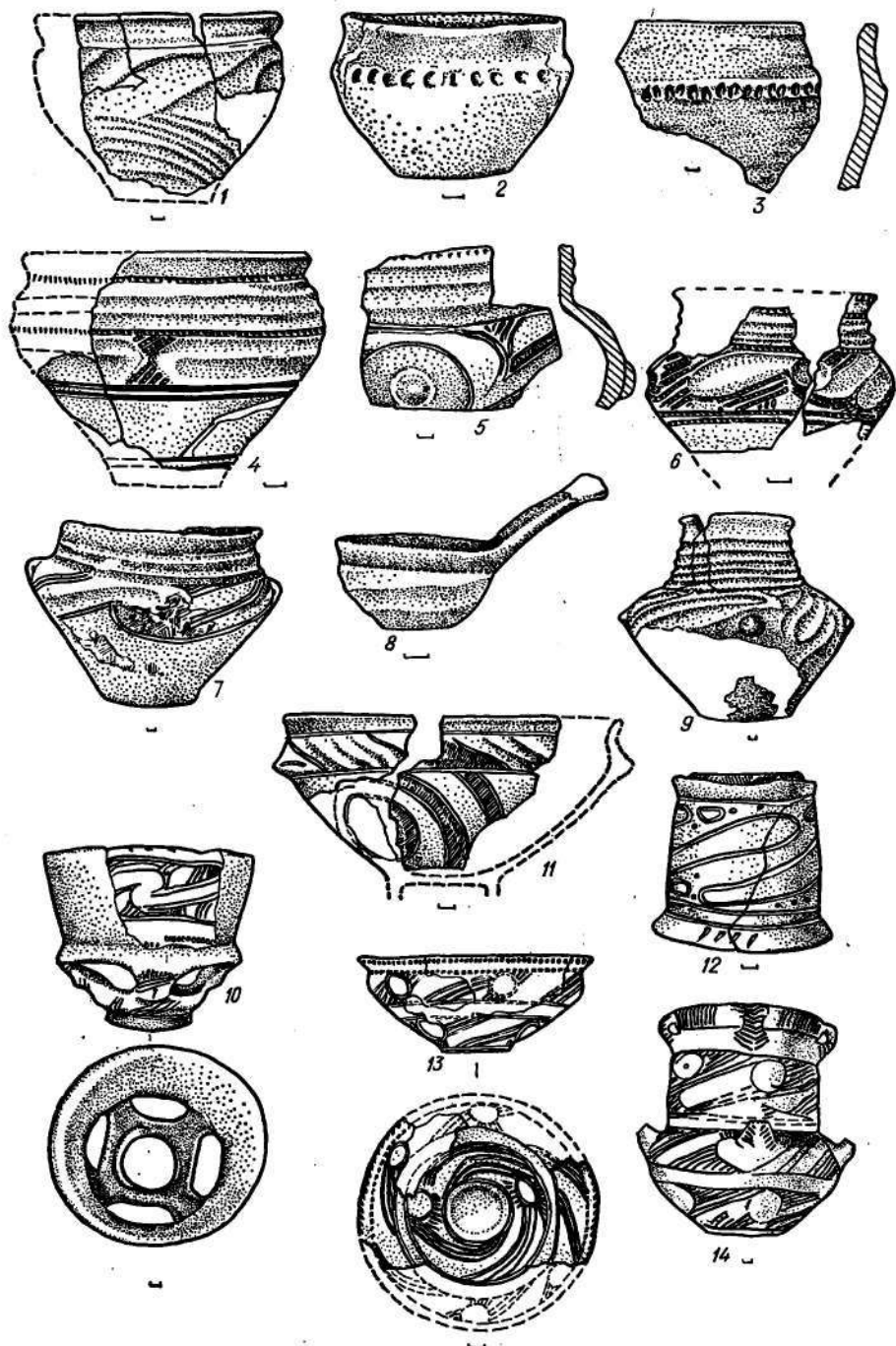

Рис. 68. Поселение Сабатиновка II (площадка 3). Керамика

заштрихованные угловые композиции (рис. 49, 9, 18; 60, 6; 63, 6).

Оттиски гребенчатого штампа (как

правило, мелкие, квадратные и прямоугольные) в виде опоясывающих рядов украшают основание шейки и придонную часть горшков (рис. 50, 1, 10). Короткие косые ряды оттисков штампа часто заполняют подтреугольные зоны

между завитками врезанной спирали или концентрическими каннелюрами (рис. 49, 2, 8; 58, 2, 3). Изредка оттиски гребенчатого штампа заполняют ленты, образованные параллельными врезанными линиями. В ряде случаев оттиски штампа (как и врезанные линии) затерты белой пастой.

Рельефный орнамент выполнен на посуде 2-й группы в виде двух — четырех небольших конических или округлых налепов на максимальном диаметре тулова (рис. 49, 5, 11—13, 18). Иногда налепы снабжены сквозными проколами и играют роль ручек-ушек (рис. 49, 10; 58, 15). Налепы обычно опоясаны концентрическими каннелюрами или врезанной линией (рис. 49, 12; 50, 8; 60, 4).

Перечисленные элементы орнамента изредка сопровождаются округлыми ямками-лунками, идущими вдоль рядов каннелюр, по обводу дна (рис. 49, 16, 17; 50, 11, 12; 62, 5—7; 64, 4).

Второстепенную роль в орнаментации сосудов играют короткие насечки, нарезки и вмятины (чаще всего по срезу венчика), наколы, оттиски трубчатого пустотелого штампа, плоско срезанные и тщательно зашлифованные овальные выступы (рис. 49, 3).

Примечательны небольшие прочерченные значки-пиктограммы; один из них, возможно, изображающий кисть руки, нанесен на придонную часть столового горшка из Бернашевки (рис. 55, 11). Подобные значки имеются и на керамике из Рогожан [105, с. 39, рис. 5, 4]. Солярные и другие знаки также зафиксированы на дне нескольких сосудов (рис. 49, 20).

Наконец, отметим, что в орнаментации посуды 2-й группы иногда использовалась красная охра, которой после обжига сосуда прокрашивались ленты, образованные прочерченными линиями (Лука-Врублевецкая, Ленковцы).

Посуда 3-й группы изготовлена из глины с примесью мелкотолченого шмота или измельченной сухой глинистой породы и песка. В отличие от кухонной посуды черепок плотный, менее комковатой структуры. Керамика этой группы из Бернашевки, Флорешт, Окопов и некоторых других поселений

имеет хорошо обработанную, заглаженную, покрытую плотным слоем ангоба и часто подлощенную поверхность. Иногда здесь встречаются образцы посуды из однородной глины без видимых примесей, тщательно обработанной внутри и снаружи. В Берново и Ленковцах посуда 2-й и 3-й групп близка технологически: примесь песка и очень мелкого шмота, мажущаяся поверхность; в Греновке сосуды, форма которых характерна для 2-й и 3-й групп, изготовлены из одной глины. Цвет поверхности сосудов обычно коричневатый, красноватый, серый. Наиболее яркие образцы описываемой посуды могли выполнять парадную, декоративную или культовую функцию. Выделяются следующие основные типы (рис. 47, 29—39).

Горшки двух подтипов:

1) Широко открытые (диаметр горла равен или больше максимального диаметра тулова), приземистые, с округлыми плечиками (рис. 47, 29; 65, 7).

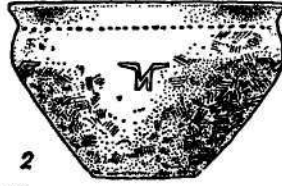
2) С коротким венчиком, высокими угловатыми плечиками, ниже которых тулово конически сужается ко дну; диаметр дна равен диаметру горла (рис. 47, 30). Горшки этого подтипа встречаются редко.

Грушевидные сосуды с округлым или слегка приплюснутым туловом, узкогорлые (диаметр горла обычно в два раза меньше максимального диаметра), с невысоким, прямым, стянутым внутрь венчиком. Выпуклые плечики нередко опоясаны широкой и глубокой канавкой, как бы расчленяющей тулово на два яруса. Стенки конически сужаются ко дну с выделенной невысокой закраиной. Высота грушевидных сосудов колеблется в пределах 10—30 см (рис. 47, 31; 56, 2, 8; 59, 1, 8).

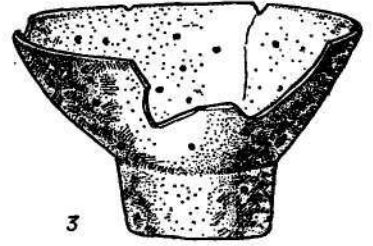
Реновидные сосуды — с приплюснутым туловом, узким горлом и коротким стянутым венчиком. По максимальному диаметру тулова размещены конические выступы-ушки (четыре) со сквозными отверстиями. Вытянутая нижняя часть сосуда имеет вид усеченного конуса (иногда стенки ее слегка раздуты), у дна, как правило, выделена небольшая закраина (рис. 47, 32; 51, 8; 65, 11; 66, 12; 69, 11).

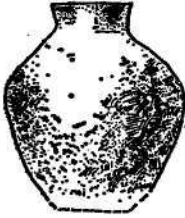
1

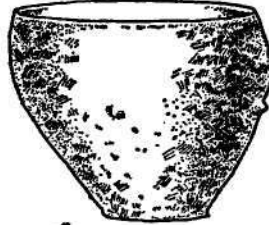
2

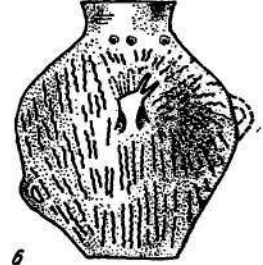
3

4

5

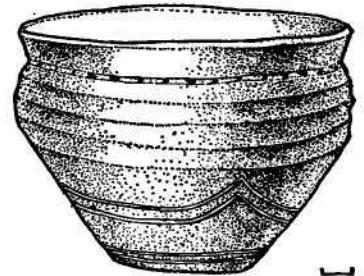
6

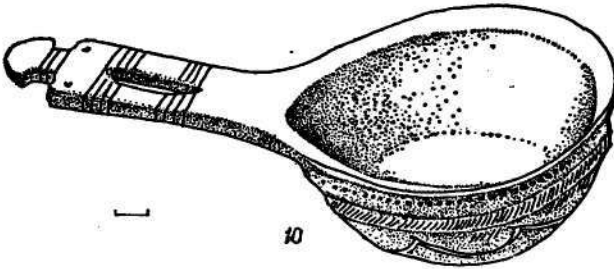
7

8

9

10

11

12

13

Рис. 69. Поселение Александровка. Керамика

Рис. 70. Поселение Греновка. Керамика

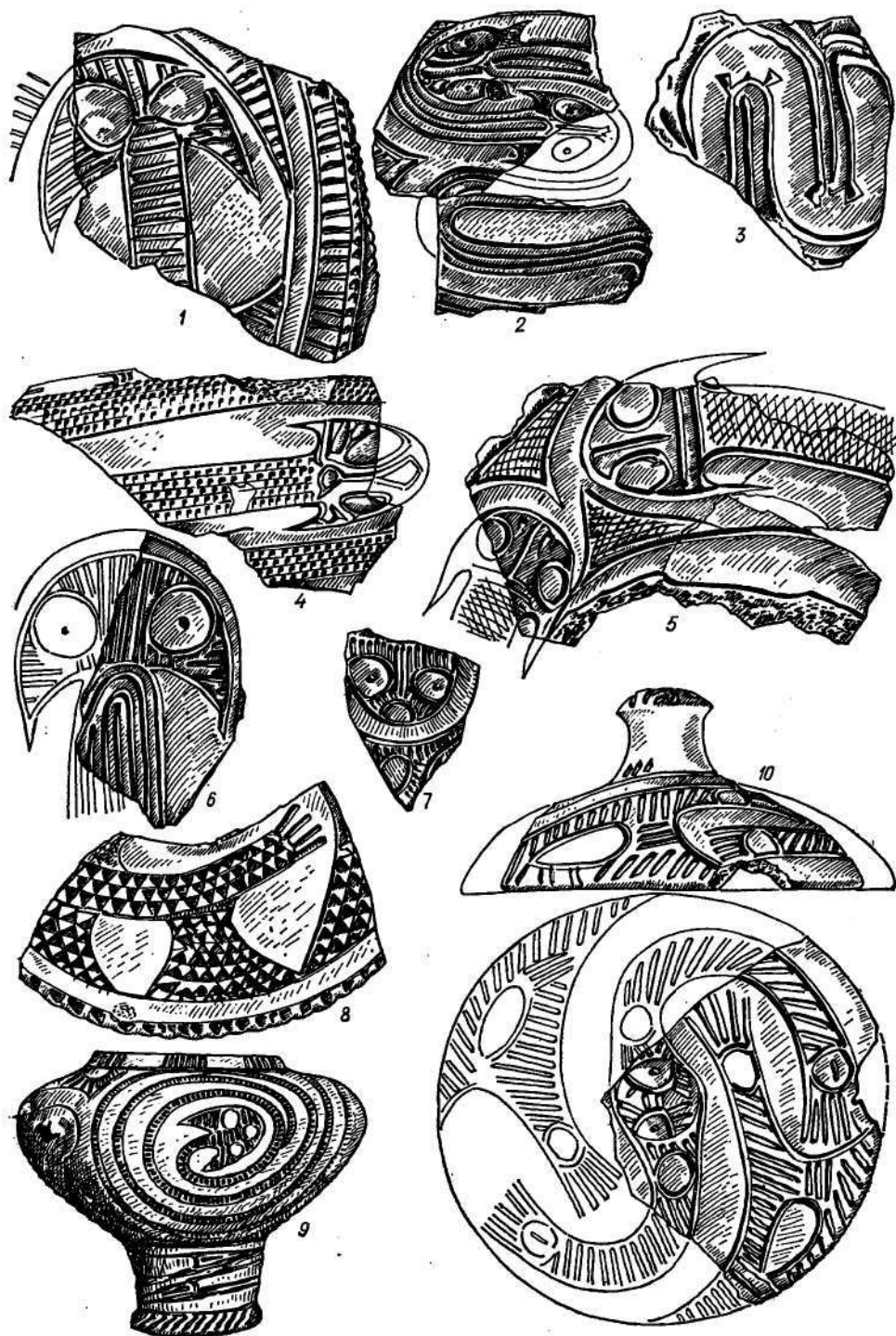

Рис. 71. Изображения змеев-драконов на ранне трипольской керамике:
 1—3, 8 — Флорешты; 4, 6, 7 — Бернашевка; 5, 10 — Окопы; 9 — Александровна

Чаши невысокие, широко открытые (диаметр устья равен максимальному диаметру тулова или превышает его), с выделенными округлыми плечиками, иногда снабженными парой небольших ушек со сквозными отверстиями. Венчик уплощен и отогнут. Дно чаши имеет небольшую закраину (рис. 47, 33; 51, 5; 62, 1, 4; 67, 10; 68, 13). Высота чаш — не более 10 см, диаметр устья — от 12 до 20 см.

Фруктовницы на полых поддонах близки соответствующим сосудам 1-й группы, отличаясь от них более крупными размерами: поддон нередко имеет высоту 12—15 см; диаметр верхней части достигает 25—30 см. Исходя из формы последней, можно выделить фруктовницы двух подтипов:

1) В виде неглубоких ребристых тарелок с плоским отогнутым краем (рис. 47, 34; 51, 1—3; 52, 6; 56, 1; 59, 9; 60, 8; 67, 12). На отдельных экземплярах ребро выражено не столь четко (рис. 59, 12).

2) В виде чаш значительной емкости с выпуклыми округлыми стенками и парой ручек-ушек на максимальном диаметре тулова (рис. 47, 35; 51, 4, 6; 63, 10; 65, 12; 68, 11).

Фруктовницам 3-й группы также присущи антропоморфные черты, наиболее ярко проявившиеся на известном сосуде из Греповки (рис. 70, 9). Не менее известно скульптурное глиняное изображение «атланта» из Луки-Врублевцевкой, поддерживающего чашу на спине и согнутых в локтях руках (рис. 61, 2). Фигурка эта, несомненно, была частью фруктовницы, находясь на переходе от поддона к чаше.

Сосуды типа *ваз* с зауженной и вытянутой придонной частью. Различаются вазы двух подтипов:

1) С выделенными округлыми плечиками и конически сужающейся придонной частью (рис. 47, 36; 51, 7; 64, 12; 70, 8).

2) В виде глубоких реберчатых мисок с цилиндрически вытянутой придонной частью (рис. 47, 37; 69, 12).

Крышки для почти всех перечисленных выше сосудов представлены на раннетрипольских поселениях. Выделяются крышки двух подтипов:

1) Относительно высокие, конусовидные, часто снабженные парой небольших ушек-бугорков с отверстиями размещенных на корпусе или ближе к краю (рис. 47, 38; 51, 10; 65, 10; 70, 7).

2) Невысокие, полусферические, обычно без ушек (рис. 47, 39; 52, 11; 56, 7; 60, 12).

В центре крышки находится невысокая ручка-столбик, плоско срезанная или с грибовидным навершием.

В заключение упомянем крупный сосуд, найденный на площадке 3 поселения Сабатиновка II. Верхняя его часть имеет вид широкой воронки; в скошенной нижней части, заканчивающейся круглым отверстием (дно отсутствует), прорезаны овальные окошки, перемычки между которыми имеют антропоморфные черты (рис. 68, 10). Еще один большой пустотелый сосуд, близкий вышеописанному, происходит из Ленковцев [191, табл IX, 6]. По-видимому, здесь мы имеем дело с какими-то специализированными сосудами (подставками?), которые использовали при культовых церемониях.

Посуде 3-й группы присущ богатый и разнообразный углубленный орнамент, размещенный на всей поверхности сосуда. Наиболее часто узор создавался с помощью врезанных или проглаженных линий шириной от 2 до 5 мм. Две параллельные линии образовывали ленту, обычно заштрихованную поперечными отрезками или иногда заполненную округлыми наколами, оттиском гребенчатого штампа, врезанной косой сеткой (рис. 51, 9; 52, 12—14; 56, 1, 8; 59, 12). Лента и ряды углубленных линий создавали на тулове сосуда (горшок, грушевидный и реповидный сосуд, ваза, крышка, поддон фруктовницы) спиральный узор, завитки, петли. Обычны также угловые композиции, составленные сходящимися рядами линий. Часто внутри орнаментальной ленты оставались округлые «окошки», свободные от узора, или имеющие в центре небольшой конический выступ (рис. 52, 8; 9; 59, 1, 7; 69, 11).

Изредка на сосудах встречаются стилизованные антропоморфные и солярные изображения, нанесенные с помо-

щью отрезков врезанных или проглаженных линий (рис. 65, 7).

В качестве второстепенных и дополнительных видов углубленного орнамента выступают каннелюры и округлые ямки (рис. 62, 4, 9; 64, 10).

Особое место в декоре керамики 3-й группы занимает выемчатый орнамент, присущий посуде некоторых поселений Поднестровья (Флорешты, Рогожаны, Бернашевка, Окопы). Основные его элементы — треугольники, квадраты, вертикальные и горизонтальные прямоугольники, смыкающиеся вершинами удлиненные треугольники («волчи зубы»), узкие удлиненные прямоугольники. Часто узор комбинировался из нескольких видов указанных геометрических фигур. Сначала элементы орнамента, скомпонованные в несколько рядов, составляющих широкую ленту, тонкими линиями нарезались на поверхность сырого еще сосуда. Затем по контуру фигуры глина выбиралась на определенную глубину, причем углубленные и нетронутые участки чередовались. Ленты, заполненные негативно-позитивным выемчатым орнаментом (прежде всего, в виде «шахматной доски»), украшали тулово грушевидных сосудов, поддоны фруктовок (рис. 52, 1—3, 15, 16; 56, 2, 3; 59, 7, 8, 13). Треугольниками обычно орнаментированы верхние части («тарелки») фруктовок, поддоны, края крышек. Изредка встречается выемчатый узор в ромбических и меандровых композициях (рис. 52, 10; 56, 4). Характерно сочетание разных видов углубленного орнамента — выемчатого, врезанного, штампового и т. д.

Важным орнаментально-смысловым сюжетом, связанным с керамикой 3-й группы, является изображение змея-дракона, переданное разными видами орнамента — временным, выемчатым, штамповым (рис. 71, 1—10).

Рельефный орнамент не играет самостоятельной роли. Обычно он имеет вид двух или четырех конических (реже — уплощенных округлых) выступов, симметрично расположенных на максимальном диаметре сосуда (рис. 63, 9; 64, 12; 68, 5). В некоторых случаях эти

выступы, несомненно, имитируют жепскую грудь (рис. 56, 3).

Определенную роль в декоре керамики 3-й группы играла краска. Часто заполнение всех видов углубленного орнамента белой пастой усиливало его эстетическое воздействие. Для украшения посуды таких памятников, как Лука-Врублевская, Ленковцы, Греновка, Александровка, довольно часто применялась красная охра. Ею после обжига прокрашивались ленты, образованные углубленными линиями (рис. 56, 5; 62, 9; 63, 10; 64, 11; 68, 11).

Привлекают внимание первые одиночные образцы керамики, расписанной до обжига. Здесь следует назвать фрагмент сосуда, найденный при раскопках поселения Берново*. В тесте черепка — примесь песка и измельченного шамота; поверхность шероховатая. На светло-кофейный ангоб тусклой бурой краской до обжига нанесена роспись в виде отрезков лент (рис. 63, 5). О фрагментах расписной керамики (роспись белой и коричневой красками), найденных в жилище 1 на поселении Александровка, упоминает А. Л. Есипенко [52, с. 15]. В фондах Одесского археологического музея хранится найденная в Александровке (раскопки 1953 г.) полусферическая крышка, украшенная снаружи углубленным, а внутри — расписным орнаментом. Роспись нанесена до обжига белой краской на красный облицовочный фон. Небрежно выполненный рисунок передает крестовидную фигуру, образованную четырьмя тонкими пересекающимися полосками; в углах креста изображены завитки спирали (рис. 69, 13).

Несколько фрагментов керамики, расписанных беловатой, красной или черной краской по фону разного цвета, найдены В. И. Маркевичем в раннетрипольском горизонте поселения Новые Русешты в Молдавии [101, с. 61]. Примитивная роспись в виде полосок, нанесенных коричневой, белой, красной краской на внешнюю или внутреннюю

* Раскопки Т. С. Пассек в 1951 г. (раскоп II, яма 1, глубина 1,9 м). Фрагмент хранится в фондах Гос. Эрмитажа (№ 757).

поверхность сосуда до обжига, встречается на керамике прекукутенского поселения Тырпешти [287, с. 32]. На таких памятниках Молдовы, как Тыргу-Негрешти, Траян-Дялул Фынтындор, Тырпешти, обнаружены сосуды, поверхность которых до обжига была покрыта жидкой молочно-белой краской [287, с. 32; 305, с. 4, 6, 8].

Описанные выше первые образцы трипольской расписной керамики имеют мало общих черт. Это обстоятельство позволяет предположить, что в разных частях ареала культуры Прекукутени — раннее Триполье древние гончары осваивали изготовление монохромной расписной посуды независимо друг от друга. По-видимому, уже в конце раннего этапа были созданы предпосылки для восприятия еще более сложной технологии производства высококачественной полихромной посуды начала развитого Триполья.

6. Пластика

Эту категорию находок в основном составляют глиняные предметы культа — антропоморфные и зооморфные статуэтки, креслица, столики, алтари; к ней также относятся украшения и другие изделия из глины.

а) *Антропоморфные статуэтки* лучше всего представлены в крупных коллекциях из Луки-Врублевецкой (более 250 экз.), Александровки (107 экз.), Ленковцов (88 экз.), Путинешт (71 экз.), Бернашевки (67 экз.) и других поселений Украины и Молдавии. Общее их количество сейчас достигает 1 тыс. экземпляров, причем совершенно целые фигурки встречаются крайне редко (3—4 экз. в Александровке, Сабатиновке II, Луке-Врублевецкой, Берново). Большинство находок составляют нижние части статуэток, реже встречается верхняя половина туловища с головкой.

Статуэтки, как правило, связаны с жилищами, где в ряде случаев их концентрация бывает довольно высокой: 84 экз. в землянке 2 в Луке-Врублевецкой [14, с. 27], 49 — в землянке 2 на поселении Путинешты в МССР [102, с. 60] и т. д. Лишь в одном случае можно с уверенностью отметить четкую

локализацию статуэток внутри жилища: 16 фигурок из 23, происходящих с площадки 3 на поселении Сабатиновка II, были обнаружены на глиняном помосте в западной части дома [97, с. 90]. Автор раскопок справедливо рассматривает это сооружение как святилище. Обычно же статуэтки встречаются на всей площади жилища, в том числе у печей и очагов.

Переходя к непосредственному описанию антропоморфных статуэток, напомним общеизвестное положение о доминировании в раннетрипольско-прекукутенской пластике (равно как и в пластике всех нео-энеолитических земледельческих культур) женских изображений. Достоверных мужских фигурок известно около десятка, в том числе две из Луки-Врублевецкой [14, табл. 25, а, б], одна — из Ленковцев [191, табл. XIII, 25], четыре — из Тырпешти [287, рис. 97, 13, 21, 28; 110, 4] и т. д. Обычно это сидящие статуэтки (сохранились лишь нижние их половины) с вытянутыми ногами. Черты стеоопигии отсутствуют; признак пола обозначен небольшим налетом. Выделяется известная фигурка из Луки-Врублевецкой с разомкнутыми ногами и гипертрофированными мужскими признаками (рис. 76, 4). Все упомянутые статуэтки лишены орнамента.

Характер и специфику раннетрипольской пластики определяют многочисленные женские статуэтки, изготовлявшиеся на каждом поселении. Обычно они вылеплены из хорошо промытой глины с примесью песка, иногда — мелкотолченого шамота и зерен кварца. С. Н. Бибиковым установлен интереснейший факт подмешивания в глину нескольких статуэток из Луки-Врублевецкой зерен злаков, имеющего не технологический, а культовый смысл [14, с. 206—210, 251—255]. Следы зерен зафиксированы также в глине статуэток некоторых других поселений [138, с. 28].

Исследователи (С. Н. Бибилов, А. П. Погожева и др.) отмечают несколько способов формовки статуэток: из цельного куска глины; из двух продольных половинок, изготовленных отдельно, а затем составленных. Иногда

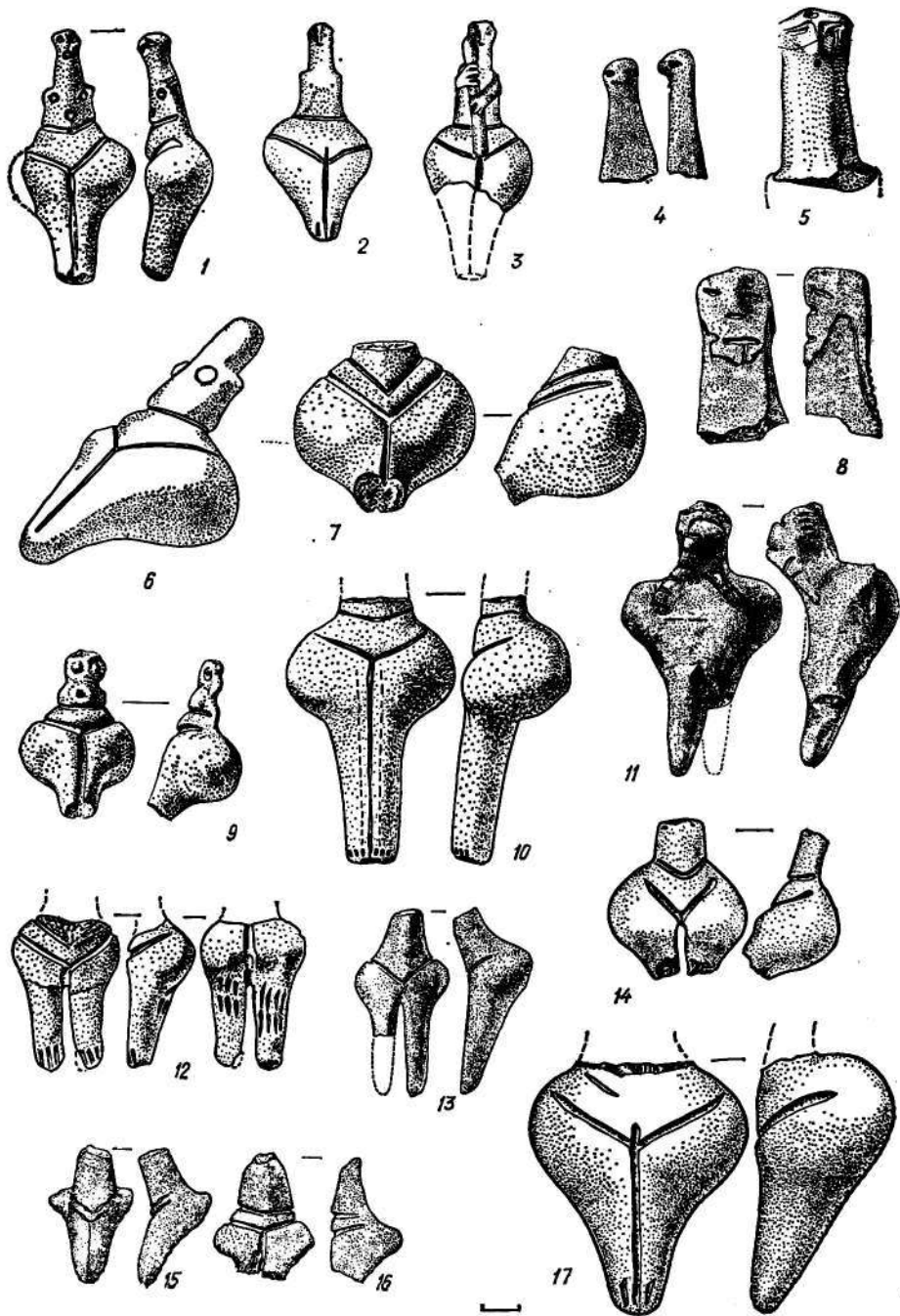
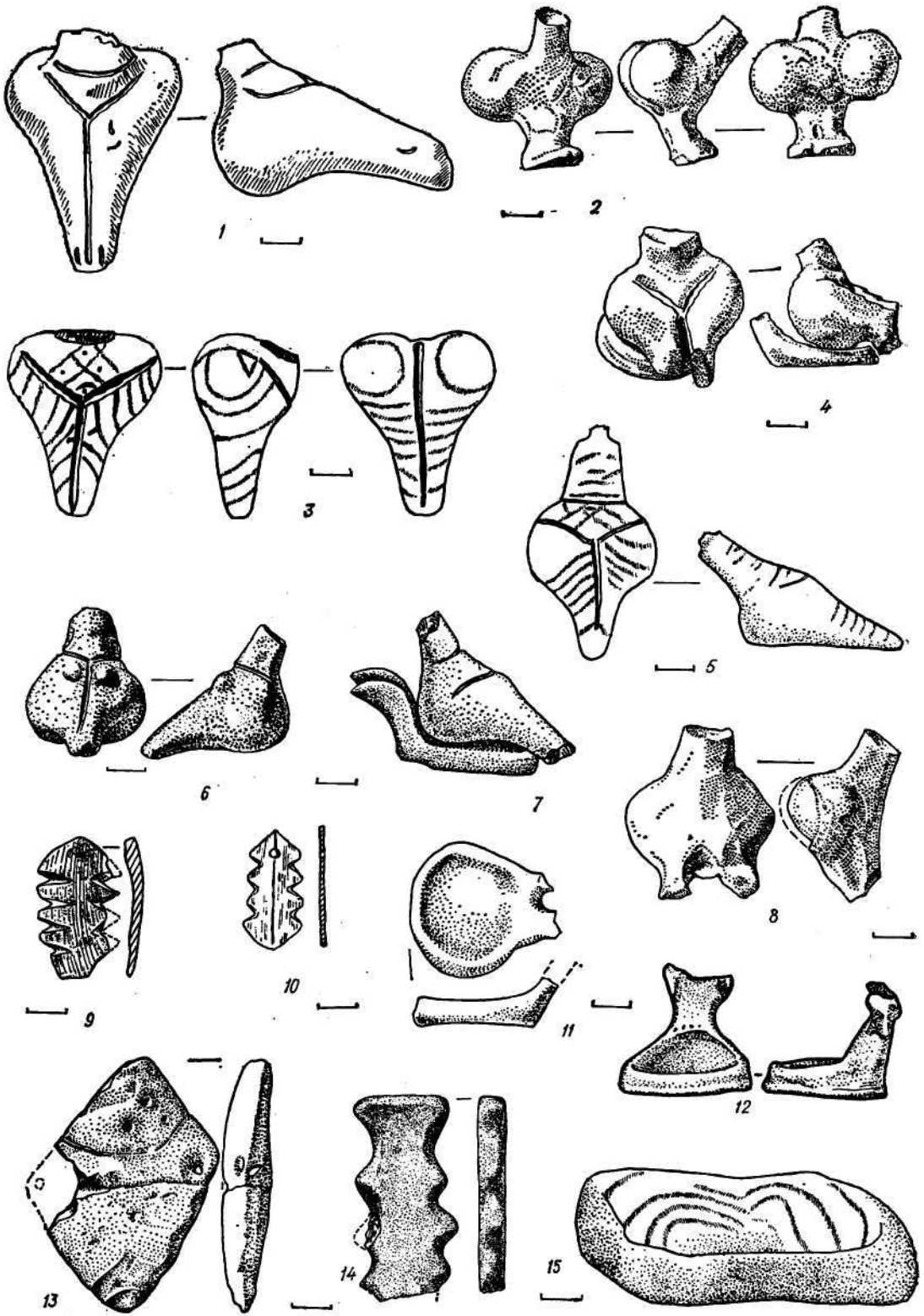

Рис. 72. Антропоморфная пластика раннегрипольских поселений:

1, 10, 12 — Оюны; 2, 3, 14, 17 — Сабатиновка II; 4, 5, 7—9, 11, 13, 15, 16 — Бернашевка; 6 — Александровка

Рис. 73. Пластика раннегрипольских поселений:

1 — Ленковцы; 2, 4, 6, 8, 9, 14 — Бернашевка; 3, 5, 7, 10, 12, 15 — Сабатиновка II; 13 — Берново (уроч. Малинки); 1—8, 11—15 — глина; 9 — раковина; 10 — кость

фигурка формировалась из верхней и нижней половин [65, с. 162]. А. П. Погожева выделила группу статуэток, в нижней части живота которых при формовке преднамеренно оставлялась полость, видимая лишь на изломе. В нее закладывались небольшие глиняные желваки, изготовленные отдельно от статуэток [138, с. 31—33]. Исследовательница считает их имитацией зародыша, а в более широком плане — выражением общей идеи плодородия. Такие фигурки встречены, в частности, в Луке-Врублевцевкой, Гайвороне, Александровке.

После соединения составных частей статуэтка дополнительно обмазывалась слоем тонкоструктурной глины; подмазка также усиливала черты стеоатонии. Обычно поверхность хорошо заглаживалась, покрывалась розоватым, коричневатым, серым ангобом, в ряде случаев подвергалась лощению. Обжиг большинства статуэток неравномерный, часто усугубленный вторичным пребыванием фигурки в пламени.

При технологическом единстве раннетрипольской антропоморфной пластики она достаточно разнообразна по своим формам и орнаменту. Два последних признака и легли в основу наиболее объективной ее классификации, разработанной А. П. Погожевой. Все женские статуэтки исследовательница разделила на два класса: А (орнаментированные) и В (без орнамента). В первом из них различаются фигурки двух типов: а (с сомкнутыми ногами) и б (с разомкнутыми). В классе В выделено два типа и один подтип (в зависимости от пропорций статуэток, степени стеоатонии, моделировки плечей и головы и т. д.): с, d и e₁ [137, с. 11—12; 139, с. 22—33]. При несомненных достоинствах эта классификация усложнена учетом ряда второстепенных признаков. Поэтому в данной работе применена классификация, основанная на более общих морфологических признаках и отражающая главную линию развития раннетрипольской пластики, согласно которой выделяются два основных типа статуэток.

Тип I Представлен фигурками, высота которых колеблется в пределах

3—10 см (наиболее часто встречаются экземпляры высотой 5—7 см). Нижняя часть тулова этих статуэток (до пояса) обычно в два раза длиннее их торса. Непременный признак — широкие бедра и мощные ягодицы, переданные округлыми полушариями (рис. 72, 1, 2, 6, 7), либо (гораздо реже) — коническими выступами (рис. 72, 15, 16). Живот многих фигурок обозначен небольшой выпуклостью, пупок передан накомом (рис. 72, 1, 9). В отдельных случаях округлый бугорок на животе говорит о беременности [65, с. 166]. На лобке некоторых статуэток имеются парные выступы-бугорки (рис. 73, 6). Низ живота подчеркнут одной или двумя (очень редко — тремя) сходящимися под углом врезанными линиями; опоясывающая линия подчеркивает талию.

Ноги описываемых статуэток обычно переданы слитно, в виде округлого в сечении или слегка уплощенного конического выступа. Конец его закруглен и лишь в отдельных случаях уплощен; спереди на конце выступа короткими вертикальными насечками показаны пальцы (рис. 72, 10, 12). Сзади и спереди ноги выделены вертикальной, глубоко врезанной линией. Почти на каждом поселении встречено несколько фигурок с разомкнутыми ногами (рис. 72, 12—14); в одном случае (Бернашевка) ноги статуэтки в верхней части соединены зацепом-перепонкой (рис. 73, 8).

Округлый или овальный в сечении торс статуэток слегка уплощен и постепенно сужается кверху, переходя в вытянутую шею. Часто небольшими угловыми выступами показаны плечи, грудь обозначена округлыми наколами или выступами-бугорками (рис. 72, 1, 9). Шею венчает маленькая округлая головка, слегка приплюснутая сверху. Небольшим зацепом намечен нос, наколами — глаза и рот (последний также бывает передан горизонтальной черточкой). В ряде случаев голова статуэтки не моделирована, и верхняя часть ее имеет вид короткого цилиндрического или конусовидного выступа (рис. 72, 6).

На поселениях Бернашевка и Рогожаны [105, с. 40, рис. 6, 2] найдены три головки крупных статуэток, посаженные на длинную и мощную шею в

виде цилиндрического или подпрямоугольного в сечении столбика. Сверху голова плоско срезана, дуговидный в профиле нос далеко оттянут щипком, глаза и рот переданы глубоко врезанными горизонтальными черточками (рис. 72, 8). Одна из этих головок увенчана широкой плоской шляпкой с отверстием в центре, наискось от него расположено еще одно отверстие, которым обозначен рот (рис. 72, 5). Не исключено, что описанные головки, отличающиеся от стандартного иконографического типа раннетрипольской пластики, принадлежат фигуркам импортного происхождения.

Абсолютное большинство статуэток лишено рук, но около 20 экз., происходящих с поселений на территории СССР и Румынии, имеют руки, моделированные в виде налешных валиков, иногда покрытых поперечными насечками. В отдельных случаях моделирована кисть руки с тремя-четырьмя пальцами (рис. 72, 3). Руки зафиксированы в нескольких стандартных позах: одна из рук согнута в локте и прижата к голове, причем локоть может поддерживаться второй рукой [63, рис. 79, 1, 3; 282, рис. 73, 1, 3, 6]; обе руки сомкнуты и прижаты к груди (рис. 72, 11); каждая рука поддерживает грудь [65, с. 163, рис. 1, 10]; обе руки опущены к низу живота [65, с. 163, рис. 1, 6, 9]; одна рука поднята к голове, вторая — опущена к низу живота [65, с. 167; 282, рис. 73, 4]. В руках нескольких статуэток находится предмет в виде валика, доходящий до груди или лица фигурки и упирающийся в низ живота (рис. 72, 3). Исследователи интерпретируют его по-разному (сноп, ребенок, змея, фаллос), не выходя здесь, однако, за рамки предположений. Вообще, по мнению С. Маринеску-Былку, описанные выше позы статуэток передают определенные ритуальные жесты, связанные с конкретными проявлениями магико-религиозной практики древних земледельцев, важнейшей частью которой являлась антропоморфная пластика [279, с. 49—58].

Принято считать, что статуэтки первого типа, верхняя и нижняя части ко-

торых поставлены под углом друг к другу, изображают сидящую женщину с вытянутыми ногами и откинутым назад корпусом. Правильность этого мнения в ряде случаев подтверждена специально уплощенными снизу ногами и ягодицами. Известны также факты находок статуэток, сидящих на глиняных креслицах [97, с. 90; 52, с. 18], причем в этом случае ноги фигурки иногда согнуты в коленях и опущены вниз (рис. 73, 4). Однако нельзя не согласиться с А. П. Погожевой, полагающей, что некоторые фигурки изображены в стоячей позе со слегка наклоненным вперед корпусом [138, с. 32; 139, с. 117—118]; в этих случаях угол между верхней и нижней частями статуэтки превышает 140—150°. Некоторые статуэтки в стоячей позе крепились на тонких стержнях, для чего в ноге специально оставлялся длинный узкий канал [138, с. 32—33]. Такие фигурки найдены, в частности, во Флорештах, в Гайвороне, Окопах (рис. 72, 10). Из Бернашевки происходит статуэтка, стоящая на ножке-столбике с плоским расширенным основанием (рис. 73, 2).

Статуэтки первого типа практически лишены орнамента, лишь на бедрах и ногах отдельных фигурок (Александровка, Окопы, Тырпешти и др.) имеются группы коротких вертикальных насечек (рис. 72, 12). Декоративную функцию выполняла белая паста, заполняющая иногда врезанные линии, подчеркивающие низ живота. Кроме того, статуэтки многих поселений (Бернашевка, Ленковцы, Путинешты, Рогожаны, Александровка, Тырпешти) окрашены красной краской, часто нанесенной на белую облицовку — ангоб. Выделяются несколько статуэток из Сабатиновки II (жилище 3), расписанных до обжига красной краской по белому фону (роспись почти полностью уничтожена при пожаре). Следует подчеркнуть, что по своему сюжету расписной узор сабатиновских статуэток полностью отвечает врезанному орнаменту фигурок второго типа (рис. 73, 3, 5). Целая статуэтка, расписанная до обжига темно-красной краской по светло-серой лощеной поверхности, найдена так-

же С. Маринеску-Былку при раскопках поселения Тырпешти [287, рис. 107, 1].

В заключение отметим, что к первому типу относятся (за исключением индивидуальных форм) все статуэтки из Флорешт, Рогожан, Бернашевки, Окопов, Сабатиновки II, большинство фигурок из Гайворона, Александровки, Тырпешти и ряда других пунктов.

Тип II включает статуэтки крупных размеров, высота которых в среднем достигает 10—15 см, хотя встречаются экземпляры высотой до 20 см. Для них также характерна выраженная стеоатопигия и сомкнутые, с коническим окончанием ноги. Очень редко встречаются фигурки с разделенными ногами. У одной из статуэток (Берново) выделены ступни ног и обозначены пальцы. Описываемые статуэтки отличаются от фигурок первого типа наличием широкого (до 4 см) плоского торса, высота которого примерно равна нижней части. Грудь обычно показана рельефными бугорками, наколами или сквозными округлыми проколами. Коническими выступами переданы плечи; эти же выступы рассматриваются С. Н. Бибиковым как руки, согнутые в локтях и помещенные под грудью [14, с. 229]. Изредка в плечевых выступах, рядом с налепной грудью, имеются сквозные круглые отверстия. Шея и голова, как правило, выделены слитно в виде высокого конусовидного остротка, причем черты лица не моделируются. Лишь у единичных экземпляров голова обозначена небольшим расширением, нос показан зашипом, а глаза и рот — наколами или насечками (Берново, Кормань) (рис. 74, 1, 7; 75, 2).

В большинстве своем описываемые статуэтки изображают сидящую женщину с отклоненной верхней половиной туловища. В единичных случаях они имеют массивную цилиндрическую ножку со слегка расширенным и плоско срезанным основанием, позволяющим говорить о стоячей позе. Такие фигурки найдены, в частности, в Луке-Врублевцевкой [14, табл. 87], Берново (рис. 76, 6) и на других поселениях. О том, что эти статуэтки также надевались в вертикальном положении на стержень, говорят узкие и глубокие вы-

емки в ногах отдельных фигурок из Александровки и Луки-Врублевцевкой [138, с. 33, рис. 6, 1, 2, 6].

Некоторые из описываемых статуэток, как и фигурки первого типа, изображены в ритуальных позах и держат в сомкнутых руках продолговатый предмет (рис. 74, 2, 5, 6). По-видимому, семантически близки к ним фигурки с рельефной опояской-валиком, расчлененной насечками [14, табл. 80, а; 81].

Наиболее характерной чертой статуэток второго типа является орнамент, как правило, покрывающий всю нижнюю часть и торс фигурки. Неорнаментированные экземпляры (рис. 74, 3) встречаются гораздо реже. Так, из 150 статуэток второго типа, приведенных в монографии о Луке-Врублевцевкой [14, табл. 76—112], лишь пятая часть лишена орнамента.

Несмотря на большое количество элементов орнамента и его композиций, декору описываемых статуэток присуща стандартность, устойчивость [137, с. 21—23; 139, с. 40—47]. Торс фигурки обычно покрывают параллельные ряды узких врезанных линий — горизонтальных или сходящихся под углом (рис. 74, 7; 75, 5, 6). На груди также встречается угловой узор и врезанная спираль (рис. 74, 1). Ряды врезанных линий в угловой композиции заходят на спину. Кроме того, для спины обычен орнамент в виде ромба (рис. 74, 7; 75, 1) или вертикальной цепочки ромбовидных фигур с несомкнутыми углами (рис. 74, 1). На спинах нескольких фигурок из Луки-Врублевцевкой прорезан отрезок косо́й линии с отходящими от него вниз короткими штрихами (рис. 74, 5). Два таких отрезка, нанесенных под углом друг к другу (рис. 74, 2), С. Н. Бибиков считает изображением крыльев [14, с. 28].

В нижней части живота, как правило, помещен врезанный ромб, нередко разделенный на четыре части. В центре ромба и каждой его части обычно находится округлая вмятина — точка или черточка (рис. 74, 4, 7; 75, 1, 6).

Сомкнутые ноги фигурок в несколько рядов опоясаны врезанной линией; на бедра часто вынесен рисунок в ви-

де овала, завитка спирали или треугольника, венчающего отрезок линии и обращенного своим основанием к лону статуэтки (рис. 74, 4, 7; 75, 3). Этот элемент декора, находящийся соответственно в орнаменте керамики, в крайне стилизованном виде изображает часть тулова и голову фантастического змея. В некоторых случаях изображение приобретает дополнительные детали — круглые глаза, завитки-рога (рис. 75, 3, 6). Весьма разнообразен орнамент на ягодицах фигурок, где А. П. Погожева насчитывает 17 различных его видов. Наиболее часто встречается рисунок в виде: спирали; концентрических кругов; ромба и овала с точкой в центре (рис. 75, 1, 6); радиально расходящихся отрезков линий; креста с вписанными в его квадранты углами и полуолами (рис. 75, 4); мальтийского креста и т. д. Нередки здесь и изображения змея-дракона (рис. 74, 7; 75, 3). Все эти виды орнамента обычно дополнены округлыми ямками, наколами, короткими насечками, оттисками зерен (в первую очередь это относится к пластике Луки-Врублевской). Небольшая группа фигурок практически лишена орнамента и украшена лишь наколами, насечками, оттисками зерен — одиночными или скомпонованными в группы [14, табл. 78, 79; 82а; 99а].

На отдельных статуэтках сохранились следы инкрустации — врезанного орнамента белой пастой. По-видимому, поверхность некоторых фигурок окрашивалась в красный цвет [65, с. 164]. С. Маринеску-Былку сообщает о том, что для инкрустирования орнамента нескольких статуэток поселения Тырпешти использовалась белая и красная паста; одна фигурка с этого поселения была расписана белой, другая — красной краской [287, с. 38, рис. 97, 29; 95, 1].

Соотношение между двумя описанными выше типами статуэток определяется достаточно четко: в цепи развития раннетрипольской антропоморфной пластики сравнительно простые статуэтки первого типа являются начальным звеном.

Что же касается фигурок второго ти-

па, то он, по мнению А. П. Погожевой, появился в Триполье внезапно и сразу стал господствующим. «Благодаря отсутствию его эволюции, — отмечает автор, — в раннетрипольских памятниках становится очевидным его ипородное происхождение и вторжение извне» [137, с. 26]. Отчасти это мнение разделяет и С. Маринеску-Былку, полагая, что врезанный орнамент на статуэтках — результат южного импульса, переданного через культуру Гумельница и постепенно воспринятого в прекукутенско-раннетрипольской среде [282, с. 96; 287, с. 38].

Приведенная точка зрения представляется спорной. Прежде всего, не вызывает сомнения морфологическое сходство статуэток обоих типов, проявляющееся в трактовке головы, шеи, нижней части туловища. Новые признаки (появление удлиненного широкого торса и острых плечевых выступов) нарастали постепенно. Примером может служить появление на сравнительно раннем (в системе раннего Триполья) поселении Окопы среди статуэток первого типа большой фигурки с широким торсом, в которой легко угадываются черты пластики второго типа (рис. 76, 5). Что касается врезанного орнамента, то некоторые его элементы появляются на статуэтках первого типа, как, например, в пластике Сабатиновки II [98, с. 296, рис. 4], Гайворона [62, с. 18, рис. 8, 19]. Стилизованное изображение змея-дракона на статуэтках повторяет, как мы уже отмечали, орнаментально-смысловой рисунок на керамике поселений. Поэтому появление статуэток второго типа следует рассматривать как результат усложнения культовых представлений ранних трипольцев и дальнейшего творческого роста их мастеров. Попутно заметим, что в синхронных культурах Юго-Восточной и Южной Европы пластика, аналогичная статуэткам второго типа, отсутствует.

Кроме статуэток, составляющих устойчивые серии, почти в каждой коллекции раннетрипольской пластики имеются фигурки с индивидуальными чертами, выпадающие из общей классификации. Ярким примером может

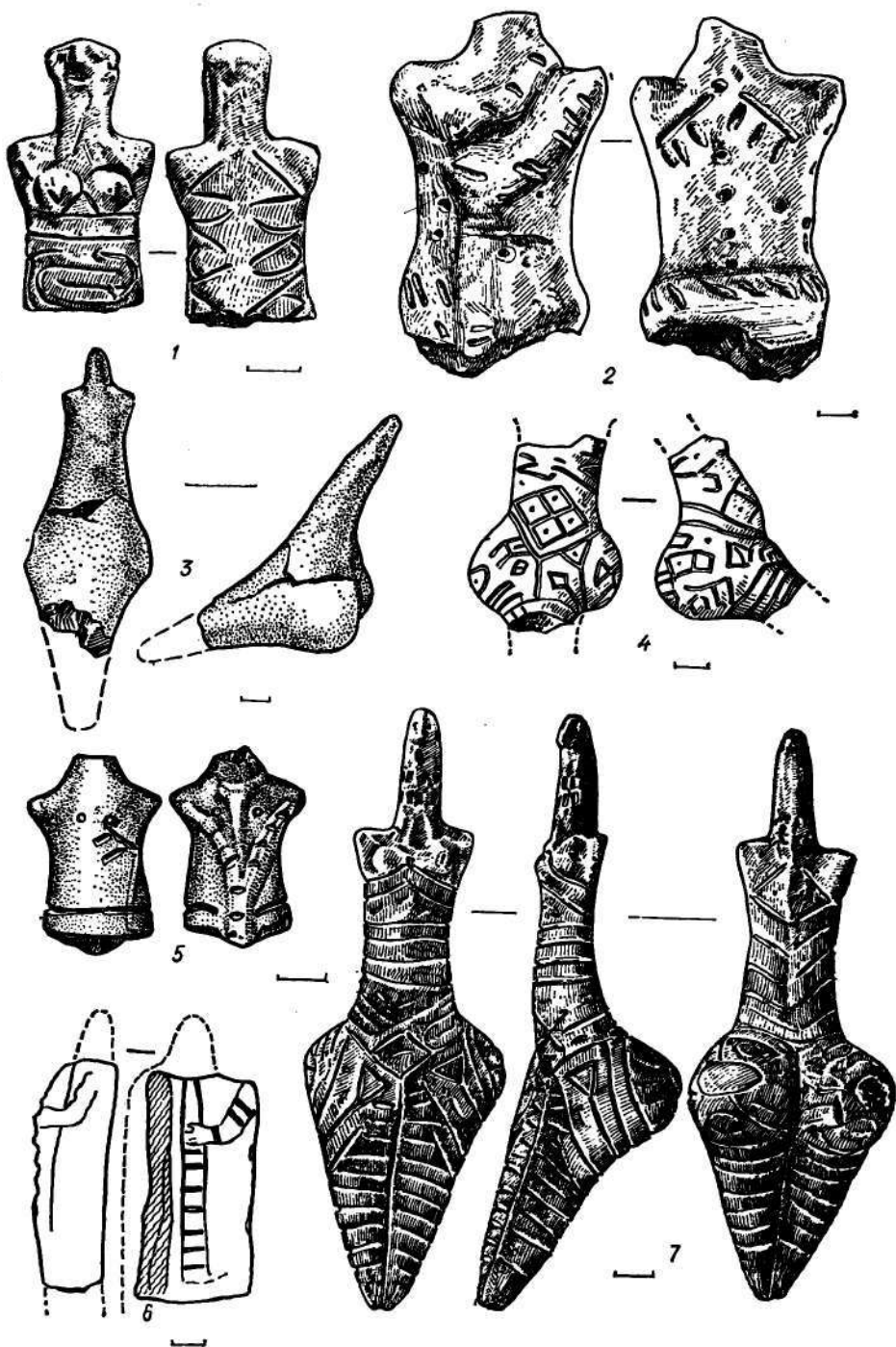
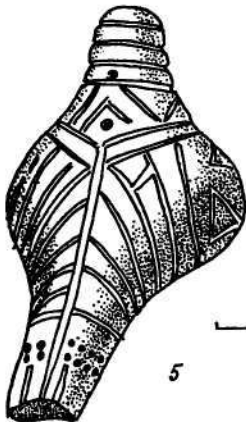
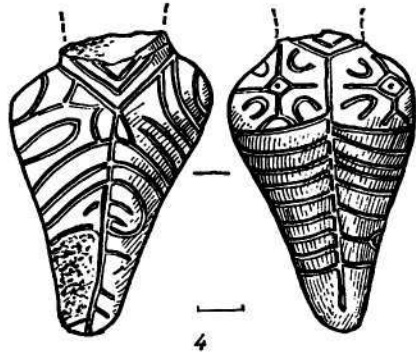
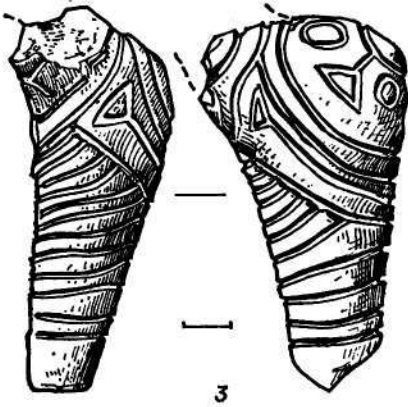
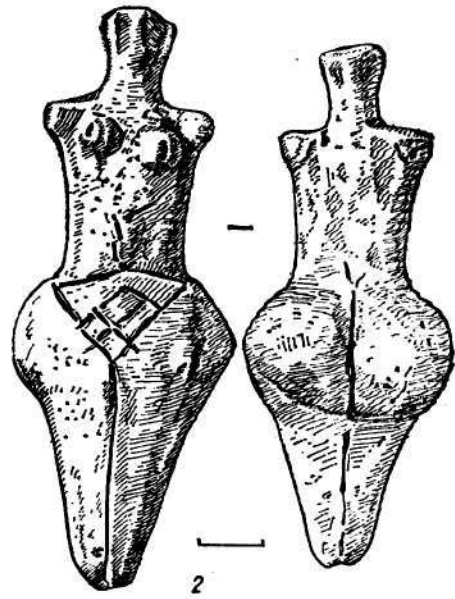
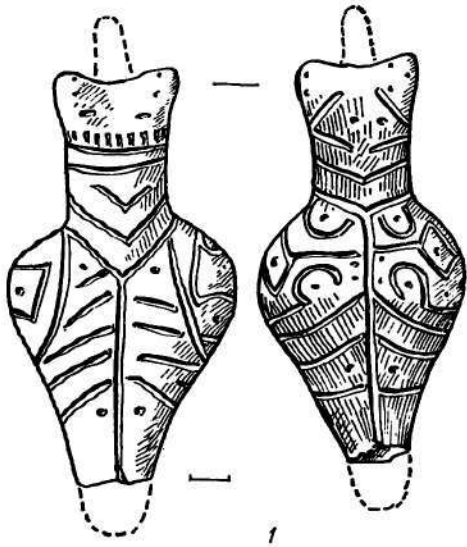

Рис. 74. Антропоморфная пластика раннетрипольских поселений:

1, 7 — Верново; 2, 5 — Лука-Врублевская; 3 — Нормань; 4, 6 — Ленковцы

Рис. 75. Антропоморфная пластика раннетрипольских поселений:

1, 4 — Ленковцы; 2 — Верново; 3, 6 — Лука-Врублевская; 5 — Александровка

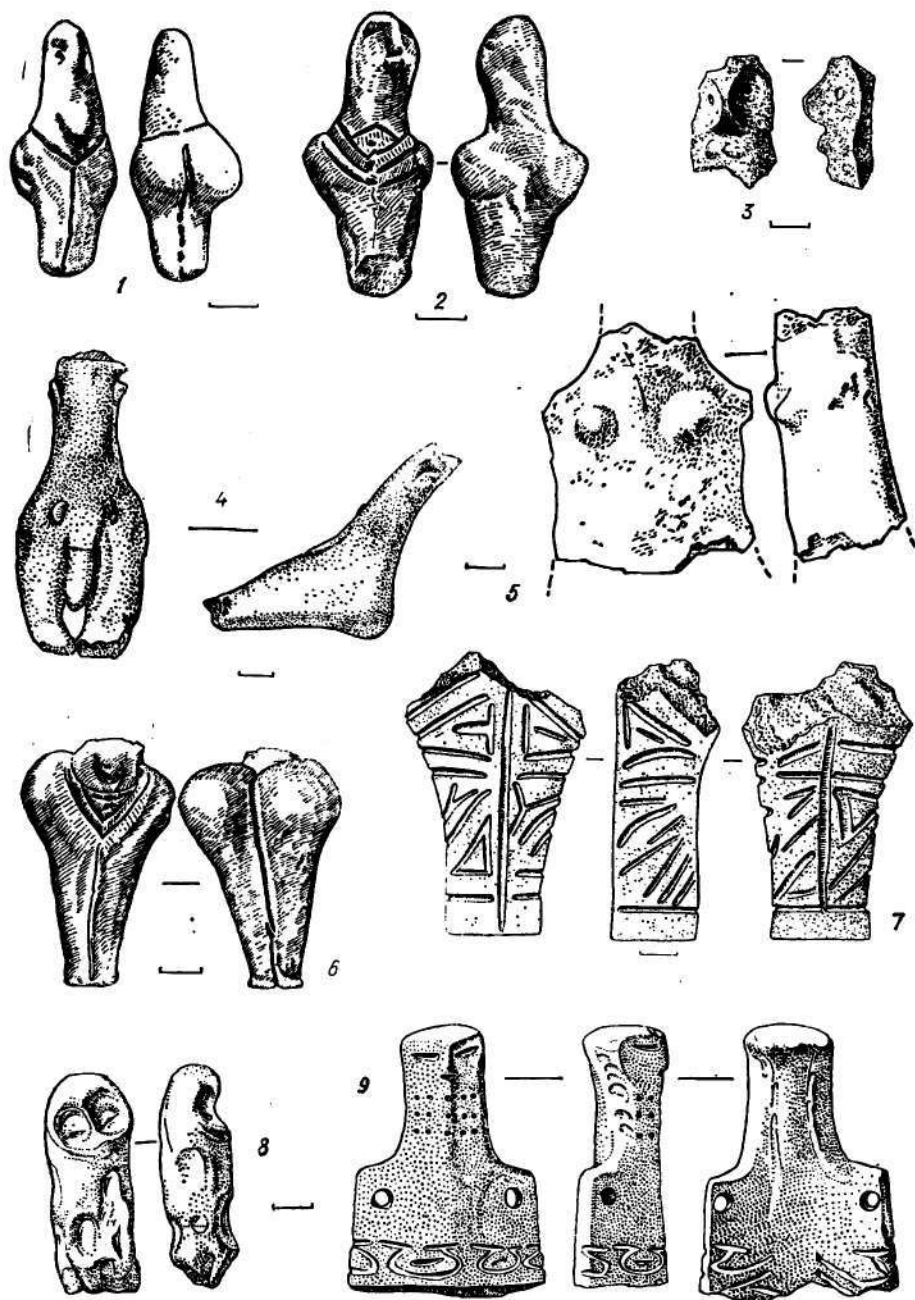

Рис. 76. Антропоморфная пластика раннепетрипольских поселений:

1, 2, 6 — Берново; 3, 7—9 — Бернашевка; 4 — Лука-Врубловщина; 5 — Окопы
1, 2, 4—9 — глина; 3 — камень

служить головка статуэтки с поселения Александровка [123, с. 13, рис. 7]. Голова подтреугольных очертаний венча-

ет непропорционально высокую и мощную столбчатую шею, выделяется острый, выдвинутый вперед подбородок, нос передан большим вашипом, глаза и рот — большими и глубокими округлыми вдавлениями. В стилистическом отношении ей близка головка ста-

туэтки с поселения Тырпешти [287, рис. 107, 9].

Несколько «нестандартных» статуэток найдено в Бернашевке. Среди них выделяется фигурка с хорошо заглаженной поверхностью, вылепленная из белой глины, шея и голова которой напоминают цилиндрический столбик с закругленным верхом. Непосредственно под краем среза легким щипком передан прямой нос, глаза и рот показаны горизонтальными черточками. На шее имеются три ряда точечных наколов (борода? украшение?). Шея переходит в широкое уплощенное туловище прямоугольных очертаний со слегка вогнутой спиной и угловатыми выступами — плечами с округлыми сквозными проколами. Спереди по центру статуэтки (начиная от носа) проходит легкое вертикальное ребро. Нижняя часть фигурки обломана; чуть выше линии слома она украшена цепочкой врезанных петлеобразных знаков с несомкнутыми концами (рис. 76, 9).

Заслуживает внимания нижняя половина крупной статуэтки в виде цилиндрического постамента, расширяющегося в месте перехода к седалищной части. Ноги обозначены вертикальной проглаженной линией; проглаженный крестовидный рисунок с вписанными в него треугольниками украшает статуэтку с обеих сторон (рис. 76, 7).

Еще одна фигурка из Бернашевки выполнена весьма небрежно в виде цилиндра с закругленным верхом. Одна из сторон уплощена и помечена сверху парными ямками — защипами, изображающими глаза, защипы имеются также у скошенного и обломанного основания фигурки (рис. 76, 8).

Наконец, следует упомянуть несколько небольших статуэток с поселения Берново [131, с. 50] — небрежно выполненных и схематичных, — при изготовлении которых игнорировались пропорции человеческого тела. Голова с едва намеченными чертами лица и очень короткая шея непосредственно переходят в нижнюю часть туловища с коротким выступом-ногами (рис. 76, 1, 2). Близкая по форме статуэтка найдена на поселении Тырпешти [287, рис. 106, 8].

Заканчивая обзор антропоморфной пластики, коснемся нескольких статуэток, выполненных из иных материалов. Оригинальна головка статуэтки, вырезанная из мягкого известняка (Бернашевка). Плоский закругленный нос (явная имитация щипка) получен с помощью двух косых боковых срезов, рот обозначен глубоким наколом, глаза высверлены (рис. 76, 3).

Из Бернашевки происходит небольшая пластинчатая фигурка, вырезанная из створки раковины *Unio*. Она имеет голову в виде треугольного выступа и зубчатые боковые края (рис. 73, 9). Совершенно аналогична ей по форме схематизированная костяная статуэтка, происходящая с поселения Сабатиновка II [96, табл. 1, 4]. Видимо, она использовалась в качестве подвески, так как в верхней части имеет сквозное отверстие (рис. 73, 10). Стилизованные костяные статуэтки с зубчатыми краями выявлены также на поселениях Флорешты [132, с. 77—83], Рогожаны [105, с. 41, рис. 6, 1, 3], Тырпешти [287, рис. 105, 12].

Наконец, серия медных плоских зубчатых бляшек-подвесок с чертами антропоморфизма входит в состав Карбунского клада [153, рис. 9, 10; 11, 1].

По-видимому, единичные зубчатые фигурки из глины (рис. 73, 14), совершенно не характерные для раннетрипольской пластики, возникли как подражание перечисленным антропоморфным изображениям из более твердых материалов.

б) *Зооморфная пластика*, как неоднократно отмечали исследователи, в количественном отношении значительно уступает антропоморфной. Так, в Луке-Врублевецкой найдено всего 16 изображений животных, в Бернашевке — 7, в Путинештах — 2, Тырпешти — 5 и т. д. Иногда они не имеют самостоятельного значения и выступают как детали сосудов. Наиболее часто встречается изображение быка, что, несомненно, отражает его большую роль в хозяйстве и культовых воззрениях трипольцев. Весьма схематизированные изображения быков представлены в виде налепов на стенках нескольких сосудов из Луки-Врублевецкой [14,

табл. 113]; вид животного здесь можно определить лишь по крутым рогам.

Голова бычка венчает плоскую ручку ковшика из Бернашевки; морда животного обозначена оттянутым выступом, глаза и рот — горизонтальными насечками (рис. 77, 6). Протомы бычков в виде крутых рогов имеются на ручках черпаков из Окопов (рис. 77, 5) и других поселений.

Из Бернашевки происходят примитивная плоская фигурка бычка, изображающая его в профиль. Показаны наиболее характерные черты животного — торчащие острые рога (один из них сломан) и мощная спина (рис. 77, 4). На этом же поселении найдена массивная, небрежно выполненная фигурка быка; ноги и рога животного обозначены небольшими коническими выступами (один рог отбит). Спина бычка оформлена в виде неглубокого продолговатого корытца (рис. 77, 1).

В наиболее реалистической манере выполнены фигурки свиньи и козы из Луки-Врублевецкой (рис. 77, 2, 3). Некоторые статуэтки (Лука-Врублевецкая, Бернашевка, Путинешты), очевидно, изображают овцу (рис. 77, 7) и собаку. В Бернашевке найдено навершие крышки, изображающее голову хищника (очевидно, лисицы) с вытянутой острой мордой и уплощенными, горизонтально поставленными треугольными ушами. Головка украшена выемчатым узором (рис. 77, 19).

Несколькими экземплярами представлены фигурки птиц, стоящие на высокой цилиндрической ножке с расширенным постаментом. Для всех этих изображений характерна длинная вытянутая шея, хвостик и клюв переданы небольшими коническими выступами (рис. 77, 8). Кроме Луки-Врублевецкой, такие фигурки найдены в Берново [131, рис. 4, 1], Путинештах [102, с. 63, рис. 3, 13].

Довольно часто крышки сосудов завершались ручками-навершиями в виде фигурок птиц (очевидно, водоплавающих) с широкой приплюснутой спинкой и покатой суженной задней частью (рис. 77, 12, 13).

В ряде случаев фигурки животных украшались простым орнаментом, со-

стоящим из округлых ямок, коротких насечек, отрезков прочерченных линий.

К отдельному виду антропо- и зооморфной пластики можно отнести ножки сосудов, по форме напоминающие человеческую ногу или лапу животного (рис. 77, 14, 17). Они встречаются на многих поселениях и выполнены с большим или меньшим реализмом: бывают выделены пальцы, голеностопный сустав, намечена обувь типа сапог или сандалий и т. д.

в) *Глиняные модельки*. Вполне обычной, хотя и не слишком многочисленной, категорией инвентаря раннетрипольской культуры являются миниатюрные глиняные модельки стульев или кресел: 18 этих предметов найдено на поселении Александровка [65, с. 166], 17 — в Путинештах, [102, с. 65], 12 — в Сабатиновке II, 5 — в Бернашевке и т. д. В крупных коллекциях из Луки-Врублевецкой, Ленковцев, Флорешт эти изделия отсутствуют.

Для стульчиков характерно округлое, чуть вогнутое сидение и слегка отклоненная спинка с протомой быка в виде пары рогов, отогнутых наружу или загнутых внутрь (рис. 73, 7, 11, 12). Очень редко встречаются стульчики на невысоких столбчатых ножках, имеющие перекладину на спинке [65, с. 165—166, рис. 2, 7]. Интересна прямоугольная в плане моделька стула из Бернашевки, невысокая вертикальная спинка которой украшена двойным стилизованным изображением букrania [63, рис. 79, 22]. Уникальна для раннего Триполья моделька овальных очертаний, с невысоким бортиком, изображающая сидение без спинки. Внутри модельки сохранились следы черной росписи в виде вписанных друг в друга овалов с «перехватом» (рис. 73, 15). Это сидение, обнаруженное в жилище 3 поселения Сабатиновка II, очевидно, находится в прямой связи с обнаруженными здесь же расписными статуэтками.

На всех раннетрипольских поселениях встречаются столбчатые ножки разных размеров (рис. 77, 15), часто трактуемые как обломки глиняных моделей жилищ на платформе. Скорее всего, их нужно рассматривать в качестве ножек

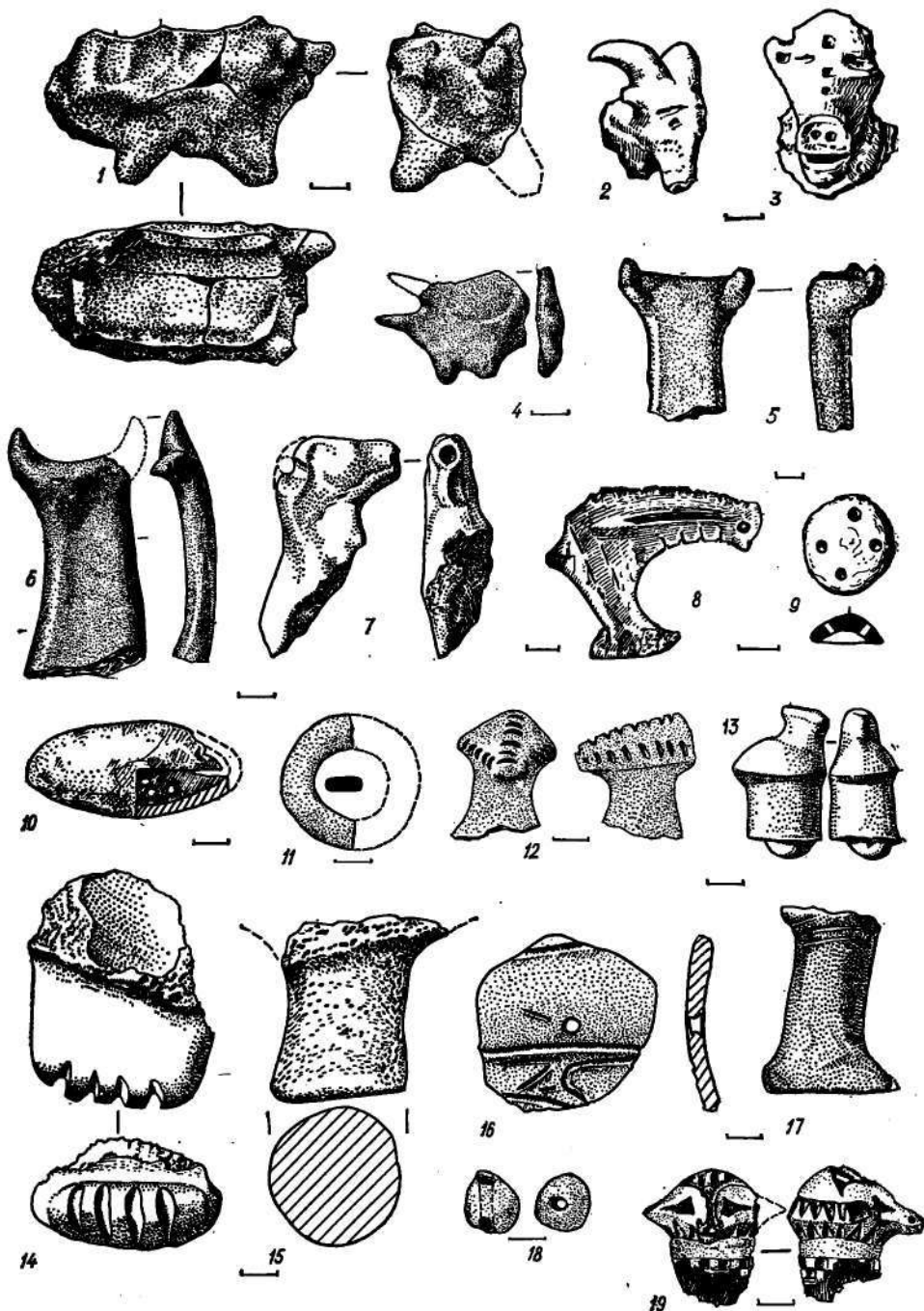

Рис. 77. Зооморфная пластика и другие предметы из глины:

1, 4, 6, 7, 11—14, 17—19 — Бернашевка; 2, 3, 8—10, 16 — Лука-Врублевская; 5 — Окопы

культовых столиков с небольшим бортиком-защитной, найденных в Лен-

ковцах [191, табл. XII, 23], Бернашевке. Почти полностью сохранившийся столик в виде тонкой глиняной плитки квадратных очертаний (7,5×7 см) найден во Флорештах. Он имеет закругленный, невысокий, чуть отогнутый

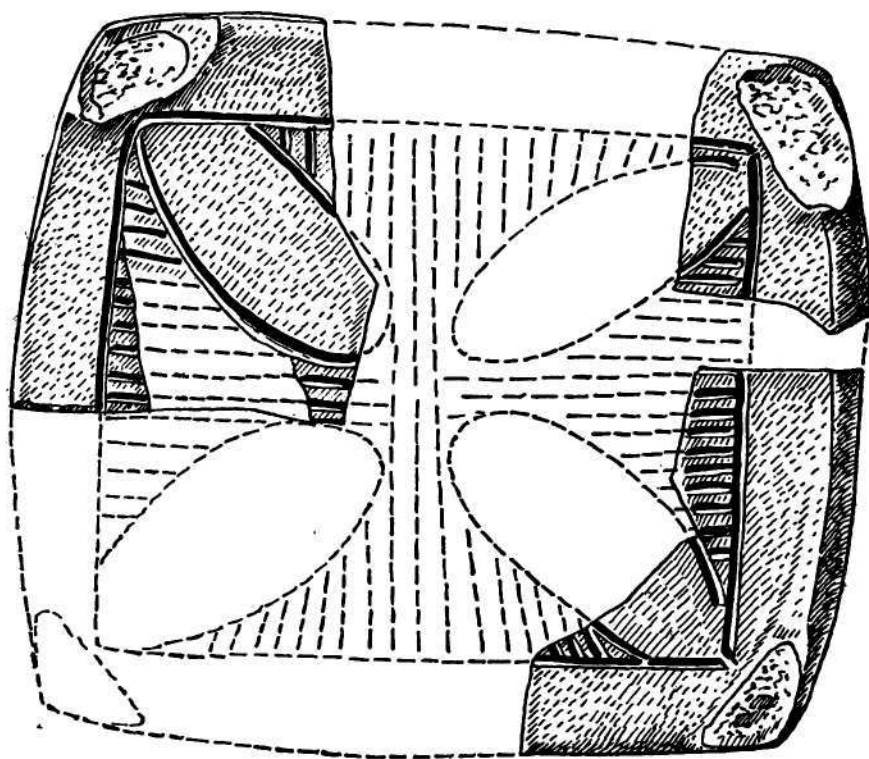
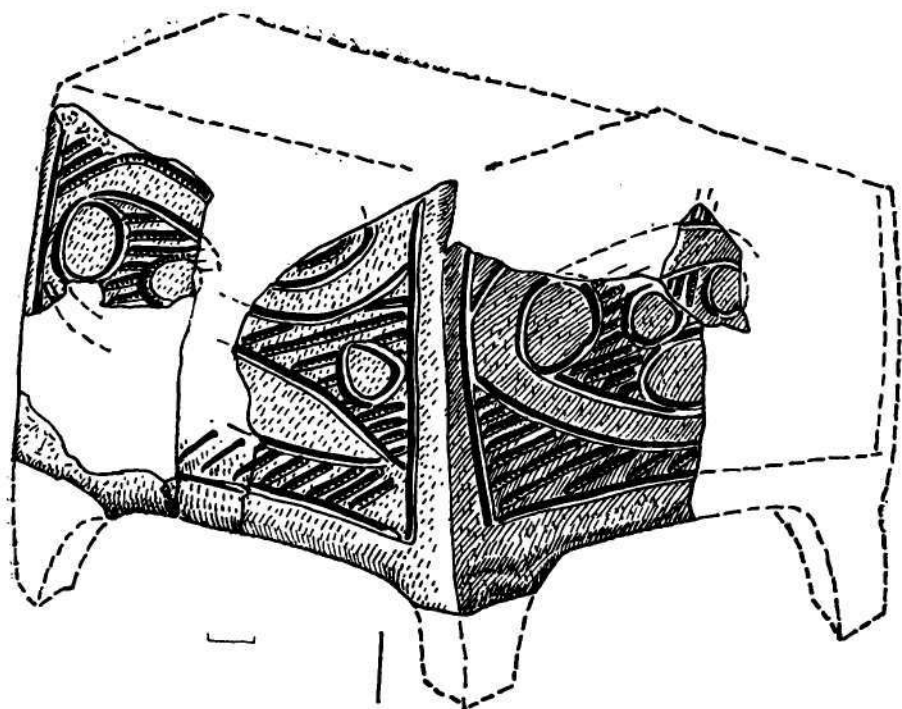

Рис. 78. Поселение Окны. Глиняный алтарь (реконструкция)

бортик и четыре ножки-столбика (обломаны), видимо, небольшой высоты*. Эти столики лишены орнамента.

Особый интерес представляет модель алтаря или святилища с поселения Окопы, реконструированная по нескольким крупным фрагментам (рис. 78). Она изготовлена из тонкоструктурной глины с примесью песка и хорошо заглажена, подложена внутри и снаружи. В плане модель имеет вид четырехугольника с закругленными углами и слегка выпуклыми сторонами, оформлена в виде домика с предположительно двухскатной крышей. Снизу на полу-платформе имеются следы трехгранных в сечении ножек. Размеры дна $15,8 \times 13$ см; максимальные размеры $20,5 \times 18$ см; высота стенок — около 12 см; максимальная высота модели (вместе с ножками и крышей) могла достигать 19—20 см.

Модель богато украшена углубленным орнаментом. На дне с внешней стороны прочерчена крестовидная фигура, образованная несколькими рядами пересекающихся под прямым углом линий; в углы креста помещены удлиненные овалы. Весь рисунок взят в прямоугольный картуш из врезанных линий.

На стенках в таких же картушах с помощью врезанных линий изображены стилизованные фантастические змеидраконы, совершенно аналогичные тем, что встречаются на сосудах третьей группы. Тела драконов и свободные от рисунка поля заполнены оттисками крупного гребчатого штампа.

Фрагменты подобных домиков-алтарей обнаружены на нескольких прекутентских поселениях Румынии — Траян-Дялул Вей, Тырешти [282, рис. 91].

г) *Украшения и другие предметы из глины.* Немногочисленные глиняные украшения представлены небольшими шаровидными (рис. 77, 18) и дисковидными бусами со сквозными отверстиями — из Луки-Врублевецкой, Бернашевки, Ленковцев.

Очевидно, нашивались на одежду как украшения небольшие конусовидные, выпуклые бляшки с четырьмя отверстиями (рис. 77, 9), найденные в Луке-Врублевецкой (3 ака.).

В качестве подвески использовалось плоское глиняное кольцо шириной 0,8 см из Бернашевки (рис. 77, 11). Для этих же целей, видимо, служили обнаруженные на всех поселениях круглые диски диаметром 3—6 см, выточенные из стенок столовых сосудов и часто сохраняющие остатки характерного для этих сосудов орнамента (рис. 16).

Иное назначение (принадлежности игры, по предположению С. Н. Бибикова) имели небольшие конусы-фишки с плоским или чуть вогнутым основанием, известные по находкам в Луке-Врублевецкой, Ленковцах, Путинештах. Экземпляр из Ленковцев украшен узкой врезанной спиралью [191, табл. XII 32]. Особую серию находок составляют детские погремушки овальной формы из Луки-Врублевецкой [14, с. 201, табл. 73] и Солончен I [131, с. 64]. Внутри них помещались небольшие глиняные шарики (рис. 77, 10) — соответственно 12 и 5. Обломок еще одной погремушки, несколько отличающейся по форме, происходит из поселения Александровка [102, с. 55, рис. 1, 23].

К предметам культового назначения, вероятно, относятся глиняные цилиндрические палочки, найденные на поселениях Бернашевка, Окопы, Флорешты и др. Длина их колеблется в пределах 5—8 см при диаметре сечения 0,6—0,9 см; концы обычно закруглены, а иногда слегка заужены. Одна палочка из Флорешт имеет узкий сквозной канал, вертикально по центру.

В заключение упомянем ромбическую бляшку со сквозными отверстиями в двух противоположных углах (рис. 77, 13), найденную на поселении Берново-Малинки и, очевидно, использовавшуюся как амулет.

В этой главе охарактеризован производственный и бытовой инвентарь ранних трипольцев с точки зрения его типологии и отчасти функционального назначения. Дальше он будет использован как источник для разработки ряда вопросов более общего характера.

* Раскопки Т. С. Пассек в 1958 г. Находка хранится в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), № 5744.

Глава IV ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

1. Периодизация памятников

Со времени выделения Т. С. Пассек раннего этапа трипольской культуры (Триполье А) неизмеримо возросла источниковедческая база, и сейчас в распоряжении исследователей имеются материалы десятков раннетрипольских поселений. Актуальной задачей становится разработка их надежной периодизации, без чего не могут быть с достоверностью изучены динамика развития культуры, последовательность заселения трипольцами тех или иных районов, ненадежными станут палеодемографические расчеты.

Следует отметить, что в отечественной археологической литературе, как и в работах румынских исследователей, неоднократно предпринимались попытки выделить в рамках этапа А более дробные фазы или определить относительную хронологию отдельных поселений.

В 60-х годах В. Н. Даниленко наметил в раннем Триполье три (Сабатиновка II, Флорешты; Греновка, Лука-Врублевецкая; Борисовка, Озаринцы), а затем и четыре (Гайворон, Флорешты; землянки Сабатиновки II; Солончены I, площадки Сабатиновки II; Греновка, Борново-Лука, Лука-Врублевецкая) последовательные хронологические группы [43, с. 25—26; 44, с. 224].

В. И. Маркевич выделяет в этапе А на территории Молдавии три фазы: А1 (Флорешты, Рогожаны, Гура-Каменка и малоисследованное поселение в урочище Куцу близ Флорешт); А2 (Александровка I, Путинешты и другие по-

селения); А3 (поселения, на которых не встречается керамика с защипами по тулову) [105, с. 35, 41].

Упомянутые схемы в общих чертах верно отражают тенденцию развития раннего Триполья, но совершенно не подтверждены анализом конкретного археологического материала.

С. Н. Бибииков разделил раннее Триполье на два этапа (А-I и А-II), отнеся к более раннему все поселения с углубленными жилищами, а к позднему (А-II) — поселки с глинобитными наземными площадками [17, с. 93—95]. Основанием для такого деления послужили подмеченные исследователем некоторые различия в материалах землянок и площадок Ленковцев. Так, в землянках, по подсчетам Е. К. Черныш, скребки встречаются гораздо чаще, чем на площадках; сосуды с округлыми боками и приплюснутым («реповидным») туловом найдены на многих поселениях с площадками (в том числе и Ленковцах), но отсутствуют в землянках; землянки в Ленковцах содержат, по данным В. И. Бибииковой, больше дикой фауны, чем площадки.

Эти доводы, однако, не являются надежным хронологическим критерием, так как, судя по данным работы Е. К. Черныш [191, табл. 3, 4], в землянках Ленковцев по сравнению с площадками количественно преобладают не только скребки, но и все другие виды кремневых изделий, да и вообще весь инвентарь. Это вполне естественно, ибо землянки менее подвержены разрушению, чем площадки. Что касается реповидных горшков со спиральным из-

бражением змея-дракона, то они встречены, хотя и в обломках, не только на площадках Ленковцев, Греновки, Карбуны и других поселений, но и в землянках Берново и Луки-Врублевской [14, табл. 63]. Наконец, небольшие различия в фауне разных жилищ Ленковцев, очевидно, свидетельствуют о том, что в начале существования поселка охота играла заметную роль в хозяйстве его жителей. Вообще, как уже отмечалось, землянки не представляют какую-то особую фазу раннего Триполья, а связаны с начальным этапом существования ряда конкретных поселков.

А. П. Погожева, изучив и тщательно классифицировав раннетрипольскую пластику, вывела количественную оценку степени близости раннетрипольских памятников и составила их синхронистическую таблицу [137, с. 19]. Недостатки этой схемы, где на одну ступень часто ставятся разновременные поселения (например, Берново и Печора), вытекают из характера источника (пластики), гораздо медленнее изменяющегося во времени, чем керамика.

Не отвечает сегодняшнему состоянию источников и периодизационная схема западного аналога раннего Триполья — культуры Прекукутени, предложенная в свое время Вл. Думитреску [246]. Правильно намечая основные вехи на пути развития культуры (фазы I, II и III), она не дает представления о подлинном хронологическом соотношении поселений, включенных в разные фазы. Недостатки схемы вынуждают румынских коллег постоянно прибегать к уточняющим формулировкам типа «конец II фазы», «период между II и III фазами», «классическая III фаза» и т. д.

Вообще, любая схема с жесткими рубриками дает лишь общую ориентировку, не раскрывая динамику развития культуры от фазы к фазе, от этапа к этапу. Кроме того, при выявлении новых памятников, не укладывающихся в ячейки существующей схемы, последняя должна быть дополнена путем ввода новых рубрик (подфаз, подэтапов и т. д.), что делает ее весьма громоздкой.

В этом плане представляет интерес модернизированная периодизационная

схема культуры Прекукутени — раннее Триполье, разработанная Е. К. Черныш [197—199]. Исследовательница разделила период развития этой культуры на две половины, в каждой из которых выделила три хронологические ступени. Таким образом, вся культура Прекукутени — раннее Триполье укладывается, по Е. К. Черныш, в шесть последовательных ступеней, начиная с Траяна-Дялул Вией [199, с. 173, табл. 9].

Изменения в форме и орнаментации керамики, положенные в основу этой периодизации, — весьма чуткий индикатор последовательного движения культуры во времени, поэтому процесс развития раннего Триполья в общих чертах прослежен Е. К. Черныш верно. В ряде моментов ее схема перекликается с периодизационной схемой, ранее предложенной нами [62, с. 23]. Тем не менее, периодизация, разработанная Е. К. Черныш, содержит немало спорных моментов и ошибок, обусловленных отсутствием количественных показателей. Изменения в керамическом комплексе памятников, маркирующие переход культуры с одной хронологической ступени на другую, не подкреплены соответствующими подсчетами, что неизбежно приводит к субъективным оценкам. В результате на одну горизонталь поставлены поселения, в инвентаре которых имеются существенные различия: Ленковцы и Гайворон; Лука-Врублевская и Тырпешти [198, с. 18—19]; Ларга-Жижия и нижний горизонт Тырпешти [199, с. 173]. Слабо аргументировано и разделение периода развития описываемой культуры на две части.

Сейчас археологи-трипольеведы, изучая эту культуру на той или иной территории, обычно не стремятся к фиксации жестких хронологических рубрик (этапов, подэтапов, ступеней и т. д.), пытаясь проследить процесс смены типов памятников в его непрерывности. Памятники с однотипными комплексами имеют вполне конкретные хронологические и территориальные рамки [54]. На смену им приходят новые памятники, в комплексах которых постепенно развиваются, а затем и доминируют элементы, зародившиеся еще в

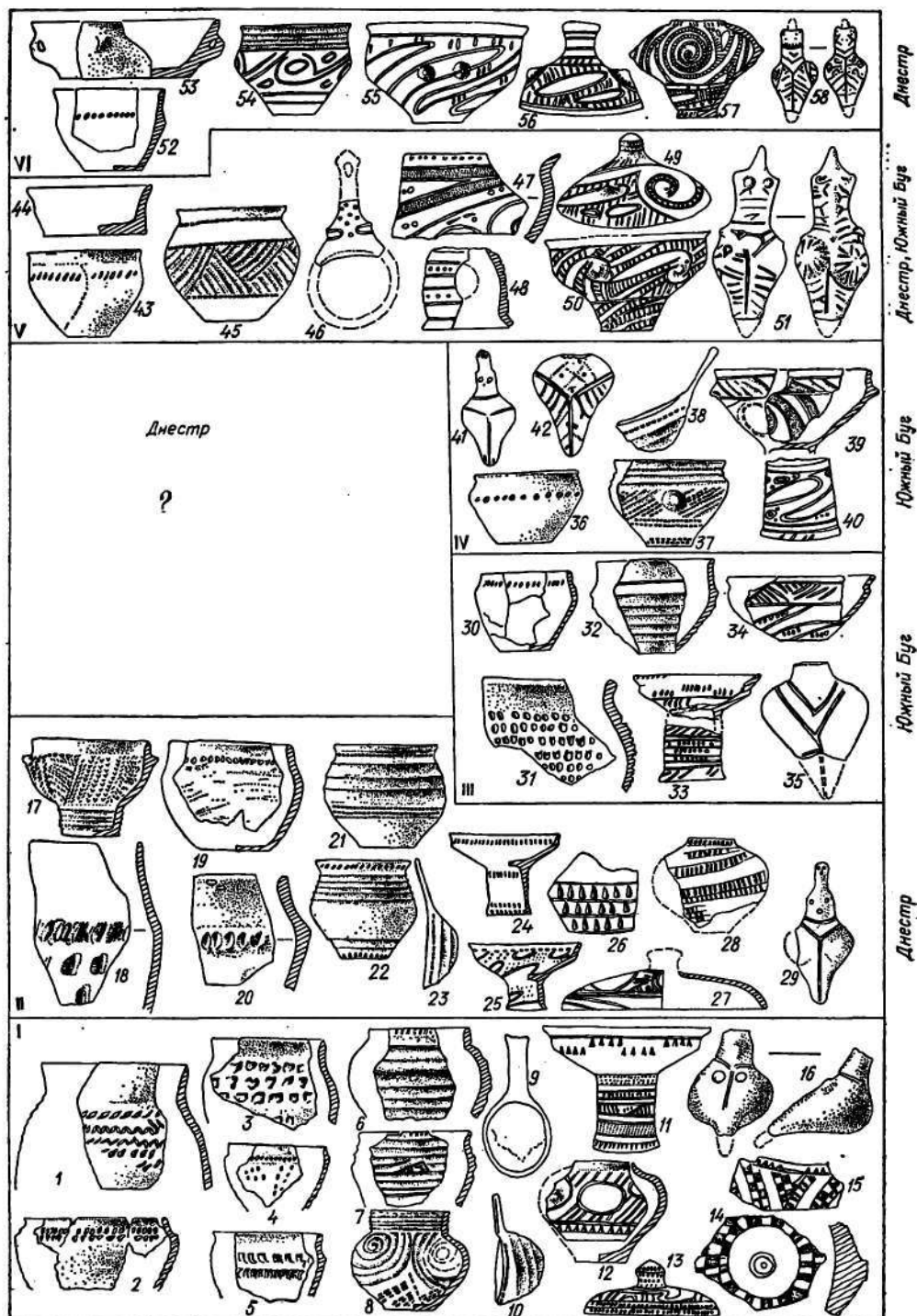

Рис. 79. Последовательность развития керамических комплексов раннетрипольских поселений Украины:

I — памятники типа Бернашевки; II — памятники типа Окопов; III — памятники типа Сабатиновки II; — I — Гайворона; IV — памятники типа Са-

батиньки II-2; V — памятники типа Луки-Врублевской; VI — памятники типа Ленковцев.

1—18 — Бернашевка; 17, 27 — Вороновина; 18—23, 25, 26, 28, 29 — Окопы; 24 — Верново (уроч. Малинки); 30, 34 — Гайворон; 31—33, 35 — Сабатиновка II-1; 36—43 — Сабатиновка II-2; 43, 49 — Греновка; 44—48, 51 — Лука-Врублевская; 50 — Кормань; 52—58 — Ленковцы

предшествующее время. Последовательно сменяющие друг друга типы раннетрипольских памятников в совокупности отражают весь ранний этап развития культуры на данной территории.

Наиболее объективным критерием разновременности памятников, показывающим также, в каком направлении изменяются археологические комплексы, служит, конечно, стратиграфия. Однако стратифицированные поселения встречаются крайне редко: известны всего три пункта на территории Румынии. Поэтому, разрабатывая периодизацию раннетрипольских памятников, мы делали упор на анализ изменений, проследивших в составе их инвентаря, прежде всего керамических комплексов (рис. 79). Учитывались также новые черты, появляющиеся в пластике и наборе орудий труда (рис. 80). Однако эти категории находок подвержены изменениям в меньшей мере, чем керамика.

В рамках технологических групп раннетрипольской керамики постоянно эволюционируют, отмирают одни и появляются новые типы сосудов, виды и элементы орнамента (рис. 79), изменяется и соотношение между группами. Все эти изменения, зафиксированные статистически, являются основой для объективных выводов об относительности памятников и относительной хронологии того или иного типа в системе раннего Триполья. При этом априори может быть сделан вывод (подтверждаемый, впрочем, данными всех известных сейчас стратифицированных прекукутенских памятников) о том, что наиболее ранними должны быть те поселения, в керамике которых еще сохраняются черты, свойственные посуде предшествующих неолитических культур — Криш, Боян и др.

Поскольку далеко не все раннетрипольские поселения хорошо изучены и дают значительные коллекции керамики, в основу их периодизации в пределах отдельных районов положены материалы памятников Среднего Поднестровья (Бернашевки, Окопов, Берново, Луки-Врублевецкой, Ленковцев), исследованных наиболее полно.

Поднестровье. Почти все раннетри-

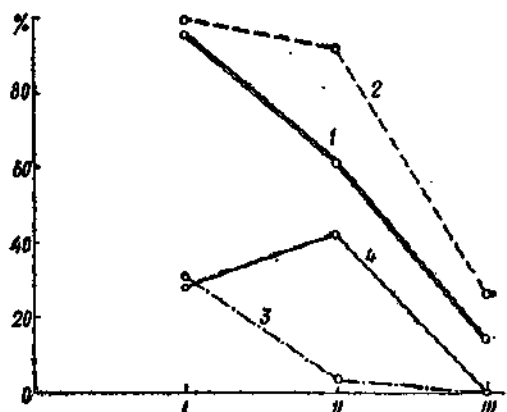

Рис. 80. График соотношения некоторых категорий инвентаря поселений Бернашевка (I), Окопы (II) и Лука-Врублевецкая (III):

1 — кремневые скребки на отщепах; 2 — антропоморфная пластика I типа; 3 — керамика с выемчатым орнаментом; 4 — керамика с защитным орнаментом по всей поверхности

польские памятники Поднестровья расположены на участке среднего течения реки — от устья Збруча до устья Серебрии. Несколько поселений известно южнее, в пределах МССР (Солончены, Голерканы).

Наиболее ранним поселением здесь является Бернашевка, коллекция керамики которой состоит из 15 тыс. фрагментов; 54 % всех сосудов относятся к 1-й группе керамики (рис. 53; 54). Выделяются следующие формы: горшки всех подтипов, кувшины, конические миски и т. д. Большую группу составляют фруктошники первого подтипа; крайне редко (2—3 экз.) встречаются фруктошники второго подтипа в виде сравнительно глубокой округлотелой вазы с небольшими выступами-ушками (рис. 54, 10).

Почти 50 % всех сосудов 1-й группы лишены орнамента, остальные обычно украшены у основания шейки одним-двумя рядами пальцевых защипов; 27 % всех орнаментированных фрагментов украшены защипами или насечками, покрывающими все тулово горшка в вертикальных, горизонтальных, косых и «колосковых» композициях (кришская традиция).

Посуда 2-й группы (29 % всех сосудов) (рис. 55) в равной мере представлена горшками первого и второго подтипов (рис. 47, 19), кувшинами, ча-

шпами, ложками и небольшими ковшиками. Характерным орнаментом являются каннелюры шириной 0,7 — 1 см в виде вертикальных, горизонтальных, косых рядов и концентрических окружностей. Они сочетаются с оттисками гребенчатого штампа и врезанными узкими линиями.

Около 17 % керамического комплекса Бернашевки составляет посуда 3-й группы (рис. 56). Преобладают (60 %) фруктошницы первого подтипа. Часто встречаются и грушевидные горшки со стянутым венчиком, а также невысокие крышки с грибовидным выступом-ручкой в центре. Большая часть посуды 3-й группы богато орнаментирована врезанным или проглаженным узором в виде лент, спиралей, угловых композиций, насечек. Однако почти 30 % посуды этой группы (более 700 фрагментов) украшено специфическим выемчатым («боянским») орнаментом в виде шахматной доски, треугольников, «волчьих зубов», квадратов, прямоугольников, иногда скомпонованных в ленты. Изредка встречаются сложные меандровые и ромбические композиции. Широко распространен орнаментально-смысловой рисунок, передающий образ змея-дракона. Обычно углубленный орнамент заполнен белой пастой.

На поселении найдено около 70 антропоморфных глиняных фигурок; все они относятся к статуэткам I типа.

Касаясь производственного инвентаря Бернашевки, напомним, что из 2300 скребков, найденных на поселении, 95 % составляют скребки на отщепе (рис. 80). Сравнительно много резцов и резчиков (81 экз.); отмечалась также находка пяти микролитов геометрической формы.

Бернашевское поселение пока не имеет аналогов не только в Поднестровье, но и на всей территории Украины. Однако однотипные памятники хорошо известны на севере МССР (Флорешты, Рогожаны и др.) и на территории румынской Молдовы (Ларга-Жижия, Гигешти-Трудешти и др.).

Последующее звено в развитии раннего Триполья в Поднестровье представлено памятниками типа Окопов. За три года раскопок на эпонимном посе-

лении собрана значительная коллекция керамики, орудий труда, предметов пластики и т. д.

Керамический комплекс насчитывает почти 9 тыс. фрагментов. Четко выделяются те же технологические группы керамики, что и в Бернашевке. В посуде 1-й группы сохраняются практически все прежние типы горшков, фруктошниц, мисок (рис. 57); не меняется и система орнаментации. Высоким остается процент фрагментов сосудов, украшенных по всей поверхности защипами, наколами, вмятинами (44,6 %), хотя в целом орнаментированные фрагменты составляют лишь четвертую часть всей кухонной керамики. Отметим тенденцию к уменьшению удельного веса керамики 1-й группы, которая в Окопах составляет 42 % всех сосудов.

Почти 44 % керамического комплекса составляют сосуды 2-й группы, также сохранившей свои основные формы и орнаментацию (рис. 58).

На долю посуды 3-й группы приходится 14 % общего количества сосудов. По-прежнему основные формы представлены фруктошницами первого подтипа, грушевидными горшками со стянутым горлом, невысокими крышками с грибовидной ручкой (рис. 59). Обычный орнамент — врезанные (реже — проглаженные) двойные и тройные линии в виде кругов, спирали, прямых отрезков, углов. Также часто встречается стилизованное изображение летающего змея-дракона. Заметно уменьшилось по сравнению с Бернашевкой количество фрагментов с выемчатым орнаментом. «Боянские» черты орнамента имеют лишь 60 фрагментов (около 3 % фрагментов сосудов 3-й группы), причем крайне редко встречается четкий шахматный узор (рис. 59, 13), замененный насечками или продолговатыми выемками, расположенными в шахматном порядке (рис. 59, 11). Отсутствуют также ряды треугольников, «волчьих зубов», редко встречается заполнение орнамента белой пастой.

Немногочисленная пластика Окопов относится к I типу, хотя одна фигурка, как уже отмечалось, имеет признаки статуэток II типа.

Среди кремневых орудий труда скребки (160 экз.) в количественном отношении занимают второе место после пластинок. Все еще преобладают скребки на отщепе, хотя по сравнению с материалами Бернашевки значительно вырос удельный вес концевых скребков на пластинках, составляющих уже 40 % общего количества скребков (рис. 80).

Приведенные данные позволяют сделать вывод о непосредственном перерастании памятников типа Бернашевки в памятники типа Окопов без какого-либо хронологического разрыва между ними.

К памятникам типа Окопов в Поднестровье, очевидно, следует отнести еще несколько поселений, представленных пока небольшими коллекциями: Брагу [24, с. 120—123], Луку-Устинскую [10], Бабшин, Берново (уроч. Малинки), Вороновицу (рис. 60).

К более позднему времени в Среднем Поднестровье относятся широко известные памятники Лука-Врублевская, Берново (уроч. Лука), а также поселение у с. Кормань. По керамическому комплексу памятники типа Луки-Врублевской заметно отличаются от поселений типа Окопов. Посуда 1-й группы составляет на разных памятниках от 38 до 41 % комплекса. Ведущей формой становится горшок средних размеров со слабо выраженными плечиками и невысоким, прямым или чуть наклоненным внутрь венчиком (рис. 61, 1; 63, 1; 64, 1, 3). Обычны также миски с коническими или выпуклыми стенками и другие сосуды, однако лишь единичными экземплярами представлены фруктошницы на полых цилиндрических поддонах.

Горшки украшены рядом защипов, вмятин или наколов, опоясывающих основание шейки, часто в сочетании с коническими налепами. Примечательно полное исчезновение узора в виде защипов, покрывающих всю поверхность сосуда. Лишь в Берново найдены два фрагмента с таким орнаментом (рис. 63, 3) и 11 фрагментов, на которых защипы расположены двумя рядами. Полностью исчез также «колосковый» мотив орнамента.

Столовая посуда (от 40,5 до 47 % всех сосудов) в технологическом отношении сближается с керамикой 3-й группы; так как содержит значительную примесь мелкого шамота, а иногда — толченого известняка или ракушки (Берново). Поверхность сосудов по-прежнему хорошо заглажена, залощена, изредка заполирована до блеска. Ведущей формой остается округлотелый горшок первого подтипа, сосуды с резким перегибом профиля встречаются реже. Изменения коснулись черпаков (ковшей), которые увеличиваются в размерах, становясь более широкими (до 10 см в диаметре) и глубокими. Ручки на них всегда орнаментированы и часто снабжены при переходе к тулову острыми выступами и сквозными отверстиями (рис. 49, 23, 25), — деталь, полностью отсутствующая на черпаках более ранних поселений.

Основным видом орнамента остаются каннелюры, но они становятся более узкими (от 0,6 до 0,2 см) (рис. 49, 17; 50, 11, 12); получает распространение ранее неизвестный орнаментальный мотив в виде чередующихся вертикальных и горизонтальных рядов коротких каннелюр, а также «паркетный» рисунок, составленный косыми каннелюрами (рис. 62, 8). Каннелюры сочетаются с отгисками гребенчатого штампа и врезанной линией в треугольном, петлевидном или спиральном рисунке, причем теперь врезанная линия становится более широкой (иногда до 0,5 см).

Значительные изменения претерпела посуда 3-й группы. Основная ее форма — фруктошница — сохраняет полный поддон с двумя или четырьмя «окошками», хотя стенки его теперь бывают не только прямыми, но и выпуклыми, как бы слегка раздутыми (рис. 62, 3). Ребристую верхнюю часть фруктошницы («тарелку»), характерную для более ранних памятников, полностью заменила глубокая округлотелая чаша, часто имеющая на тулове два ушка (фруктошница второго подтипа) (рис. 62, 1, 9). Невысокие уплощенные крышки, характерные для Бернашевки и Окопов, все еще имеют коническую или полусферическую форму, а их столб-

чатые ручки обычно лишены грибовидного навершия и плоско срезаны [14, табл. 56].

Появляется новый тип посуды — широко открытая ваза с округлыми плечиками и сильно вытянутой нижней частью, слегка сужающейся к небольшому дну (рис. 64, 12).

Посуда 3-й группы преимущественно украшена врезанной лентой (ширина ее 1—1,5 см), свободно покрывающей тулово сосуда в спиральной или петлевидной композиции; обычно лента заштрихована поперечными черточками-нарезками (рис. 62, 2; 63, 8, 9). У венчика сосуда лента раздваивается, образуя угол с вписанным в него кругом (рис. 63, 8). Это крайняя степень стилизации в изображении туловища и головы фантастического змея-дракона, более «реалистически» представленного на керамике ранних памятников.

Важной чертой керамики 3-й группы памятников типа Луки-Врублевецкой является полное отсутствие боянских традиций в орнаменте. Не встречено ни одного фрагмента с выемчатым узором не только в его «классическом» оформлении (шахматное чередование мелких квадратов, треугольники, «водчьи зубья»), но и в виде подражаний.

Особо следует остановиться на двух новых приемах орнаментации посуды 2-й и 3-й групп, неизвестных по керамическому комплексу памятников типа Бернашевки и Окопов. Во-первых, — это неглубокие округлые ямки диаметром 0,3—0,6 см, дополняющие описанные выше орнаментальные мотивы. Расположенные рядом, группами или попарно, они сопровождают ряды каннелюры, заполняют ленты и угловые композиции (рис. 62, 1—7, 9; 64, 4, 9, 10). Во-вторых, практически новым элементом декора является заполнение ленточного орнамента красной краской уже после обжига сосуда. Если в Бернашевке и Окопах найдено лишь по одному фрагменту керамики с таким узором (рис. 56, 5; 59, 3), то в Берново, Луке-Врублевецкой и Кормани красная краска отмечена на 3 % всех обломков посуды 2-й и 3-й групп. На поселении Берново были полностью окрашены охрой даже несколько сосудов 1-й группы.

Существенно изменилась и глиняная антропоморфная пластика памятников типа Луки-Врублевецкой (рис. 80). В крупных коллекциях из эпонимного памятника и Берново более 75 % статуэток относятся ко II типу; к нему же принадлежат все десять фигурок, найденных в Кормани. Очевиден резкий контраст с коллекциями из Бернашевки и Окопов, где практически все статуэтки относятся к I типу.

Касаясь производственного инвентаря памятников типа Луки-Врублевецкой, отметим, что для него характерен стабильный перевес скребков на пластинах над скребками на отщепках (рис. 80). Первые составляют 85,3 % всех скребков в Луке-Врублевецкой, 84 % — в Берново, 61 % — в Кормани. Напомним, что на описанных выше поселениях преобладали скребки на отщепках.

Некоторые черты керамики поселения Берново (одиночные фрагменты кухонной посуды с защипами в два ряда и даже по всей поверхности, довольно широкие каннелюры, украшающие столовые сосуды, и др.) позволяют предположить, что оно было основано несколько раньше, чем Лука-Врублевецкая. К этому выводу пришли также Е. К. Черныш при анализе жилищ двух указанных поселений [191, с. 38] и А. П. Погожева, основываясь на материалах их пластики [137, с. 18—19]. В целом же близость Берново, Луки-Врублевецкой и Кормани не вызывает сомнения, позволяя считать их родственными памятниками.

Значительные различия в характере инвентаря памятников типа Окопов и Луки-Врублевецкой свидетельствуют о наличии между ними определенного хронологического разрыва. Обнаружить недостающее пока звено (или звенья) в генетической цепи развития ранне-трипольских поселений Поднестровья помогут лишь будущие исследования.

Наиболее поздним среди ранне-трипольских памятников Среднего Поднестровья, очевидно, является поселение Ленковцы, инвентарь которого имеет много общего с памятниками типа Луки-Врублевецкой. Сходство проявляется в общих формах сосудов, системе их

орнаментации (узкие каннелюры, округлые ямки, прокраска врезанных лент красной краской после обжига) (рис. 65); в пластике, значительную часть которой составляют статуэтки II типа; в производственном инвентаре (75 % всех скребков — это скребки на пластинках). Можно с уверенностью отметить хронологическую близость памятников типа Луки-Врублевской и Ленковцев. Однако вряд ли права Е. К. Черныш, датирующая Ленковцы раньше Луки-Врублевской [196, с. 6; 199, с. 173].

На более поздний возраст Ленковцев указывают, прежде всего, некоторые черты керамического комплекса этого поселения. Он практически включает лишь две технологические группы, так как посуда 2-й и 3-й групп изготовлена из одной массы с примесью песка и мелкого шамота (напомним, что некоторые признаки слияния этих групп заметны в керамике Луки-Врублевской). Поверхность посуды из Ленковцев обычно покрыта розоватым мажущим ангобом. В землянках I и IV найдено около 30 фрагментов сосудов из розовой отмученной глины, характерной уже для начала развитого Триполья. Формы сосудов в сравнении с памятниками типа Луки-Врублевской не меняются, но орнамент становится более сложным, изысканным. Узкие неглубокие каннелюры, скорее напоминающие проглаженные линии, нанесены в виде концентрических окружностей, дуг в «паркетных» композициях.

Формы посуды 1-й группы (она составляет около 42 % комплекса) также не меняются, хотя следует отметить появление миски-таза с прямыми коническими стенками, на которых помещены сквозные ручки-ушки (рис. 65, 5). Эти сосуды типичны уже для начала развитого Триполья. В орнаменте посуды 1-й группы почти исчез зацеп, замененный одним рядом насечек или наколов у основания шейки.

На относительно поздний возраст Ленковцев, очевидно, указывает также подвеска с петьльчатым ушком из ребра животного [191, с. 85, табл. XII, 36]. Такие изделия связаны с поселениями этапа В/1 — Кукутени А: Сабатиновка I и Березовская ГЭС [45, с. 97, рис. 65, 8, 10, 11], Хабешести [253, табл. 42, 2; рис. 26, 6].

тиновка I и Березовская ГЭС [45, с. 97, рис. 65, 8, 10, 11], Хабешести [253, табл. 42, 2; рис. 26, 6].

Наконец, напомним о топографии поселения, расположенного на краю плато, в 100 м над уровнем реки. Эти топографические условия также характерны для поселений среднего этапа трипольской культуры.

Побужье. К настоящему времени в бассейне Южного Буга известно около 20 раннетрипольских поселений, в основном компактной группой сосредоточенных на небольшом отрезке среднего течения реки. Наиболее информативным для изучения раннего Триполья и Побужья является поселение Сабатиновка II, где были исследованы три площадки и землянка.

По мнению авторов раскопок, керамика поселения не однородна: на площадках преобладала посуда розоватых оттенков, а фрагменты сосудов из землянки имели преимущественно серые и черные тона. На этом основании В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревич выделили в развитии поселения два строительных периода, или две хронологические фазы [46, с. 134, 141, 144]. Изучение керамики каждого жилища Сабатиновки II показало, что цвет ее поверхности отнюдь не является хронологическим признаком. Темная, иногда до блеска залощенная посуда встречается во всех без исключения жилищах (особенно часто на площадке 3), составляя, возможно, этнографическую специфику поселения. И, тем не менее, анализ керамического комплекса поселения позволил нам установить, что в своем развитии оно действительно прошло две фазы. К ранней (Сабатиновка II—1) относятся землянки и площадки 1 и 2; к более поздней (Сабатиновка II—2) — площадка 3 [62, с. 16—21].

Поселение Сабатиновка II—1 и очень близкое ему по времени поселение Гайворон отражают начало развития раннего Триполья в Побужье.

Керамический комплекс памятников типа Сабатиновка II—1 — Гайворон включает посуду трех технологических групп, известную по раннетрипольским памятникам Поднестровья. Керамика 1-й группы составляет от 45—46 %

всей посуды на площадках 1 и 2 до 53 % в землянке на поселении Сабатиновка II. В Гайвороне ее гораздо меньше — 28 %.

Основные формы: горшок со слабо расчлененным туловом и невысоким прямым венчиком, иногда чуть стянутым внутрь; миски с коническими или выпуклыми стенками (рис. 66, 1—7; 67, 1—5). Очень редко встречаются фруктошницы на полых поддонах.

Обычно керамика 1-й группы украшена защипами или наколами, в один-два ряда опоясывающими основание шейки горшка, но значительная часть сосудов (от 17 до 25 % в Сабатиновке II—1 и 36 % в Гайвороне) ornamentирована по всей поверхности, в том числе и в «колосковой» композиции (рис. 46, 1, 2, 5—7).

Керамика 2-й группы (от 37 до 49 % в Сабатиновке II—1, 40 % в Гайвороне) представлена обычными формами: горшками первого и второго подтипа, кувшинами, небольшими ложками и черпаками. Эта посуда украшена широкими каннелюрами в сочетании с оттисками гребенчатого штампа, узкими врезанными линиями, коническими выступами-налепами (рис. 66, 8—11; 67, 6—9).

Керамика 3-й группы в Сабатиновке II—1 (от 7 до 17 %) содержит примесь крупных зерен шамота; поверхность сосудов хорошо подложена. В Гайвороне эта группа составляет 32 % всех сосудов; глина включает мелкотолченый шамот и песок; поверхность сосудов заглажена и покрыта розоватым ангобом (в технологическом отношении рассматриваемая керамика мало отличается от столовой). Основные формы посуды 3-й группы: фруктошницы первого подтипа, грушевидные сосуды с узким стянутым горлом, невысокие плоские крышки с грибовидной ручкой. В Гайвороне встречено несколько широко открытых чаш с округлыми плечиками (рис. 67, 10). Описываемая посуда украшена врезанным орнаментом в виде лент, заштрихованных или заполненных оттисками гребенчатого штампа, короткими вертикальными нарезками, спиральным узором из нескольких врезанных или проглаженных

линий (рис. 66, 12—15; 67, 10—13). Изредка ленточный орнамент передает образ змея-дракона. Заполнение орнамента белой пастой отмечено лишь в нескольких случаях. Характерно полное отсутствие выемчатого «бойнского» орнамента с присущими ему мотивами и композициями.

Пластика обоих памятников практически не отличается от пластики днепровских поселений типа Бернашевки и Окопов. Лишь в Гайвороне найден обломок крупной фигурки с врезанным спиральным орнаментом [62, с. 18, рис. 8, 19], относящейся к статуэткам II типа.

Среди многочисленных орудий труда из кремня на обоих поселениях количественно преобладают скребки, среди которых доминируют скребки на отщепках (99 % в Гайвороне и 98 % в Сабатиновке).

Несмотря на некоторые различия, Сабатиновка II—1 и Гайворон являются однотипными памятниками, причем первое поселение, очевидно, прекратило свое существование раньше второго. К памятникам этого типа, возможно, следует отнести поселение Данилова Балка [159, 159а]. На Днестре многочисленные аналогии материалам этих памятников находим в Окопах, хотя в целом поселения типа Окопов несколько старше Сабатиновки II—1 и Гайворона.

Материалы поселения Сабатиновки II—2 (площадка 3) отражают дальнейший путь развития раннего Триполья в Побужье. Они невелики по объему, но достаточно выразительны.

Керамика 1-й группы (30 % всех сосудов) представлена почти исключительно горшками с невысокой прямой шейкой — неорнаментированными или украшенными одним рядом наколов — вмятин (рис. 68, 1—3). Исключением является небольшой горшочек, тулово которого украшено тремя рядами защипов (рис. 46, 12). Ни одного фрагмента с защипами по всей поверхности не встречено.

Керамика 2-й группы (58 %) изменилась мало (рис. 68, 4—9). Это касается и декора — широких (1 см и даже шире) каннелюр, сочетающихся со

штамповым, врезанным или рельефным орнаментом.

Керамика 3-й группы (12 %) близка к столовой: плотный черепок содержит примесь мелкого шамота и песка, поверхность сосудов заглажена, но не заощена. Формы и орнамент в сравнении с аналогичной посудой более ранних памятников претерпели определенные изменения. Так, одной из основных форм становятся сосуды в виде глубокой чаши с округлыми плечиками, на которых иногда имеются небольшие ушки. Часто такие чаши имеют полый цилиндрический поддон (рис. 68, 11, 12). Фруктовницы первого подтипа полностью исчезли. Сохраняются грушевидные сосуды со стянутым горлом. Крышки становятся более высокими, приобретая коническую или полусферическую форму. Все эти сосуды украшены ленточным узором, скомпонованным преимущественно в спиральные композиции. Важно отметить, что иногда после обжига ленты дополнительно прокрашивались красной охрой (рис. 68, 11). Орнамент на одном из цилиндрических поддонов дополнен неглубокими округлыми ямками (рис. 68, 12).

Жилище 3 Сабатиновского поселения дало богатую коллекцию антропоморфной пластики, в типологическом отношении не отличающейся от статуэток из остальных жилищ. Здесь лишь необходимо напомнить, что некоторые фигурки были окрашены красной краской по белой облицовке, а две из них расписаны, причем рисунок этот аналогичен врезанному орнаменту на статуэтках II типа из Луки-Врублевской, Берново и других поселений Поднепровья (рис. 73, 3, 5).

Материалы площадки 3, а также, очевидно, некоторых других площадок Сабатиновки II, оставшихся нераскопанными, показывают, что памятники типа Сабатиновка II—2 сменяют предшествующие памятники без заметного хронологического интервала. В Поднепровье поселения, отвечающие по времени Сабатиновке II—2, еще не выявлены.

Естественным продолжением намеченной выше линии развития раннеэтрипольских памятников среднего течения

Южного Буга являются поселения типа Греновки.

В керамическом комплексе эпонимного поселения посуда 1-й группы составляет 45 %. В глиняном тесте — примесь мелкого шамота и песка; поверхность сосудов хорошо заглажена, покрыта коричневатым и розоватым ангобом. Основная форма — широко открытый горшок со слабо выделенными плечиками. Защипный орнамент отсутствует, его заменяют насечки в один ряд (рис. 45, 7; 70, 2).

Посуда двух остальных групп в технологическом отношении неотличима (в глине песок, очень редко — мелкий шамот; сосуды тонкостенные, с хорошо заглаженной, покрытой коричневатым ангобом поверхностью). Основные формы: округлотелые и биконические горшки (иногда с невысокой цилиндрической шейкой), подчас достигающие значительных размеров (рис. 50, 4, 5, 7; 70, 3, 4, 6); округлотелые глубокие чаши, в том числе на поддонах (рис. 70, 9, 10); грушевидные сосуды (рис. 51, 8; 70, 12); конические крышки (рис. 51, 10). Новой формой является ваза с вытянутой конусовидной придонной частью (рис. 70, 8).

Заметны некоторые изменения в орнаментации сосудов: каннелюры становятся узкими (0,4—0,5 см) и неглубокими (рис. 50, 4, 5, 7); ленты из двух-трех врезанных линий свободно покрывают спиральным или петлевым рисунком все тулово, иногда заходя и на дно (рис. 51, 14), причем ширина линий нередко достигает 0,4—0,5 см. Обычным становится дополнение орнамента округлыми ямками разной величины (рис. 70, 5, 9). Наконец, ленточный узор довольно часто (4 % всех фрагментов) бывает прокрашен охрой после обжига (рис. 70, 11). Спиральный орнамент на грушевидных сосудах и крышках передает стилизованное изображение змея-дракона (рис. 51, 8, 10; 70, 7, 12).

Несколько антропоморфных фигурок, найденных на памятниках типа Греновки [62, с. 21, рис. 14, 8], относятся к статуэткам II типа.

Аналогами Греновки, очевидно, являются поселения I и III в районе

с. Могильное [34; 131, с. 87—88]. Хронологическая близость описанных памятников и поселений типа Луки-Врублевцевой на Днестре не вызывает сомнения.

Отсутствие источников пока не позволяет с уверенностью определить тип памятника, пришедшего на смену Греновке. Возможно, некоторую ясность в этот вопрос внесут пока еще не опубликованные материалы поселения Тростянец [100]. Во всяком случае, между поселениями типа Греновки и переходом к началу развитого Триполья на Южном Буге имеется определенная хронологическая лакуна.

Особое место среди раннетрипольских памятников Украины занимает своеобразный анклав из четырех поселений, расположенных недалеко друг от друга в южной части междуречья Днестра и Южного Буга. Наиболее известным среди них является Александровка; недавно были открыты поселения Партизанские Конюшни [156, с. 143—144], Слободка-Западная [28; 28а; 29а] и исследовано местонахождение в с. Тимоново, обнаруженное еще в 50-х годах [28; 29].

К сожалению, коллекция Александровки все еще не издана, что затрудняет определение хронологической позиции поселения. В литературе уже высказывалось мнение о неоднородности материала Александровки, позволяющей предположить наличие здесь нескольких хронологических горизонтов. Действительно, в керамическом комплексе памятника сочетаются ранние (защипный орнамент в три-четыре ряда) и поздние (прокраска участков поверхности сосуда после обжига или даже роспись до обжига) черты (рис. 69). Трудно объяснить также наличие керамики с прокраской на одних площадках и отсутствие ее на других [52, с. 15, 17] или обнаружение кухонной посуды с защипами лишь в трех жилищах из тринадцати [27, с. 12].

Тем не менее, исследователи Александровки настаивают на хронологической целостности памятника [70; 27]. Не исключено, что Александровка и соседние поселения, составляющие сравнительно изолированную локаль-

ную группу, возникли еще во время существования памятников типа Сабатиновки II—1 и развивались довольно долго, причем их обитатели сохраняли старые традиции изготовления и украшения керамики. Подобную мысль высказала и Н. Б. Бурдо [27, с. 14—15; 29, с. 86].

В нашу задачу не входит анализ раннетрипольских и прекукутенских памятников междуречья Днестра и Прута (МССР) и Правобережья Прута (Румыния), однако синхронизация их с рассмотренными выше поселениями Украины важна для создания целостной картины развития всей культуры. Поэтому коротко остановимся на проблеме периодизации этих памятников.

Междуречье Днестра и Прута. Источники по изучению раннего Триполья этой территории ограничены, так как многие памятники не изданы либо представлены в кратких публикациях. Четко фиксируется начальная фаза развития культуры, связанная с поселениями типа Флорешт. Не вдаваясь в описание этих памятников, отметим, что представление о них дают эпонимное поселение [131, с. 193—203] и Рогожаны [105]. Анализ материалов этих поселений [63, с. 123—124] свидетельствует, что они тождественны материалам Бернашевки. Таким образом, одновременность памятников типа Флорешт и Бернашевки не вызывает у исследователей сомнения.

Поселения, аналогичные Окопам, на территории МССР пока не известны, поэтому вопрос о прямых преемниках памятников типа Флорешт остается открытым. Возможно, лишь Александровка I отчасти синхронна Окопам: в керамике этого поселения заметны угасающие традиции «бойского» орнамента [102, с. 57, рис. 2, 3, 11, 20], хотя типичный выемчатый узор отсутствует.

Непосредственным продолжением памятников типа Александровки являются такие поселения, как Путинешты. О более позднем времени этого поселения свидетельствует появление широко открытых чаш с округлыми плечиками и нескольких статуэток II типа (при полном их отсутствии в Александровке I) [102, с. 63—65, рис. 3, 22; 4, 14].

Поселения Александровка I и Путинешты отчасти заполняют в Пруто-Днестровском междуречье хронологическую лауну, отмеченную на Днестре между памятниками типа Окопов и Луки-Врублевской.

Луки-Врублевской и ее аналогам на территории МССР, очевидно, отвечают памятники типа Голеркан, к которым, кроме эпонимного поселения, относятся также поселения Солончены I и II. Судя по публикациям [131, с. 60—78; 119], керамике этих памятников свойственны такие элементы орнамента, как врезанные ленты, прокрашенные красной краской, и округлые ямки; на них найдены также статуэтки II типа. Эти черты позволяют синхронизировать их с памятниками типа Луки-Врублевской и считать более поздними, чем Путинешты. Не исключено, что они отделены от последних пока еще незаполненным хронологическим интервалом.

Прямым продолжением памятников типа Голеркан является известное поселение Новые Русешты (нижний трипольский горизонт), которое В. И. Маркевич датирует концом раннего Триполья — переходом к этапу В/1 [101, с. 65]. На Среднем Днестре ему по времени отвечают Ленковцы, хотя последнее поселение, видимо, прекратило свое существование несколько раньше, чем Новые Русешты.

В заключение кратко остановимся на небольшой группе раннетрипольских поселений, сконцентрированных в верхнем течении Прута в пределах Черновицкой области УССР. На таких пунктах, как Витилровка [164, с. 409—410], Староселье, Кипцмань, Новоселка, Коровия, Черновцы (уроч. Гореча-Кемпняг), Б. А. Тимошук собрал подъемный материал и провел шурфовку. Лишь на поселении Рогатка (г. Черновцы) были осуществлены небольшие раскопки [165]. Материал этих поселений, хранящийся в фондах Черновицкого краеведческого музея, невелик по объему и непригоден для хронологической идентификации. Можно предположить, что все указанные поселения по времени близки памятникам типа Луки-Врублевской в Среднем Поднестровье.

Правобережье Прута. Под этим названием мы понимаем всю территорию румынской Молдовы — от Прута до предгорий Карпат. Многочисленные прекукутенские памятники этой территории традиционно рассматриваются румынскими археологами в рамках трех фаз, причем абсолютное большинство поселений включено в фазу Прекукутени III. Материалы, появившиеся в последние годы, позволяют значительно детализировать периодизацию прекукутенских памятников, увязав ее с периодизацией раннего Триполья. Большое значение, в частности, имеет монографическая публикация известного стратифицированного поселения Тырпешти [287], позволяющая определить место этого важного археологического памятника в системе культуры Прекукутени. Новые данные получены также при разведочных раскопках многослойного поселения — телья Дялул Гиндару (Подурь) вблизи деревни Русэшти, округ Бакэу [297].

В румынской археологической литературе неоднократно высказывалась мысль о более быстром развитии памятников, расположенных к западу от Прута; раннетрипольские же поселения, находящиеся к востоку от Прута, функционируют в течение более длительного отрезка времени. Так, по мнению Вл. Думитреску, лишь наиболее древняя фаза Триполья А частично одновременно фазе Прекукутени III; остальные раннетрипольские памятники синхронны фазам А1, А2 культуры Кукутени [249, с. 547—548]. Касаясь материалов Луки-Врублевской, А. Ницу полагает, что это поселение прошло в своем развитии две фазы: А1, отвечающую фазе Прекукутени III, и АII, синхронную памятникам Кукутени А1 [306, с. 143—146]. Близкая мысль высказана и С. Маринеску-Былку, которая считает, что Лука-Врублевская отчасти может быть синхронна ранним кукутенским памятникам [287, с. 137—138].

С этой концепцией вряд ли можно согласиться. Ниже мы попытаемся показать, что во всем раннетрипольско-прекукутенском ареале постепенный переход от одного типа памятника к

другому проходил более или менее синхронно. Лишь поселения, отвечающие по времени фазе Прекукутени I, к востоку от Прута (точнее, к востоку от Сирета) отсутствуют. Однако эти поселения относятся к стадии формирования культуры, не будучи еще однотипными памятниками. Более детально мы коснемся этого вопроса в VI главе, а сейчас рассмотрим поселения фазы Прекукутени II.

Разновременность этих поселений не вызывает сомнения, так как керамика с боянскими чертами (а ее наличие — основной критерий принадлежности поселения ко II фазе) представлена на них по-разному. К наиболее ранним принадлежит поселение Ларга в долине р. Жижики — правого притока Прута. В керамическом комплексе поселения А. Александреску выделила три группы, в технологическом, морфологическом и стилистическом отношении соответствующие трем группам посуды Бернашевки, Флорешт, Рогожан. Керамика 1-й группы в Ларге-Жижики составляет 30 %, 2-й — 50 и 3-й — 20 % комплекса [4]. На идентичность материалов Ларги-Жижики и памятников типа Флорешт-Бернашевки неоднократно указывали исследователи (Т. С. Пасек, Г. Думитреску и др.). Судя по опубликованной подборке материалов из Гигоешти-Грудешти [282, рис. 38—52], это поселение, находящееся в бассейне р. Быстрицы (прикарпатская часть Молдовы), однотипно Ларге-Жижики, как и нижний слой известного поселения Извоаре и ряд других пунктов. Таким образом, группа однотипных и одновременных памятников (Ларга-Жижики — Флорешты — Бернашевка) фиксируется на территории от Прикарпатья до Днестра на начальном этапе развития культуры Прекукутени — раннее Триполье.

В Молдове их непосредственно сменяют поселения, о которых мы судим, прежде всего, по материалам нижнего горизонта прекукутенского слоя в Тырпешти (Тырпешти II-1) *. Несколько

небольших объектов, относящихся к этому времени (неглубокий ров — ограда, три ямы, остатки наземного жилища) [287, с. 24], дали не более двух-трех десятков фрагментов керамики с выемчатым «боянским» орнаментом [287, рис. 55, 3—9, 14; 57, 1—9; 85, 3—4]. Стиль его можно охарактеризовать как вырождающийся, что в первую очередь сказывается в отсутствии четкого шахматного узора, замененного чередующимися наколами (şah — degeperat, по терминологии румынских археологов). В то же время для поселения характерны прежние формы посуды (в частности, реберчатые фруктошницы на поддонах), кухонная керамика, густо усеянная пальцевыми защитами (в том числе в «колосковой» композиции), пластика I типа. Аналогичный материал дает нижний горизонт (на глубине 3,6 м) небольшого телля Дялул Гиндару [297, с. 91, рис. 2, 2—26], хотя авторы традиционно относят его к «фазе Прекукутени II». Сказанное относится также к поселению Мындришка [212 с. 113—117] и некоторым другим.

Памятники типа Тырпешти II-1 по материалу аналогичны и одновременны поселениям типа Окопов на Днестре.

Их естественным продолжением являются поселения, представление о которых помогает составить верхний прекукутенский горизонт в Тырпешти II-2. С. Маринеску-Былку считает, что это поселение существовало на протяжении всей III фазы культуры Прекукутени [287, с. 27]. В том, что Тырпешти II-2 — поселение-«долгожитель» сомневаться не приходится, поскольку в его материалах представлены такие разные хронологические индикаторы, как острореберные тарелки и округлотелые глубокие чаши (верхние части фруктошниц), керамика 1-й группы с защитами по всей поверхности и относительно большое количество фрагментов сосудов 2-й и 3-й групп с росписью после и даже до обжига [287, с. 31—32]. Многочисленные антропоморфные статуэтки I и II типов встречаются, судя по иллюстрациям к книге С. Маринеску-Былку, в пропорции 2 : 1. К со-

* Нижний слой поселения (Тырпешти I) относится к культуре ливейно-ленточной керамики.

жалению, исследовательнице не удалось проследить динамику изменения разных категорий инвентаря поселения Тырпешти II-2, но картину несколько проясняет стратиграфия упомянутого выше телья Дялул Гиндару. Здесь во втором прекукутенском горизонте, отделенном от нижнего стерильной прослойкой, обнаружены типологически более поздние материалы, а в третьем (он также отделен от предыдущего стерильной прослойкой мощностью 0,6—0,7 м) — сравнительно много керамики с росписью до и после обжига [297, рис. 3, 1—14; 4; 5, 1—11]. В целом 2-й и 3-й горизонты Дялул Гиндару вполне соответствуют по материалу поселению Тырпешти II-2. На раннем этапе своего развития последнее, очевидно, сосуществовало с такими известными памятниками прикарпатской части Молдовы, как Извоаре (слой I, 2) и Траян-Дялул Фынтыяилор.

Близкие аналогии поселениям типа Тырпешти II-2 мы видим в Пруто-Днестровском междуречье (Александровка I, Путинешты), к востоку от Днестра (Александровка) и в Побужье (оба горизонта Сабатиновки II). На Днестре аналогичные поселения пока не обнаружены (вспомним о хронологической лакуне между памятниками типа Окопов и Луки-Врублевецкой).

Несколько лет назад в статье, посвященной проблеме периодизации раннего Триполья, нами упомянуто поселение Извоаре (слой I, 2) как памятник, непосредственно следующий за поселениями типа Тырпешти II-2 [62, с. 23]. Сейчас, после предварительной публикации материалов поселения Босанч на северо-востоке Молдовы [209], от этого предположения следует отказаться. Керамика (широко открытые чаши; большие ковши с отверстием в ручке; дополнение врезанного орнамента округлыми ямками; кухонные горшки, украшенные защипами в один ряд), пластика (статуэтки II типа со спиральным и ямочным орнаментом) и другой инвентарь Босанча [209, рис. 2, 7, 11; 3, 2, 6, 8; 5, 1, 7, 9, 10; 6, 13] находят ближайшие аналогии в материалах памятников типа Луки-Врублевецкой, Голеркан, Греновки. Это об-

стоятельство помогает определить хронологическую позицию поселения Босанч и его аналогов, очевидно, следующих во времени за памятниками типа Тырпешти II-2.

Пока остается открытым вопрос о наиболее поздних прекукутенских памятниках. Во всяком случае, вряд ли оправдан вывод С. Маринеску-Былку о том, что поселение Тырпешти (горизонт II-2) — это «поворотный пункт между культурами Прекукутени и Кукутени» [287, с. 138]. Возможно, такими пунктами станут мало исследованные поселения (Костиша, Гэйчана и др.), в материалах которых сочетаются, по сообщению С. Маринеску-Былку [287, с. 157—159], прекукутенские черты с чертами ранней культуры Кукутени.

Таким образом, сравнение памятников, находящихся в различных регионах раннетрипольско-прекукутенского ареала, фиксирует близость, а подчас и полную идентичность многих категорий их инвентаря — керамики, пластика, орудий труда. Поэтому достаточно правомерным будет вывод о сходящем в основных чертах процессе развития культуры на всем пространстве от прикарпатских районов Молдовы до Побужья. Изложенное выше отражает схему периодизации и синхронизации памятников культуры Прекукутени — раннее Триполье (табл. 2). Нынешнее состояние источников не позволяет считать ее завершенной: заполнить временные лакуны между некоторыми типами памятников помогут лишь будущие полевые исследования.

2. Вопросы синхронизации

Выяснить хронологическое соотношение раннего Триполья и других земледельческих культур помогает в первую очередь бытовая и производственный инвентарь, попавший на памятники соседних культур в результате контактов их носителей (так называемые импорты), а также предметы, изготовленные по образцу вещей, поступавших извне.

Много лет назад при раскопках многослойного поселения в Тангыру (Мун-

Таблица 2. Схема периодизации раннетрипольских и прекукутенских поселений

Правобережье Прута	Пруто-Днестровское междуречье	Среднее Поднестровье	Побужье
?	Новые Русешты (нижний горизонт)	Левковцы	Тростянец?
Босанч	Голерканы	Лука-Врублевская	Греновка
Тырпешты II-2	?	?	Сабативовка II-2
	Путинешты		
Тырпешты II-1	Александровка I	Окошы	Сабативовка II-1
	?		
Ларга-Жижия	Флорешты	Бернашевка	

тения) Д. Берчу обнаружил в слое, относящемся к началу переходной фазы от Бояна к Гумельнице (по принятой сейчас периодизации Е. Комши), два фрагмента прекукутенской керамики [210, с. 413—414, 548, рис. 256; 257]. Исследователь отнес их ко II фазе культуры Прекукутени, хотя эта атрибуция, как нам кажется, отнюдь не бесспорна. Позднее вопрос о хронологическом соотношении культур Боян и Прекукутени более подробно рассматривался в статье С. Маринеску-Былку [286], установившей синхронизм между фазой Прекукутени II и концом фазы Видра — началом переходной фазы культуры Боян. Памятники фазы Прекукутени III синхронизируются исследовательницей с концом культуры Боян — началом Гумельницы (Гумельница A1).

В. С. Титов синхронизировал раннетрипольские памятники типа Флорешт («стадию Флорешт») с фазой Видра, а более поздние поселения («Триполье А — Прекукутени III») — с переходной фазой от Бояна к Гумельнице и с Гумельницей A1 [324, с. 4—5].

При раскопках Бернашевки обнаружены фрагменты керамики с выемчатым орнаментом в зигзаго-меандровых композициях, обычных для декора посуды культуры Боян на фазе Видра [63, рис. 76, 9]. С поселения Флорешты происходит фрагмент сосуда из тонкоструктурной глины, украшенный небрежно выполненными узкими канне-

люрами или, скорее, глубоко проглаженными линиями (рис. 81, 3). По составу теста и орнаментации он чужд раннему Триполю и находит некоторые аналогии в культуре Боян (фаза Видра). Указанные находки позволяют считать, что в целом раннее Триполье отвечает двум поздним фазам развития культуры Боян: Видре и переходной к Гумельнице.

Очевидно, наиболее поздние поселения раннего этапа Триполья существуют и в то время, когда в Подунавье уже закончилось формирование культуры Гумельница. Прекукутенская керамика, обнаруженная на ряде гумельницких поселений Мунтении, позволила румынским археологам (П. Роман, С. Маринеску-Былку и др.) сделать вывод об одновременности культур Гумельница A1 и Прекукутени III. Как нам представляется, поздние памятники культуры Прекукутени — раннее Триполье можно синхронизировать лишь с началом Гумельницы A1, так как последующая фаза этой культуры (A2) по многочисленным импортам [262, с. 67, 76] надежно связывается с культурой Кукутени (фаза A3), т. е. уже с Трипольем B/1.

В связи с затронутой проблемой необходимо остановиться на, недавно высказанной Е. Н. Черных точке зрения о хронологическом соотношении раннего Триполья и Гумельницы. Исследователь, проделавший очень важную работу по анализу древнего металла

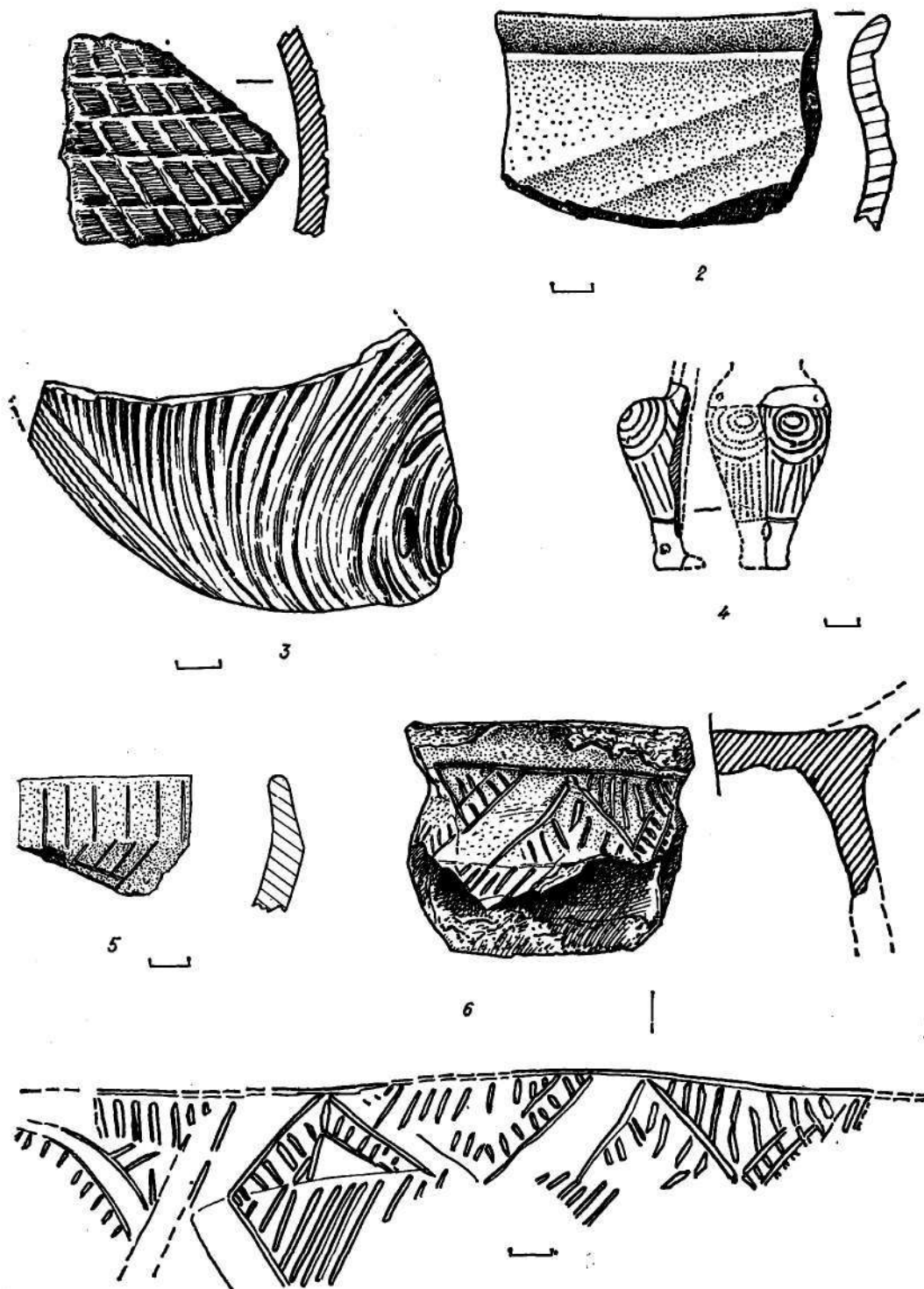

Рис. 81. Керамические «импорты» соседних культур, найденные на ранне трипольских поселениях:

1 — Лука-Врублевская; 2 — Берново; 3 — Флорешты; 4 — Александровка; 5 — Бернашевка; 6 — Березовские хутора

Юго-Восточной Европы, установил бесспорную связь раннетрипольских медных изделий (в первую очередь предметов Карбунского клада) с металлом энеолитических культур Болгарии. Определенное сходство топора-молота и тесла из Карбуны с орудиями культуры Караново VI — Гумельница и отсутствие этих изделий в культуре Караново V (Марица) привели Е. Н. Черных к выводу, что традиционная «синхронизация Триполья А с культурой Караново V на основании лишь орнаментальных мотивов в керамике является ошибочной, и в свете установленных прямых импортов меди должна быть отвергнута» [189, с. 272]. Заметим, что Караново V (а также родственные раннеэнеолитические культуры соседних районов — Сава, Поляница и др.), Прекукутени — ранее Триполье и Боян (фазы Видра и переходная к Гумельнице) составляют единый исторический пласт. Для керамических комплексов этих культур характерна посуда с врезанным и выемчатым орнаментом, инкрустированной белой пастой. В орнаментации керамики культур Караново V и Боян широко применялся графит; посуда с графитированной поверхностью изредка встречается и на раннетрипольских поселениях. В целом указанные культуры, несомненно, синхронны. С другой стороны, крупные медные орудия культуры Караново VI — Гумельница А2 (в первую очередь топоры типа Видра), найденные на многих поселениях Триполья В/І — Кукутени А3 [58], позволяют провести надежные хронологические параллели между этими культурами. Следует полагать, что тесло и топор из Карбуны (последний в типологическом плане предваряет топоры типа Видра) относятся к одной из ранних фаз культуры Караново VI (1-й или 2-й, по Х. Тодоровой), синхронных таким позднейшим раннетрипольским памятникам, как Карбуна, Новые Русеты и др.

Одним из наиболее ранних проявлений формирующейся гумельницкой культурно-исторической области следует считать группу памятников Болград — Алдень, территориально наибо-

лее близкую прекукутенским и раннетрипольским поселениям. К сожалению, внутренняя периодизация памятников этой группы разработана недостаточно, и выводы исследователей подчас противоречивы [12, с. 130—135; 158, с. 119—132; 240, с. 23]. Это обстоятельство заметно усложняет хронологическое сопоставление указанных памятников с прекукутенско-раннетрипольскими.

Данные стратиграфии и типологический анализ материала в свое время позволили Е. Комше выделить в развитии памятников группы Болград — Алдень две фазы: раннюю (Драгэнешти-Текуч) и позднюю (Стойкани). По мнению исследователя, предполагаемый прекукутенский (раннетрипольский) компонент выделенного им «культурного аспекта Алдень II» по времени соответствует концу фазы Ларга-Жижиа и началу Извоаре [224, с. 25—30]. Недавно Е. Комша упомянул о находке нескольких фрагментов керамики, относящейся к фазе Прекукутени II, в основании культурного слоя поселения Драгэнешти-Текуч [231, с. 354]. Таким образом, наиболее ранние памятники рассматриваемой группы могут быть отчасти синхронны прекукутенско-раннетрипольским поселениям типа Ларга-Жижиа — Бернашевка или Тырпешти II-1 — Окопы.

Говоря об импортах керамики и других изделий, упомянем фрагмент венчика сосуда, найденный на раннетрипольском поселении Берново*. Фрагмент тонкостенный, вылеплен из хорошо промешанной глины. Поверхность черепка красновато-бурого цвета, залощена до зеркального блеска. У основания венчика белой краской проведена тонкая опоясывающая линия, от которой вниз идут небрежно выполненные косые каннелюры, нижняя из которых прокрашена красной охрой (рис. 81, 2). Описанный фрагмент, несомненно, происходит из памятника культурной группы Болград — Алдень; ближе к нему

* Раскопки Т. С. Пассек в 1951 г. (раскоп II). Фрагмент хранится в фондах Гос. Эрмитажа (№ 1036).

аналогии можно отыскать в материалах поселений Нагорное и др.

В качестве импорта исследователи (Е. К. Черныш и др.) рассматривают статуэтку обычного для группы Болград — Алдень типа (рис. 81, 4), найденную в Александровке. Ближайшие аналогии ей Л. В. Субботин видит в пластике Болградского поселения [157, с. 31]. В свою очередь, статуэтки раннетрипольского (прекукутенского) происхождения, относящиеся к I типу нашей классификации, обнаружены на поселениях группы Болград — Алдень Лопадика в МССР [12, с. 135, рис. 63, 4] и Сучевен на юге румынской Молдовы [240, рис. 49, 4].

Таким образом, есть основания полагать, что в целом группа Болград — Алдень и культура Прекукутени — раннее Триполье развивались параллельно, хотя последняя сложилась несколько раньше. Слабо аргументированным представляется вывод румынского исследователя И. Драгомира об одновременности упомянутой группы и памятников фазы А1 культуры Кукутени [240, с. 91, 110—112].

Ряд фактов помогает уточнить синхронизацию раннего Триполья с некоторыми культурами Карпатского бассейна. Так, мнение В. Т. Титова о возможной одновременности раннего Триполья (Прекукутени II) с бюккской (буковогорской) культурой [166, с. 231] может быть подтверждено находкой на поселении Рогожаны в Молдавии — фрагментом тонкостенного сосуда, орнаментированного лентами из узких прорезанных линий, заполненных белой пастой*. Сосуд является несомненным бюккским импортом, относящимся к заключительной фазе этой культуры [323, с. 272—273].

Описывая в свое время небольшую группу фрагментов сосудов, нехарактерных для керамического комплекса Луки-Врублевецкой, С. Н. Бибилов предположил, что они являются импор-

тами из круга раннеземледельческих культур Подунавья и Потисья [14, с. 155—156]. Ознакомление с этой керамикой убеждает, что она местная, однако некоторые экземпляры явно выполнены по привозным образцам. Это относится прежде всего к сосудам, украшенным сетчатым орнаментом, обработанным неглубокими проглаженными линиями (рис. 81, 1). Аналогичная посуда в большом количестве найдена на поселении Чока (вблизи г. Сегеда на Тисе), относящемся к культуре Тиса, испытавшей значительное влияние Винчи [208, табл. XIX, 1—29]. Очевидно, в подражание импорту из круга тисской культуры была изготовлена небольшая часть керамики Луки-Врублевецкой.

Импортами из ареала трансильванской культуры Турдаш являются несколько фрагментов керамики, найденных в Луке-Врублевецкой [14, табл. 65, в; 68e]. В этом же качестве следует рассматривать обломок цилиндрического поддона сосуда из поселения у Березовских хуторов в Поднестровье*. По технологическим признакам он отличается от обычной раннетрипольской посуды (плотная розоватая глина без примеси шамота). Орнамент состоит из рядов врезанных треугольников, образованных сходящимися под углом отрезками лент. Ленты и поле треугольника заполнены короткими насечками и отрезками врезанных линий (рис. 81, б). Этот вид орнамента обычен для турдашской посуды. По-видимому, поддон из Березовских хуторов можно отнести ко второй фазе развития культуры Турдаш в Трансильвании (фаза Турдаш-Петрешти), по Н. Власе [331].

Приведенные выше данные о хронологическом соотношении раннего Триполья с основными энеолитическими культурами Юго-Восточной Европы суммированы в синхронистической таблице (рис. 82).

* Раскопки В. И. Маркевича в 1972 г. Фрагмент хранится в фондах Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР (№ 1388). С материалами Рогожан автор ознакомился благодаря любезности В. И. Маркевича.

* Разведки автора в 1970 г. Фрагмент хранится в фондах Института археологии АН УССР (№ 431).

Культуры Карпатского бассейна	Культуры Фракии	Культуры Добруджи	Культуры Мунтении	Культурная область Кукутени-Триполье		Культуры Поднепровья	Абс.	
Болераз	Эзера	Чернавода III II I	Чернавода	?	С/II	Ямная „Вытянутые“ погребения	2600-2200	
Балатон	Лажняны	?			В	Михайловка I	3600-2600	
Лендвал	Бобро-Керестур	III	Гумельница	Гумельница	В	В/II-С/I		Среднепоздняя культура
	Тусаногур	II			АВ	В/I-В/II		
	Тусаногур	Каранова VI Кобнавермен-Гумельница I			Гумельница	А ₂		А ₃ -А ₄
Тусаногур	Каранова V	Хаманджия	Переход к Гумельнице	Кукутени А ₁ -А ₂	Борисовка	Могилиники мариупольского типа	4000-3600 г.г. до н.э.	
Желыз-Желызовце	Каранова IV	Хаманджия	Видра	Болераз-Албень	Ленковцы	Днепр-Донская культура		
				Босанч	Лука-Врублевская			
				Тырпешти II-1	Окопы			
Джулешти	Каранова IV	Хаманджия	Видра	Лара-Жижия	Бернашевка			
				Прекутени I				
				КЛЛК	КЛЛК-БДК			

Рис. 82. Триполье и соседние культуры (синхронистическая таблица)

3. Абсолютная хронология

Для выяснения абсолютной хронологии раннего Триполья мы опираемся на традиционные, некалиброванные радиоуглеродные датировки. Следует отметить, что «высокая» хронология, базирующаяся на дендроправках, дающих так называемый календарный возраст образцов, имеет много сторонников среди специалистов по первобытной археологии Европы (Е. Неуступный, К. Ренфрю, М. Гимбутас и др.). С этих позиций рассматривал хронологию трипольской культуры и В. С. Титов [324, с. 12]. Однако, несмотря на постоянное совершенствование методики дендрохронологической корреляции радиоуглеродных дат и стремление специалистов к унификации калибровочной шкалы, многие исследователи справедливо указывают на противоречивость и чрезмерную древность калиброванных дат [264]. Неудачной оказалась попытка Дж. Меллаарта [293] удревить, основываясь на этих датах, некоторые отправные моменты исторической хро-

нологии Старого Света, в частности — начало I династии в Египте*.

Если на датировках культур III тыс. до н. э., которые в принципе могут быть привязаны к шкале исторической хронологии, дендроправки к датам по С¹⁴ сказываются мало, то культуры середины — начала IV тыс. до н. э. с применением калибровочных кривых удреваются на 800—900 лет [222, с. 264, 265, табл. 8]. По отношению к долговременным неолитическим культурам IV—III тыс. до н. э. (Триполье и др.) это означает неоправданное «растяжение» их начальных этапов, с которыми связывается сравнительно небольшое число типов памятников. Изложенное заставляет нас воздерживаться от использования калиброванных радиоуглеродных дат.

Сейчас мы располагаем всего четырьмя датами для раннетрипольских и прекукутенских поселений: 3615 до н. э. (Blп=590) — Новые Русешты [317, с. 249]; 3580±85 (Grп) — Тырпешти, горизонт II—2 [282, с. 140];

* Оживленная дискуссия, вызванная статьей Дж. Меллаарта, состоялась на страницах журнала *Antiquity* в 1980 г.

2265 до н. э. (Путинешты и 2700 (Рогожаны). Последние две даты, полученные в лаборатории Института геохимии и физики минералов АН УССР [163, с. 57], — явная ошибка и не могут быть приняты во внимание. Приведенные выше даты для Новых Русецт и Тырпешти соответствуют концу развития культуры Прекукутени — раннее Триполье. Начало ее помогают определить даты позднейших памятников культуры линейно-ленточной керамики с чертами группы Желизовце-Желва.

Так, для нижнего (первого) слоя поселения Тырпешти получены две радиоуглеродные даты: 4220 ± 100 ($B_{1n} = 800$) и 4295 ± 100 ($B_{1n} = 801$) [282, с. 140]. Более или менее близкие даты имеются для памятников и объектов групп Желизовце и Шарка на территории Польши: 4350 ± 4000 ($M = 2011$) и 4200 ± 210 ($M = 2165$) — Ольшаница; Словакия: 4310 ± 100 ($B_{1n} = 559$), 4220 ± 100 ($B_{1n} = 558$), 3615 ± 120 ($B_{1n} = 557$) — Штурово и 3825 ± 140 ($B_{1n} = 304$) — Горне Лефантовце; Венгрия: 4005 ($B_{1n} = 508$) — Несмей — Текерешпатак [217, с. 243].

Таким образом, позднейшие поселения культуры линейно-ленточной керамики, датируемые примерно 4200 г. до н. э., на территории Молдовы являются *terminus post quem* для прекукутенских памятников. Стадию формирования культуры Прекукутени (фаза Прекукутени I), вероятно, следует отнести к концу V тыс. до н. э., а появление памятников типа Ларга-Жижия — Флорешты — Бернашевка — к началу IV тыс. до н. э. (4000—3900 гг.).

Terminus ante quem для раннетри-

польско-прекукутенских памятников дают наиболее ранние поселения культуры Кукутени. Для одного из них — Мерджинени — (фаза Кукутени А2, соответствующая началу развитого Триполья) имеется серия радиоуглеродных дат: 3660 ± 55 ($B_{1n} = 1534$); 3535 ± 60 ($B_{1n} = 1535$); 3675 ± 50 ($B_{1n} = 1536$) [296]. Им соответствуют и приведенные выше даты для Новых Русецт и Тырпешти. Эти данные позволяют отнести конец раннего Триполья — культуры Прекукутени примерно к 3700—3600 гг. до н. э. В целом считаем возможным датировать раннетрипольские памятники территории СССР 4000—3600 гг. до н. э. Близкие даты для культуры Прекукутени предложены В. Думитреску [250] и С. Маринеску-Былку [282, с. 141].

Правильность приведенной выше абсолютной датировки косвенно подтверждают радиоуглеродные определения (одиночные и серии), полученные для ряда культур Румынии и Болгарии, в целом синхронных раннему Триполью. Так, поздняя фаза культуры Боян (исходя из дат по C^{14} для поселения Кэсчюареле), культуры Караново V — Марица (телль Азмак), Сава (телль Голямо-Делчево), Поляница (телль Овчарово) могут быть отнесены к первой половине IV тыс. до н. э. [317, с. 239, 227; 183, 12—13; 185, 26]. Этим временем датируется и культура Тиса [166, с. 363], одновременность которой с ранним Трипольем уже отмечалась.

Дальнейшие уточнения абсолютной хронологии будут связаны с появлением новых радиоуглеродных дат, полученных непосредственно для памятников раннего Триполья.

1. Основные хозяйственные занятия

При изучении хозяйственных систем эпохи энеолита, в том числе экономики носителей трипольской культуры, особое значение приобретает комплексный подход с привлечением данных палеогеографии, палеозоологии, палеоботаники, трассологического изучения древних орудий труда и моделирования трудовых процессов. В свете этого подхода не вызывает сомнения общая земледельческо-скотоводческая направленность хозяйства раннетрипольских племен, в значительной степени связанная с природными условиями территории их расселения.

Последняя включает ряд районов, отличающихся по характеру рельефа, почв, климатическим показателям и растительному покрову. Северная ее часть связана с западным склоном Украинского кристаллического щита — Волыно-Подольской возвышенностью, расчлененной долинами Днестра и его притоков. Отличительной особенностью всего Среднего Поднестровья является почти полное отсутствие правых притоков и густая гидрографическая сеть на Левобережье, где в Днестр впадают Збруч, Жванчик, Смотрич, Студеница, Ущица, Калюс, Жван, Лядова, Серебря и другие речки и ручьи. Каньонообразные долины рек, многочисленные глубокие овраги пересекают местность, формируя холмистый рельеф, характерной особенностью которого являются так называемые щобы — выступающие мысовидные участки высокого берега. Водораздельные поверхности порой достигают высоты 250—300 м. Днестр те-

чет в глубокой (до 150 м) и широкой (0,5—1 км) долине, образуя многочисленные меандры — «луки». Геологи насчитывают здесь несколько речных террас, наиболее молодая из которых сформировалась в голоцене.

Расчлененный рельеф характерен также для северной части междуречья Днестра и Прута (Северо-Молдавское плато) и особенно припрутской зоны.

Южная граница территории распространения раннетрипольских поселений в целом совпадает с пограничьем лесостепи и степи. Это холмистая равнина с пологими склонами небольших речек и балок, более или менее значительно расчлененная лишь в приречной части Днестра и Южного Буга. Для этой территории характерен умеренно-континентальный климат с неустойчивой и малоснежной зимой. Среднегодовая температура воздуха составляет 7—10°, среднегодовое количество осадков колеблется от 400 мм на юге до 570 мм на севере. Почвенный покров в северных районах состоит из серых оподзоленных черноземов, сменяющихся на участках склонов дерново-карбонатными почвами. Южнее, ближе к границе со степью, преобладают глубокие среднетугумусные черноземы [37, с. 161—164].

Естественный растительный покров сохранился плохо; в Среднем Поднестровье он занимает лишь 14 % площади, из которых 10 % находятся под лесами (дуб, граб, липа и др.), распространенными на северных и западных склонах холмов, речных долин, оврагов. Вдоль ручьев, в оврагах и на при-террасных частях долин распростране-

ны пойменные леса из ольхи, тополя, вяза, ивы. С крутыми, недоступными для пахоты склонами связаны степные формации, представленные главным образом ковылями нескольких видов. Луга на нижних частях склонов и в долинах имеют в результате выпаса скота нарушенный травостой; на таких участках обычно преобладает полын, типчак, молочай, мятлик.

Глубокие среднегумусные черноземы более южных районов до освоения были заняты степной растительностью. Так, значительный массив луговых степей находился в междуречье Южный Буг — Саврань. Наиболее южные поселения раннего Триполья связаны с областью разнотравно-типчакково-ковыльных степей, теперь полностью распашанных (сохранились лишь небольшие участки в долинах рек и на склонах балок). В Пруто-Днестровском междуречье местами встречаются байрачные дубравы.

Время существования раннетрипольских поселений (первая половина IV тыс. до н. э.) укладывается в рамки атлантического периода голоцена, характеризующегося как климатический оптимум. В условиях теплого и влажного климата леса распространялись на значительной части Русской равнины [126, с. 5—37; 49, с. 141—142]. В южных районах изменения не были столь заметны: граница леса и степи в общих чертах совпадала с современной [39, с. 41].

Как показали споро-пыльцевые исследования многослойных стоянок Кормань IV, Молодово I и др., в Среднем Поднестровье [135, с. 107] — при общем лесостепном характере растительности — в интервале существования здесь раннетрипольских поселений значительную роль играли широколиственные леса из граба, вяза, липы, клена. Отмечены также большие участки луговых и разнотравно-луговых степей.

Близкую картину дает и палинологическая колонка поселения Тырпешти в бассейне р. Сирет (Румыния). Здесь в период развития культуры Прекукутени — раннее Триполье росли широколиственные леса (вяз, липа, клен, граб, дубовые рощи, орешник). Из трав за-

фиксированы злаковые, лютик, подо-рожник и другие, количество пыльцы которых возрастает по мере уменьшения доли пыльцы деревьев, вырубаемых человеком под посевные площади [289, с. 7—31].

По мнению специалистов, палеоэкология описанных выше районов, несомненно, изменившаяся под воздействием антропогенного фактора, все же была близка современным природным условиям. В целом она вполне благоприятствовала занятию сельским хозяйством.

Объективным свидетельством земледельческого характера хозяйства ранних трипольцев служат палеоэтноботанические остатки и сельскохозяйственные орудия. Первые сведения о культурных растениях дали материалы Луки-Врублевецкой: отпечатки зерен пшеницы и ячменя на статуэтках и комке глины, отпечаток колоска, находки обугленных зерен, чешуек. Позднее З. В. Янушевич, систематически исследовавшая палеоэтноботанические материалы поселений Молдавии, определила видовой состав культурных растений, выращиваемых раннетрипольскими земледельцами, и наметила пути их интродукции на территорию Юго-Запада СССР [201—203]. В последние годы аналогичные исследования на материалах раннетрипольских поселений Украины были осуществлены Г. А. Пашкевич, обнаружившей многочисленные отпечатки зерновок, колосков, чешуй, листьев и соломи культурных растений в глиняной обмазке жилищ и керамике Бернашевки, Окопов, Гайворона и многих других памятников. Данные, полученные З. В. Янушевич и Г. А. Пашкевич (табл. 3), указывают на довольно широкий круг растений, освоенных раннетрипольскими земледельцами: пленчатая пшеница трех видов; голозерная пшеница; ячмень голозерный и, возможно, пленчатый; просо; вика эрвилья; горох, чина.

Пшеница одностернянка представлена почти на всех поселениях, за исключением Кормани и Александровки I (МССР). Обычно встречаются немногочисленные отпечатки зерновок, оснований колосков (так называемые

Таблица 3. Растительные остатки с раннетрипольских поселений

№ п/п	Поселение	Пшеница					Ячмень	
		Однозернянка (<i>Triticum monocoocum</i> L.)	Двухзернянка (<i>Triticum dicoccon</i> Schrank)	Спельта (<i>Triticum spelta</i> L.)	Карликовая (<i>Triticum Semnarpastum</i> Host.)	Карликовая мягкая (<i>Triticum aestivum</i> L.)	Голозерный (<i>Hordeum vulgare var nudum</i>)	Пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i> L.)
1.	Бернашевка	×	×	×	—	—	×	—
2.	Окопы	×	×	—	—	—	×	—
3.	Вороновица	—	×	—	—	—	×	—
4.	Лука-Врублевская	×	×	×	×	×	×	×
5.	Кормань	—	×	—	—	—	×	—
6.	Гайворон	×	×	—	—	—	×	×
7.	Сабатиновка II	×	×	—	—	—	×	—
8.	Греновка	×	×	—	×	—	×	—
9.	Флорешты	×	×	—	×	—	×	—
10.	Рогожаны	×	—	×	—	—	×	×
11.	Александровка I	—	×	×	—	—	—	×
12.	Путинешты	×	×	×	×	—	×	×
13.	Солончены	×	×	×	—	—	×	—
14.	Перерыта	×	×	×	—	—	—	—
15.	Новые Русешты	×	×	×	×	—	×	—
16.	Карбуна	×	×	×	—	—	×	×

вилочки), их обломков, редко — целых колосков. Выделяется по количеству следов однозернянки поселение Путинешты, где в глиняной обмозке найдены массовые остатки ее обмола [201, с. 27, 31]. Пшеница двухзернянка в количественном отношении отвечает однозернянке и встречается на всех поселениях, кроме Рогожан. Пшеница спельта представлена одиночными отпечатками зерновок в основном на материалах раннетрипольских памятников Пруто-Днестровского междуречья. Также весьма редко встречаются отпечатки зерновок, голозерной карликовой пшеницы, выступавшей, как полагают [202, с. 227], в качестве примеси среди пленчатых пшениц-подб (однозернянки, двухзернянки, спельты).

Ячмень голозерный представлен многочисленными отпечатками зерновок на керамике почти всех раннетрипольских поселений, а также в обугленном виде. Часто встречаются (поселения Путинешты, Окопы, Кормань, Греновка, Сабатиновка) и отпечатки «троек» колосков (остатки вымолоченных колосков с сохранившимися чешуями), свидетельствующие о том, что голозерные ячменя, как и пленчатые, были многорядными [202, с. 228—229]. Ячмень пленчатый в виде отпечатков зер-

новок встречается лишь на четырех поселениях.

Просо зафиксировано на поселениях Путинешты, Бернашевка, Окопы, Гайворон, Греновка в виде отпечатков зерновок на керамике и глиняной обмозке.

Овес встречается крайне редко. Его следы отмечены на поселениях Путинешты, Карбуна (?), Сабатиновка (?) как одиночные отпечатки зерновок и чешуек. З. В. Янушевич полагает, что он не возделывался, а сопутствовал посевам пленчатых пшениц [202, с. 228—229].

Горох представлен небольшим количеством отпечатков на керамике поселений Флорешты, Окопы, Лука-Врублевская, Гайворон. Средний диаметр семян 3,5 мм. Несколько чаще встречается другой представитель семейства бобовых — вика эрвлия; отпечатки ее семян прослежены на керамике Солончен, Карбуны, Бернашевки, Луки-Врублевской, Гайворона, Сабатиновки II. К бобовым относятся также обычная вика и чина, единичные отпечатки семян которых выявлены З. В. Янушевич на керамике из Путинешты и Карбуны.

Находки обугленных косточек абрикоса, алычи, сливы на поселении Новые Русешты позволили предположить, что уже на раннем этапе развития три-

Просо (<i>Panicum miliaceum</i> L.)	Овес (<i>Avena sa- tiva</i> L.)	Вика арвальца (<i>Vicia orvilia</i> Willd.)	Горох (<i>Pisum sativum</i> L.)	Чина (<i>Lathyrus Sp.</i>)
×	—	×	—	—
×	—	—	×	—
	—	—		—
×		×		—
	×	×		—
×	—			—
—	—	—	×	—
—	—	—	—	—
×	×	—	—	—
—	—	×	—	×
—	—	—	—	—
—	×	—	—	—
—	—	×	—	—

польской культуры выращивались плодовые деревья [202, с. 231—232].

Таким образом, палеоэтноботанические материалы свидетельствуют о поликультурном характере земледелия ранних трипольцев, возделывавших полевые (злаки), огородные (бобовые) и плодовые культуры. Среди злаков предпочтение отдавалось пленчатым пшеницам, хорошо приспособленным к физико-географическим условиям региона по своим биологическим свойствам: выносливость, нетребовательность к почвам, устойчивость к засухе, морозу, грибковым заболеваниям [53, с. 102, 112, 128]. Однозернянка и двузернянка были распространены повсеместно с преобладанием того или иного вида на разных поселениях. Спелыта выращивалась в гораздо меньшем количестве, преимущественно в западной части региона. Значительную роль в хозяйстве играл и голозерный ячмень, напоминающий по агробиологическим свойствам пшеницы-полбы. Остальные злаки (карликовая пшеница, пленчатый ячмень, просо, овес) большого хозяйственного значения не имели, сопутствуя основным видам.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о способах обработки земли на раннем этапе Триполья. Тяготение аб-

солютного большинства раннетрипольских поселений к плодородным землям речных долин привело многих исследователей (Е. Ю. Кричевский, Т. С. Пасек, Е. К. Черныш) к выводу, что в этих условиях земледелие у трипольцев было мотыжным, огородного типа. Г. Ф. Коробкова, основываясь на результатах исследований, проведенных ею в последние годы (трассологический анализ орудий труда и моделирование различных производственных процессов в древности), считает, что именно мотыги являлись главными орудиями трипольцев при обработке ими посевных площадей [79; 82, с. 37]. Тезис о мотыжном характере раннетрипольского земледелия, подкрепленный ссылкой на результаты экспериментов Г. Ф. Коробковой, нашел отражение и в обобщающем труде по энеолиту СССР [199, с. 234].

Противоположная точка зрения более 30 лет назад была высказана С. Н. Бибиковым, полагавшим, что уже на раннем этапе трипольцы обрабатывали свои поля, используя быка, запряженного в примитивную соху; мотыга же применялась для рыхления почвы [14, с. 176, 282].

Описывая в главе III этой работы мотыги, найденные на раннетрипольских поселениях, автор выделил несколько крупных массивных каменных орудий, достигающих в длину 20 см и более, весом от 1,5 до 3 кг (рис. 38, 6, 8). Такие мотыги, несомненно, применялись для первичной обработки земли, однако встречаются они крайне редко. Основную же массу составляют легкие каменные мотыжки, длина которых колеблется в пределах 8—13 см; они могли быть эффективными лишь при рыхлении уже вскопанной почвы.

Что касается роговых мотыг, то, по заключению Г. Ф. Коробковой [79; 81, с. 216—217], орудия с диагональной и продольной постановкой лезвия бесполезны при вскапывании и могли использоваться лишь для рыхления земли. Показательно, что именно этот тип мотыг, дающих глубину вспашки всего 2—3 см, доминирует, как свидетельствуют материалы Бернашевки, на раннетрипольских поселениях. Орудия же

с перпендикулярной постановкой лезвия, эффективные при всех видах земляных работ, представлены единичными экземплярами.

По-видимому, основной объем работ при возделывании почвы выполнялся не мотыгами, а с помощью деревянных сох, хорошо известных по этнографическим материалам и находкам в торфяниках [152, с. 212—216]. Возможно, применялись и сохи из рога оленя; они пока не найдены на раннетрипольских поселениях, но обычны для энеолитических культур соседних территорий [92, с. 56—57, рис. 9; 47, с. 64]. Наиболее крупные орудия из рога оленя с несомненными следами работы в земле даже рассматриваются как простейшие рала, в частности — орудие, найденное на гумельницком поселении Кэсчиоареле в Румынии [252]. Подобное орудие происходит и с поселения Новые Русешты (верхний горизонт), относящегося к началу развитого Триполья [101, с. 66; 199, с. 233, рис. 18]. Роговое орудие длиной 67 см из энеолитического поселения Арухло I в Грузии позволило поставить вопрос о начале пашенного земледелия на Кавказе в IV, а возможно, и в V тыс. до н. э. [91].

Против истолкования этих земледельческих орудий как упряжных возражает Ю. А. Краснов, считающий, что такой интерпретации противоречат их морфологические особенности и относительно небольшие размеры. Он видит в находках из Кэсчиоареле, Новых Русешт и в их аналогах ручные орудия для бороздчатой обработки земли [84, с. 145—162; 85]. Тем не менее, вполне вероятно наличие в различных раннеземледельческих культурах более массивной деревянной сохи или примитивного рала, в которых впрягали быка. В этой связи привлекает внимание вывод специалистов, исследовавших кости крупного рогатого скота из позднееолитических поселений Вадастра и Крушову в нижнем течении Дуная. Им удалось зафиксировать изменения в скелете некоторых молодых особей, вызванные использованием животных для переноски грузов и в качестве тягловой силы в ярме [275; 291]. Здесь уместно

вспомнить и предположение В. И. Цалкина о том, что энеолитическое население Юго-Запада СССР, оставившее памятники типа Болград, уже знало волов, возможно, использовало скот как транспортное и рабочее средство [178, с. 77].

Прямое отношение к обсуждаемой проблеме имеет известный сосуд из Сельвень-Вадас (Венгрия), датированный средним или поздним неолитом [269, с. 79, рис. 28—29]. На одной из его стенок прочерчена стилизованная фигура человека в окружении пяти быков, также переданных условно. Два быка находятся в супраге; пространство между ними заполнено мелкими наколами, очевидно, символизирующими вспаханное и засеянное поле. На противоположной стороне четырехгранного сосуда изображены две фигуры бычков и два древа жизни. Не вызывает сомнения связь этой композиции с земледельческим культом.

К неолиту относятся, согласно последним разработкам, и наиболее ранние изображения быков, волюющих плуг, выбитые на скалах Валь-Камоники на севере Италии [205, с. 63, 68]. К этому времени (около 3800 г. до н. э.) исследователи относят начало пашенного земледелия в Альпийской зоне [213].

Таким образом, сумма косвенных данных позволяет предполагать, что уже в начале энеолита земледельцы Юго-Восточной Европы овладели навыками использования простейших упряжных пахотных орудий. Возвращаясь к раннему Триполью, упомянем в этой связи небольшую фигурку быка, найденную во Флорештах. Она составляет половину статуэтки, достоверно реконструированной В. И. Маркевичем [107, с. 141, рис. 97, 6] и изображающей парную упряжку быков.

Об уровне раннетрипольского земледелия в какой-то мере позволяют судить и жатвенные орудия. Вкладыши серпов составляют, как уже отмечалось, от 1 до 5 % всех орудий труда из кремня, найденных на каждом поселении. С. Н. Бибииков на материках Луки-Врублевцевкой реконструировал раннетрипольский серп, состоящий из

пяти — семи вкладышей, вставленных под углом в изогнутую роговую или деревянную оправу и создающих зубчатый рабочий край орудия [15, с. 5—6]. Во время эксперимента этот серп (так называемый серп карановского типа) показал производительность, лишь в два раза меньшую, чем при жатве злаков современным железным орудием [80, с. 48—49].

По-видимому, раннетрипольские земледельцы уже были знакомы с еще одним типом серпа, впоследствии широко распространенным в памятниках развитого этапа культуры [15, с. 8]. Вкладыши такого серпа вставлялись в оправу вертикально, так как имеют заплывровку вдоль всего рабочего края.

Если археологические и палеоботанические материалы позволяют составить некоторое представление о технической оснащенности древних земледельцев и ассортименте возделываемых ими растений, то о характере раннетрипольского земледелия в целом, о его организации и способах землепользования можно судить лишь в самых общих чертах. Природной обстановке раннетрипольского ареала наиболее отвечало подсечно-огневое, переложное земледелие, стимулированное наличием больших свободных площадей. В древности, да и в не столь отдаленные времена этот тип земледелия был характерным для многих народов [142].

Прежде всего обрабатывались наиболее плодородные и свободные от леса участки нижних речных террас, находящиеся в непосредственной близости от поселений. На более высоких террасах и склонах плато лес вырубали и сжигали, что на несколько лет обеспечивало плодородие почвы. Показательны в этом плане данные палинологической колонки на поселении Тырпешти: для конца неолита (КЛЛК) пыльца деревьев составляла 43 % спектра, а уже в начале прекукутенского периода заселения — лишь 21 %, причем в спектре фиксируется большое количество пепла [289, с. 17, 30].

Поля быстро истощались и забрасывались; новые участки расчищались под пашню все дальше и дальше от поселения, и вокруг них со временем

возникали небольшие сезонные выселки. Одним из таких недолговременных поселков, очевидно, была Вороновица с ее единственной постройкой облегченного типа и слабым культурным слоем.

Представляет интерес попытка моделирования системы землепользования при таком «полукочевом» экстенсивном земледелии, предпринятая Л. Черняком и Я. Плонтеком на материалах нескольких тщательно изученных лендельских поселений Куяв (памятник типа Бжесц Куявский).

Авторы пришли к выводу, что «поселенческий микрорегион» здесь состоял из самого поселения и четырех — шести выселков — «лагерей», — удаленных от него на расстояние 1 км и более. Община из 50—60 человек эксплуатировала участок площадью около 40 км² путем последовательных смен поселенческого микрорегиона (так называемое ротационное перемещение), причем возврат на старое место мог произойти не раньше чем через 8—10 лет [236]. Отчасти эта модель может быть действительной и для раннего Триполья, во многих аспектах близкого культуре Лендель.

В целом организация и уровень земледельческого хозяйства на раннем этапе Триполья не были высокими, что особенно наглядно проявляется при сравнении с земледелием энеолитического населения других южных центров производящей экономики на территории СССР — Средней Азии и Закавказья.

На юге Туркмении и отчасти на Кавказе, непосредственно примыкающих к Переднеазиатскому древнеземледельческому очагу, рано был совершен переход к простейшему орошению полей, обеспечивавшему стабильные урожаи и высокий удельный вес земледелия в хозяйственных занятиях населения этих районов [93]. Об этом красноречиво свидетельствует большое количество вкладышей жатвенных ножей (уже в неолитическом Джейтуне они составляют треть часть всех орудий труда) и серпов, составляющих на памятниках шулавери-помутепинской культуры до 30—40 % орудийного комплекса [83, с. 15, 36]. В функциональ-

Таблица 4. Фауна раннетрипольских и прекукутенских поселений (по числу особей)

Вид					
	Верна- шевка	Окопи *	Луна-Вруб- левская	Берново	Нормаль
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	240	9	42	23	11
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> , <i>Capra hircus</i>)	37	—	38	9	3
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i>)	46	4	93	11	5
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	5	—	12	1	—
Всего домашних	328	13	185	44	19
Тур (<i>Bos primigenius</i>)	6	1	—	2	3
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i>)	220	2	57	25	13
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	62	1	31	17	3
Свинья дикая (<i>Sus scrofa ferus</i>)	137	3	33	17	5
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	3	1	4	2	—
Лось (<i>Alces alces</i>)	4	—	9	—	—
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	8	—	8	1	—
Волк (<i>Canis lupus</i>)	3	—	4	—	—
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	1	—	14	—	—
Барсук (<i>Meles meles</i>)	10	—	7	6	—
Куница (<i>Martes martes</i>)	3	—	8	1	—
Росомаха (<i>Gulo gulo</i>)	—	—	2	—	—
Хорек (<i>Putorius sp.</i>)	—	—	1	—	—
Кошка лесная (<i>Felis silvestris</i>)	1	—	4	—	—
Рысь (<i>Lynx lynx</i>)	—	—	1	—	—
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	1	—	1	—	—
Вайбак (<i>Marmota bobak</i>)	1	—	—	—	—
Заяц (<i>Lepus lepus</i>)	1	—	9	1	—
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	15	—	6	2	1
Белка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	—	—	9	—	—
Еж (<i>Erioposceus europaeus</i>)	—	—	4	—	—
Всего диких	476	8	212	74	25
Итого:	804	21	397	118	44

* По материалам 1978 г.

** Вместе с туром.

ном отношении эти серпы также эффективнее раннетрипольских; лишь на позднем этапе Триполья появляется высокопроизводительный однопластинчатый серп с пильчатой ретушью на краю [80, с. 48—49].

Весьма существенны различия в видовом составе культурных злаков у раннетрипольских земледельцев и населения двух южных регионов. Так, в Прикаспии культивировались голозерные пшеницы и особая популяция голозерного ячменя [109, с. 79]; богатство видов пшениц и ячменей Закавказья позволило исследователям, вслед за Н. И. Вавиловым, предположить их местную domestикацию на базе дикой флоры [94, с. 42—43].

Формируясь вдалеке от основных центров становления древнеземледельческих культур, в иных экологических и исторических условиях, раннетрипольское земледелие развивалось медленнее, чем эта же отрасль сельского хозяйства у населения Кавказа и Средней Азии, да и продуктивность его, очевидно, была более низкой. При неустойчивых урожаях земледелие не могло стать надежным и стабильным источником получения пищевых ресурсов, поэтому на раннем этапе трипольской культуры оставалась значительной роль охоты и скотоводства.

Об этих важных отраслях экономики раннетрипольско-прекукутенских племен мы судим, опираясь прежде

Поселение									Итого
Ленно-ны	Сабати-ковна II	Флореш-ты	Рогона-ны	Солонче-ны I	Голерна-ны	Карбуна	Траян-Дялул Бией	Тырпеш-ти	
30	10	172 **	11	17	5	11	148	150	879
10	6	29	7	14	4	7	42	50	256
19	4	75	7	19	1	6	14	60	364
2	—	16	1	2	—	1	7	3	50
61	20	292	26	52	10	25	211	263	1549
1	—	?	4	—	—	—	4	3	24
25	5	79	9	20	6	2	48	21	532
9	4	36	1	7	2	2	11	6	192
9	2	131	2	15	6	2	30	3	395
5	4	6	1	3	3	4	3	2	41
—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
1	1	—	—	2	—	—	2	1	24
—	—	—	—	—	—	—	3	1	11
—	3	1	1	1	1	—	—	—	22
—	—	3	1	—	—	—	—	—	27
—	—	—	1	—	—	—	1	—	14
—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1	—	1	—	1	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
2	3	—	1	—	2	—	—	—	19
2	1	12	2	2	1	—	8	4	56
—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
55	23	269	23	51	21	10	110	41	1398
116	43	561	49	109	31	35	321	304	2947

всего на результаты анализа фаунистических остатков, проведенного в разное время В. И. Бибиговой, В. И. Цалкиным, О. Некрасовой, С. Хаймовичем, М. Штирбу и другими специалистами-палеозоологами. Данные по фауне 14 поселений сведены автором в таблицы, показывающие как видовой состав животных (табл. 4), так и соотношение между видами (табл. 5). В целом массовый фаунистический материал ранне трипольских и прекукутенских поселений (более 47 тыс. костей — остатки 3 тыс. особей) служит надежной базой для объективной характеристики животноводства и охоты как составной части хозяйственных занятий их обитателей.

Отмечается некоторое преобладание домашних животных (в целом — 54 % особей), причем на ряде прекукутенских поселений, представленных крупными остеологическими коллекциями, доля домашней фауны очень высока: 65,7 % — в Траяне-Дялул Бией [300, с. 63; табл. III] и 86,23 % — в Тырпешти [301, с. 183, табл. 2]. В количественном отношении домашние животные заметно уступают диким на таких поселениях, как Бернашевка (40,8 % особей) и Берново (40,7 %). Еще меньше процент домашней фауны (32,3 %) в Голерканах, однако остеологический материал здесь незначителен.

Среди сельскохозяйственных животных заметно преобладал крупный рога-

Таблица 5. Соотношение видов сельскохозяйственных животных; домашних и диких животных на раннетрипольских и прекукутеских поселениях

Поселение	Всего особей	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свинья		Всего особей	Домашние		Дикие	
		Всего	%	Всего	%	Всего	%		Всего	%	Всего	%
Бернашевка	323	240	74,3	37	11,5	46	14,2	804	328	40,8	476	59,2
Окопы	13	9	69,2	—	—	4	30,8	21	13	61,9	8	38,1
Лука-Врублевецкая	173	42	24,3	38	22,0	93	53,7	397	185	46,6	212	53,4
Берново	43	23	53,5	9	20,9	11	25,6	108	44	40,7	64	59,3
Кормань	19	11	57,9	3	15,8	5	26,3	44	19	43,2	25	56,8
Ленковцы	59	30	50,8	10	17,0	19	32,2	116	60	51,7	56	48,3
Сабатиновка II	43	22	51,2	11	25,6	10	23,2	86	44	51,2	42	48,8
Флорешты	276	172	62,3	29	10,5	75	27,2	561	292	52,1	269	47,9
Рогожаны	25	11	44,0	7	28,0	7	28,0	50	26	54,0	24	46,0
Солончены I	50	17	34,0	14	28,0	19	38,0	103	52	50,5	51	49,5
Гомержаны	10	5	50,0	4	40,0	1	10,0	31	10	32,3	21	67,7
Карбуна	24	11	45,8	7	29,2	6	25,0	35	25	71,4	10	28,6
Новые Русешты	145		38,6		29,4		24,8	260		57,7		42,3
Траян-Дялул Вией	204	148	73,5	42	20,6	14	6,9	321	211	65,7	110	34,3
Тырешты	260	150	57,7	50	19,2	60	23,1	305	263	86,23	42	13,77

тый скот, в среднем составляющий около 53 % стада (табл. 5, 1). Он доминирует на таких поселениях, как Бернашевка и Траян-Дялул Вией (соответственно 74,3 и 73,5 % от общего количества особей всех сельскохозяйственных животных), лишь в Луке-Врублевецкой и Солончены I численно уступает свинье.

По заключению специалистов-палеозоологов, бык раннетрипольских поселений морфологически близок к своему дикому предку — туру. Отмечая это, В. И. Цалкин при подсчетах не отделял быка от тура [178, с. 78, 116, 267]. По размерам раннетрипольский бык приближался к современной серой степной породе. На поселениях он представлен в основном остатками взрослых особей и, очевидно, давал значительное количество мяса. Возможность использования крупного рогатого скота в качестве тягловой силы еще более увеличивала его значение в хозяйственной деятельности трипольцев.

Мелкий рогатый скот в целом составлял 21 % стада, заметно уступая в количественном отношении быку и свинье. Лишь на нескольких наиболее южных поселениях раннетрипольского ареала (Карбуна, Новые Русешты, Со-

лончены 1) он составлял около 30 % всех сельскохозяйственных животных. Овцы и козы, очевидно, разводились в основном для получения шерсти, причем соотношение между этими двумя видами не было постоянным. Так, в Среднем Поднестровье заметное преобладание коз демонстрируют материалы Луки-Врублевецкой [20, с. 412—413, табл. 1] и Бернашевки. В то же время на поселениях Пруто-Днестровского междуречья до 75 % поголовья мелкого рогатого скота составляли овцы [178, с. 171]. В основе такой избирательности, видимо, лежали как экологические условия, так и хозяйственные традиции населения разных районов раннетрипольского ареала.

Второе место в стаде (после крупного рогатого скота) занимала свинья, на долю которой в среднем приходилось 27 % общего числа особей. Наименьшее количество остатков свиньи дают Бернашевка и Траян-Дялул Вией (соответственно 14,2 и 6,9 % особей). Значительно превышает средний показатель доля свиньи в стаде поселения Солончены I (38 %), особняком стоит в этом плане Лука-Врублевецкая, где свинья количественно преобладает над крупным и мелким рогатым скотом,

вместе взятым (53,7 % особей). По-видимому, можно говорить о специализированном животноводстве у жителей этого поселения; уместно вспомнить, что лишь в Луке-Врублевцевой найдены глиняные статуэтки, реалистически изображающие свиней (рис. 77, 3).

Тем не менее не следует преувеличивать хозяйственное значение свиньи, так как на всех поселениях (это относится и к Луке-Врублевцевой) основную часть мяса давал крупный рогатый скот, а не свинья, к тому же повсеместно представленная молодыми особями [14, с. 185].

Что касается лошади, то она на раннетрипольских поселениях, по мнению таких палеозоологов, как В. И. Цалкин и В. И. Бибикина, уже была одомашнена. Другие исследователи (О. Некрасова, М. Штирбу) относят ее к диким формам. Даже в самых крупных коллекциях раннетрипольской фауны лошадь обычно представлена тремя-четырьмя особями, что исключает возможность ее разведения в это время и заставляет включить в список дикой фауны.

На долю диких животных приходится около 46 % фаунистических остатков (по числу особей), причем на таких поселениях, как Лука-Врублевцевая, Кормань, Бернашевка и Берново, они заметно преобладают (соответственно 53,4; 56,8; 59,2; 59,3 % общего числа особей). Наиболее высокий процент дикой фауны (67,7 %) дает поселение Голерканы, но эта цифра может быть случайной, так как остеологическая коллекция отсюда слишком мала (31 особь) [178, с. 268].

Основным промысловым животным был благородный олень, на долю которого приходится в среднем около 37 % всей дикой фауны; на таких поселениях, как Бернашевка и Тырпешти, эта доля возрастает до 46—50 %. Как считают специалисты [20, с. 416—417], благородный олень эпохи неолита более крупными размерами.

Вторым по значению объектом охоты был дикий кабан (около 30 % особей); на отдельных поселениях (Флорешты) он составляет почти половину всей

охотничьей добычи. Следует отметить, что охота на кабана носила избирательный характер. Так, жители Бернашевского поселения забивали преимущественно молодых особей (в возрасте до полугода), в то время как в Луке-Врублевцевой все остатки дикого кабана принадлежат взрослым и даже старым особям [20, с. 421].

Около 13 % охотничьей добычи составляет косуля, остатки которой найдены на всех раннетрипольских поселениях.

Лишь изредка охотились на таких крупных животных, как тур. В большой остеологической коллекции из Бернашевки тур представлен лишь шестью особями; на многих поселениях (Лука-Врублевцевая, Сабатиновка II, Солончены I и др.) остатки тура не обнаружены. Крайне редко охотничьей добычей ранних трипольцев становился зубр, отдельные кости которого имеются, по предположению палеозоологов, в коллекциях фауны из Окопов и Кормани. Случайный характер имела охота на дикую лошадь и лося.

Среди промысловых животных, добывающихся ради шкур, первое место принадлежит бобру, остатки которого представлены почти повсеместно (4 % диких особей). Из крупных хищников назовем медведя (24 особи), дававшего не только шкуру, но и мясо. Добывали также барсука (27 особей), лисицу (22 особи), зайца (19 особей), куницу (14 особей), волка (11 особей). Меньшим числом особей представлены белка, выдра, лесная кошка, россомаха и др.

Наконец, отметим, что на многих раннетрипольских поселениях встречаются кости птиц (гусь, тетерев, перепел, орлан-белохвост, ястреб и т. д.), однако охота на них хозяйственного значения не имела.

Приведенные выше данные позволяют судить, что мясо диких животных играло существенную роль в пищевом рационе ранних трипольцев и охота являлась важным хозяйственным занятием последних. Однако утверждение о равном значении охоты и животноводства в экономике раннетрипольских племен было бы неоправданным. Соот-

ношение этих отраслей хозяйства может быть оценено лишь при сведении сельскохозяйственных и промысловых животных к реальному «мясному» эквиваленту. В этом плане известный палеозоолог Ш. Бекони предлагает следующее сопоставление: один тур соответствует трем оленям или пяти кабанам, или десяти косулям; домашний бык равен четырем-пяти свиньям или семи овцам-козам [216, с. 30]. Несложные перерасчеты, проведенные с помощью этих индексов для фауны Бернашевки и Берново (т. е. поселений, где дикие животные составляют 60 % особей), показывают, что на первом поселении домашние животные дали в два раза больше мяса, а на втором — в полтора. Таким образом, правомерным будет вывод о том, что животноводство по своему удельному весу в экономике ранних трипольцев значительно превосходило охоту.

Вспомогательную роль играло рыболовство, засвидетельствованное прежде всего находками костей и чешуи рыб на многих раннетрипольских поселениях Поднепровья (Лука-Врублевская, Берново, Ленковцы и др.). Ловили главным образом вырезуба, сазана и особенно сома, часто достигавшего значительных размеров [20, с. 435; 131, с. 59]. Орудиями лова служили костяные и медные крючки, описанные в главе III, и, возможно, сети. На узких и неглубоких притоках Днестра со сравнительно прозрачной водой рыбу могли добывать с помощью заколов и бредня, — остроги.

Дополнительным источником получения продуктов питания являлось также собирательство. В пищу, очевидно, шли дикорастущие злаки из состава местной флоры (лисохвост, пырей, мятлик и др.), отпечатки которых встречаются на керамике и глиняной обмозке раннетрипольских жилищ, и плодовые (кизил, дикая груша и т. д.), произрастающие в окрестных лесах.

Сезонный характер имел сбор моллюсков (в первую очередь раковин *Ulio*), створки которых в изобилии встречены на многих поселениях. Следует отметить, что мощные скопления

Ulio повсеместно фиксируются в землянках (Лука-Врублевская, Берново, Кормань, Сабатиновка II) и в легких наземных жилищах (Окопы), отсутствуя на площадках. Очевидно, собирательство имело большее значение на начальном этапе существования поселения, когда в обстановке временной нестабильности пищу необходимо было добывать наиболее быстрым и доступным путем.

Давая общую оценку хозяйства раннетрипольских племен, необходимо остановиться на исследованиях Г. Ф. Коробковой, имеющих прямое отношение к этому вопросу. Проведая огромную работу по трассологическому изучению орудий труда населения Средней Азии, Закавказья и Северного Причерноморья эпохи неолита, исследовательница выделила орудия, связанные с земледелием (вкладыши серпов, мотыги, зернотерки и др.) и обработкой продуктов охоты и скотоводства (кремневые ножи, скребки, наконечники стрел и др.). Руководствуясь процентным соотношением земледельческих и охотничье-скотоводческих орудий и принимая во внимание данные о количестве домашних и диких животных, Г. Ф. Коробкова делает вывод о хозяйственных занятиях обитателей конкретного поселения и носителей культуры в целом [78; 82; 83].

В хозяйстве трипольской культуры исследовательница различает шесть типов: земледельческо-скотоводческий (выделен на материалах нижнего горизонта Поливанова Яра, Клищева, Брынзеи-Цыганки, Костешт II и других поселений); скотоводческо-земледельческий (Поливанов Яр II, Усатово, Сабатиновка II); скотоводческо-охотничье-земледельческий (Лука-Врублевская, Поливанов Яр I, Евминка, Подгорцы I, Пирогово); скотоводческо-охотничий (Березовская ГЭС); скотоводческий (Раковец, Сороки-Озеро, Подгорцы II); охотничье-скотоводческий (Жванец, Чапаевка, Казаровичи, Цвигловцы) [83, с. 33]. Выводы Г. Ф. Коробковой важны и интересны в первую очередь тем, что, обращая внимание на специфику хозяйственных занятий жителей разных трипольских поселков,

стимулируют изучение экономики трипольцев как по этапам развития культуры, так и по отдельным регионам.

Однако представляется недостаточно аргументированным заключение Г. Ф. Коробковой о том, что лишь отдельные трипольские поселки, находившиеся в благоприятных экологических условиях, или по земледельческо-скотоводческому пути; в целом же земледелие выполняло в экономике трипольцев вспомогательную, подсобную роль или даже не имело никакого хозяйственного значения, заметно уступая скотоводству [82, с. 36; 83, с. 33, 37].

Следует отметить, что критерий соотношения земледельческих и охотничье-скотоводческих орудий не вполне объективен. Так, последние являются орудиями каждодневного употребления, в то время как сельскохозяйственный инструментарий (за исключением зернотерок) использовался сезонно. Кроме того, скребки, ножи и другие орудия для разделывания туши животного и обработки шкуры применялись непосредственно на поселении и, приходя в негодность, оставались здесь же; мотыги, и особенно вкладыши серпов, в массовом количестве ломались на полях, оставались там и, естественно, не могут быть учтены при подсчетах. Наконец, необходимо принять во внимание, что каждый скребок, нож и т. д. являлся самостоятельным орудием, тогда как пластинка-вкладыш — лишь часть наборного серпа, т. е. при подсчете количество жатвенных орудий следует уменьшить примерно в пять раз.

Сказанное выше предполагает, что охотничье-скотоводческих орудий в принципе должно быть больше, чем земледельческих. Это подтверждается, в частности, на примере нижнего горизонта Поливанова Яра (земледельческо-скотоводческого поселения, по Г. Ф. Коробковой), где из почти 400 орудий, выполненных из кремня, камня, кости и рога, выделено лишь 34 вкладыша серпа и несколько мотыг [131, с. 113—114].

Поэтому оценка роли земледелия и животноводства в хозяйстве трипольских племен, основанная главным образом на соотношении разных групп

орудий труда, вряд ли будет реальной.

Не касаясь здесь экономики трипольцев на развитом и позднем этапах, применительно к раннему этапу охарактеризуем ее как земледельческо-скотоводческую. Земледельческая направленность хозяйства уже в это время проявляется не только в наличии культурных растений и сельскохозяйственных орудий, но и в быте, домостроительстве, культовых воззрениях трипольцев. Экстенсивное земледелие с применением простейших пахотных орудий тесно сочеталось с придомным животноводством, основанным на разведении крупного рогатого скота. Эти две отрасли хозяйства, будучи тесно взаимосвязаны, гармонично дополняли друг друга. Охота в экономике раннетрипольских племен играла существенную роль, но в сравнении с земледелием и животноводством отступала на второй план. Относительному единообразию в развитии сложившегося хозяйственного уклада способствовала более или менее сходная природная обстановка раннетрипольского ареала. Особенности хозяйственного облика отдельных поселений (например, Луки-Врублевецкой) отнюдь не меняют общей картины экономики ранних трипольцев. Пути становления последней необходимо рассмотреть на более широком историческом фоне.

Трудами многих исследователей установлено, что культурные растения неолитических поселений Европы связано с Переднеазиатским очагом земледелия, откуда они распространились на Балканский п-ов и далее по всей юго-восточной части континента [319, с. 197—208; 236; 266; 201]. Продвигаясь в новые районы, древнеземледельческие племена приносили сюда известные им виды культурных растений вместе с навыками их возделывания. Большой палеоботанический материал свидетельствует о более или менее однородном составе культурных растений на древних поселениях Юго-Восточной Европы, хотя каждый регион в этом плане имел свою специфику, обусловленную как экологической ситуацией, так и селекционной деятель-

ностью человека. В частности, неолитические обитатели Болгарии — важнейшей транзитной территории на пути продвижения сельскохозяйственных растений в более северные районы Европы — практически не знали пшеницу спельту, о которой нет данных в обобщающих сводках [264, с. 95]. Для многих неолитических культур Карпатского бассейна (Криш-Кьреш, КЛЛК, Сакалхат, Желиз, Бюкк, Херпай, Лендьел и др.) зафиксировано отсутствие ячменя. Обращая внимание на этот факт, Е. Хайналова высказывает мысль о существовании экологического барьера, мешавшего продвижению ячменя в северном направлении из более южных районов [264, с. 204—207].

Видовой состав растений в культурах Нижнего Подунавья (Боян, Вэдастра) уже близок засвидетельствованному для раннетрипольских поселений. Исследователи указывают на наличие следов всех трех видов пленчатых пшениц, голозерной пшеницы, ячменя, проса, бобовых [229, с. 52—53; 291, с. 17—18].

Появление первых культурных растений и начало земледелия непосредственно в юго-западных районах СССР относятся к первой половине V тыс. до н. э. и связаны со второй фазой бугорно-днестровской культуры в междуречье Прута и Днестра [104, с. 152—153; 201, с. 32—33]. Несколько позднее здесь появились носители культуры линейно-ленточной керамики, также знакомые с культурными растениями. Следует полагать, что последние были известны и неолитическому населению Побужья, хотя палеоботанические данные отсюда пока отсутствуют.

Неолитические земледельцы выращивали пленчатые пшеницы — однозернянку, двузернянку и спельту, а также просо; ячмень и голозерные пшеницы им не были известны [201, с. 32—33]. Это обстоятельство свидетельствует о существенных различиях между местным неолитическим и раннетрипольским земледелием. Набор культурных растений, пахотные и жатвенные орудия раннего Триполья, являются неотъемлемой частью земледельческого хозяйства более совершенного типа, со-

хранившего традиции балкано-дунайского ареала.

Животноводство, как и земледелие, стало достоянием неолитической Европы благодаря первичному импульсу, полученному из Передней Азии, причем в хозяйстве носителей ранних земледельческих культур Юго-Восточной Европы навыки и традиции животноводства более южной зоны еще долго бытуют. Так, в стаде многих поселений культур Старчево и Криш на территории Венгрии и Румынии заметно преобладает мелкий рогатый скот (50—70 %). Охота здесь явно уступает животноводству, так как кости домашних животных часто составляют 90 % всех фаунистических остатков [215, с. 26—28, 56—57; 216, с. 22—24].

Постепенно животноводческое хозяйство этого типа, чуждое местным природным условиям, меняется. Почти повсюду, как отмечает Ш. Бекони, на первое место в стаде выходит крупный рогатый скот; вторым по значению сельскохозяйственным животным становится свинья; роль овцы-розы заметно падает. Охота, имеющая определенное хозяйственное значение, служит целям доместикации на основе местной фауны (зубр или тур, дикий кабан) [215, с. 56, 84].

В развитом и позднем неолите севера Балканского п-ова и Нижнего Подунавья неоспорим приоритет животноводства в сравнении с охотой. Поселения Усое (Северо-Восточная Болгария) и Яса-Тепе (юг Болгарии) дают соответственно 76 и 83 % домашней фауны, причем крупный рогатый скот составлял здесь более половины стада [30, с. 303, 306, табл. 1; 2].

Судя по фаунистическим остаткам с поселения Фэркашу де Сус (Олтения), для культуры Дудешти также характерен высокий процент домашних животных (более 80 % особей) при доминировании крупного рогатого скота. Последний представлен здесь почти исключительно молодыми особями, в то время как возраст овец составлял 8—10 лет, т. е. их держали в основном для получения шерсти [217].

Домашние животные преобладают в добруджской культуре Хаманджия:

в частности, их остатки доминируют в крупной коллекции из Текиргиола (89,5 % особей). В соответствии с экологической обстановкой этого региона второе место в стаде после быка занимала овца (45 % сельскохозяйственных животных), а важным объектом охоты служил дикий осел [299; 234, с. 11].

Культура Боян в целом дает, по сведениям Е. Компи [229, с. 57—63; 234, с. 16], от 75 до 96 % домашней фауны, хотя остеологический материал ранних поселений (фазы Болинтиняну и Джулешты) в количественном отношении невелик.

На общем фоне земледельческо-скотоводческого неолита V тыс. до н. э. выделяется несколько зон с очень высоким показателем дикой фауны. Одной из таких экологических ниш, где охота играла большую хозяйственную роль, являлась северо-западная часть Болгарии. Здесь, на поселениях Градешница (ранний и средний неолит) и Бреница-Лыката (поздний неолит), дикие животные составляют от 60,67 до 46,87 % особей [30].

Близкая картина фиксируется для восточной части Карпатского бассейна, где на переходе к энеолиту в культурах Тиса и особенно Херпай резко возрастает, по данным Ш. Бекони, количество дикой фауны (более 60 % особей в культуре Херпай). Это явление исследователь называет «пиком доместикационной лихорадки», так как и в домашней, и в дикой фауне резко преобладают местные формы, пригодные к доместикации, — бык и свинья [215, с. 28].

Наконец, коснемся важного для нас вопроса о соотношении животноводства и охоты в хозяйстве неолитических обитателей Пруто-Днестровского междуречья. Судя по данным, приведенным в работах А. И. Давида и В. И. Маркевича [40; 104, с. 148—149, табл. 7], на поселениях всех фаз буго-днестровской культуры в Среднем Поднестровье найдены остатки 120 особей крупных промысловых животных: тур или зубр, лошадь, лось, олень, кабан, косуля, медведь. Сельскохозяйственные животные представлены быком и свиньей (соответственно 19 и 28 особей). Та-

ким образом, на долю крупных диких животных приходится в целом 72 % всех особей, и они давали в 1,5 раза больше мяса, чем домашние. Если же принять во внимание фаунистический материал лишь двух поздних фаз БДК, правомерным будет вывод о том, что к концу развития этой культуры охота и животноводство имели равное экономическое значение [104, с. 147]. Подчеркнем полное отсутствие мелкого рогатого скота в стаде БДК.

Что же касается КЛЛК в этом регионе, то нельзя с уверенностью судить о роли животноводства в хозяйстве ее носителей. На основании единственной более или менее крупной остеологической коллекции (нижний слой поселения Флорешты) можно предположить, что домашние и дикие животные представлены здесь примерно равным числом особей [178, с. 267].

С переходом Юго-Восточной Европы к энеолиту животноводство сохраняет свои региональные традиции. Так, остается прежним соотношение между животноводством и охотой на севере Балканского п-ова: в Северо-Восточной Болгарии ранне- и среднеэнеолитические слои теллей Голямо-Делчево и Овчарово (культуры Сава и Поляница) дают более 60 % домашних животных при их доминирующем «мясном» значении; на северо-западе в это время важной отраслью хозяйства является охота: около 50 % дикой фауны на поселениях Градешница и Бреница-Лыката [73, с. 282, табл. 2, 30].

В Подунавье (Мунтения) на поздних фазах культуры Боян заметно преобладают домашние животные. В частности, в фаунистической коллекции из Радовану (переход от Бояна к Гумельнице) их остатки составляют 73 % особей [298; 229, с. 58—60].

В соседних районах Добруджи, судя по материалам нижних горизонтов поселения Лункавица [234, с. 13], фиксируется такая же ситуация.

Большой фаунистический материал поселений Лопацика, Вулканешты, Болград, Озерное указывает на ограниченное значение охоты в хозяйстве энеолитического населения низовьев Дуная, оставившего памятники типа

Болград — Алдень (дикие животные составляют менее 20 % всех особей). Судя по большому количеству мелкого рогатого скота (около 40 % сельскохозяйственных животных), овцеводство здесь становится ведущей отраслью [178, с. 241, с. 272].

Севернее, в Карпатском бассейне, у носителей культуры Лендьел сохраняется, по заключению Ш. Бекони, неолитический способ животноводства: домашние животные составляют немногим более 50 % особей, причем основой стада остается бык при незначительном количестве мелкого рогатого скота [215, с. 31, 59—60]. Говоря о составе сельскохозяйственных животных и важной роли охоты в экономике местного населения, он отмечает сходство в этом плане культур Тиса, Херпай, Лендьел и раннего Триполья [215, с. 64, 95].

Наиболее ранние прекукутенские поселения в прикарпатской части Молдовы по соотношению домашней и дикой фауны (заметное преобладание первой) схожи с неоэнеолитическими памятниками северо-востока Балкан, Добруджи, Олтении, Мунтении. Напомним, что в Тырпешти домашние животные составляют более 86 % особей. Количественное и хозяйственное их доминирование сохраняется в этом районе и на последующих фазах развития культуры, как показывают, в частности, материалы Тырпешти (табл. 5, 2). В более восточных районах удельный вес охоты в хозяйстве ранних трипольцев был значительнее, но как источник пищи она не могла стать вровень с животноводством и тем более превзойти его.

По сравнению с Траяном-Дялул Вией на раннетрипольских поселениях между Прутом и Южным Бугом несколько меняется состав домашних животных: постоянно растет поголовье свиней и уменьшается количество мелкого рогатого скота (табл. 5, 1). Лишь материалы сравнительно поздних поселений (Лука-Врублевская, Берново, Солончаны I и др.) вновь указывают на рост овцеводства.

Определенная специфика животноводства и охоты у ранних трипольцев

не могла быть обусловлена традициями буго-днестровского неолита с его низким уровнем производящего хозяйства и еще не сформировавшимся полностью составом стада. Прежде всего, она является следствием относительной подвижности населения, осваивающего новые территории и приспособляющегося к местным природным условиям.

Таким образом, земледелие и скотоводство раннего энеолита междуречья Прута и Южного Буга уходят своими корнями в неоэнеолит северных районов Балканского п-ова, Подунавья и Карпатского бассейна. В конце V — начале IV тыс. до н. э. перенесенные в новую экологическую обстановку и адаптируясь к ней, они стали неотъемлемой и основной частью хозяйственной системы складывающегося трипольского общества.

2. Домашние промыслы и ремесла

Вторая сторона хозяйственной деятельности обитателей раннетрипольских поселений, связанная с производством орудий труда и предметов быта, пока может быть освещена лишь в общих чертах.

Важное место в повседневных занятиях трипольцев занимала обработка кремня, следы которой в виде нуклеусов, отбойников, заготовок-пластин, готовых орудий и отходов производства (обломки, отщепы, сколы) зафиксированы в каждом жилище раннетрипольских поселений. Часто исследователям удается четко локализовать производственные комплексы, связанные с обработкой кремня. Так, на небольшом участке близ очага в центральной части жилища 3 на поселении Лука-Врублевская сосредоточено множество отщепов, осколков, мелких чешуек кремня; здесь же найдены нуклеусы и готовые орудия [14, с. 39]. Такая же картина отмечена в жилище 3 (верхний горизонт) Бернашевского поселения [63, с. 24, 27] и в других пунктах. Как уже отмечалось, в ряде случаев обнаружены специализированные площадки по обработке кремня, расположенные

впритык к жилищу, но за его пределами. В частности, в Бернашевке к северу от наземного жилища 4 отмечена повышенная концентрация кремня, при которой одних только нуклеусов найдено от 10 до 20 экз. на каждый квадрат раскопочной сетки (4 м²). Всего же в жилище и рядом с ним обнаружено 1150 кремневых изделий. Такое же рабочее место открыто за восточным краем площадки 5 в Бернашевке; список их можно продолжить.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что на раннетрипольских поселениях кремнеобрабатывающее производство было децентрализованным, связанным с каждым жилищем. Это относится и к обработке камня, дерева, кости и рога, шкур и кожи — промыслам, игравшим важную роль в занятиях трипольцев. Судя по материалам Сабатиновки II, четвертая часть всех орудий служила для обработки дерева, кости и рога; такое же количество инструментов использовалось в кожевенном деле [83, с. 24].

По-иному было организовано керамическое производство. Сам характер этого производства, состоящего из ряда последовательных трудоемких операций (подготовка гончарной глины, изготовление и сушка посуды, длительный обжиг с поддержанием в печи высокой температуры), требует больших затрат времени и подразумевает наличие у людей, с ним связанных, особого умения, специальных навыков, практического опыта. Высоким профессионализмом отмечена, в частности, керамика 3-й группы с ее сложным и вычурным выемчатым орнаментом, нанесение которого требовало мастерства и художественного вкуса.

Таким образом, есть основания полагать, что производство керамики на раннетрипольских поселениях было сосредоточено в руках отдельных лиц или семей, специализирующихся именно в этой отрасли хозяйственной деятельности. Видимо, такой семье принадлежало жилище 1 в Луке-Врублевской, в котором обнаружены остатки горна для обжига посуды, единственного пока на раннетрипольских поселениях.

Горн занимал западную часть полуземлянки и вырезан в плотном суглинке. Он подковообразный в плане (длина 2,4 м, ширина до 1,6 м), с широким и невысоким устьем и плоским или купольным сводом, вылепленным на каркасе из жердей. В центре нижнего яруса (топочное пространство) находится опорный столб — «целик», поддерживающий плоскую глиняную плиту, служившую полом верхнего яруса (обжигательной камеры). Плита толщиной 6—7 см имела отверстия диаметром 3—4 см для прохождения горячего воздуха. Стенки горна основательно прокалены, что свидетельствует о его длительном использовании [14, с. 21, 127, рис. 5].

Примечательно, что горн находился в обыкновенной землянке, содержащей те же культурные остатки, что и остальные углубленные жилища Луки-Врублевской. Особое значение горна в жизни обитателей жилища 1 подчеркнуто находящимся рядом с его устьем культовым захоронением двух черепов собак в неглубокой ямке, перекрытой сильно обожженной глиняной плиткой [14, с. 22—23]. С. Н. Бибиков справедливо полагает, что локализация жилища с обжигательной печью на самом краю поселения обусловлена мерами предосторожности против возможного пожара.

Гончарный горн из Луки-Врублевской является достаточно сложным теплотехническим оборудованием, сооруженным по тому же конструктивному принципу (расположение топочной и обжигательной камер по вертикали и соединение их при помощи системы сквозных отверстий-продухов), что и древнейшие горны ближневосточных культур Хассуна и Халаф [125, с. 75—76, 179—181, 191], а также некоторые неолитические горны Закавказья [124, с. 136].

Для сравнения можно привести неплохо сохранившуюся обжигательную печь, обнаруженную на краю поселения культуры Дудешти-Вичча (средний неолит) в Леу (Олтения). Она состоит из двух углубленных в землю камер (топочной и обжигательной), соединенных широким каналом [304,

с. 38, 62, рис. 4; 23]. Столь же просты по конструкции гончарные печи неолитических памятников Средней Азии (культура Анау); лишь в начале эпохи бронзы (период Намазга IV), т. е. во второй половине III тыс. до н. э., здесь появляются двухъярусные горны [150, с. 79—89].

Итак, не будет преувеличением вывод о том, что специализация в гончарном производстве раннего этапа трипольской культуры основывалась на прочной технической базе.

Археологические источники не дают пока ясного представления о металлообработке в раннем Триполье. Исследованиями Н. В. Рындиной установлено, что все медные предметы, найденные на раннетрипольских поселениях (в первую очередь входящие в состав Карбунского клада), изготовлены с помощью различных кузнечных операций, причем даже самые простые из них требовали определенных навыков и опыта. Так, по заключению Н. В. Рындиной, небольшое шильце из Окопов — наиболее раннее медное изделие трипольской культуры — отформовано холодной ковкой, сопровождающейся промежуточными отжигами металла. Отжиги велись при повышенных температурах (700—800°) и сопровождались тщательным контролем со стороны металлурга. Только при условии такого контроля и использования древесно-угольных засыпок можно было предотвратить окисление металла и добиться низких концентраций в нем кислорода. Древние металлурги владели многими видами свободной кузнечнойковки (вытяжка, плющение, изгиб, рубка, пробивка отверстий в металле и т. д.), а также кузнечной сваркой, термической обработкой, обточкой, шлифовкой, полировкой, но еще не были знакомы с литьем металла [146, с. 83—84].

Высокий уровень технологии кузнечного дела, присущий раннетрипольскому металлу, привел Н. В. Рындины к неоспоримому выводу о выделении уже в это время металлообработки в самостоятельную производственную отрасль и появления кузнецов-профессионалов [146, с. 98]. Однако нельзя с уверен-

ностью сказать, что эти мастера работали на раннетрипольских поселениях. Ни на одном из них не найдены однозначные свидетельства местной металлообработки, прежде всего — соответствующий инструмент. Вряд ли является таковым сланцевый шестигранный молот (рис. 39, 5) из Луки-Врублевецкой, на который ссылается Н. В. Рындина: на его гладкой поверхности нет никаких следов работы по металлу. Нет следов меди и на каменных плитах — «рудодробилках», выявленных Н. Н. Скакуи в Александровке [154]. Небольшое количество заготовок (обычно в виде медных прутиков), найденных в Луке-Врублевецкой и Тырпешти, также не является веским доказательством изготовления медных изделий на этих поселениях: металл ценился даже в виде обломков или заготовок, входивших, например, в состав Карбунского клада [153, с. 138—139, рис. 3, 1].

Отмечая, что раннетрипольские медные изделия выполнены из привозного металла и имеют близкие аналогии в Балкано-Карпатских центрах, Н. В. Рындина все-таки подчеркивает их местное производство [146, с. 89, 93]. Она, как С. Н. Бибииков [18, с. 5] и С. С. Березанская [13, с. 244—245], считает более вероятным импорт в раннетрипольский ареал готовых медных изделий. Сейчас, когда благодаря работам Н. В. Рындиной [148] вскрыт древнейший пласт кузнечной металлообработки на Балканах и, очевидно, во всем Балкано-Карпатском регионе, этот вывод получает дополнительную аргументацию. Несколько позднее в состав импортного металла входили уже первые литые предметы из меди [58; 146, с. 117, 123].

Таким образом, тезис о существовании на раннем этапе Триполья мастерских по обработке металла, объединенных тесными производственными контактами, причем каждая мастерская могла обслуживать группу поселков [146, с. 86—87, 98], нуждается в дальнейшем развитии и обосновании.

Если основные занятия, связанные с получением продуктов питания, и, очевидно, домостроительство осуществлялись коллективно и регламентированы

лись общиной, то многими изделиями каждая семья обеспечивала себя в рамках домашних промыслов или производства. Таким традиционным домашним промыслам, как производство кремневых орудий, инструментов и бытовых поделок из камня, кости и рога, способствовало обилие легкодоступного сырья: открытые выходы кремня, сланца, известняков в долине Днестра. С другой стороны, это обстоятельство приводило к определенному застою в развитии домашних промыслов, не стимулировало поиски в области техники и технологии.

В то же время среди обитателей раннетрипольских поселков, благодаря своим способностям и опыту, выделялись отдельные мастера, преуспевающие в том или ином виде домашних промыслов и специализирующиеся на производстве какого-то определенного вида продукции. Такой мастер-костерез жил, в частности, на поселении Флорешты, где в землянке № 10 у очага обнаружены костяные шилья, долота, лоцила, штамп-орнаментир, роговые мотыги, кости со следами среза, костяные пластинки-заготовки для изготовления стилизованных фигурок-амулетов и, наконец, девять законченных амулетов [132]. находка 34 антропоморфных статуэток на небольшом участке в Тырпешти позволила С. Маринеску-Былку предположить, что здесь находилась мастерская по их изготовлению [287, с. 26].

Искусным мастерам община доверяет изготовление определенных видов продукции. Это становится их основным делом, ремеслом. Обычно специалисты-ремесленники заняты в видах производства, требующих сложной техники и технологии — гончарном деле, металлургии и металлообработке и т. д. [254]. Будучи освобождены от сельскохозяйственного труда, они, тем не менее, тесно связаны с общиной, получая от нее свою долю общественного продукта.

Ранняя стадия ремесленной специализации, которую многие исследователи, вслед за С. Н. Бибиковым [18, с. 5], называют «общинным ремеслом» [110, с. 58—72], фиксируется для раз-

ных культур неолита и медного века. Являясь устойчивой и консервативной формой общественно-экономических отношений, при которых ремесленники подчинены земледельцам и зависят от них, общинное ремесло сохраняется и в наши дни во многих странах Востока [76].

Следует отметить замкнутый характер производства в период раннего Триполья: каждый поселок обеспечивал себя всем необходимым, не обмениваясь продуктами своего труда и сырьем с жителями других поселений. Показательно, что на раннетрипольских памятниках Побужья практически не встречается высококачественный днестровский кремень, хотя местный галечниковый кремень как исходное сырье оставил желать лучшего. Не являлась предметом межобщинного обмена и керамика, имеющая на каждом поселении свои этнографические особенности.

Экономическая обособленность поселков указывает на низкий уровень специализации общинного ремесла в раннем Триполье.

На последующих этапах развития культуры (по мере накопления производственного опыта, совершенствования технической базы и внедрения более прогрессивных технологий) увеличивается объем и качество продукции общинных ремесленников. В ряде случаев она становится предметом обмена между данной общиной и жителями соседних и более отдаленных трипольских поселков. На обмен, очевидно, работали кремнеобрабатывающие мастерские Поливанова Яра I [141, с. 13]. К этому же времени (начало позднего Триполья) относится мощный гончарный центр на поселении Жванец [122], знаменующий уровень развития общинного ремесла, когда в качестве ремесленника-производителя выступает весь поселок, снабжающий своей продукцией соседей. «...Развитие продуктов в товары возникает, — по замечанию К. Маркса, — вследствие обмена между различными общинами, а не между членами одной и той же общины» [2, с. 194].

Таким образом, общинное ремесло, отмененное уже на раннем этапе трипольской культуры, эволюционирует, приобретая новые формы по мере усложнения социо-экономической структуры Триполья.

3. Социальная характеристика раннего Триполья

Отсутствие могильников и ограниченное количество полностью изученных поселений позволяют лишь в самых общих чертах осветить социальное устройство раннетрипольского общества. Согласно традиционной точке зрения, отраженной в ряде обобщающих работ [19, с. 165; 56, с. 75], каждое раннетрипольское поселение принадлежало роду, состоящему из больших патриархальных семей, разделенных на парные семьи. По-видимому, этот вывод нуждается в уточнении применительно к каждому конкретному поселению с учетом количества и размеров его жилищ и возможного числа жителей.

Рассмотрим в этом плане углубленные жилища, детально охарактеризованные во II главе. Обычно они состоят из одного жилого помещения (в двойных «восьмеркообразных» землянках одно помещение жилое, второе — хозяйственное), включающего также различные ямы, ниши и т. д. Свободная от них площадь пола землянки такова, что может обеспечить минимальное жилое пространство лишь для четырех-пяти человек, т. е. для малой (парной) семьи. Бытовая и производственная деятельность последней была сосредоточена вокруг очага, находящегося обычно в центре жилища. Таким образом, небольшой поселок (Тростянец, нижний горизонт Ленковцев и др.), состоящий из семи — десяти углубленных жилищ площадью от 10 до 20 м² (в верхней части!), мог принадлежать нескольким малым семьям. Связанные родственными и хозяйственными узами, они, очевидно, входили в состав больших патриархальных семей, не живущих под одной крышей. Количество жителей такого поселка могло достигать полусотни. К этим по-

селениям близка и Лука-Врублевская, но здесь, как уже упоминалось, кроме шести землянок обычного типа, открыто узкое коридорообразное углубленное жилище длиной до 45 м. Трехчастное членение жилища 3, как будто указывает на количество обитавших здесь семей [14, с. 36]; наличие в землянке 11 очагов объясняется ее размерами и конструкцией. Итак, в Луке-Врублевской археологически зафиксировано наличие по крайней мере одной большой семьи; родственные связи составляющих ее трех парных семей подчеркнуты проживанием в одном доме.

Весьма близкую картину наблюдаем и на поселениях с наземными жилищами-площадками, хотя глинобитная архитектура значительно расширяет возможности увеличения жилой площади домов. Для четырех из шести раскопанных жилищ Бернашевки эта площадь составляет 25—35 м². Если учесть, что здесь отсутствуют следы внутреннего членения и найдено не более одного очага, будет правомерно связывать такую постройку с парной семьей, состоящей в среднем из пяти человек. Два дома в Бернашевке имеют более крупные размеры: около 100 (жилище 3) и 150 м² (жилище 2), причем во втором узкий коридор отделяет западную треть жилища [63, с. 58]. Возможно, в них под одной крышей жили две-три парные семьи.

Этот вывод применим и к площадке 2 в Ленковцах (140 м²), где зафиксировано три очага; остальные наземные жилища Ленковцев площадью около 40 м², очевидно, принадлежали парным семьям.

На полностью раскопанном прекукутеньском поселении Тырпешти площадь четырех наземных жилищ колебалась в пределах 12—20 м², трех — 30—35 м², двух — 50—55 м². В постройках отсутствуют следы внутреннего членения и зафиксировано не более одного очага. Это же относится и к единственной сравнительно крупной (77 м²) постройке Тырпешти [287, с. 48, рис. 37]. Очевидно, и на этом поселении многие (если не все) жилища связаны с парными семьями.

Таким образом, уже на раннем этапе Триполья парная (малая) семья фиксируется как важная хозяйственная и социальная ячейка. На ряде раннетрипольских поселений прослеживается тенденция к проживанию нескольких родственных парных семей под одной крышей, т. е. к объединению членов большой патриархальной семьи. Возможно, об этом же говорят отдельные случаи размещения жилищ тесными группами по две-три постройки в каждой [282, с. 36].

На последующем этапе развития и вплоть до начала позднего Триполья заметна дальнейшая консолидация большой семьи, что подтверждается укрупнением жилищ в разных частях ареала трипольской культуры. Классическим примером служит жилище 2 поселения Коломыйщина II площадью около 180 м², состоящее из пяти смежных камер с очагами. Т. С. Пассек пишет о постепенном увеличении площади жилища путем новых пристроек по мере разрастания населявшего его коллектива [128, с. 57—66]. Лишь в начале позднего Триполья намечается, а затем и становится вполне очевидной тенденция к дроблению большесемейных общин, что находит конкретное отражение в доминировании на поселениях небольших (в среднем 30 м²) однокамерных жилищ с одним очагом.

Отмеченные выше изменения в структуре поселков, вероятно, свойственны многим энеолитическим культурам. Во всяком случае, для раннего и развитого этапов культуры Анау (юг Туркмении) характерны, как отмечает В. М. Массон, небольшие однокомнатные дома, берущие свое начало еще в неолитическом Джейтуне. Каждый из таких домов был местом обитания парной семьи. В начале позднего энеолита их повсеместно сменили крупные многокомнатные постройки-блоки, рассчитанные на объединение из нескольких малых семей — большесемейную общину [108, с. 311—327; 110, с. 118—120].

Характеризуя раннетрипольские поселения, мы писали о том, что в большинстве своем они состоят из семи—десяти жилищ; принимая во внимание размеры и характер последних, оцени-

ваем (конечно, весьма приближенно) среднее число их жителей в 50—70 человек. На наиболее крупных поселениях могло проживать до 100 человек. Поселок заселяла община, состоящая из нескольких кровнородственных семей, иногда объединенных в одном жилище и ведущих совместное хозяйство (большая семья). В некоторых случаях поселок мог принадлежать патронимии — части рода, состоящей из нескольких большесемейных общин. Наконец, наиболее крупные поселки, очевидно, следует связывать с родовой общиной. В связи со сказанным уместно привести мнение этнографов о том, что «основной экономической ячейкой развитого первобытного общества... можно считать локализованную часть рода, образовавшую экономический костяк, а вместе с тем и основную массу численного состава родовой общины» [26, с. 185].

Сходная интерпретация дается и поселениям близких по времени и территории энеолитических культур. Так, Х. Тодорова пишет об энеолитических (без уточнения того, к какой фазе энеолита они относятся) общинно-родовых поселениях, состоящих в основном из 8—12 домов, в которых проживало около 100 человек. На территории Болгарии в это время известны и очень маленькие (четыре — шесть жилищ), и очень крупные поселки [170, с. 62]. Аналогичные данные получены и для некоторых неолитических и энеолитических культур на территории Польши [295].

Заслуживает внимания попытка демографического анализа трипольских поселений (в том числе и раннего периода), предпринятая В. М. Массоном и В. И. Маркевичем на материалах северных районов Молдавии [113; 111]. Исходным пунктом исследования явилось определение площади поселения по разбросу подъемного материала. К небольшим поселкам отнесены те, площадь которых составляла от 0,3 до 4 га, причем отмечалось, что среди раннетрипольских памятников на долю небольших поселений приходилось 90%. В. М. Массон полагает, что на таком поселении могло жить 400—

480 человек, т. е. примерно 80 семей [111, с. 204—207].

Необходимо заметить, что лишь данные о количестве домов на поселении могут служить реальной основой для демографических расчетов. Судя по сведениям, приведенным в «Археологической карте МССР» [103], 60 % раннетрипольских поселений занимают площадь меньше 1 га, т. е. количество жилищ на них вряд ли превышает 10. Как отмечалось, максимальное число жителей такого поселка могло достигать сотни. Нуждается в проверке и дополнительной аргументации вывод о иерархическом соподчинении мелких, средних и крупных раннетрипольских поселков, расположенных в одном микрорайоне [111, с. 209], так как прежде всего необходимо установить одновременность этих поселков.

Археологически трудно проследить более крупные социальные ячейки раннетрипольского общества. Можно предположить, что несколько общин составляли экзогамный род, наряду с другими родами входящий в состав племени. Последнее, обладая определенной территорией, регулировало ее освоение по мере роста общин, их сегментации и создания новых поселений. Наконец, обладая потестарной функцией (функцией власти) [36, с. 59, 81—82; 90, с. 139—140], племя, вероятно, определяло формы и порядок переселения на новые земли. В ареале раннего Триполья, по-видимому, обитало несколько родственных племен, образующих соплеменность — основную, по мнению многих этнографов, форму этнической общности первобытной эпохи [90, с. 139].

В заключение отметим, что материалы раннетрипольских поселений не содержат данных о социальном расслоении общества. Попытка интерпретировать в этом плане Карбунский клад [153, с. 151] не может быть признана удачной, так как клад найден не при погребении. Материалы поселений и могильников родственных культур (Бояк, Лендьел) также свидетельствуют об отсутствии социально-имущественной дифференциации в раннеэнеолитическом обществе Юго-Восточной Европы.

4. Мировоззрение ранних трипольцев

Глубокое проникновение в духовный мир носителей трипольской культуры возможно, как показали исследования С. Н. Бибикова [14] и Б. А. Рыбакова [143; 144], лишь в общем контексте идеологических представлений древних земледельцев, малой частью которых являются трипольские племена, и с привлечением в ретроспективных целях данных этнографии по более поздним земледельческим народам. При большом объеме сравнительного материала это возможно лишь в рамках специальной работы. В настоящем разделе мы ограничимся рассмотрением некоторых аспектов идеологии древних земледельцев, отраженных в материалах, раннетрипольских поселений.

Трудами многих поколений исследователей установлен мифопоэтический характер мировоззрения первобытного человека, обусловленный его неумением отчленить себя от окружающей природы. Мифологическое сознание синкретично, отражая единство субъективного и объективного [114, с. 163—276; 172]. Поэтому мироощущение человека в древности было теснейшим образом связано с его производственной деятельностью. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Производство идей, представлений, сознания ... непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни» [3, с. 24].

Сознание первых земледельцев, полностью зависящих от сил природы, было направлено на обеспечение максимального благоприятствования со стороны этих сил, ассоциированных с определенными мифическими персонажами-божествами. Этой цели можно было достичь с помощью обрядовой магии, сопровождающейся изложением событий мифа. По определению И. М. Дьяконова, обряд или ритуал, имеющий своей целью воздействие на божество путем выражения ему почтения и совершаемый всей общиной во главе с жрецом в традиционных устойчивых формах, может быть обозначен как культ. Первобытный человек

был убежден в том, что миф и обряд не менее важны, чем его практические действия [51, с. 50—51].

Стержнем древнеземледельческой идеологии, присущей ранним трипольцам, являлся культ плодородия с его сложными ритуалами и символикой. Идея плодоносящей силы природы воплощалась в образе женщины, матери-родительницы. Связать этот образ с конкретными культовыми церемониями должны были многочисленные глиняные женские статуэтки, которым отводилась многоплановая роль. По мнению С. Н. Бибикова, они символизировали родоначальниц, хранительниц домашнего очага, служили амулетами-оберегами, вызывали женскую плодovitость и т. д. [14, с. 258—259]. Считает эти статуэтки полисемантическими и Б. А. Рыбаков, усматривая в них божество плодородия, жриц этого божества, участниц аграрно-магических церемоний, покровительниц различных природных явлений, способствующих урожаю [144, с. 166]. Рассматривая статуэтки прекукутеньских поселений, С. Магинеску-Былку трактует их как воплощение образа богини плодородия, плодovitости [284, с. 431—433].

Тесные семантические связи существовали между представлениями о плодотворной силе женщины и плодородии земли. Наиболее ярким доказательством наличия таких связей в представлении раннетрипольских земледельцев служат зерна злаковых (пшеницы и ячменя), обнаруженные С. Н. Бибиковым в глине статуэток из Луки-Врублевской. Кроме них, в глину добавляли также муку, а на некоторых фигурках этого поселения имеется орнамент в виде оттисков зерен. Отпечатки зерновок проса зафиксированы на статуэтках Бернашевки. Идею связи земли и женщины передают изображения деревьев в нижней части живота нескольких фигурок из Сабатиновки II [98, с. 296, рис. 4, 13, 14]. На материалах антропоморфной пластики древних земледельцев Передней и Средней Азии Е. В. Антонова сделала вывод о том, что они наделяли землю свойствами женщины [5, с. 110—111, 115].

В непосредственной связи с рассмотренными выше идеями находится еще один сюжет — рельефное изображение на сосудах женской груди в виде двух или четырех конических налетов-бугорков; в ряде случаев изображение выполнено реалистически. Грудь, источающая молоко, могла способствовать наполнению сосуда пищей. По мнению Б. А. Рыбакова, конические налеты изображают в стилизованной форме грудь богини неба и земли, Великой Матери всего сущего [143, с. 33—35]. Возможно, такую же трактовку должны иметь изображения человеческого лица, прочерченные на стенках или выполненные рельефом на стенках и ручках сосудов многих раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы. А. Ласло, собравший такие изображения на сосудах с территории Румынии, полагал, что с ними связана земледельческая магия [276].

Существенную роль в культе плодородия играл бык, воспринимавшийся древними земледельцами как мужское начало. Среди зооморфной пластики фигурки быка в количественном отношении преобладают, что, очевидно, отражает его значение как важного сельскохозяйственного животного. Культ быка, столь ярко представленный в материалах Чатал-Хююка, в процессе неолитизации Европы был заимствован ранними земледельцами — носителями культур Криш — Старчево-Караново I, у которых встречаются глиняные изображения быков длиной до 30 см [273]. Позднее они широко представлены в культуре Винча, где известны массивные рельефные букрании из глины (Винча, Кормадин). Культ быка в европейских культурах эпохи неолита и энеолита свойствен полисемантикам — связь с астральными культурами, культом мертвых и др. Эти же черты характерны для культа быка у ранних земледельцев Средней Азии [177].

В культуре раннее Триполье — Прекукутени культ быка тесно переплетается с культом женщины, ярким примером чего служат «рогатые» креслица (протомы быков) с восседающими на них глиняными женскими фигурками [98, с. 295; 106]. Из Бернашевки про-

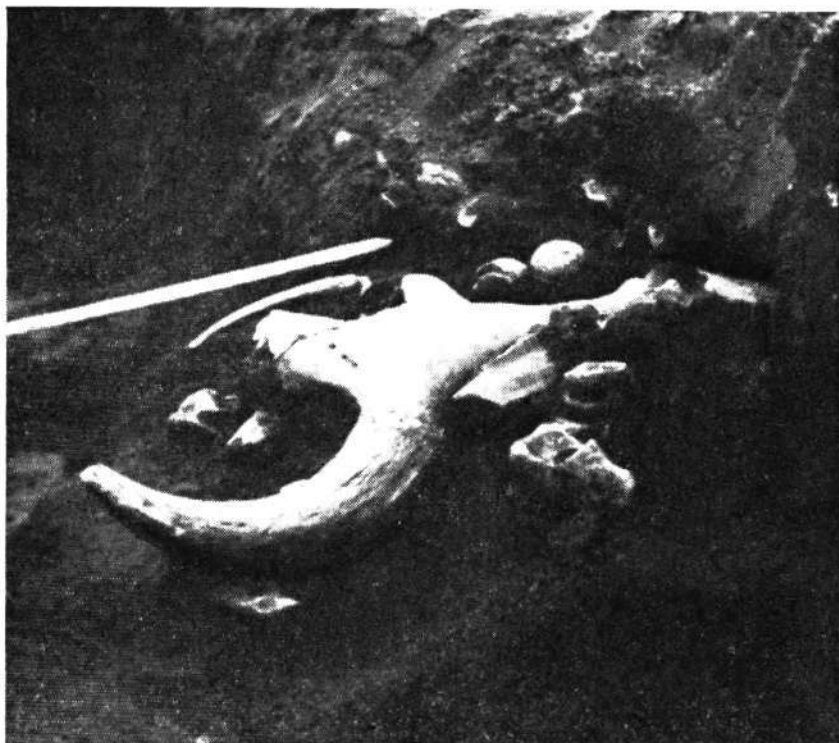

Рис. 83. Поселение Бернашевка. Череп быка под глинобитной площадкой жилища 4

исходит уже упоминавшаяся фигурка быка с корытообразным углублением на спине (рис. 77, 1); возможно, туда помещалась женская фигурка во время культовых церемоний.

Наконец, на важную культовую роль быка указывают многие случаи захоронения его черепа или рогов в раннетрипольских жилищах. Во Флорештах, в землянке 12 обломок черепа быка найден в слое пепла и углей рядом с фрагментами фруктошницы [431, с. 197]. В жилище 2 Бернашевки непосредственно под глиной пола неподалеку друг от друга лежали два черепа быка рядом с фруктошницей. Череп и кости тура вместе с большими рогами оленя обнаружены на западном и восточном краях жилища 4 под глинобитным полом (рис. 83). Рога быков и туров выявлены под полом остальных жилищ Бернашевки. Голова тура с большими рогами находилась в верхней части очажной ямы легкого наземного жилища в Окопах. Черепа быков

найжены в землянке на поселении Сабатиновка II (рис. 12) и жилище 5 Луки-Врублевецкой [14, с. 57]. Известны случаи захоронения в жилищах с культовой целью черепов других животных: череп овцы в жилище 5 Бернашевского поселения.

Несколько иное значение имели захоронения в жилищах черепов собак, выполнявших, очевидно, охранные функции; в частности, черепа двух собак, обнаруженные в землянке 1 Луки-Врублевецкой, возможно, были, как уже отмечалось, апотропеями по отношению к имеющемуся здесь гончарному горну. Традиция культового захоронения черепов собак сохраняется и на последующих этапах развития Триполья (Солончены II, Гребени) вплоть до позднейшего (Маяки). Такие захоронения вполне обычны и для других раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы [290].

Трудно восстановить обрядовые действия и ритуалы, связанные с отправлением культа (или культов) плодородия. Прибегнув к этнографическим параллелям, С. Н. Бибилов обрисовал

вполне убедительно общую картину земледельческих зимне-весенних праздников, для которых изготовлялись глиняные женские статуэтки, используемые в обрядах, посвященных солнцу и воскресающей растительности [14, с. 252—258]. Кроме того, по-видимому, имели место каждодневные или периодически повторяющиеся обряды, связанные с небольшими домашними алтарями в виде столиков или других сооружений, модельки которых иногда встречаются в жилищах культуры раннее Триполье — Прекукутени и других раннеэнеолитических культур.

Широко известен и неоднократно воспроизводится в разных изданиях домашний алтарь, реконструированный М. Л. Макаревичем на основании проведенных им раскопок жилища 3 в Сабатиновке II [98, с. 291, рис. 1]. У северной стенки жилища находилась печь, рядом с которой найден обильный инвентарь, в том числе пять зернотерок; возле каждой из последних обнаружена женская статуэтка. К западной стенке примыкал помост высотой до 0,5 м, сложенный из четырех-пяти пластов обожженной глины; на нем найдены 16 статуэток и «рогатые» креслица. С севера к помосту-алтарю примыкало большое глиняное сиденье на деревянном каркасе, имеющее широкую спинку с двумя боковыми выступами-рогами (рис. 84). М. Л. Макаревич полагает, что в кресле мог сидеть человек во время совершения культового обряда.

Домашние алтари или святилища известны и на других трипольских памятниках разных этапов, а также на поселениях близких культур. Здесь можно упомянуть площадку 4 поселения у Березовской ГЭС (этап В/1), где на небольшом участке обнаружены глиняное четырехкамерное сооружение размерами 0,8×0,7 м, жертвенный столик, сосуды с антропоморфными и солярными изображениями [184].

По-видимому, на поселениях неолитических и ранних энеолитических земледельческих культур Юго-Восточной Европы отправление культа было связано в основном с домашними святилищами. Такую же картину исследовате-

ли фиксируют и в Месопотамии, где до V тыс. до н. э. почти нет специализированных культовых построек-храмов [307]. Однако уже в раннем Триполье появляются единичные модельки крупных построек, традиционно называемых алтарями, но, очевидно, являющихся специализированными культовыми зданиями. Уменьшенной копией такого здания могла быть описанная в III главе модель из Окопов (рис. 78), сакральный смысл которой подчеркивается орнаментом. О возможном интерьере таких храмов и связанных с ними обрядах в какой-то степени можно судить по удивительно интересному набору ярко выраженных культовых предметов (миниатюрные алтари, такие же столики и кресла, сосудики, четыре статуэтки женщин-адорантов, миниатюрные глиняные копии барабанов цилиндрической формы), найденных в жилище позднеэнеолитического поселения — телля Овчарово. Реконструированная Х. Тодоровой сценка изображает, по ее мнению, отправление солярного культа женщинами-жрицами [170, с. 56—57, табл. 65]. Модельки храмов встречены и в других раннеземледельческих культурах Юго-Восточной Европы [271].

Какую-то деталь ритуального действия воспроизводят раннетрипольские сосуды-фруктовницы, поддон которых оформлен в виде нескольких стилизованных женских фигур, образующих замкнутый круг-хоровод. По предположению С. Н. Бибикова эти сосуды служили для разжигания огня в дни культовых празднеств [14, с. 140]. Б. А. Рыбаков усматривал в них мифологический сюжет, связанный с вознесением чаши с водой. В целом весь обряд был направлен к каким-то небесным существам [144, с. 183]. Наконец, С. Маринеску-Былку, рассматривая сосуды с раннетрипольско-прекукутенскими «кариатидами», интерпретирует их в космологическом аспекте и как отражение ритуального танца в честь хтонических божеств [283]. Для вывода о связи рассматриваемых изображений с божествами подземного мира нет никаких оснований, но сама идея ритуального танца, связанная, возможно,

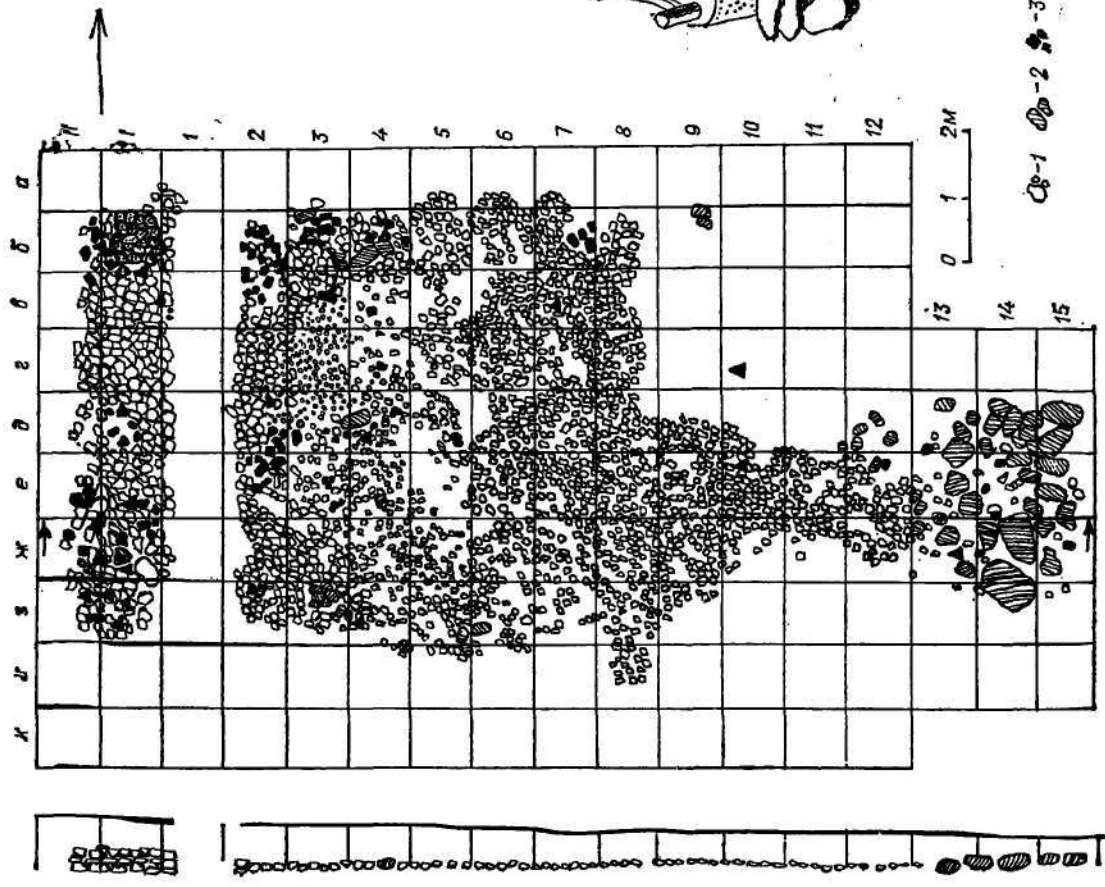

Рис. 84. Поселение Сабатиновка II. План и реконструкция площадки 3 (по М. Л. Макаревичу):
 1 — глина; 2 — камни; 3 — керамина; 4 — печь; 5 — статуэтки; 6 — остатки глиняного кресла

с какими-то жертвоприношениями, представляется правильной.

В заключение следует остановиться на некоторых орнаментальных мотивах и сюжетах раннетрипольской керамики. Наиболее четко и доступно отражает символику, связанную с культом плодородия, керамика 1-й группы, непосредственно употреблявшаяся для варки пищи и хранения припасов. Это относится к стилизованному узору в виде зацепов, поставленных тесно под углом один к другому и символизирующих хлебные колосья. Встречаются образцы очень умелой имитации отдельно расположенных колосьев (рис. 53, 7).

Иногда на стенках и днищах сосудов (реже — на крышках) встречаются солнечные знаки — крест, окружность с крестом, — связанные с астральной символикой (рис. 45, 13).

Весьма интересен неоднократно упоминавшийся орнаментально-смысловой сюжет, родившийся в местной прекукутенско-трипольской среде и характерный лишь для нее. Уже на посуде Траяна-Дялул Вией появляется врезанное и состоящее из нескольких линий спиральное изображение змея с головой в виде двух-трех коротких рогулек. Любопытно, что с помощью одной такой рогульки передана голова схематизированной фигурки, также изображенной на стенке одного из сосудов Траяна-Дялул Вией [282, рис. 37, 8, 13, 16].

На посуде памятников типа Ларга-Жижия — Флорешты — Бернашевка иногда еще встречается изображение змея, выполненное в прежней манере (рис. 71, 3); изредка голова его бывает передана тремя — пятью короткими вертикальными нарезками-черточками на конце спирали (рис. 71, 8). Однако в целом образ этого персонажа каких-то мифологических повествований уже сложился. Трипольские художники изображали на сосудах длинное лентообразное тело, образующее несколько завитков спирали (на горшках) или изогнувшееся в виде латинской буквы S. Полукруглая голова с двумя острыми оттянутыми выступами-рогами венчает тело; врезанными кругами с точ-

кой-вмятиной в центре переданы глаза (рис. 71, 1, 2, 4—7, 9). Ряд изображений имеют подтреугольные или трапециевидные выступы-крылья (рис. 71, 8), что позволяет рассматривать их в качестве летающего змея (дракона). Часто ленточное тело змея иссечено короткими нарезками или пересекающимися тонкими штриховыми линиями, передающими чешую; иногда они заполнены белой пастой. Раннетрипольские художники, умело используя всю поверхность сосуда, изображали змея во встречном движении или переплетающиеся в клубок тела двух — четырех змея [29, с. 102—103].

По мнению Б. А. Рыбакова, на трипольской керамике изображен добрый уж-домовик, охраняющий жилище и вызывающий желанный для земледельца дождь. По-видимому, более прав В. Н. Даниленко, видевший в изображении на сосудах Сабатиповки II летающего небесного змея-дракона — олицетворение мужского начала [45, с. 24]. Обычно крылатый змей изображен на тулове и на крышках грушевидных сосудов-зерновиков, т. е. выставлен в ипостаси грозного и надежного сторожа. Иногда ему придавались дополнительные устрашающие детали. Так, на фрагменте чернолощенной крышки с поселения Берново изображена голова змея с округлыми углублениями-глазами, в которые были вставлены зерна кровяника (одно из них сохранилось, второе — выкропилось)*. Дракон с горящими глазами, вероятно, воплощение сверхъестественной, пугающей силы.

Следует отметить, что в мифологии раннетрипольских племен образы дракона и женщины вначале не были связаны, так как на статуэтках I типа отсутствует изображение дракона. Лишь позднее, в пластике Луки-Врублевецкой, Берново, Ленковцев, Тырпешти и других раннетрипольских и прекукутенских поселений часто встречается дракон — «реалистический» или более абстрактный (спираль, отрезок линии

* Раскопки Т. С. Пассек в 1950 г. Фрагмент хранится в фондах Гос. Эрмитажа (№ 79).

с треугольником на конце), расположившийся на бедрах или ягодицах статуэтки (рис. 75). Функция его в этом случае не совсем ясна, но, скорее всего, он — отрицательный персонаж, как во многих более поздних мифах с драконоборческим сюжетом.

По поводу других систем и сюжетов орнамента керамики ранних земледельцев (в том числе и трипольцев) многими исследователями сделан ряд важных выводов. Вращающаяся спираль связывается с культом солнца, сменой времени года [87, с. 86—87] и даже представлением, требующим высокой степени абстракции, — идеей бега времени [144, с. 199]. Большое внимание уделяется космологическим и космо-

ническим образам [258; 259], представлениям о пространстве (и о пахотном поле как частном случае замкнутого пространства), отраженным в геометрических символах: ромбах, квадратах и т. д. [144, с. 179; 6].

Будучи составной частью раннеземледельческих обществ Юго-Восточной Европы, идеология которых была построена на мифологических религиозных началах (термин «теократическое общество», примененный М. Гимбутас, неудачен), раннетрипольские племена вырабатывали в рамках общих культурных представлений свои конкретные формы их проявления. На последующих этапах развития культуры эта специфика продолжает углубляться.

Глава VI ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема сложения археологической культуры — один из «вечных» вопросов археологии — применительно к Триполю всегда рассматривалась в плане признания преобладающим генетического вклада того или иного компонента — местного либо пришлого. Так, в 60—70-е годы в литературе утвердилась мысль о важной роли буго-днестровского неолита в происхождении трипольской культуры, причем ситуация отчасти напоминала положение в трипольведении 30—40-х годов, когда выводы о тесной генетической связи Триполя с КЛЛК не подтверждались анализом конкретного археологического материала.

Для исследователей БДК ее участие в формировании раннего Триполя — «неоспоримый факт» [104, с. 165]. Развивая этот тезис, его приверженцы ссылаются на «принципиальное сходство набора кремневых орудий, общность ряда специфических форм костяных орудий; преемственность в типах поселений и жилищ; сходство ряда керамических форм; сохранение основных технологических приемов нанесения орнамента ... и всех его главных схем; преемственность в системе религиозно-космогонических представлений» [45, с. 25]. Приведенной точке зрения противоречат результаты сопоставления описанных в главе III предметов материальной культуры раннего Триполя (прежде всего керамики как наиболее надежного этнокультурного индикатора) с основными категориями бытового и производственного инвентаря соседних нео-энеолитических культур.

Ближайшие соответствия раннетрипольской керамике мы находим в кругу земледельческих культур, локализованных к западу и юго-западу от ареала раннего Триполя. Так, несомненно сходство посуды 1-й группы с кухонной керамикой культуры Криш (Кереш), проявляющееся в формах некоторых сосудов (округлотелые, биконические, глубокие чашевидные горшки, часто на поддонах) и особенно — в их орнаментации: ряды защипов, насечек, оттисков ногтя на тулове, в то время как венчик и придонная часть свободны от орнамента и подлощены; колосковый узор и подражающие ему наколы, выполненные в скорописной манере; рельефные налепы в угловой композиции (стилизованные изображения головы быка). Все эти черты характерны для посуды кришских памятников Молдовы [316, рис. 3, 1; 4, 1—9; 5, 4; 329, табл. 1, 45] и Трансильвании [330].

Аналогии раннетрипольской кухонной керамике находим и в некоторых неолитических культурах Карпатского бассейна. Так, своеобразной орнаментальной схеме уже упоминавшегося горшка из Вороновицы (рис. 60, 1) близок узор на сосуде из Несмея (группа Желиз) в виде чередующихся полей, составленных рядами вертикальных и горизонтальных защипов [166, с. 297, рис. 181].

С неолитом Подунавья следует связывать ряд черт, характерных для раннетрипольской посуды 2-й группы. Прежде всего, имеется в виду орнамент в виде каннелюр, присущий культурам Винча [32, т. 4, табл. XIV, 44], Душети [226, с. 234, рис. 22; 23]. Усое

[168, с. 20, рис. 3, 14—16]. Каннелюры или узкие проглаженные линии (горизонтальные, вертикальные, в «паркетных» композициях) — неперемный элемент орнамента керамики культуры Боян, начиная с первой ее фазы — Болитияну [229, табл. 5].

Боянскому воздействию раннее Триполье обязано и возникновением некоторых форм сосудов (фруктовницы на цилиндрических поддонах, крышки с грибовидными ручками). Наконец, боянское происхождение имеет описанный выше выемчатый узор в виде «шахматной доски», «волчьих зубов», треугольников, меандра и т. д., часто заполненный белой пастой. Появившись на 2-й фазе развития культуры Боян (Джулешти), он становится отличительным признаком керамики этой и ряда других культур, соприкасающихся с Бояном в Подунавье — Марица, Поляница, Сава [170, рис. 20—22; 39—41].

С влиянием, идущим из Карпатского бассейна, следует связывать применение охры в орнаментации раннетрипольской керамики. В указанном регионе этот декоративный прием был широко распространен еще в позднем неолите. Углубленный орнамент на посуде таких культур и культурных групп, как Бюкк, Сакалхат, Желиз (Желизовце) часто дополнялся красной и другими красками, нанесенными после обжига, причем краска обычно заполняла ленты, образованные врезанными линиями [313, с. 51, 103; 166, с. 106, 213, 295, 318].

Трудно определить истоки первой расписной керамики в ареале культуры Прекутени — раннее Триполье. Ряд исследователей (В. Думитреску, С. Маринеску-Былку, Е. К. Черныш) полагают, что посуда, расписанная до обжига белой краской, обязана своим происхождением влиянию со стороны культур Гумельница и Петрепты [245; 287, с. 39, 139; 198, с. 20]. В качестве культуры-донора рассматривается в этом плане и Турдаш [306, с. 136]. Конечно, импульс со стороны указанных культур весьма вероятен, однако специфика раннетрипольской расписной керамики заставляет воздержаться от

конкретных выводов и рассматривать ее появление в общем контексте технологических поисков древних гончаров Карпатского бассейна и Нижнего Подунавья на переходе от неолита к энеолиту: расписная посуда культур и культурных групп Турдаш, Тиса, Горжа, Херпай, Лумя-Ноа, Болград — Алдень и др.

Что же касается керамики буго-днестровского неолита, то она заметно отличается от раннетрипольской по всем характеристикам. О посуде поздней поры БДК (савранская фаза, по В. Н. Даниленко, или III фаза, по В. И. Маркевичу) можно судить по коллекциям из Савранц, Чернятки, Миколиной Брояки [44, рис. 98, 104; 115], Сорок V, Цикиновки [104, с. 115—116, 124] и других поселений. Глина сосудов содержит традиционные для керамики буго-днестровской культуры примеси: растительную, графит, песок, изредка ракушку. Наиболее распространены следующие формы сосудов: ребристые горшки с вытянутой придонной частью и плоским узким дном; остродонные горшки S-видного профиля; широкие остродонные чаши с резким перегибом профиля или округлыми боками. Орнамент выполнен неглубокими проглаженными линиями (вертикальные и горизонтальные отрезки, пересекающиеся ромбические фигуры, зигзаг, волна и криволинейно-волноты-вые композиции), оттисками штампа из нескольких острых зубцов, подтреугольными наколами, ямками.

Таким образом, отмеченные выше черты сходства керамического комплекса раннего Триполья с посудой неэнеолитических культур Балкан, Нижнего Подунавья и Карпатского бассейна позволяют считать, что его генетические корни скрыты именно в этих культурах, а не в буго-днестровском неолите.

Это относится и к раннетрипольской антропоморфной пластике, происхождение которой нельзя связать с местным неолитом. Определенные соответствия она находит в хронологически и территориально близких неэнеолитических культурах Подунавья, что проявляется не только в самих общих при-

знаках, обусловленных идеологией древних земледельцев (например, подчеркнутые, гипертрофированные призраки пола), но и в более конкретных деталях — трактовке тех или иных частей тела, орнаментации и т. д. Однако в целом описываемая пластика обладает ярко выраженной спецификой и не имеет отчетливой генетической связи с какой-либо определенной культурой Юго-Восточной Европы.

Так, имеются существенные морфологические и стилистические различия между антропоморфными статуэтками раннего Триполья и культур Винча, Усое, Вадастра. Сомнительной в этом аспекте представляется и роль далеких фессалийских культур Сескло и Диминя, о существенном воздействии которых на формирование прекукутенско-раннетрипольской пластики вслед за Г. Думитреску пишет С. Маринеску-Былку [282, с. 91—92; 284, с. 405—406]. Пластика культуры Хаманджия [211, рис. 47—58] при некотором сходстве с раннетрипольской в основных своих чертах специфична, и генетическая связь между ними отсутствует [137, с. 15—16].

Культура Боян, сделавшая основной вклад в создание керамического комплекса раннего Триполья, не смогла внести его в пластику. Единичные статуэтки боянского типа, выработанного еще на ранней фазе развития этой культуры [229, рис. 74—77], встречаются в Траяне-Дялул Вией [244, с. 16, рис. 9, 4], однако распространения в прекукутенско-раннетрипольской среде они не получили.

Пожалуй, наиболее отчетливо проявляется сходство между раннетрипольской пластикой I типа и некоторыми антропоморфными статуэтками культуры Криш, выполненными в сидячей позе с подчеркнутой сватопопгией и лишеными орнамента [206, с. 383, рис. 1, 2, 3].

В целом же следует полагать, что самобытный стиль прекукутенско-раннетрипольской пластики складывался самостоятельно. Унаследовав от неолитических предшественников круг культурных идей, отраженных в пластике, и позаимствовав отдельные элементы

антропоморфных статуэток разных культур (в первую очередь нужно отметить кришские традиции), носители культуры Прекукутени — раннее Триполье постепенно выработали собственный стиль малой скульптуры, нашедший отражение в статуэтках I типа.

С неолитом Балкан, Подунавья, Трансильвании связаны различные культовые предметы из глины: столики, стульчики, модели жилищ и алтарей, широко известные в культурах Криш, Хаманджия, Боян, Вадастра, Турдаш и других [232]. В частности, модель алтаря из Окопов (рис. 78) ближайшую аналогию находит в известной модельке с поселения Градешница в Болгарии [127, табл. 65].

Нам уже приходилось останавливаться на детальном сопоставлении орудий труда раннего Триполья (прежде всего изделий из кремня) и соответствующего инвентаря соседних неолитических и энеолитических культур [63, с. 84—87]. Проведенный анализ позволяет оспорить высказанную в литературе точку зрения о тесной генетической связи между кремнем раннего Триполья и БДК [104, с. 165]. Напомним, что характерные для буго-днепровского неолита подпрямоугольные нуклеусы с торцовым скалыванием, ладьевидные отжимники-ретушеры, резчики с угловой ретушью, концевые скребки на небольших пластинках, вкладыши жатвенных ножей с залощенным лезвием очень редко встречаются на раннетрипольских памятниках.

Сомнительным выглядит и тезис о «неолитическом» микролитизме раннетрипольского кремневого инвентаря [44, с. 155, 159]. Описанные в III главе нуклеусы, пластинки, скребки днепровских поселений (Бернашевка, Лука-Врублевецкая и др.) не являются микролитическими. Относительно небольшие размеры изделий из Побужья объясняются спецификой местного кремневого сырья — мелкой гальки. Характер орудий здесь не изменился и на следующем этапе, судя по материалам Сабатиновки I.

Достаточно четко прослеживается общность между кремневыми изделиями культуры Прекукутени — раннее

Триполье и нео-энеолитических культур Нижнего Подунавья, прикарпатских районов Молдовы, Трансильвании (КЛЛК, Боян и др.). Из этих культур, очевидно, перешли в ранние прекукутенские памятники конусовидные и приаматические нуклеусы, вкладыши серпов с угловой заполировкой, имеющие в Молдове давние кришские традиции [312, рис. 22, 1, 11, 13, 17], орудия геометрической формы [312, с. 39, 45, 155, 157, 168, рис. 28, 14] и другие изделия.

Это в полной мере можно отнести к орудиям труда и оружию из камня разных пород, кости и рога [63, с. 93, 94, 101, 102].

Таким образом, рассмотрев основной производственный и бытовой инвентарь (керамику), а также типы жилищ, систему хозяйства и идеологию носителей трипольской культуры на раннем этапе ее развития, приходим к выводу, что ни одна из определяющих черт этой культуры не может быть выведена из БДК. Это относится в первую очередь к планировке поселений, глинобитным жилищам-площадкам, орудиям из кремня и камня, основным типам сосудов (разнообразные горшки, фруктошницы, крышки, черпаки и т. д.), их орнаментации (каннелюры, гребенчатый штамп, выемчатый узор и т. д.) и технологии изготовления (глиняной пластике, животноводству (разведение мелкого рогатого скота) и земледелию (выращивание ячменя). Анализ всех имеющихся источников позволяет сделать вывод об отсутствии генетической связи между БДК и реннетрипольской культурой. В то же время множество нитей связывает раннее Триполье с земледельческими культурами Балкан, Подунавья и Карпатского бассейна.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению вопроса о происхождении раннего Триполья, вкратце охарактеризуем местные неолитические культуры (БДК и КЛЛК) в аспекте их территориального и хронологического соотношения.

Территория распространения БДК перекрывает восточную часть реннетрипольского ареала (междуречье Днестра и Южного Буга). Мнению В. И.

Маркевича о том, что западная граница БДК проходила по Пруту [103, с. 11, рис. 1; 104, с. 159], противоречит открытие в последние годы поселений культуры Криш к востоку от Прута. По-видимому, большая часть Пруто-Днестровского междуречья была освоена в неолите носителями этой культуры, а позднее — КЛЛК.

Западная группа памятников БДК, исследованная В. И. Маркевичем, сосредоточена в южной части Среднего Поднестровья вблизи г. Сороки. Отдельные местонахождения БДК встречены и в более северных пунктах долины Днестра — у сел Наславча, Каларашовка (север МССР), Ожево (юг Черновицкой области УССР). Вся остальная часть Среднего Поднестровья, хорошо обследованная многочисленными экспедициями, свободна от памятников БДК.

Поселения БДК между Днестром и Южным Бугом неизвестны, вероятно, ее носители предпочитали селиться в долинах крупных рек (не исключено, однако, что эта ситуация объясняется плохой археологической изученностью данного района).

Восточный вариант БДК связан непосредственно с бассейном Южного Буга, в среднем и отчасти нижнем течении которого известно более 15 памятников. Отдельные поселения буго-днестровской культуры встречены к востоку от Южного Буга.

В. Н. Даниленко и В. И. Маркевичем разработана периодизация БДК по районам и выяснена хронология памятников. Наиболее поздние фазы развития этой культуры — IV и V на Днестре и соответствующие им самчинская и савранская на Южном Буге — датируются исследователями второй половиной V тыс. до н. э. [104, с. 140, 159]. И типологически, и стратиграфически поселения V (савранской) фазы завершают развитие буго-днестровского неолита во всем его ареале.

В междуречье Днестра и Реута, очевидно, проходила граница между БДК и вторым неолитическим предшествующим раннего Триполья — культурой линейно-ленточной керамики. На территории Украины, Молдавии и румынской Молдовы сейчас известно более ста по-

селений и отдельных местонахождений КЛЛК, составляющих восточную периферию большого центральноевропейского массива неолитических культур. На поздней фазе развития, для которой характерна керамика с «нотным» орнаментом, КЛЛК значительно расширила свой ареал, продвинувшись в районы к востоку от Карпат во второй половине V тыс. до н. э.

Передвижение осуществлялось, по-видимому, по нескольким направлениям. Часть племен, заселив плодородные участки лесовых почв в юго-восточных районах современной Польши и проникшая далее на восток, осела в Верхнем Поднестровье и на Западной Волыни [55; 275]. В этих районах Украины известно около 40 пунктов с материалами КЛЛК [162].

Второй путь племен — носителей КЛЛК шел через Молдову, где Е. Комша насчитывает более 25 поселений этой культуры, относящихся к двум последовательным фазам развития [227]. Перейдя Прут, племена КЛЛК заселили центральную и южную часть Пруто-Днестровского междуречья, где, по данным исследователей, имеется около 40 поселений и местонахождений [133, с. 22—30; 103 с. 27—37; 22]. Археологические источники фиксируют здесь высокую плотность населения [22]. Большая группа поселений известна и в бассейне Реута [103, с. 28—31].

Лишь в нижнем течении Днестра поселения КЛЛК вплотную подходят к его долине [103, с. 29, рис. 8], а отдельные пункты зафиксированы далеко на днестровском Левобережье*.

В северной части Пруто-Днестровского междуречья памятники КЛЛК неизвестны; отсутствуют они и в Среднем Поднестровье. Возможно, здесь была «нижняя земля» — граница между БДК и верхнеднестровской группой КЛЛК.

Очевидно, племена КЛЛК жили на территории Украины и Молдавии в течение нескольких столетий; исследователи выделяют здесь две хронологичес-

кие группы памятников: раннюю (Флорешты, Цыра, Баев) и более позднюю (Незвиско, Торское, Луцк) [133, с. 34—35]. Единичные фрагменты керамики, встреченные на поселениях поздней группы, украшены орнаментом в стиле группы Желиз-Желизовце, являющейся последним звеном в цепи развития КЛЛК. В типичной желизовской манере (удлиненные вертикальные насечки, пересекающие врезанные ленты) украшен, в частности, фрагмент сосуда из Луцка [133, рис. 25, 22]. В Незвиско, как сообщает Е. К. Черныш, встречено несколько фрагментов керамики со следами оранжевой и красной краски [194, с. 22]. Использование краски для заполнения врезанных орнаментальных лент — также характерная черта желизовской посуды [166, с. 295].

Эти данные не позволяют, однако, сделать вывод о том, что КЛЛК на Юго-Западе СССР еще продолжает существовать в то время, когда на территории Словакии, Венгрии и Юго-Восточной Польши были распространены памятники группы Желиз-Желизовце. Ее развитие закончилось здесь на фазе «нотной» керамики во второй половине V тыс. до н. э. В целом это же относится и к памятникам Молдовы, хотя наиболее поздние из них, возможно, сосуществуют с поселениями желизовской группы на других территориях. К ним С. Маринеску-Былку отнести в первую очередь нижний слой поселения Тырпешты, материалы которого, по ее мнению, имеют черты керамики группы Желиз-Желизовце, хотя и не слишком выраженные, что объясняется удаленностью Молдовы от центров распространения этой группы [281, с. 165—168; 287, с. 14—16].

Импорты керамики КЛЛК на поселения БДК Базьков остров [44, с. 66, рис. 12; 13] и Сороки V [104, с. 135], а также фрагменты сосудов БДК, найденные в Цыре и Новых Русештах [103, с. 22, 25], позволили исследователям синхронизировать поселения с «нотной» керамикой и памятники БДК IV — начала V, по В. И. Маркевичу, фаз. Очевидно, в Побужье позднейшая БДК живет и после исчезновения на Днестре КЛЛК. Об этом, в част-

* Керамика КЛЛК обнаружена в 1976 г. С. А. Дворяниновым на поселении у с. Новогеоргиевка Аваньевского района Одесской области.

ности, свидетельствует фрагмент венчика сосуда, выделенный нами в коллекции поселения Саврань (раскопки В. Н. Даниленко в 1955 г.) *. По орнаменту (сходящиеся под углом ряды подтреугольных наколов, «посаженных» на тонкие линии-бороздки), технологии изготовления и размерам (толщина 1,4 см) он резко отличается от обычной посуды БДК. Два таких же фрагмента недавно опубликовал В. Думитреску, обнаруживший их на поселении культуры Винча в Расте (Олтения). Он связывает их с позднейшей группой КЛЛК (памятники типа Шарка), сменяющей на территории Чехии и в ряде других районов поселения с «нотной» керамикой, объясняет наличие этих фрагментов на винчанском поселении влиянием со стороны Молдовы, где имеются элементы не только группы Желиз-Желизовце, но и группы Шарка [251]. Видимо, с этой территории происходит и фрагмент сосуда, найденный в Саврани.

Итак, к концу V тыс. до н. э. историческая обстановка на территории, занятой спустя несколько столетий раннетрипольскими племенами, не претерпела заметных изменений: в западной части региона постепенно завершается эволюция КЛЛК; в восточной переходит на последнюю ступень своего развития местная БДК. Именно к этому времени относятся истоки длительного этногенетического процесса, закончившегося сложением культуры Прекукутени — раннее Триполье. Они связаны с переселением в Молдову и Трансильванию части племен культуры Боян.

Возникнув на территории Мунтении как синтез двух неолитических культур — местной Дудешти и пришлой из Молдовы КЛЛК, — культура Боян на ранней фазе своего развития (Болинтиняну) была в основном локализована в центральной части Мунтении. Здесь, по данным исследователя культуры Боян Е. Комши, насчитывается около 30 поселений и отдельных находок фазы Болинтиняну [229, с. 30—31]. На следующей фазе (Джулешти) количество бо-

янских поселений резко увеличивается (известно около 110 пунктов), причем они занимают всю Мунтению и появляются на юге Молдовы в низовьях Сирета. На позднем этапе фазы Джулешти часть носителей культуры Боян оторвалась от основного массива и, перейдя Южные Карпаты (очевидно, по долине Олта), заселила юго-восток Трансильвании, где известно около 20 боянских поселений [229, с. 32—36]. Отсюда, как полагает С. Маринеску-Былку, или из северных районов Мунтении (мнение Е. Комши) началось последующее проникновение в предгорные районы Молдовы. В Трансильвании и Западной Молдове пришельцы вступили в контакт с немногочисленным аборигенным населением — носителями КЛЛК на ее позднейшей фазе [282, с. 127—128].

Начало этих контактов засвидетельствовано материалами нижнего неолитического слоя в Тырпешти, где на отдельных сосудах наряду с «нотным» орнаментом появляется выемчатый узор в шахматной композиции. Даже кухонные полусферические чаши с примесью половы в тесте, обычные для КЛЛК, в Тырпешти бывают украшены ямками и квадратами, образованными путем выборки глиняного теста. С. Маринеску-Былку, отмечая эти особенности керамики КЛЛК из Тырпешти, обоснованно полагает, что они могли возникнуть лишь под воздействием боянской орнаментальной техники (выемчатый узор в меандровых, шахматных и других композициях). Конечным результатом этих контактов явилась ассимиляция потомков носителей КЛЛК представителями более сильной и жизнеспособной культуры. Тем не менее, эту ассимиляцию нельзя рассматривать как полное растворение одной культуры в другой; скорее, здесь речь может идти о процессе их слияния, приведшем в конечном счете к рождению нового культурно-этнического образования.

Археологическим отражением первых результатов этого процесса являлись поселения, объединяемые румынскими археологами в культуру Прекукутени начальной (I) фазы. К ним относятся Эрестегин, Сфынту Георге, Банку (Юго-Восточная Трансильвания), Тра-

* Фрагмент хранится в фондах ИА АН УССР (№ 87).

ян-Дялул Вией и Борлешти (Западная Молдова). К сожалению, материал этих памятников практически не опубликован и судить о нем можно лишь на основании нескольких таблиц иллюстраций, приведенных в монографии С. Маринеску-Былку [282, рис. 26—37; 71], и кратких публикаций.

Строго говоря, эти поселения еще не могут рассматриваться в качестве сформировавшейся археологической культуры, так как не являются однотипными памятниками с вполне сложившимся археологическим комплексом. Керамика их имеет ярко выраженные боянские черты, проявляющиеся в наличии таких форм, как фруктовыяницы с высоким прямым венчиком и резким перегибом профиля, соединенные с полым коническим поддоном; глубокие миски такой же формы, но без поддона; высокие крышки с прямым «венчиком» и грибовидным навершием [282, рис. 34, 8; 29, 1; 33, 1—3]. Наиболее отчетливо боянское воздействие отразилось на керамическом комплексе поселения Сфынту Георге, где хорошо представлены типичные для этой культуры банковидные кубки, украшенные мелкими горизонтальными каннелюрами, горшки с выемчатым негативно-позитивным узором в виде треугольников, «волчьих зубов», зигзага, меандра, обильно заполненным белой пастой. Вероятно, прав З. Секей, полагающий, что наличие многих элементов культуры Боян-Джулешти позволяет считать поселение Сфынту Георге одним из наиболее ранних памятников этой группы [321].

С боянской традицией связана и кухонная керамика, имеющая в тесте обильные растительные примеси [282, с. 56], хотя здесь возможно и влияние КЛЛК.

Анализируя генетическое воздействие последней, Г. Думитреску [241, с. 63] и С. Маринеску-Былку [281, с. 170; 282, с. 119—121] выделяют в материалах поселения Траян-Дялул Вией следующие черты этой культуры: наличие столовой посуды из серой, хорошо промытой глины, украшенной спиралью, угловым врезанным узором, узкими врезанными полосками, заполненными рядом наколов; специфические камен-

ные топоры-тесла в виде «башмачной колодки»; геометрические микроленты; орудия из обсидиана. Отзвуком железовой орнаментальной традиции, вероятно, являются узкие вертикальные насечки, пересекающие параллельные ряды врезанных линий на некоторых сосудах из Траяна-Дялул Вией [282, рис. 32, 4, 7; 34, 10].

В то же время в материалах упомянутых поселений уже просматриваются новые черты, чуждые Бояну и КЛЛК. Об этом свидетельствует, в частности, наличие в керамическом комплексе Сфынту Георге биконических горшочков из глины хорошего качества, украшенных чередующимися горизонтальными рядами каннелюр и врезанных линий [321, рис. 2, 3, 5—6; 3, 7]. В Траяне-Дялул Вией и Эрестегине появляются горшки с высоким цилиндрическим или коническим горлом, украшенным каннелюрами; биконическое тулово сосудов снабжено четырьмя выступами-налепами [287, рис. 26, 7, 8; 27, 5; 28, 4]. Сосуды этого типа, но более совершенные по изготовлению, вполне обычны, как отмечалось в главе III, для прекукутениских и раннетрипольских памятников. Среди новых признаков, которые впоследствии станут типичными для керамического комплекса культуры Прекукутени — раннее Триполье, следует назвать орнамент в виде спирального изображения змея-дракона, посуду с примесью толченого шамота в тесте и некоторые другие.

Таким образом, поселения Сфынту Георге, Эрестегин, Траян-Дялул Вией и др., появившиеся на рубеже V—IV тыс. до н. э. на территории Юго-Восточной Трансильвании и Западной Молдовы, отражают начальную стадию формирования культуры Прекукутени. Не обладая еще устойчивыми, повторяющимися признаками, они объединены в I фазу этой культуры в значительной мере условно.

Роль материнских культур, принявших участие в формировании этих памятников, неравноценна. От КЛЛК унаследована в основном технология изготовления столовой посуды, но не ее формы и орнаментация. Если орна-

мент, свойственный сосудам КЛЛК, еще фиксируется изредка на керамике Траяна-Дялул Вией, то на посуде собственно прекукутенских и раннетрипольских поселений он практически отсутствует.

Куда более сильным было воздействие боянской культуры, сказавшееся не только на керамическом комплексе (оно еще долго ощущается в материалах культуры Прекукутени — раннее Триполье), но и на многих других категориях инвентаря, хозяйстве и быте населения, оставившего такие памятники, как Траян-Дялул Вией.

Кроме Бояна и КЛЛК, заметный вклад в формирование культуры Прекукутени внесли и другие культуры Молдовы и Трансильвании. В этом плане важен, хотя и не решен окончательно, вопрос о кришских традициях в культуре Прекукутени. Никто из исследователей не сомневается в том, что кухонная посуда ранних прекукутенско-трипольских памятников, украшенная защитным орнаментом, появилась под сильнейшим влиянием культуры Криш. Но по существующим представлениям прямая передача носителями культуры Криш своей керамической традиции в прекукутенскую среду невозможна, так как эти культуры разделяет значительный временной интервал. В Перинах [316, с. 65—81] и Леце [333] кришские слои залегают ниже слоев культуры линейно-ленточной керамики и Бояна-Джулешти. Поэтому исследователи называют в качестве передатчиков кришских традиций другие культуры. Так, по мнению В. Н. Данияленко и В. И. Маркевича, керамика с защитными была заимствована ранними трипольцами от БДК, испытавшей на пещорской (III, по В. И. Маркевичу) фазе сильное влияние Криша. Заметим, однако, что кухонная посуда таких памятников, как Ларга-Жиция, Флорешты и Бернашевка больше напоминают кришскую, чем керамика БДК.

В последние годы появились новые данные о культуре Криш в Молдове. В частности, С. Маринеску-Былку на материалах многих поселений делает вывод о доживании здесь Криша до появления КЛЛК и сосуществовании

этих культур [285]. Об этом же пишет и Н. Урсулеску [329, с. 292]. Имеются первые сведения о кришских поселениях, открытых к востоку от Прута, в северной части МССР [23, с. 36—37; 22, с. 198]. Материалы этих памятников уже заметно отличаются от обычных кришских комплексов, что вероятно, объясняется не только периферийным положением, но и более поздним возрастом поселений Молдавии.

Считаем возможным высказать предположение, что наиболее поздние памятники культуры Криш могли дожить до начала формирования культуры Прекукутени.

Траян-Дялул Вией и близкие ему поселения связаны со сравнительно небольшим районом Румынского Прикарпатья (они неизвестны на левобережье Сирета). На остальной части Молдовы, а также в Пруто-Днестровском междуречье в это время, очевидно, прекращает свое существование КЛЛК с «нотной» керамикой. Правда, С. Маринеску-Былку высказала мысль о частичной одновременности поздних поселений КЛЛК с «фазой Прекукутени I» [281, с. 163]. Об этом же писала и Г. Думитреску, пытаясь объяснить находку в Траяне-Дялул Вией двух остродонных сосудов. Исследовательница полагала, что они были изготовлены на месте по образцам, заимствованным в среде БДК и переданным на запад носителями КЛЛК [242, с. 50—51]. Отмечая отсутствие веских доводов в пользу такой синхронизации, нельзя отвергать возможность одновременного существования Траяна-Дялул Вией и его аналогов, а так же позднейших памятников КЛЛК с железницкими чертами. Косвенным подтверждением этого служит фрагмент сосуда, найденный вместе с типичной железницкой керамикой на поселении Жешув-Пястов в Юго-Восточной Польше. По технологическим признакам и орнаменту (параллельные прочерченные или проглаженные линии в спиральной композиции) он отнесен Я. К. Козловским ко времени бытования Траяна-Дялул Вией и, возможно, является импортом из Западной Молдовы [275, с. 39—41, рис. 24].

Отсутствие источников не позволяет пока проследить шаг за шагом весь дальнейший путь сложения культуры Прекукутени. Существенные различия между «I фазой» и памятниками типа Ларга-Жижия — Флорешты — Бернашевка позволяют считать, что между ними имеется хронологический разрыв, заполнить который помогут еще неизвестные поселения на территории Молдовы. Обнаружение их — дело будущего.

Формирование новой культуры закончилось с появлением однотипных памятников с выраженными и устойчивыми археологическими комплексами. Такие поселения, как Извоаре I, 1, Гигоешти-Трудешти, Ларга-Жижия и др., характеризует прежде всего наличие трех хорошо выделяющихся технологических групп керамики, каждой из которых свойственны свои типы сосудов, хотя имеются и некоторые общие формы. Основным орнаментом кухонной посуды (1 группа) становится защипный. На сосудах второй группы появляется новый узор в виде отпечатков гребенчатого штампа четких прямоугольных очертаний. Этот орнамент, стилистически заметно отличающийся от оттисков гребня на посуде восточных неолитических культур (днепро-донецкой и БДК), связан именно с прекукутенско-раннетрипольской культурной средой. Не исключено, впрочем, что он возник как подражание мелким «скорописным» наколам, характерным для орнаментаки добруджской культуры Хаманджия.

С керамикой 3-й группы связаны фруктошницы в виде мелких реберчатых тарелок на цилиндрическом поддоне с «окошками», а также грушевидные горшки со стянутым венчиком, неизвестные ранее. Боянский выемчатый орнамент несколько видоизменяется; выемки обычно не глубже 2 мм и менее интенсивно заполнены белой пастой; редко встречаются зигзаго-меандровые композиции; правильный «шахматный» узор часто заменяется подпрямоугольными углублениями, нанесенными в шахматном порядке. Ведущим элементом орнамента становится проглаженная линия в спиральной или угловой

композиции. Наконец, широко распространяется орнаментально-смысловой сюжет — изображение змея-дракона.

Стандартный облик приобретает антропоморфная глиняная пластина (статуэтки I типа).

Исходя из соображений, высказанных в IV главе настоящей работы, среди прекукутенских поселений II фазы, о которых упоминает в своей обобщающей монографии С. Маринеску-Былку, можно выделить шесть однотипных и наиболее ранних памятников: Извоаре I, 1, Гигоешти-Трудешти, Яссы, Ларга-Жижия, Циганаши, Влэдени. Два первых расположены в прикарпатской части Молдовы (бассейн Быстрицы), т. е. в одном микрорегионе с Траяном-Дялул Вией и Борлешти, остальные — на правом берегу Прута.

На левобережье Прута в пределах МССР сосредоточена небольшая группа аналогичных поселений: Кетриш, Стольничены, Фундурь, возможно, Новые Скуляны [103, с. 72, 77—80]. На восточном фланге ареала этих поселений находятся Флорешты, Рогожаны (Реут) и Бернашевка (левый берег Днестра).

Таким образом, на значительной территории от Восточных Карпат до среднего течения Днестра сейчас известно около 15 однотипных и, несомненно, одновременных памятников, представляющих раннюю фазу культуры, формирование которой связано с четко очерченным районом Трансильвании и Молдовы. Поэтому не вызывает сомнений ранняя миграция носителей культуры Прекукутени на восток, ставшая частью сложной цепи перемещений населения древней Европы.

В эпоху неолита и энеолита миграция играла заметную роль в историческом процессе, являясь важным фактором распространения достижений передовых земледельческих культур. С гигантской миграцией, растянувшейся почти на три тысячелетия, связано проникновение в Европу (через Грецию и Балканы) раннего земледелия. По приблизительным расчетам скорость этой «волны прогресса» составляла в среднем 1 км в год, хотя такая культура, как КЛЛК, расширяла свой ареал со

скоростью около 5,6 км в год [204]. В энеолите темп миграций заметно ускоряется.

Основной причиной, приводившей в движение древние племена, было наступление кризисной ситуации, точно определенной К. Марксом как «давление избытка населения на производительные силы» [1, с. 568]. При увеличении народонаселения и низком уровне экстенсивного земледельческо-скотоводческого хозяйства общество могло прокормить себя, лишь сбалансировав свою численность путем сегментации и оттока части населения на новые территории. На фактор относительной перенаселенности при низком уровне общественного производства часто ссылаются исследователи, объясняя причины миграций в древности. Одним из первых к нему обратился С. Н. Бибилов, говоря о переселении южных племен, приведшем к сложению Триполья [14, с. 278—279]. Движением избыточного населения В. М. Массон объясняет некоторые процессы, происходившие в энеолите Средней Азии [108, с. 395—401]. Об относительной перенаселенности, вызванной внедрением производящих форм хозяйства и находящей выход в миграциях, пишут Н. Я. Мерперт [115] и П. М. Долуханов [48].

В качестве критика этой концепции выступает известный чешский археолог Е. Неуступный, полагающий, что люди эпохи неолита и энеолита умели регулировать численность и рост своих коллективов, не доводя их до состояния демографического взрыва. Если общество находится накануне миграции, пишет Е. Неуступный, то его количественный рост должен быть прослежен на археологическом материале, однако археологи не в состоянии уловить этот момент [302; 303, с. 290—291]. Полагаем, что на значительном материале можно археологически проследить ситуацию, непосредственно предшествующую миграции. Выше уже говорилось о зафиксированном Е. Комшей резком увеличении числа боянских поселений фазы Джулешти и уходе части носителей культуры Боян на север, в Трансильванию. Но Е. Неуступный прав,

считая, что избыток населения — не единственная причина древних миграций.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что на значительной территории известно не более 15 поселений типа Ларга-Жижица — Флорешты — Бернашевка. Несомненно, в будущем список этих памятников увеличится. Однако и сейчас можно утверждать, что исходный (Западная Молдова) и промежуточные районы первоначальной миграции носителей культуры Прекукутени — раннее Триполье не были перенаселены, а сама миграция не являлась масштабной (микромиграция, по Ю. В. Бромлею) [25, с. 36]. Это обстоятельство заставляет предполагать, что в данном случае миграцию вызвали причины иного порядка — социальные или уходящие в сферу обычаев и идеологических представлений раннеэнеолитических племен.

Основная часть этнического массива, очевидно, оставалась в зоне формирования культуры Прекукутени. Многослойные поселения (Извоаре, Тырпешти), принимавшие иногда характер теллей (Дялул Гиндару), свидетельствуют о длительной и непрерывной ее эволюции.

Судя по большому сходству материалов таких поселений, как Извоаре I, 1, Ларга-Жижица, Флорешты, Бернашевка, первая фаза миграции не была длительной. Картографирование памятников (рис. 85) показывает, что мигранты продвигались в северо-восточном направлении в средней части междуручья Сирета и Прута, а затем далее — вплоть до излучины Реута. По-видимому, часть их, выйдя на Прут, резко повернула к северу и пересекла Пруто-Днестровское междуручье кратчайшим путем. Эта группа оставила в долине Днестра Бернашевку и, очевидно, ряд других поселений. Направление миграции и ее темп в значительной степени обуславливались незаселенностью восточной части Молдовы и Пруто-Днестровского междуручья, так как КЛЛК здесь уже практически прекратила свое существование. Ряд местонахождений на территории Румынии и СССР демонстрируют четкое стратиграфическое

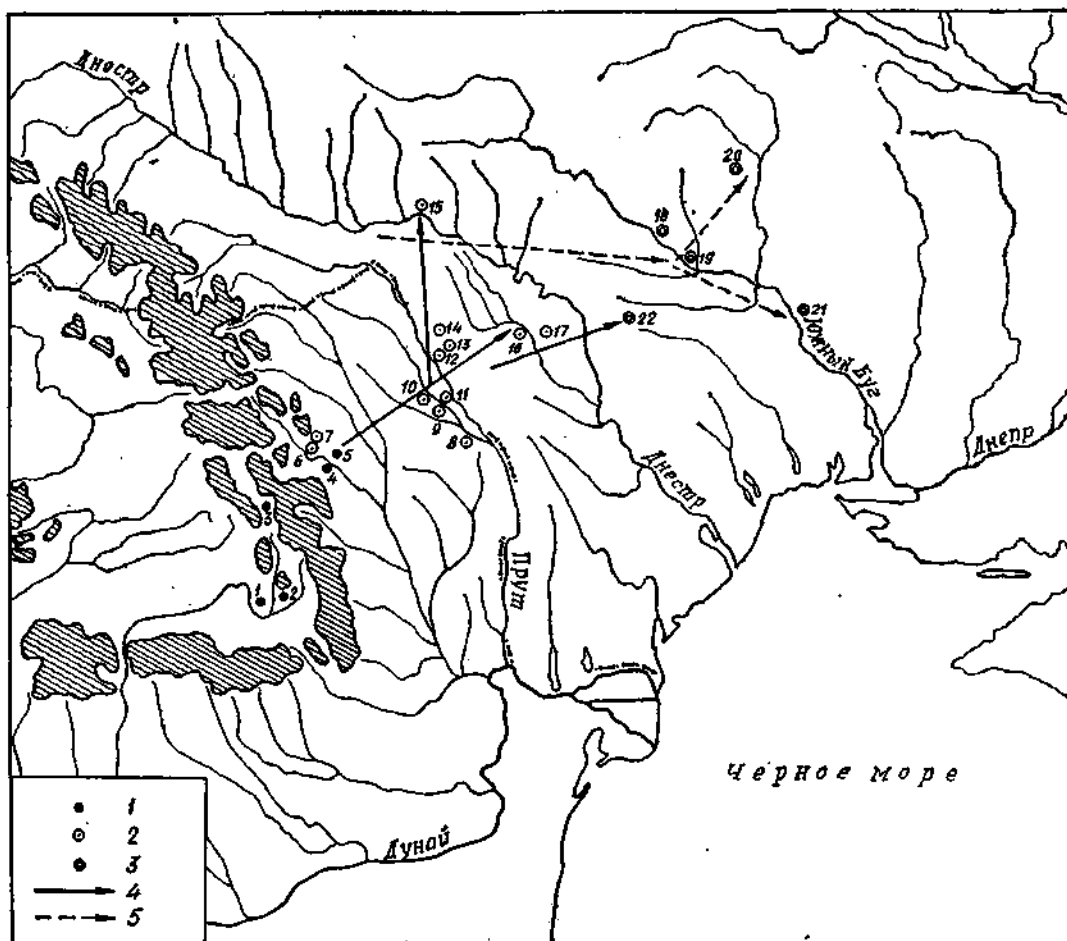

Рис. 85. Распространение культуры Прекукутени — раннее Триполье (карта):

1 — поселения формативной фазы; 2 — поселения типа Ларга-Жижия — Флорешты — Вернашевна; 3 — поселения Днестро-Бугского междуречья и Побужья; 4 — 1-й этап миграции; 5 — 2-й этап миграции.

1 — Сфынту-Георге; 2 — Эрестегни; 3 — Ванку; 4 — Ворлешты; 5 — Траян-Дялул Вией; 6 — Извоаре I; 7 — Гигшошти-Трудешты; 8 — Яссы; 9 — Ларга-Жижия; 10 — Владени; 11 — Цигонаши; 12 — Кетриш; 13 — Стольничены; 14 — Фундуры; 15 — Вернашевна; 16 — Флорешты; 17 — Рогожаны; 18 — Гайворон; 19 — Сабатковна; 20 — Вишнополь; 21 — Константаовка; 22 — Александровка.

залегание материалов КЛЛК (с «очной» керамикой) и культуры Прекукутени — раннее Триполье. Прекукутено-раннетрипольские поселения от наиболее ранних (Флорешты) до относительно поздних (Траян-Дялул Фынтылор, Новые Русешты) — всегда фиксируются над памятниками КЛЛК. Это обстоятельство заставляет

окончательно отказаться от гипотезы о сосуществовании указанных культур, неоднократно выдвигавшейся в литературе прежних лет [151, с. 130; 133, с. 9, 38; 194, с. 79, 82].

Присутствие местного неолитического населения или следы его материальной культуры совершенно не прослеживаются при анализе материала раннетрипольских памятников Пруто-Днестровского междуречья; это позволяет отнести описываемую миграцию к миграциям первого типа, по классификации В. С. Титова [167, с. 99]. Правда, при современном состоянии источников нельзя полностью исключить возможность ассимиляции пришельцами последних представителей коренного населения Поднестровья. Может быть, этим обстоятельством объясняются хорошо

выраженные протоевропеоидные, неолитические черты мужчины, похороненного на поселении Солончены II [38, с. 129], тогда как антропологический облик трипольцев (а также носителей культуры Боян) характеризуют средиземноморские черты [33, с. 23—25].

Уход с коренной этнической территории, относительная изоляция, новая среда обитания, образ жизни, связанный с высокой мобильностью, неминуемо должны были наложить определенный отпечаток на культуру и быт мигрантов. По справедливому замечанию Л. С. Клейна, сама миграция — это встряска, приводящая к быстрой трансформации и перестройке культуры пришельцев [75, с. 6—7].

Сравнительно подвижный образ жизни (косвенным доказательством чего является полное отсутствие многослойных поселений в раннетрипольском ареале), очевидно, привел к отказу от строительства долговременных и трудоемких жилищ. Во всяком случае, если в Извоаре, Гигоешти-Трудешти и даже в более ранних Траяне-Дялул Вией и Эрестегине зафиксированы постройки с применением глины на субструкциях из бревен, то в Ларге-Жижии (Прут) следы таких жилищ не обнаружены, а жилыми сооружениями Флорешты и Рогожан являлись землянки. Лишь на Днестре — конечной цели первой фазы миграции — вновь появляются глинобитные наземные жилища (Бернашевка). Видимо, в этом же районе возникли первые поселения с круговой планировкой. Заметим, что аналогичный процесс смены площадок землянками и последующий «ренессанс» глинобитного домостроительства фиксируется и для позднего Триполья, отражая постепенное освоение трипольцами новых для них земель в Киевском Поднепровье [89, с. 77, 153].

В хозяйственных занятиях первых трипольцев заметную роль начинает играть охота как наиболее быстрый способ получения мясной пищи (леса Пруто-Днестровского междуречья давали большое количество разнообразной дичи). Изменяется состав сельскохозяйственных животных за счет уменьшения количества мелкого рогатого скота. Пого-

ловье свиней и крупного скота могло пополняться в процессе domestikации местной дикой фауны.

Выход на Днестр с его огромными и легкодоступными запасами минерального сырья привел к определенным изменениям в кремневой индустрии раннетрипольского населения. Ведущим орудием становится, как это видно на материалах Бернашевки, скребок на отщепе.

Изменения коснулись и керамического комплекса первых раннетрипольских поселений. Упор делается на производство грубой кухонной посуды: если, по данным А. Александреску, она составляет в Ларге-Жижии около 30 % сосудов [54, с. 4, 14], то во Флорештах и Бернашевке — соответственно 49,5 и 54 %. Даже такой типичный представитель «парадной» посуды, как фруктовица на цилиндрическом поддоне, теперь часто изготавливается из грубой глины (7 % посуды 1-й группы в Бернашевке) и не орнаментируется.

Постепенно ослабевает кришская традиция в орнаменте кухонной керамики: в Ларге-Жижии защипами по всей поверхности украшено большинство сосудов 1-й группы; во Флорештах — 54 % орнаментированных фрагментов этой группы керамики; в Бернашевке — 27 %. Несколько уменьшается также количество посуды, украшенной типичным боянским орнаментом.

Последующее развитие культуры Прекукутени — раннее Триполье связано с освоением расширившейся этнической территории и адаптацией к природным условиям каждого конкретного микрорайона. Развитие это шло в едином русле при тесных контактах населения всех микрорайонов, о чем свидетельствует появление в разных частях прекукутенско-раннетрипольского ареала таких близких по общему облику культуры памятников, как Тырпешти II-1 (предгорья Восточных Карпат), Дялул Гяндару — нижний горизонт и Мындришка (правобережье Сирета), Окопы (Среднее Поднепровье).

Количество поселений в восточной (собственно раннетрипольской) части ареала заметно увеличилось. На сравнительно небольшом участке среднего те-

чения Днестра сейчас известно довольно много более или менее одновременных памятников: Окопы, Брага, Бабшин, Вороновица, Лука-Устинская и ряд других. Очевидно, за несколько поколений раннетрипольское население этого района значительно возросло, что в конце концов привело к ситуации относительной перенаселенности и создало предпосылки для второй фазы миграции в восточном направлении, связанной с переходом части обитателей Поднестровья на Южный Буг.

Раннетрипольские поселения в междуречье Днестра и Южного Буга неизвестны, несмотря на разведочные работы, проведенные здесь в послевоенные годы Южно-Подольской экспедицией под руководством М. И. Артамонова [7]. Причину этого следует искать в природных условиях района, представляющего собой часть украинского кристаллического щита с характерными узкими каньонообразными долинами левых притоков Днестра. Переселенцы, привыкшие вести земледельческое хозяйство в плодородных долинах больших рек, по-видимому, стремились выйти непосредственно к Южному Бугу. Поэтому миграция, начавшаяся в то время, когда на Днестре еще жило население, оставившее памятники типа Окопов, была осуществлена в короткий срок.

Вероятно, несколько позднее из южных районов Среднего Поднестровья на восток продвинулась еще одна группа раннетрипольского населения, основавшая ряд поселков (Александровка, Тимково и др.) в междуречье Днестра и Южного Буга.

Естественно, возникает вопрос: пустовали ли земли Побужья к моменту прихода трипольцев, или там продолжали обитать носители БДК? Долгое время однозначный ответ не мог быть дан из-за отсутствия фактов совместного залегания материалов БДК и раннего Триполья, не говоря уже о случаях прямой стратиграфии. Правда, в литературе высказывалось мнение о том, что, придя на Южный Буг, трипольцы застали здесь поселения поздней фазы БДК. Так, английская исследовательница Р. Трингэм, усматривая общие черты в

керамике раннего Триполья (Прекукутени II, по ее определению) и БДК, считала, что эти культуры сосуществуют на каком-то отрезке времени. Их носители, по мнению Р. Трингэм, жили на разных участках местности, будучи связанными с разными системами хозяйства. На фазе Прекукутени III, как полагает исследовательница, сходство в керамике рассматриваемых культур исчезло, что говорит о процессе постепенной абсорбции носителей БДК трипольцами [326, с. 167—168]. Об этом же писал и В. Думитреску, не разделяя, впрочем, мнения Р. Трингэм о сходстве керамики БДК и раннего Триполья [248, с. 304].

В 1981—1987 гг. Николаевская экспедиция ИА АН УССР (руководитель О. Г. Шапошникова) исследовала неолитическое поселение заключительной (савранской) фазы БДК в урочище Пугач у с. Константиновки Арбузинского района Николаевской области. Поселение расположено на участке первой террасы левого берега Южного Буга. В культурном слое мощностью до 0,25 м, лежащем на глубине более 2 м от современной поверхности, вместе с типичной неолитической керамикой повсеместно и в значительном количестве встречены фрагменты раннетрипольской посуды, близкой материалам поселения Сабатиновка II-1. Какие-либо следы взаимовлияния обеих культур на материалах поселения Пугач не прослеживаются, хотя проживание двух разноэтнических групп населения в одном месте вполне вероятно*.

Таким образом, есть основания полагать, что какая-то часть местного неолитического населения дожила на Южном Буге (в первую очередь на периферии ареала БДК) до появления раннетрипольских переселенцев и была быстро ассимилирована ими. Возможно, наследием БДК является чуждый раннему Триполью орнамент в виде вертикального зигзага или треугольных шевронов, встречающийся нередко не только на керамике южнобугских поселений (Гайворон), но и на сосудах из

* Искренне благодарю О. Г. Шапошникову за возможность ознакомления с неопубликованными материалами поселения Пугач.

Луки-Врублевской [14, табл. 66; 68] и Ленковцев [191, табл. VI, 19].

Первое трипольское население Побужья, оставившее памятники типа Сабатиновка II-1 — Гайворон, облюбовало небольшой участок среднего течения реки. Все более поздние раннетрипольские поселения сосредоточены здесь же, на отрезке длиной около 100 км, будучи привязаны либо непосредственно к долине Южного Буга, либо к низовьям впадающих в него небольших рек — Саврани, Синицы, Могилянки и др. По-видимому, мелкие группы время от времени отрывались от основного массива поселенцев, но этот уход не носил характера миграции. С одним из таких оттоков связано, очевидно, появление трипольцев на упоминавшемся выше поселении Пугач, лежащем уже в степной полосе на расстоянии десятков километров от центрального ядра раннетрипольских памятников Южного Буга.

Известная находка цилиндрического поддона фруктошницы близ с. Вишнополь Тальновского района Черкасской области [128, с. 39, рис. 7, 3], а также материалы недавно открытого в этом районе поселения Гребенюков Яр у с. Майданецкое [199а] говорят о спорадическом проникновении раннетрипольского населения Побужья в западные районы Буго-Днепровского междуречья и маркируют восточную границу распространения культуры на ее раннем этапе. Дальнейшее продвижение трипольцев на восток отмечают уже такие поселения, как Зарубинцы и др. [181], относящиеся к памятникам борисовского типа и знаменующие переход к развитому Триполью.

Таким образом, примерно к концу первой четверти IV тыс. до н. э. окончательно сформировался ареал единой культуры, за западной и восточной частью которого традиционно сохраняются разные названия — культура Прекукутени и раннее Триполье (Триполье А). Отражают ли эти названия лишь историческую традицию, связанную с изучением археологической культуры, распространенной на территории двух государств, или за ними скрываются действительные локальные разли-

чия, существенно влияющие на облик этой культуры?

Прежде всего отметим, что мелкие этнографические различия прослеживаются даже в материалах одновременных и близко расположенных памятников, проявляясь как в керамическом комплексе (технология изготовления посуды, ее формы и орнаментация), так и в характере жилищ, способах ведения хозяйства и т. д. Для примера упомянем столовую посуду из Флорешты, часто украшенную наколами, идущими по гребню каннелюр; на керамике из Рогожан и Бернашевки такой орнамент не встречается. В керамике всех технологических групп из Берново отмечена примесь толченой ракушки и известняка, отсутствующая в посуде других раннетрипольских поселений. В хозяйстве жителей Луки-Врублевской, как уже отмечалось, большую роль играло свиноводство, хотя это поселение находится в том же микрорайоне, что и одновременные ему Берново и Кормань, обитатели которых разводили крупный рогатый скот.

Количество таких примеров можно умножить, но они отнюдь не говорят о серьезных локальных различиях, указывающих на особый путь развития отдельных поселений или их групп.

Выше отмечалось, что ранние прекукутениско-трипольские памятники (Ларга-Жижия, Флорешты, Бернашевка) свидетельствуют о монолитности культуры во всем ее ареале. Поэтому о региональных различиях можно говорить лишь применительно к более поздним поселениям. Сам факт расселения прекукутениско-раннетрипольских племен на большой территории предполагает существование различий между памятниками отдельных регионов, однако выявить эти различия пока весьма трудно из-за отсутствия более или менее полных публикаций материалов поселений на территории МССР и Румынии (исключением является поселение Тырпешти).

Выделению локальных вариантов в культуре Прекукутени-раннее Триполье посвящен ряд работ Е. К. Черныш [195, с. 2—5; 197; 198, с. 18—27]. Исследовательница считает, что на мате-

риалах таких поселений, как Извоаре 1, 2, Траян-Дялул Фытынилор, Путинешты, Голерканы, Ленковцы, Сабатиновка II, Гайворон, которые она относит к 5-й ступени своей периодизации (в IV главе уже отмечалось, что далеко не все эти памятники одновременны), прослеживаются первые различия между западными и восточными районами. Керамика западных поселений украшена налепными округлыми выступами и рожками; в орнаментике отсутствуют ямки. Последние, как и небольшие рельефные выступы [198, с. 17—18], характерны, по мнению Е. К. Черныш, для посуды восточных районов. На орнамент в виде ямок как характерную черту керамики раннего Триполья в отличие от прекукутенской ссылался и В. Думитреску [249, с. 550—551]. Однако материалы поселения Босанч в Молдове ставят этот вывод под сомнение.

На последней ступени своей периодизации (к ней опять-таки отнесены разновременные поселения) Е. К. Черныш различает три района, объединяющих памятники с хорошо выраженными локальными особенностями: Сирет-Прут; Верхний Днестр (или северный район) и Южный Буг [198, с. 21, рис. 7]. Для первого района, по Е. К. Черныш, характерны: лощеные чаши и миски с бедным орнаментом, глубокие миски и горшки на высокой полой подставке, «этажные» сосуды; орнамент в виде налепов и рожков, широких врезанных линий, каннелюр в сопровождении гребенчатого штампа; статуэтки, окрашенные в красный и белый цвет. В северном районе, отмечает Е. К. Черныш, были распространены сосуды-фруктовницы, полые цилиндрические подставки («монокли») и биноклевидные сосуды. Говоря о Побужье, Е. К. Черныш оперирует небольшой коллекцией подъемного материала с поселения Могильное III, видя в этой керамике сходство с посудой Поднестровья и даже бассейна Сирета, что приводит исследовательницу к мысли о возможном переселении людей из этих районов на Южный Буг. К местным особенностям она относит использование камня при сооружении жилищ и наличие в до-

мах своеобразных глиняных алтарей [197, с. 98—99].

Критерии, предложенные Е. К. Черныш для выделения упомянутых выше районов или локальных групп прекукутенско-раннетрипольских памятников, весьма ненадежны, так как не подкреплены количественными оценками. В основу их зачастую положены случайные признаки, что создает вполне реальную возможность субъективного подхода к материалу и переноса мелких этнографических особенностей отдельного поселения на памятники всего района. Так, «монокль» — форма, якобы характерная для всего северного района, — встречен в единственном экземпляре только на поселении Ленковцы (рис. 65, 4). Это же относится и к биноклевидному сосуду, фрагмент которого найден лишь в Луке-Врублевской [14, рис. 59, а].

Многие признаки, составляющие, по Е. К. Черныш, специфику того или иного района, характерны для всего ареала культуры Прекукутени-раннее Триполье. Это относятся, в частности, к сосудам-фруктовницам, статуэткам, покрытым красной и белой красками, и т. д. Достаточно ознакомиться с обильным и хорошо изданным материалом поселения Тырпешти [287, рис. 55—115], чтобы убедиться в очень большом его сходстве с такими отдаленными памятниками, как Окопы, Александровка, Сабатиновка II.

В своей обобщающей работе Е. К. Черныш наметила уже семь локальных вариантов или параллельных линий развития культуры Прекукутени — раннее Триполье [199, с. 173, 190].

Рассмотрение прекукутенско-раннетрипольских материалов по хронологическим срезам позволяет сделать вывод о намечающихся локальных различиях наиболее поздних памятников в пределах двух условно выделяемых регионов, граница между которыми лежит в Пруто-Днестровском междуречье. Для восточного региона наряду с глинобитными жилищами характерны землянки; в западном — они встречаются крайне редко. На многих памятниках восточного региона (Сабатиновка II, Греновка, Александровка, Солончены I, Лука-

Врублевецкая, Ленковцы, Карбуна) найдены реновидные сосуды с вытянутой придонной частью, украшенные врезанным спиральным изображением змея-дракона (рис. 65, 11; 71, 9); в памятниках Молдовы и бассейна Прута подобные сосуды неизвестны.

Важно отметить, что в западном регионе гончары чаще применяли краску для росписи и прокрашивания посуды. Впоследствии преобладание расписной керамики стало основным признаком западного ареала Кукутено-Трипольской культурно-исторической области.

В целом же общие черты доминируют над локальными особенностями прекукутенских и раннетрипольских памятников. Постоянные контакты между племенами, заселявшими разные районы, способствовали тому, что достижения в сфере техники и технологии, материальной и духовной культуры быстро становились общим достоянием, а предметы, изготовленные в одних районах, попадали в другие.

Материалы поселений на всем пространстве от Прикарпатской Молдовы до Южного Буга свидетельствуют о высокой степени интеграции оставившего их общества. Очевидно, здесь речь может идти о едином этносе, находящемся на ранней фазе своего социально-экономического развития [35, с. 25—30].

Все исследователи, стремящиеся теоретически осмыслить и интерпретиро-

вать понятие «археологическая культура», отмечают, что в основу его положено единство признаков: «совокупность территориального и хронологически взаимосвязанных археологических памятников (комплексов) определенного типа» [56, с. 39]; «группа памятников... обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков» [74, с. 29]; «комплекс сходных археологических памятников» [35, с. 5, 30] и т. д. Показанное сходство прекукутенских и раннетрипольских памятников позволяет в совокупности рассматривать их как монолитную археологическую культуру, единую во всех своих основных проявлениях.

В свое время А. А. Формозовым был предложен термин «культурная область» для обозначения культур большого территориального диапазона, к которым указанный исследователь отнес и Триполье [174, с. 23, 115]. Представляется, что определение «культурная область» (или «культурно-историческая область») уместно применять к культурам с ярко выраженными локальными особенностями. Поэтому совокупность прекукутенско-раннетрипольских памятников, несмотря на их большой ареал, можно считать цельной археологической культурой, тогда как термин «культурно-историческая область» вполне применим к такой поливариантной общности, как Кукутени-Триполье.

Глава VII РАННЕЕ ТРИПОЛЬЕ И ЭНЕОЛИТ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Начало сложения культурно-исторической области Кукутени-Триполье неразрывно связано с более общими процессами перехода Юго-Восточной Европы от неолита к энеолиту на рубеже V—IV тыс. до н. э. Одной из важных черт, знаменующих этот переход, справедливо считается заметный прогресс горнорудного дела, металлургии и металлообработки, проявившийся как в чисто количественном, так и в технологическом плане и имевший большое экономическое и социальное значение.

Непрерывным и универсальным признаком, позволяющим рассматривать в рамках единого периода территориально удаленные культуры, является наличие в них медных изделий. Следует, однако заметить, что в отнесении тех или иных культур к энеолиту существует разнобой, вызванный различным подходом исследователей к оценке металлургического критерия [57, с. 2—4]. Часто культуры, близкие стадально, территориально и хронологически, относят к разным эпохам — неолиту и энеолиту. Поэтому проблема определения нижней границы энеолита требует здесь более подробного рассмотрения. Известно, что отдельные медные предметы (в основном бусы, мелкие орудия труда или кусочки меди) спорадически встречаются еще на неолитических поселениях разных районов Балканского п-ова и Юго-Восточной Европы, указывая на начало знакомства их обитателей с новым материалом, его полезными производственными и бытовыми качествами. Медные предметы, эпизодически встречающиеся на неолитических памятниках, теряются в массе обычного инвентаря из кремня, камня,

кости, раковин и т. д., никак не влияя на хозяйство, быт, привычный образ жизни неолитических общин. Поэтому представляется неправомерным отнесение к энеолиту неолитических по своей сути культур [328], на памятниках которых найдены два-три мелких предмета из меди.

Широко распространено мнение о том, что энеолит начинается лишь с появлением «тяжелых» медных орудий — проушных топоров, тесел, долот и др., — тогда как неолиту присущи исключительно украшения и мелкий медный инструмент (спиля, рыболовные крючки). Такой точки зрения придерживаются, в частности, исследователи каменного века Карпатского бассейна, ведущие здесь отсчет энеолита от тисаполгарской культуры (И. Богнар-Кудван, Н. Калиц, Ю. Павук, С. Шишка, В. С. Титов и др.).

Рассмотрев этот вопрос в технологическом аспекте, Н. В. Рындина пришла к выводу, что появление тяжелых орудий и оружия ударного действия тесно связано с открытием древними мастерами эффекта упрочения меди холодной ковкой. «С энеолитом наиболее естественно связывать культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство, и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия» [147, с. 80]. К неолиту же исследовательница относит культуры, «в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий». Заметим, что под это определение должна попасть и трипольская культура раннего этапа с Карбунским

кладом, в состав которого наряду с многочисленными украшениями входят два топора, откованные без упрочения лезвия [146, с. 61, 87].

Приведенная точка зрения, которую разделяют и другие исследователи [118, с. 13, 20], представляется спорной. Конечно, тяжелые орудия из меди благодаря своим рабочим качествам могли повысить производительность труда в некоторых отраслях хозяйства, например, при обработке дерева. Однако было бы преждевременным заключение об их успешном внедрении во все виды производства. Так, нет данных о прямом применении медных проушных топоров в основной отрасли экономики — земледелии; многие из них, очевидно, использовались в качестве оружия. По справедливому замечанию В. М. Массона, в эпоху палеометалла определяющим фактором прогресса была не производительность медных орудий, а высокая эффективность самого процесса их производства, особенно увеличившаяся с открытием литья [112, с. 6].

Кроме того, нельзя забывать и о большом значении, которое имели в жизни древнего человека медные украшения, выполнявшие не только свою основную роль, но и служившие, судя по данным этнографии и археологии, средством обмена, мерой стоимости, объектом культа, знаком социального статуса и т. д. Потребность в них также стимулировала развитие производства [318].

Таким образом, нет оснований связывать начало энеолита именно с появлением тяжелых орудий. Полагаем, что к раннему энеолиту можно отнести культуры, носители которых освоились с медью, осознав определенные ее преимущества перед давно знакомыми материалами. Археологическим свидетельством этого служит появление на ряде памятников той или иной культуры медных изделий устойчивых форм, изготовленных, как подчеркивает Е. Н. Черных, из чистой меди, лишенной существенных примесей [186, с. 107—109]. Иные металлургические критерии отчленения энеолита от неолита (наличие собственной металлургии и метал-

лообработки, технология производства металла и орудий из него, ассортимент последних) отступают на второй план.

Ряд культур Юго-Восточной Европы (Винча, Боян, Хаманджия) сложился еще в неолите и эволюционировал в течение многих столетий, постепенно вырабатывая и воспринимая новые черты, предопределившие их переход к энеолиту. Другие, как и Триполье, возникли на рубеже неолита и энеолита в процессе культурных и этнических взаимопроникновений, передвижений и миграций, характерных для этого периода.

К концу V тыс. до н. э. наиболее благоприятные условия для перехода к энеолиту сложились в регионе Юго-Восточной Европы, охватывающем Среднее и отчасти Нижнее Подунавье. Население этого региона, оставившее памятники позднееолитических культур Винча (конец фазы V₁), Вадастра I, Боян (фаза Джулешти), достигло значительных успехов в экономическом и культурном развитии. Здесь интенсивно развивается земледелие и животноводство с возделыванием всех основных злаков и возможным использованием тягловой силы быка [291]; основываются долговременные поселения с наземными глинобитными жилищами; изготавливается высококачественная керамика с разнообразным и сложным орнаментом. На памятниках указанных культур встречаются и отдельные медные предметы.

Концом ранней Винчи датируются некоторые экземпляры бус, найденных на эпонимном поселении [32, т. 4, с. 43]. К культуре Боян относятся бусы из могильника фазы Болдиняну в Чернике [218, с. 53, 55, рис. 5, 20, 21] и шило с поселения Джулешти-Сырби [277, с. 192, 194, рис. 10]. В Феркашу де Сус (культура Вадастра) найден медный крючок [233, с. 332].

Несомненный хронологический приоритет переднеазиатской металлургии (Чайоню-Тепези, Суберде, Чатал Хююк, Телль Магзалия и другие известные поселения с находками медных предметов датируются VII тыс. до н. э.) предполагает, что именно из этого региона опыт знакомства с металлом мог быть

передан населению соседних территорий. Так, многие исследователи ищут о возможном «первом толчке» извне, приведшем к зарождению в Европе горного дела и зачатков металлургии при их вполне самостоятельном дальнейшем развитии [146, с. 105—106; 189 с. 199]. Видимо, в связи с ним следует рассматривать упоминавшиеся выше и некоторые другие медные изделия, найденные на неолитических поселениях Юго-Восточной Европы. Они отражают начальную, экспериментальную фазу освоения меди в земледельческом неолите Балкан, Подунавья и соседних районов, относящуюся ко второй половине V тыс. до н. э. [220, с. 375].

Сравнительно высокий уровень развития местных культур и раннее знакомство их носителей с металлом способствовали переходу Балкано-Дунайского региона на новый этап развития; решающую роль при этом сыграло наличие богатых и доступных источников сырья в северной части Балканского п-ова. Видимо, еще концом V тыс. до н. э. следует датировать начало эксплуатации месторождения меди Рудна Глава в горно-рудном районе Бор-Майданек в 140 км к востоку от Белграда. Тут открыто более 20 узких вертикальных шахт глубиной 15—20 м, в основном относящихся к началу поздней фазы культуры Винча [268]. На многих винчанских поселениях этого времени обнаружены куски руды, кусочки меди и мелкие украшения; на поселении Селевак их количество превышает 140 [327, с. 29]. Таким образом, начало энеолита на севере Балкан и в Подунавье совпадает с началом поздней Винчи.

Почти одновременно с Рудной Главой началась разработка северофракийских месторождений (юг Болгарии), в первую очередь известного рудника Ай-бунар. Е. Н. Черных обследовал здесь 11 древних выработок в виде узких карьеров, наиболее ранние из которых эксплуатировались носителями раннеэнеолитической культуры Караново V-Марица в начале IV тыс. до н. э. [189, с. 56—89; 170, с. 26]. На поселениях этой и соседних культур (Градешни-

ца) появляются, хотя и в небольших количествах, мелкие орудия труда и украшения из меди [127, табл. 72].

Становление и развитие энеолита Юго-Восточной Европы (и металлургии меди как важной черты этого периода) — процесс поэтапный, последовательно охватывающий все новые и новые районы. Наиболее интенсивно он проходил в зонах действия балканских очагов металлургии и металлообработки и в соседних районах, находящихся под непосредственным влиянием этих очагов. Механизм перехода каждого конкретного района к энеолиту мог быть разным: самостоятельное развитие металлургии и металлообработки на местной сырьевой базе; миграция носителей культуры, уже знающей металл; переселение отдельных групп горняков и металлургов; появление собственной металлообработки, стимулированное поступлением металла извне, и т. д.

Потребность в изделиях из меди вызвала к жизни сложную систему обменных связей, прямых и опосредствованных контактов, в результате которых металл и технология его получения стали достоянием многих районов Европы. Эти контакты способствовали заимствованию новых идей, распространению достижений в области техники, экономики, идеологии. Наиболее тесными к инновациям оказывались соседние культуры, близкие стадияльно и подготовленные к их восприятию тенденцией своего внутреннего развития [9, с. 10—13].

В Юго-Восточной Европе первой половины IV тыс. до н. э. можно выделить несколько районов, раннему энеолиту которых присущ свой специфический путь развития. Рассмотрим основные археологические культуры этих районов (рис. 86), обратив особое внимание на их взаимоотношения с ранним Трипольем.

На северо-западе Балкан продолжается естественная эволюция одной из наиболее мощных неэнеолитических европейских культур — Винчи [219], наглядно представленная материалами эпонимного поселения — телля [32], залегающими в слоях выше отметки 6 м.

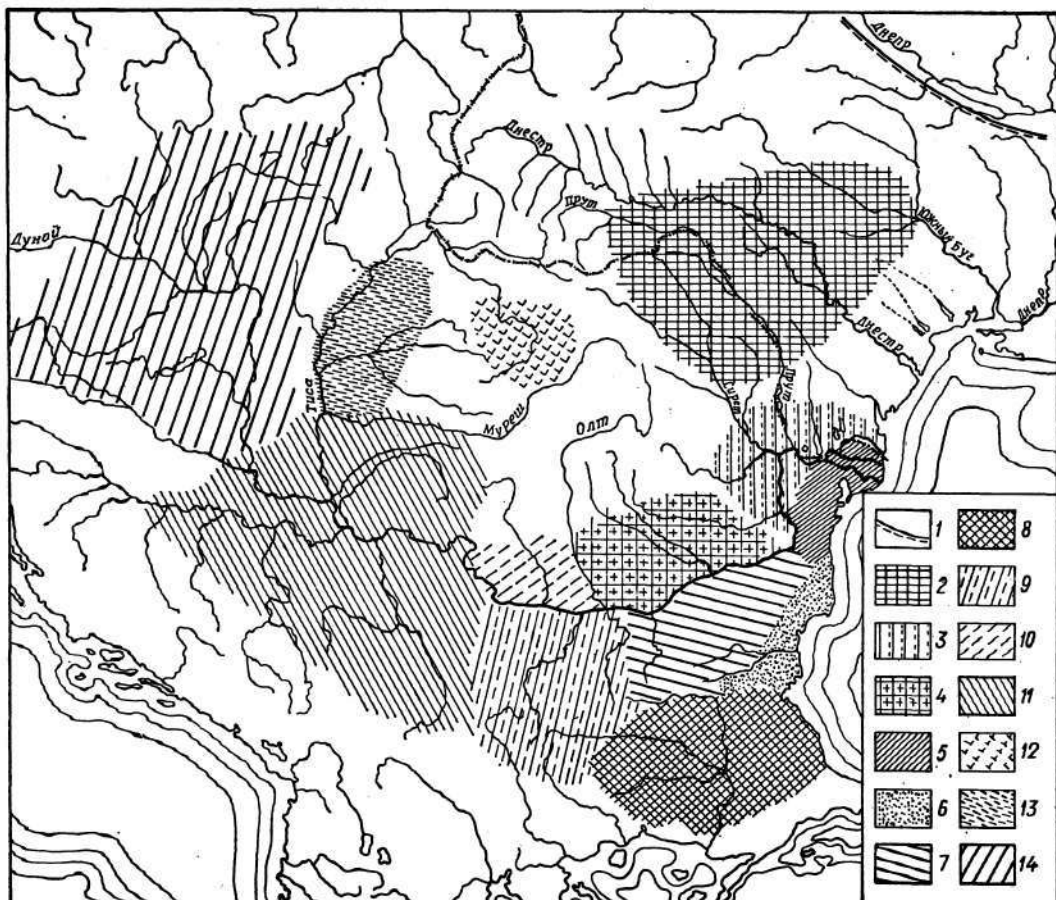

Рис. 86. Культуры раннего энеолита на территории Юго-Восточной и Центральной Европы:

1 — восточная граница днепро-донецкой культуры; 2 — культура Прекукутени-раннее Триполье; 3 — культурная группа Волград — Алленд; 4 — культура Воля; 5 — культура Хаманджия; 6 — культура Сава; 7 — культура Поляница; 8 — культура Марица-Караново V; 9 — культура Градешница; 10 — культура Вадастра; 11 — культура Винча; 12 — культуры Трансильвании (Турдаш и др.); 13 — культура Тиса; 14 — культура Лендьел

По мнению ряда исследователей (Г. Думитреску, Т. С. Пасек, С. Маринеску-Былку), Винча внесла вклад в сложение культуры Прекукутени — раннее Триполье. С. Маринеску-Былку полагает, что наземные глинобитные жилища-площадки могли возникнуть под воздействием винчанского домостроительства [382, с. 36—37]. Не исключено, что Винча, особенно в трансильванском воплощении (Винча-Турдаш), действительно оказала определенное ге-

нетическое воздействие на фазе формирования культуры Прекукутени, хотя этот вопрос нуждается в разработке.

Однако в дальнейшем влияние Винчи на культуры Нижнего Подунавья и районов к востоку от Карпат ощущается слабо. Ее металлургия была в первую очередь ориентирована на северо-запад Балканского п-ова [189, с. 88], что, по-видимому, и обусловило отсутствие контактов с более восточными культурами.

На материальной культуре раннего Триполья не сказалось воздействие богатой винчанской керамики либо пластики с ее характерным иконографическим типом. Исключением, возможно, является орнамент в виде мелких округлых точек-вмятин, заполняющих врезанные ленты или угловые композиции. Он изредка встречается на раннетрипольской посуде (рис. 51, 9; 52, 5), но

внолне обычен для керамики культуры Винча [32, т. 4, рис. 139].

Возможно, в прекукутенско-ранне трипольскую среду попадали немногочисленные винчанские керамические импорты. Так, в Бернашевке найден обломок профилированной мисочки с высокими прямыми венчиком (рис. 81,5), заметно отличающийся по своей тонкоструктурной глине от остальной посуды поселения. Эта форма, чуждая керамике раннего Триполья, обычна для Винчи [32, т. 4, табл. IV, 8; XV, 136]. Под влиянием винчанской зооморфной керамики в Луке-Врублевецкой был изготовлен птицевидный сосуд (рис. 62,7), причём мастер воспроизвел ряд мелких деталей импортного образца, но ornamentировал свой сосуд в обычной ранне трипольской манере [14, с. 166].

К сожалению, единичные импорты и подражания им не дают возможности для четкого хронологического сопоставления двух культур. На основании косвенных данных исследователи относят памятники культуры Прекукутени — раннее Триполье ко времени завершения фазы В₂ — началу фазы С культуры Винча [256; 324, с. 5—6; 282, с. 140].

Очевидно, Винча являлась важным звеном в цепи далеких опосредованных контактов ранних трипольцев, уводящих в глубинные районы Балканского п-ова и Средиземноморья, откуда происходят предметы из мрамора и морских раковин, найденные в составе Карбунского клада [153, с. 146—150], а также некоторые экземпляры антропоморфной глиняной пластики [63, с. 138].

Начало энеолита в восточной части Балканского п-ова (территория Болгарии) связано с группой родственных культур, очевидно, сложившихся на базе местного позднего неолита, пока еще плохо изученного [170, с. 25—35]. Каждая из них обладает хорошо выраженными индивидуальными признаками, обусловленными влияниями, особенностями природной обстановки и т. д. Среди важных объединяющих черт следует назвать прежде всего керамику с врезным орнаментом, инкрустированным белой пастой. Постепенно

ее сменяет посуда с графитной росписью, характерная для культуры Караново V-Марица [170, с. 15—16]. Распространение этой посуды по всей территории Болгарии — свидетельство возрастающей роли указанной культуры, в ареале которой находились северофракийские медные рудники. Высокий уровень общественно-экономического развития Фракии, связанный с экспортом местного металла, обусловил ведущую роль этого района в консолидации всех раннеэнеолитических культур на территории Болгарии: Градешница (северо-запад), Поляница (северо-восток), Сава (Причерноморье) и др., включенных Х. Тодоровой наряду с культурой Караново V-Марица в единую область фракийского энеолита [170, с. 11—13, 26—28]. В ареале этих культур интенсивно развивались горное дело, металлургия и металлообработка. Показательно, что вскоре здесь появляются и первые в Европе золотые предметы. Так, при одном из трех погребений разрушенного могильника, открытого в 2 км от знаменитого Варненского некрополя [72] и датированного И. Ивановым концом первой половины энеолита, найдены были медные браслет и перстень вместе с ожерельем из 31 золотой бусины [71].

Уже на ранней фазе энеолита металл из местных месторождений и готовые изделия поступали на соседние территории к северу от Дуная, лишенные собственных источников меди — в Мунтению, Молдову и далее на северо-восток. Посреднические функции при этом, очевидно, выполняли носители двух культур на северо-востоке Болгарии — Поляница и Сава. Для керамического комплекса этих культур характерны отчетливые боянские черты: выемчатый орнамент, заполненный белой пастой (шахматный узор, «волчьи зубы»), и каннелюры. Даже графитный рисунок в виде узких треугольников подражает мотивам выемчатого орнамента [170, с. 27—28, 31—32; рис. 20—22; 38—41].

Несомненное воздействие Бояна на раннеэнеолитические культуры правобережья Дуная Е. Компа [77, с. 62; 225; 248, с. 40—46] объясняет продви-

жением части населения Мунтении (племена культуры Боян на ее поздней фазе — переходной к Гумельнице) через Дунай на территорию Восточной Болгарии и даже южнее — в долину Марицы и к Эгейскому побережью. Вероятно, некоторый приток населения с севера действительно имел место, так или иначе для раннего энеолита северо-восточной части Балканского п-ова и Нижнего Подунавья фиксируется определенная общность материальной культуры. Наметившийся процесс интеграции завершился к началу позднего энеолита (около середины IV тыс. до н. э.) сложением мощной культурно-исторической области Караново VI-Гумельница.

Влияние энеолита северо-восточной части Балканского п-ова и Нижнего Подунавья отразилось и на культуре Прекукутени-раннее Триполье, в ареал которой поступал балканский металл. С импульсами из этих районов, возможно, связаны и первые опыты графитирования поверхности сосудов на некоторых раннетрипольских поселениях (Лука-Врублевецкая, Сабатиновка II, Греновка), не получившие, впрочем, широкого распространения. В свою очередь, влиянием культуры Прекукутени — раннее Триполье можно объяснить появление на поздней фазе культуры Сава в причерноморской части Болгарии керамики, украшенной оттисками гребенчатого штампа [169, с. 89, 92; 170, с. 31—32].

Основную роль в налаживании опосредствованных связей населения Молдовы и Пруто-Днестровского междуречья с районами, находящимися к югу от Дуная, очевидно, играли родственные боянские племена Мунтении, с которыми поддерживались тесные отношения. Румынский археолог П. Роман, рассмотрев многочисленные находки прекукутенской керамики на боянских поселениях, пришел к выводу, что в конце развития культуры Боян (этап Спанцов переходной фазы) часть прекукутенского населения жила непосредственно на северо-востоке Мунтении [320]. С. Маринеску-Былку также предполагает наличие в боянской среде прекукутенского этноса [286]. Есте-

ственно, контакты между носителями культур Боян и Прекукутени — раннее Триполье осуществлялись прежде всего на их пограничье, однако отзвуки этих связей ощущаются и в собственно раннетрипольском ареале.

Одним из периферийных проявлений балкано-дунайского энеолита является группа памятников на юге Молдовы, северо-востоке Мунтении, севере Добруджи и левобережье Нижнего Дуная. В археологической литературе она известна под названиями культурный аспект Алдень II [224], культура Гумельница [134; 12; 158], болгарская культура [17], культура Болград-Алдень [199, с. 253—256], культурный аспект Стойкани-Алдени [240].

Генетической основой культурной группы Болград-Алдень, видимо, послужили боянские памятники переходной фазы на юге Молдовы и северо-востоке Мунтении. В материалах таких поселений этого района, как Сучевень и Липкотянка, заметны традиции предшествующих фаз культуры Боян-Видры и даже Джулешти [239]. В целом культурную группу Болград-Алдень следует рассматривать как одно из наиболее ранних проявлений формирующейся гумельницкой культуры.

В связи со сказанным необходимо привести точку зрения болгарской исследовательницы Х. Тодоровой, считающей ареал описываемой культурной группы крайним северо-восточным районом области фракийского энеолита. По ее мнению, часть избыточного населения Добруджи на 1-й фазе развития культуры Караново VI — Гумельница продвинулась через Дунай (или по Черному морю и Дунаю) на север. Восприняв некоторые достижения раннего Триполья, пришельцы создали здесь самостоятельный «культурный облик» (смешанную культуру), которую исследовательница назвала Болградским вариантом культуры Варна [170, с. 12—13, 31—33]. Получаемый из «метрополи» графит и металл носители нового «культурного облика» распространяли далеко на север. Так, фрагменты керамики и медные изделия, найденные в верхнем слое поселения Новые Русешты в Молдавия, Х. Тодорова классифи-

цирует как принадлежащие культуре Варна [170, с. 44, 67]. Гипотеза Х. Тодоровой недостаточно аргументирована и должна быть отвергнута, прежде всего, в свете установленной выше (см. гл. IV) хронологии и синхронизации: культурная группа Болград-Алдень, в целом одновременная раннему Триполью, относится к раннему энеолиту и не могла возникнуть в результате миграции на север позднееолитической культуры Варна, синхронной Караново VI — Гумельнице.

Исследователи отмечают общие черты в материальной культуре населения, оставившего памятники группы Болград-Алдень, и прекукутенско-раннетрипольских племен (общность некоторых форм и орнамента посуды, наличие глинобитных наземных жилищ и землянок и т. д.). По мнению Е. Комши, это сходство свидетельствует о том, что раннее Триполье было, наряду с Бояном, генетической подосновой группы Болград-Алдень [224]. Полагаем, что близость двух описываемых культур объясняется общими боянским наследием, а также тесными контактами и взаимовлияниями, обусловленными их непосредственным соседством.

Эти контакты еще более упрочились, когда памятники культурной группы Болград-Алдень появились на левом берегу Прута и левобережье Нижнего Дуная. В частности, отсюда на восток поступал желтый кремль балканского или добруджского происхождения [136, с. 54], обычный для этих памятников. На каждом раннетрипольском поселении Поднепровья встречено несколько орудий и пластин из этого кремня, причем почти все изделия служили и во вторичном употреблении; не имея серьезного производственного значения, они, тем не менее, были важны для жителей трипольских поселков. На южнобугских поселениях желтый добруджский кремль отсутствует.

Еще раз подчеркнем наблюдаемое в ряде случаев большое сходство, почти идентичность керамики двух культур. Так, для памятников культурной группы Болград — Алдень обычны крупные кувшиновидные горшки с грубой шероховатой поверхностью. Из Вулканешт,

в частности, происходит такой горшок с двумя парами ручек, расположенных по диагонали на плечах сосуда и у его дна; ручки соединены налпным петлевым валиком с защипами, второй валик опоясывает основание цилиндрического горла [12, рис. 20, 2]. Точно такой же сосуд происходит с прекукутенского поселения Тырпешти [287, рис. 81, 5]. Чрезвычайно похожи и сосуда в виде тулова птицы, найденные в Вулканештах [12, с. 37; рис. 21, 1] и Траяне-Дялул Фынтынилор [282, рис. 62, 3].

Приведенные факты позволяют предположить, что некоторые представители энеолитического населения низовьев Прута и Дуная могли проживать непосредственно на прекукутенско-раннетрипольских поселениях.

На фоне раннего энеолита Балкано-Дунайского региона сравнительно изолированным историко-культурным феноменом выглядит добруджская культура Хаманджия, происхождение которой исследователи связывают со Средиземноморьем и Ближним Востоком [211, с. 52—57]. В своем развитии она прошла через несколько неолитических фаз: первые медные предметы появляются на поздних хаманджийских памятниках, очевидно, как импорты из круга соседних культур фракийского энеолита либо из боянского ареала.

Стратиграфия теля Хыршова в Добрудже показывает, что на поздней фазе (Чамурлия де Жос) Хаманджия сосуществует с поздним Бояном [255]. Фрагменты хаманджийской керамики, найденные в верхнем слое поселения Радовану в Мунтении, подтверждают этот вывод. Это позволяет в целом синхронизировать позднюю Хаманджию и культуру Прекукутени — раннее Триполье, хотя последняя, очевидно, продолжает свое развитие и после того, как носители культуры Хаманджия были ассимилированы гумельницким населением Добруджи.

С. Маринеску-Былку пишет о влиянии культуры Прекукутени на Хаманджию, выразившемся в появлении некоторых новых форм сосудов и элементов орнамента (каннелюры, гребенчатый штамп) в хаманджийском керамиче-

ском комплексе [280; 282, с. 138]. Примером (и, пожалуй, единственным) обратного влияния служит возникновение в прекукутенско-раннетрипольской пластике образа «мыслителя», представленного известной статуэткой из Тырпешти [282, рис. 73, 7]. Таким образом, оценка Хаманджи как «передатчика всех новых явлений» [45, с. 29] явно завышена, а связи ее носителей с племенами культуры Прекукутени — раннее Триполье представляются ограниченными.

Что касается перехода к энеолиту древнеземледельческих культур второго крупного региона Юго-Восточной и Центральной Европы — Карпатского бассейна, то не исключено, что его начало было стимулировано импульсами из северных районов Балканского п-ова. В разных частях Карпатского бассейна этот процесс имел свои особенности.

На востоке его, в Трансильвании, на базе проникшей сюда из Подунавья еще в среднем неолите культуры Винча сложилась местная культура Турдаш, впитавшая многие винчанские черты. Очевидно, благодаря родственному населению северо-запада Балкан носители культуры Турдаш познакомились с металлургией, нашедшей хорошую сырьевую базу в трансильванских месторождениях меди. Здесь уместно напомнить, что еще на поздней фазе культуры Криш в Трансильвании был известен металл, свидетельством чего служат медное шило, найденное на поселении Баломир, и кусочек меди из Йернута [331, с. 517, 519, рис. 6].

Очевидно, переход к энеолиту в Трансильвании связан с поздними фазами Турдаша, когда на его основе зарождается известная культура Петрешти с расписной полихромной керамикой. Последней предшествовала посуда с более простой росписью (тип Лумя-Ноа), имевшая местные генетические корни [314, с. 326—336; 331, с. 524—530].

Контакты между энеолитическими культурами, локализованными по обе стороны Карпатской дуги, в значительной степени были обусловлены тем, что юго-восточная часть Трансильвании входила в зону формирования культуры

Прекукутени. Не случайно на ряде турдашских памятников встречена прекукутенская керамика I и II фаз [310; 282, с. 134]. Убедительным свидетельством влияния культуры Турдаш служат характерные для нее «письменные знаки» [278; 325], имеющиеся на посуде прекукутенских и раннетрипольских поселений [282, рис. 34, 5, 7; 105, с. 37—39]. Турдашские керамические импорты попадают, как уже отмечалось, далеко на восток, в раннетрипольскую среду Поднепровья.

Возможно, уже в раннем энеолите возникают связи и с носителями формирующейся культуры Петрешти, хотя в целом она отвечает культуре Кукутени А и развитию Триполью. Не исключено, что в это время в восточные районы начал поступать металл трансильванского происхождения.

Если для развития нео-энеолитических культур Трансильвании характерна определенная замкнутость и непрерывность, то на большей части Карпатского бассейна картина выглядит более сложной. В Потисье, междуречье Тисы и Дуная, Задунавье и других районах в конце V тыс. до н. э., развивался ряд культур и культурных групп (Бюкк, Сакалхат, Желиз-Желизовце и др.), как полагают исследователи, в той или иной степени связанных своим происхождением с более ранними местными культурами — КЛЛК или алфелдской линейной керамикой [272; 166; 315]. Для них характерна посуда с врезанным линейным орнаментом, часто инкрустированным белой и красной пастой и дополненным прокраской участков поверхности сосуда после его обжига. Упомянутые культуры и культурные группы практически не знают металла. Можно назвать лишь четыре медные бусинки, найденные при погребении группы Сакалхат в Чанителеке [263, с. 9—10] и шило с поселения Несмей группы Желиз [214, с. 333].

К началу IV тыс. до н. э. ситуация здесь претерпевает заметные изменения [166, с. 227, 412—413]: в бассейне Тисы складывается одноименная культура; к западу от нее начинается развитие Лендьела — крупной культуры, или культурно-исторической области, охва-

тывающей задунайскую часть Венгрии, Западную Словакию, Моравию, значительную часть Польши и другие районы. Этим культурам присущи новые черты: крупные поселения, часто с оборонительными сооружениями (рвы, палисады); большие могильники на поселениях и рядом с ними; изготовление в значительном масштабе каменных шлифованных орудий; распространение медных изделий. Для раннего Лендьела характерна полихромная посуда, расписанная после обжига; на керамике Тисы, а также культурных групп Горжа [267], и др. появляется роспись, нанесенная черной и белой красками до обжига. Подчеркивая важность этих инноваций, В. С. Титов [166, с. 227] и другие исследователи относят Тису и Лендьел к последнему периоду неолита, тогда как Бюкк, Сакалхат, Желез-Желизовце и другие предшествующие им культуры и культурные группы рассматривают как средненеолитические.

Находки на памятниках культур Тиса, Херпай [273, с. 128, рис. 45] и Лендьел (в первую очередь в могильнике Зенговарконь) значительного количества медных изделий, составляющих целые серии [238, табл. XXXIV, 10, 18; XLI, 10; XLII, 2; XLIV, 19; 166, с. 390—391], позволяют нам именно с этими культурами связывать начало энеолита на территории Карпатского бассейна. При этом вполне вероятно стимулирующее влияние северо-балканских культур; во всяком случае, исследователи отмечают, что при наличии местной генетической линии культуры Тиса и особенно Лендьел (а также более мелкие культурные группы) формировались при сильном воздействии с юга [166, с. 365—366, 411—412; 267, с. 219—220].

Данные, позволяющие судить о взаимоотношениях культуры Прекукутени — раннее Триполье с энеолитическими культурами центральных и западных районов Карпатского бассейна, весьма ограничены. В главе IV мы уже писали о наличии в раннетрипольской среде редких керамических импортов из района Потисья и местных подражаний им. Напомним также о крышке с поселения Александровка, расписан-

ной изнутри белой краской по красной облицовке. Ее крестовидный рисунок с завитками спирали (рис. 69, 13) чужд Триполью, но встречается на украшенных полихромной росписью сосудах раннего Лендьела. В Асоде — одном из наиболее ранних лендьелских поселений Венгрии — найдены роговые топоры, орнаментированные мелкими округлыми ямками [270, рис. 287, 1, 6]. Так же украшен и боевой топор из рога, встреченный в Бернашевке (рис. 43, 2). Эти факты указывают на нерегулярные и, очевидно, опосредствованные контакты между посетителями указанных культур.

В. С. Титов подчеркивает моменты более общего сходства материальной культуры Лендьела и раннего Триполья: наличие каменных сверленных боевых топоров, лоцил из крупных костей животных, украшений из меди и раковин [166, с. 384, 388, 390]. Описывая наземные глинобитные жилища отдельных поселений культуры Тиса, исследователь указывает на их тождество с трипольскими площадками [166, с. 331—334]. Отмеченные выше черты сходства не позволяют, однако, сделать вывод о тесных связях раннего Триполья с Лендьелом и Тисой, так как они распространяются и на ряд других культур энеолита и неолита. Напомним, в частности, о наличии глинобитных домов на поселениях неолитической группы Сакалхат, предшествующей культуре Тиса [322]. Очевидно, здесь мы имеем дело с явлениями стадийного порядка, общими для многих земледельческих культур Юго-Восточной Европы.

Заканчивая краткий обзор раннего энеолита в разных регионах Юго-Восточной Европы, подчеркнем, что в археологических культурах этого времени фиксируется значительное сходство, наиболее наглядно проявляющееся в изготовлении керамики с врезанным линейным орнаментом (спираль, меандр, петлеvidный узор), часто инкрустированным белой и красной пастой; декоративном приеме прокраски участков поверхности сосуда после обжига, на смену которому приходит роспись до обжига; распространении каменных до

шлифованных орудий труда и боевых топоров. Можно говорить и о близости социально-экономических и этнических процессов, отраженных в интеграции родственных культур под эгидой наиболее развитых из них (Караново V и Боян, Лендьел).

Это сходство, очевидно, вызвано как стадильной общностью, так и упрочением межкультурных и прямых этнических контактов, в которых важную роль сыграло распространение металла. Последнее обстоятельство, однако, не следует переоценивать, как это делают некоторые авторы [170, с. 66—67]. Основное значение в развитии энеолитических обществ сохраняли такие факторы, как локальная особенность культур; системы хозяйства, соответствующие местным физико-географическим условиям; устойчивые этнические традиции.

Поэтому энеолит каждого района Юго-Восточной Европы характеризует свой специфический набор признаков, включающий типы поселений и жилищ, керамику, орудийный комплекс, погребальный обряд, предметы культа, состав культурных растений и домашнего стада и т. д.

В полной мере сказанное относится и к раннему Триполью. Как уже не раз отмечалось в этой работе, многие нити связывают его с нео-энеолитическими культурами балкано-дунайского региона: выемчатый орнамент керамики (Боян, Вадастра, Сава) и каннелюры (Винча, Боян); глинобитные жилища-площадки (Винча, Боян) и др. Некоторые из этих черт обусловлены генетическим вкладом культуры Боян. Весьма выразительны и кришские элементы в керамическом комплексе раннетрипольских памятников. В целом же индивидуальность раннего Триполья

как самостоятельного явления в кругу энеолитических культур Европы вполне очевидна и проявляется в технологических особенностях, формах и орнаментации посуды, пластике, орудиях труда из кремня, типах жилищ. Унаследованные от материнских культур черты, в первую очередь, — врезанный спиральный орнамент керамики и каннелюры, глинобитные площадки — закрепляются в раннем Триполье, совершенствуются и становятся его определяющими признаками. «Консервации» последних и усугублению специфики культуры способствовала мобильность раннетрипольских племен, увеличивающая их отрыв от родственного энеолитического населения балкано-дунайского и карпатского регионов.

Если в неолите Пруто-Днестровское междуречье было далекой и сравнительно слабо заселенной периферией раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы (Криш, КЛЖК) с характерной для нее «тотальной прерывностью и нестабильностью развития» [314, с. 43—44], то в начале энеолита ситуация меняется. С появлением здесь, а затем и в Побужье, раннетрипольских племен эта территория прочно осваивается ими, вовлекается в процесс энеолитизации (упрочение и совершенствование производящих форм хозяйства, распространение металла), становясь плацдармом для дальнейшего продвижения на восток.

Это продвижение связано уже с следующим этапом развития Триполья, на котором его самобытность еще нагляднее проявляется на фоне энеолитических культур Юго-Восточной Европы, а значение как распространителя важнейших достижений земледельческого энеолита в новой культурной и этнической среде резко возрастает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце V — начале IV тыс. до н. э. историческая обстановка на территории Юго-Восточной Европы претерпевает заметные изменения. Ряд старых неолитических культур (прежде всего КЛЛК) прекращают существование, оставив после себя более мелкие культуры и культурные группы. Другие (Винча, Боян) продолжают развиваться, постепенно переходя на новый, энеолитический, путь. На археологической карте Юго-Восточной и Центральной Европы появляются крупные культуры, по-видимому, не имеющие местных генетических корней (Лендзел). Для конца неолита и времени перехода к энеолиту характерны перемещения значительных групп населения, миграции, приводящие к формированию новых культур и дальнейшему расширению балкано-дунайской земледельческой ойкумены.

В ходе одной из таких миграций часть носителей культуры Боян проникла из Подунавья в Юго-Восточную Трансильванию и прикарпатские районы Молдовы, ассимилировав здесь остатки местного неолитического населения (потомки племен КЛЛК). Эти события дали толчок продолжительному генетическому процессу, в котором, очевидно, приняли участие и другие группы неолитического населения Молдовы и соседних территорий — носители культур Криш, Турдаш и др. Конечным результатом этого процесса стало сложение нового этнокультурного организма, археологическим проявлением которого являются ранние памятники культуры Прекукутени, появившиеся в начале IV тыс. до н. э. на правобережье

режье Сирета. Вскоре после завершения процесса сложения культуры Прекукутени часть местного населения в ходе сравнительно быстрой миграции заселила Восточную Молдову и Пруто-Днестровское междуречье, оставив здесь памятники, традиционно относимые уже к раннему Триполью. Дальнейшее развитие культуры Прекукутени — раннее Триполье также связано с постоянным продвижением ее носителей на восток.

Несмотря на внутреннее единство этой культуры, постепенно начинает проявляться специфика памятников западного и восточного ее регионов, условную границу между которыми можно провести в Пруто-Днестровском междуречье. Позднее, к середине IV тыс. до н. э., когда культура приобрела новые черты, свидетельствующие о ее переходе на следующий этап развития (сравнительно крупные поселения с глинобитными жилищами, расположенные на высоких участках; полихромная керамика из отмученной глины; кухонная посуда с примесью ракушки и др.), эти различия становятся устойчивыми и выразительными.

По мнению многих исследователей (В. Думитреску, В. Н. Давиленко, Т. Г. Мовша, Е. В. Цвек), на развитом этапе в рамках единой культурно-исторической области Кукутени — Триполье выделяются два крупных автономных ареала — западный и восточный.

Несмотря на то, что в западном ареале (Молдова и Пруто-Днестровское междуречье) конечная фаза культуры Прекукутени не вполне ясна, начало следующего этапа обозначено появле-

нием на ряде поселений прикарпатской части Молдовы (Извоаре II, 1 и др.) бихромной керамики, расписанной до обжига белой (изредка красной) краской по залощенному до блеска коричневатому или темному покрытию — ангобу. Характерны простой геометрический или спиральный мотивы росписи; часто она сочетается с углубленным спиральным узором и каннелюрами. Практически одновременно с этими сосудами, украшенными, по определению В. Думитреску, «росписью старого типа», появляется и полихромная керамика, отличающаяся от них составом глины и обжигом; роспись на такой посуде никогда не выступает вместе с углубленным орнаментом [249, с. 546—547]. Если на ранней фазе культуры Кукутени (A1—A2, по В. Думитреску, или Протокукутени, по Р. Вульпе) расписная посуда обоих типов еще выступает вместе, то вскоре (фаза Кукутени A3) повсеместно доминирует высококачественная керамика, украшенная белой, черной и красной росписью. Появление этой посуды связано, по мнению румынских археологов [246, с. 66—67], с импульсом из Центральной Трансильвании, где носителя культуры Петрешти уже украшали свою керамику полихромной росписью. Преобладание расписной посуды в керамическом комплексе поселений, расположенных между Восточными Карпатами и Днестром, становится основной чертой западного ареала культуры Кукутени-Триполье.

В восточном ареале [179] генетическую линию раннего Триполья продолжают памятники типа Борисовки, по ряду признаков уже отличающиеся от раннетрипольских поселений. Почти все они расположены на повышенных участках местности (высокие берега рек, край плато), что указывает на определенные перемены в хозяйстве их обитателей по сравнению с ранним Трипольем. Дома на поселениях обычно состоят из двух частей — наземной глинобитной и примыкающей к ней углубленной [181, с. 164—165].

Изменения коснулись и керамического комплекса описываемых памятников: появляются новые типы сосудов (боль-

шие грушевидные горшки со стянутым венчиком или плоско срезанным краем; высокие конические крышки с широким плоским навершием; биноклевидные сосуды и др.); углубленный спиральный орнамент наносится в виде широких проглаженных желобков и сопровождается большими глубокими ямками; каннелюры по ребру снабжены крупными оттисками зубчатого штампа. В целом же в керамике памятников борисовского типа хорошо заметна раннетрипольская традиция изготовления посуды с углубленным и рельефным орнаментом, часто заполненным белой пастой и прокрашенным охрой после обжига сосуда. Эти памятники практически не знают расписной посуды, лишь на нескольких фрагментах керамики из Борисовки имеются следы белой краски [196, с. 5]. Пластика борисовских памятников по форме и орнаменту близка раннетрипольским статуэткам II типа.

Е. К. Черныш рассматривает памятники борисовского типа в качестве локального варианта трипольской культуры этапа В/1 [196]. Полагаем, что они непосредственно предваряют начало развитого Триполья, которому в Среднем Поднестровье отвечает Поливанов Яр III₁ [141], а на Южном Буге — поселение у Березовской ГЭС [182] и его аналоги. По-видимому, памятники борисовского типа по времени можно сопоставить с наиболее ранними кукутенискими поселениями фазы A1—A2.

Начало развитого Триполья ознаменовано заметным усилением контактов между двумя ареалами Кукутени — Трипольской культурной области. На многих памятниках Поднестровья появляется посуда из отмученной глины, с полихромной росписью, типичной для керамики фазы Кукутени A3. В наиболее ранних жилищах Поливанова Яра она составляет до 10 % керамического комплекса при доминировании обычной посуды с углубленным спиральным орнаментом, каннелюрами и ямками [131, с. 110; 140, с. 5—6]. Возможно, здесь мы имеем дело с импортами из западного ареала. Однако вскоре полихромная расписная керамика уже коли-

чественно преобладает на днепровских поселениях этапа В/1 (Поливанов Яр III₂, Дарабаны и др.). В Побужье влияние западного ареала ощущается гораздо слабее. На Березовском поселении, в частности, найдено ограниченное количество импортной кукутеньской керамики; попытки местных гончаров наладить собственное производство расписной посуды не были удачными [185, с. 227—228]. В глубинные районы восточного ареала полихромная керамика практически не проникала. На поселении Красноставка в междуречье Южного Буга и Днепра встречены фрагменты сосудов с темно-красной росписью по белесоватому фону [181, с. 171], напоминающей роспись «старого типа» на посуде фазы Кукутени А1—А2.

Если расписная полихромная посуда на поселениях начала развитого Триполья связана с влиянием западного ареала, то примером обратного влияния могут служить новые формы керамики, появившиеся на кукутеньских памятниках Молдовы. Речь, прежде всего, идет о так называемых биноклях, чуждых культурам Прекукутени и Кукутени А1—А2, но в значительном количестве встречающихся уже на памятниках борисовского типа. В Молдове они становятся известны на фазе Кукутени А3 [249, с. 547—549], т. е. когда в восточном ареале появляется полихромная посуда.

Продолжают также сохраняться и укрепляться связи Триполья с близкими культурами Балкан, Подунавья и других районов, налаженные еще на раннем этапе. В середине — второй половине IV тыс. до н. э. в разных частях Юго-Восточной Европы действовали родственные очаги металлургии и металлообработки, базирующиеся на месторождениях Северной Фракии, Северо-Западных Балкан, Трансильвании и связанные с разными культурами развитого энеолита. Е. Н. Черных, выделивший эти очаги и объединивший их в большую Балкано-Карпатскую металлургическую провинцию, установил, что в наиболее восточном (Трипольском) очаге мастера обрабатывали чистую медь северо-фракийского, а за-

тем и трансильванского горнорудных районов [190, с. 88, 264].

Сохраняя традиционную ориентацию на балкано-дунайский земледельческий мир, Триполье при переходе на развитой этап вплотную соприкасается с неолитическими культурами Поднепровья и Причерноморья. Проникновение трипольцев, оставивших памятники борисовского типа, в междуречье Южного Буга и Днепра, способствовало их контактам с носителями днепро-донецкой культуры, обитавшими в приднепровских районах. Свидетельством этих контактов служат фрагменты трипольской керамики, найденные на неолитических поселениях Среднего Поднепровья. В расположенном южнее Никольском могильнике обнаружен целый горшок, обычный для памятников борисовского типа [160, с. 192—193, рис. 58, 1].

Сейчас могильники мариупольского типа, к которым принадлежит и Никольский, принято включать в большую культурно-историческую область («мариупольскую»), занимающую Черноморско-Каспийскую Степь и Лесостепь и относящуюся к раннему энеолиту [31, с. 17—18; 116, с. 6—15]. Представляется, что все культуры, входящие в эту область, следует считать поздне-неолитическими, так как они практически не знают металла. Исключением является Никольский могильник, где обнаружены четыре медные бусины и подвеска, судя по составу металла, — несомненно трипольские импорты [188, с. 66—68; 160, с. 156, рис. 52, е]. Золотая подвеска, найденная в этом же могильнике, заставляет вспомнить о золоте Варненских некрополей.

Таким образом, именно трипольцы познакомили своих соседей с металлом, способствуя переходу ряда степных и лесостепных культур к востоку от Днепра на новый этап развития. Начало энеолита в степной причерноморской полосе отмечено появлением здесь своеобразной культурной группы, пока представленной лишь могильниками и отдельными погребениями (Касимча, Кайнары, Суворово, Петро-Свистуново, Яма и др.). Д. Я. Телегин отнес некоторые из этих памятников к среднесто-

говской культуре, выделив их в особый новоданиловский тип [161, с. 102—115]; нами эти могильники рассматривались в качестве самостоятельной культурной группы, названной памятниками типа Касимча-Петро-Свистуново [60, с. 72, 74—75]. При многих погребениях здесь найдены медные предметы: провололочные пружинные браслеты в два — четыре оборота, простые браслеты из проволоки или пластинки, пронизи, бусы, шилья и др. Ближайшие аналогии им (браслеты, бусы) есть в Карбунском кладе [153, рис. 4—6] и материалах поселений Извоаре II [332, с. 273], Хэбэшети [253, рис. 29; 41]. Как показал спектральный анализ этих изделий, они связаны с кукутено-трипольским очагом металлообработки, а через него — с металлургическим центром Балкан [224, с. 323]. Медные изделия, полученные от трипольцев, и, очевидно, навыки металлообработки, заимствованные у них, передавались в родственной культурной среде далеко на восток. Так, металлы раннеэнеолитического Хвалынского могильника в Поволжье также происходят, по заключению Е. Н. Черных, из очагов Балкано-Карпатской металлургической провинции [31, с. 22—34, табл. 38, 26; 224, с. 323].

В начале развитого Триполья устанавливаются контакты между трипольскими племенами и носителями среднестоговской культуры, занимающей южные районы Лесостепи. В результате на ранних среднестоговских поселениях Надпорожья появляется расписная трипольская керамика [161, с. 124—125; 45, с. 49, рис. 25в; 13]. Благодаря трипольцам среднестоговские племена познакомились с металлом [224, с. 323]; со временем ими были восприняты не-

которые навыки земледелия и связанные с ним определенные культовые идеи, нашедшие отражение в глиняной пластике [161, с. 34, 79], чуждой скотоводческим культурам. В свою очередь, трипольцы заимствовали у носителей среднестоговской культуры технологию изготовления кухонной посуды с обильной примесью ракушки в тесте [120], ставшей неотъемлемой частью керамического комплекса поселений не только восточного, но и западного [237] ареала культурно-исторической области Кукутени-Триполье на протяжении всего ее существования.

Таким образом, уже со второй половины IV тыс. до н. э. степная полоса Восточной Европы становится фактором не разделяющим, но объединяющим общества с различным хозяйственным укладом [117, с. 74]. Роль трипольской культуры как важнейшего связующего звена в цепи этих контактов была подготовлена всем предшествующим периодом ее развития.

Подводя итог изложенному в этой работе, отметим, что на последующем, среднем этапе Триполья нашли естественное продолжение и дальнейшее развитие все черты материальной и духовной культуры раннетрипольских племен. Их потомки, унаследовав старые традиции, создали мощную и жизнестойкую культуру. Являясь восточным форпостом массива балкано-дунайских земледельческих культур, Триполье отнюдь не выглядит их бледной провинциальной копией. Вступив в тесный контакт со степным скотоводческим миром, воздействуя на него и сама преобразаясь под его воздействием, трипольская культура стала самобытным и ярким явлением, оставившим заметный след в древней истории Юго-Восточной Европы.

СВОД РАННЕТРИПОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

ПОПРУТЬЕ

1 (103)*. ВИТИЛОВКА Кицманского района Черновицкой области. Левый берег р. Совица — левого притока Прута.

Поселение открыто экспедицией Черновицкого краеведческого музея в 1948 г. [164, с. 409—410] и тогда же обследовано Трипольской экспедицией ИА АН СССР [131, с. 90—91]. Обнаружены остатки глинобитной площадки и яма, заполненная бытовыми отходами. Собрана небольшая коллекция керамики и орудий труда. Поселение частично разрушено земляными работами.

2 (104). КИЦМАНЬ, райцентр Черновицкой области. Правый берег р. Совица.

Поселение, лежащее на первой террасе, открыто Б. А. Тимощуком в 1971 г. Обнаружены следы нескольких глинобитных площадок и собрана небольшая коллекция керамики (фонды Черновицкого краеведческого музея).

3 (98). КОРОВИЯ Глыбокского района Черновицкой области.

Поселение открыто в 1948 г. разведками Черновицкого краеведческого музея. Собрана небольшая коллекция раннетрипольской керамики, хранящаяся в фондах музея.

4 (101). НОВОСЕЛКА Кицманского района Черновицкой области. Левый берег р. Совица.

Поселение, открытое Б. А. Тимощуком и обследованное им в 1955, 1964 и 1971 гг., расположено на первой речной террасе, на северной окраине села (уроч. Селище). В свлосных ямах на глубине 1—1,5 м обнаружены следы двух площадок. Собрана коллекция керамики, хранящаяся в местной школе и фондах Черновицкого краеведческого музея.

5 (102). СТАРОСЕЛЬЕ Кицманского района Черновицкой области.

В фондах Черновицкого краеведческого музея хранится небольшая коллекция керамики, собранная на поселении в 1955 г.

6 (100). ЧЕРНОВЦЫ. Левый берег р. Прут. Поселение, находящееся в уроч. Гореча (левый низкий берег ручья, впадающего в Прут), разрушено при строительстве турбазы

в 1971 г. Б. А. Тимощуком зафиксированы остатки глинобитной площадки и собрана небольшая коллекция керамики (фонды Черновицкого краеведческого музея).

7 (99). ЧЕРНОВЦЫ. Правый берег р. Прут.

Поселение открыто в 1968 г. при строительных работах [165]. Оно расположено в южной части города, на правом берегу р. Кисся, занимает участок 200×100 м, с севера и юга ограниченный оврагами. В траншеях зафиксированы остатки пяти глинобитных площадок.

Полностью раскопано находящееся в северной части поселения жилище 1 (10×5 м). Под завалом глиняной обмазки мощностью 3—4 см с отпечатками лозы и плаха на земляном полу открыты остатки двух глинобитных печей с вымостками-предпечьями. В 10 м к востоку от жилища открыта овальная яма (диаметр 0,5 м, глубина 0,4 м) с культурными остатками (полуземлянка?).

В частично раскопанном жилище 2 (северо-западная часть поселения) под завалом стен на земляном полу обнаружен череп быка. В жилище 3 (северная часть поселения) на площади 12 м² вскрыт глинобитный пол мощностью 6—8 см, на котором находились развалы сосудов.

Коллекция, собранная на поселении, состоит из 300 фрагментов керамики, немногочисленных орудий труда и предметов пластика (хранится в фондах Черновицкого краеведческого музея и археологического музея Черновицкого госуниверситета).

ПОДНЕСТРОВЬЕ

8 (109). БАБШИН Каменец-Подольского района Хмельницкой области. Поселение находится к северо-западу от села, на пологом склоне первой террасы левого берега Днестра (25—30 м над уровнем реки). Открыто Среднеднестровской экспедицией ИА АН УССР в 1969 г. и обследовано в 1970 и 1973 гг. На площади 0,5 га обнаружены остатки двух разрушенных площадок и наземного жилища с участками глинобитной вымостки. В стенке старой траншеи зачищены остатки землянки длиной около 3 м и глубиной 0,8 м. В фондах ИА АН УССР хранится около 200 фрагментов керамики и 50 орудий труда из кремня, камня и кости, собранных на поселении.

* Номер в скобках соответствует номеру поселения на карте (рис. 1).

9 (113). БЕРЕЗОВСКИЕ ХУТОРА Мур-Курловецкого района Винницкой области.

Многослойное трипольское поселение расположено на мысовидном участке второй террасы левого берега Днестра (высота до 20 м). Среднеднепровской экспедицией в 1969 г. здесь собрана небольшая коллекция раннетрипольской керамики (фонды ИА АН УССР).

10 (115). БЕРНАШЕВКА I Могилев-Подольского района Винницкой области.

Поселение на юго-западной окраине села, близ устья р. Жван — левого притока Днестра занимает небольшой холм-останец на краю первой надпойменной террасы Днестра. Исследовано автором в 1972—1975 гг. [63]. На площади 100×110 м обнаружено семь площадок, шесть из которых располагались по кругу, а седьмая находилась в центре круга (рис. 9).

Жилище 1, ориентированное по линии СВ-ЮЗ, достигало в длину 13—14 м при ширине 4,5 м. Мощность глинобитного пола от 5—6 до 10—12 см; непосредственно на полу находок мало. Печи и очаги отсутствуют. Вдоль краев жилища (особенно в его восточной части) встречены многочисленные обломки известняка; культурный слой здесь насыщен археологическими остатками. При раскопках жилища встречено более 800 фрагментов керамики, 269 кремневых изделий, многочисленные орудия труда из камня, кости и рога, и предметы пластики.

Жилище 2, подпрямоугольных очертаний, достигало в длину 18—19 м при ширине около 8 м и ориентировано по линии З—В (рис. 24). Мощность глинобитного пола 10—12 см. В западной части жилища (третья часть всей площадки), по-видимому, находилась открытый очаг, от восточной части она отделена коридором шириной до 1,5 м, где почти нет обломков глины, но встречено много камней. Вдоль северного края жилища, уже за его пределами, находились скопления костей животных, множество камней, раковин, отщепов и орудий труда из кремня (очевидно, бытовые отходы). При раскопках жилища найдено более 2600 фрагментов керамики, 1000 кремневых изделий, многочисленные орудия труда и украшения из сланца, кости и рога, створки раковин, более 20 глиняных статуэток.

Жилище 3 находилось в центре круга, образованного другими постройками. Здесь зафиксированы два строительных горизонта. Жилище нижнего горизонта (глубина 0,6—0,8 м), очевидно, было прямоугольным в плане (12×8 м), ориентированным по линии С—Ю. Глинобитный пол мощностью от 6—8 до 15—17 см снизу несет отпечатки толстых веток деревьев. У западного края, вероятно, находился очаг, рядом с которым расчищена небольшая яма с остатками нескольких сосудов. У северо-восточного угла жилища обнаружены развалы 15 сосудов, возможно, здесь находилась кладовая. У южного края площадки располагались производственные участки. Повсеместно встречены многочисленные фрагменты керамики, кремневые

изделия, кости животных. Жилище носит явные следы пожара — грунт под ним местами обожжен до черноты.

Жилище верхнего горизонта (глубина 0,3—0,4 м) в плане совпадает с нижележащим лишь частично. Более или менее компактный участок глинобитного пола выявлен в его восточной части на площади 13 м², мощность его 10 см. Здесь находился округлый в плане очаг с плитчатой обмазкой мощностью 5 см. В северо-восточном углу отмечена повышенная концентрация кремневых изделий и отходов кремнеобработки (рабочая площадка или мастерская). К западу от жилища расчищены значительные скопления культурных остатков — бытовые и кухонные отбросы.

Инвентарь обоих горизонтов совершенно идентичен. Всего здесь найдено более 5100 фрагментов сосудов, 1000 кремневых изделий, многочисленные орудия труда из камня, кости и рога, предметы пластики.

Жилище 4, ориентированное по линии З—В, сохранило сильно разрушенный глинобитный пол (мощностью 7—9 см) на участке 7×3 м. Никаких конструктивных деталей проследить не удалось. Вдоль краев площадки залегали плитчатые обломки известняка. Возможно, с севера к жилищу примыкало небольшое легкое помещение типа сарая. За ним на большой площадке расчищено мощное скопление камней, костей животных (более 1700); к северу от жилища — повышенная концентрация кремня: отходы, нуклеусы, готовые изделия. По-видимому, рядом с жилищем под открытым небом располагалась мастерская, а затем — участок для сброса бытовых отходов. В жилище найдено около 1900 фрагментов сосудов, 1000 орудий труда из кремня, 25 сланцевых орудий, костяные шпиль, иглы, роговые мотыги, 15 предметов пластики.

Жилище 5, ориентированное по линии З—В и имеющее подпрямоугольные очертания, достигало в длину 9 м при ширине 3,5 м. Более или менее компактное залежание остатков глинобитного пола отмечено лишь на западном конце площадки. На некоторых плитчатых обломках пола (мощность 7—9 см) сверху заметны отпечатки узких деревянных плашек, снизу — оттиски лозы или довольно толстых веток. Непосредственно за восточным краем площадки, на участке около 12 м² расчищено мощное скопление камней, костей, раковин, кусков кремня и орудий из него (керамики немного). По-видимому, здесь находилась рабочая площадка. В 5—6 м к северо-западу от жилища обнаружен небольшой участок с глинобитным покрытием и рядом с ним — вымостка из округлых известняковых гальшеш. Здесь найдены фрагменты керамики, большие кости животных, обломки кремня и около десятка кремневых отбойников. Вероятно, этот комплекс указывает на наличие здесь небольшого помещения (сарая), связанного с жилищем 5 и имеющего хозяйственное либо производственное назначение. В жилище найдено более 1600 фрагментов керамики, более 500

кремневых изделий, немногочисленные орудия из камня и кости, несколько глиняных статуэток. Жилище 6, находящееся на небольшой глубине, оказалось полностью разрушенным. Можно предположить, что оно имело подпрямоугольные очертания, длиной осью было ориентировано по линии СВ-ЮЗ и достигало в длину 10 м при ширине 5 м. Глинобитный пол мощностью 5—6 см более или менее компактно залегал лишь в восточной части жилища. Вдоль западного края цепочкой протянулись плитчатые обломки известняка довольно больших размеров. При раскопках жилища 6 найдено около 1800 фрагментов сосудов, более 500 кремневых изделий, 19 сланцевых орудий, предметы из кости и рога, десяток антропоморфных глиняных статуэток.

Жилище 7, совершенно разрушенное плугом, не раскапывалось.

Ниже уровня глинобитных площадок, на всей площади поселения залегал культурный слой мощностью 0,3—0,5 м, состоящий в основном из крупных костей животных (преимущественно диких). Много камней разных размеров; орудия труда и особенно керамика встречаются гораздо реже, чем в слое, связанном с площадками. Этот слой отражает начальный период существования поселка, когда его основатели жили в легких наземных жилищах, не имеющих глинобитных полов.

11 (114). БЕРНАШЕВКА II Мур-Куриловского района Винницкой области.

Поселение находится в 3 км к северу от предыдущего пункта, на краю высокой (до 20 м) первой террасы левого берега Днестра; площадь его около 0,5 га; открыто в 1968 г. Среднеднестровской экспедицией. В стенах оврагов, пересекающих поселение, на глубине 0,5—1 м защищены остатки трех глинобитных площадок и несколько ям. Собрана коллекция керамики и орудий труда (фонды ИА АН УССР).

12 (118). БЕРНОВО Кельменецкого района Черновицкой области (уроч. Лука).

Поселение — на западной окраине села, на краю первой террасы правого берега Днестра (высота 5 м). Исследовалось Т. С. Пассек в 1951 г. [131, с. 42—60]. Культурный слой зафиксирован в береговом обрыве на протяжении более 200 м, однако поселение оказалось разрушенным оползнями. Удалось доисследовать четыре землянки, частично уцелевшие.

Жилище 1 (длина около 4 м, ширина 2,4—3,2, глубина 2,2 м), в плане напоминающее восьмерку, расположено перпендикулярно береговой линии. В южной его части, в углублении, находился очаг с глиняной обмазкой. В заполнении землянки отмечены четыре прослойки песка — следы паводков Днестра.

Жилище 2, также состоящее из двух сообщающихся ям (рис. 10), расположено в 3 м от первого параллельно берегу. Длина его около 6 м, максимальная ширина 3,8, глубина 2,8 м. Лессовая перемычка отделяла восточную (жилую) часть землянки от запад-

ной. В обеих частях дно было обмазано глиной. Здесь залегал слой угля, зола, раковин *Unio*, содержащий очажные камни, зернотерки, кости животных, чешую и кости рыб. В заполнении жилища также отмечены четыре прослойки речного песка, чередующиеся с прослойками угольков.

Жилище 3 (сильно разрушенное) имело вид неправильного овала длиной до 8 м, глубина его до 2 м. Дно неровное: с юго-восточной стороны зафиксированы два уступа-ступеньки; в северо-западной части находился небольшой подбой и залегали очажные камни. У дна почти на всей площади жилища отмечено интенсивное скопление зола и раковин *Unio*.

Жилище 4, расположенное в 1,5 м от предыдущего, исследовано частично. Землянка имела овальные очертания (4×3,4 м) при глубине 1,6—2,2 м. Неровное дно с восточной стороны имело три уступа (вход?), на дне — остатки глиняной обмазки, скопление угольков и большое количество очажных камней. В заполнении четко видны углистые прослойки, чередующиеся с тонкими прослойками речного песка. Начиная с глубины 1,8 м почти на всей площади жилища залегал слой створок раковин *Unio* мощностью 15—25 см.

Заполнение всех землянок исключительно насыщено культурными остатками. Всего при раскопках получено около 3,3 тыс. фрагментов керамики, более 700 изделий из кремня, многочисленные орудия из камня и кости, три медных предмета и около 60 экз. антропоморфной пластики.

13 (119). БЕРНОВО (уроч. Маливки).

Поселение площадью около 3 тыс. м² находится на пологом склоне первой террасы правого берега Днестра, в 2 км к востоку от предыдущего пункта. В 1978 г. Среднеднестровской экспедицией здесь заложены ряд разведочных шурфов и траншей. Культурный слой, залегающий на глубине 0,3 м, совершенно разрушен вспашкой. Обнаружены следы наземного жилища с тонкой (2,5 см) плитчатой подмазкой пола и остатками нескольких очень обожженных сосудов. Материал хранится в фондах ИА АН УССР.

14 (108). БРАГА Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Поселение, открытое в 30-х годах М. Я. Рудинским и обследованное в 1946 г. [24, с. 120—122, табл. 1, 1—11], находится к юго-востоку от села, на первой террасе левого берега Днестра. Здесь собрана небольшая коллекция керамики и кремневых изделий (фонды Киевского Исторического музея и ИА АН УССР). Сейчас поселение полностью разрушено оползнями и земляными работами.

15 (125). ВОЛОШКОВО Сокирянского района Черновицкой области.

Поселение расположено в 0,5 км от северной окраины села, на мысовидном участке высокой (до 30 м) первой террасы правого берега Днестра (уроч. До жолубка). Обследовано Среднеднестровской экспедицией в 1969 г. На площади около 0,5 га вместе

с керамикой начала позднего Триполья здесь собраны немногочисленные фрагменты ранне-трипольской посуды и характерная антропоморфная статуэтка (фонды ИА АН УССР).

16 (121). ВОРОНОВИЦА Кальмеевского района Черновицкой области.

Поселение находится в 1,5 км к западу от села, на краю первой террасы правого берега Днестра (5—6 м над уровнем реки). Открыто Среднеднестровской экспедицией в 1968 г., исследовано в 1990 г. [64, с. 248—249].

Многочисленные разведочные шурфы на всей площади поселения (80×30 м) показали наличие слабо выраженного культурного слоя на глубине 0,5—0,8 м. В северо-западной части поселения обнаружено наземное жилище плохой сохранности, очевидно, имевшее прямоугольную форму (11×8 м) и ориентированное по линии 3—В (рис. 18). На земляном полу найдены развалы нескольких сосудов, кости животных, небольшие скопления раковин, многочисленные камни, залегающие по контуру жилища и имеющие следы обжига. Местами встречены куски обожженной глины в виде тонких (2—3 см) плиток, изредка — с отпечатками лозы снизу, очевидно, провисающие с рухнувших стен или потолка жилища. У восточного края обнаружена компактная кучка кремней (66 отщепов и 22 скребка), видимо, зарытых в неглубокую ямку.

С поселения происходят около 500 фрагментов керамики, 100 орудий труда из кремня и многочисленные отходы кремнеобработки, несколько каменных топоров-тесел, мотыга из рога оленя (фонды ИА АН УССР).

17 (107). ЖВАНЕЦ Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Многослойное поселение на юго-западной окраине села занимает участок плато высокого левого берега р. Жванчак, неподалеку от ее впадения в Днестр. В 1974 г. Т. Г. Мовшей здесь открыты остатки наземной постройки, датированной автором раскопок времен раннего Триполья.

18 (108). ИСАКОВЦЫ Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Поселение расположено в центре села, на краю первой террасы (высота 5 м) левого берега Днестра. Открыто в 1970 г. Среднеднестровской экспедицией. При зачистке берегового обреза здесь встречено несколько фрагментов ранне-трипольской керамики и кремневых изделий.

19 (123). КОРМАНЬ Сокирянского района Черновицкой области.

Поселение находится на северной окраине села, на краю первой террасы правого берега Днестра (9—10 м над уровнем реки). В 1969 г. Среднеднестровской экспедицией здесь обнаружены три землянки, две из которых впоследствии уничтожены разливами Днестра, третья — исследована автором в 1978 г.

Землянка удлиненно-овальной формы, ориентированная по линии ЮЗ-СВ, достигала в длину 4 м при ширине 2,6 м и состояла из двух неравномерно углубленных частей (рис. 14). Первоначально была выкопана

северная, более глубокая (1,3 м) половина с кострищами в центре, затем — южная часть (глубина 0,9 м), отделенная от северной лессовой перемычкой. Лессом, выброшенным при ее прокопке, засыпано упомянутое выше кострище. На его месте возникло еще одно диаметром около 1,5 м. Северная половина — это жилая часть землянки, откуда происходит большинство находок; в южной части (с интенсивным волнистым заполнением) находилось углубление, забитое створками раковин Unio — спрессованными. Это помещение можно интерпретировать как хозяйственное.

Всего в землянке найдено более 600 фрагментов керамики, около 300 кремневых орудий и отходы кремнеобработки, несколько изделий из кости и рога, 11 антропоморфных статуэток (фонды ИА АН УССР).

20 (120). ЛЕНКОВИЦЫ Кальмеевского района Черновицкой области.

Поселение расположено в 3 км к северо-западу от села, на краю высокого (около 100 м) правого берега Днестра. Исследовалось Е. К. Черныш в 1950—53 гг. [191]. Площадь поселения 0,7 га; здесь вскрыто пять наземных жилищ-площадок и пять землянок*.

Жилище 1, видимо, прямоугольное в плане (8×5 м), ориентировано по линии С—Ю. Однослойный пол состоял из больших, слабо обожженных вальков глины. В южной части площадки обнаружены остатки печи на каркасе из прутьев, рядом с которой расположена вымостка из хорошо обожженных плиток. Еще одна печь находилась в северной части площадки. Ее под был выложен из плоских камней, лежащих на земле, а в основу стен положены крупные вальки глины. Находок в жилище очень мало.

Жилище 2, площадь которого 18×8—9 м, ориентировано по линии СВ—ЮЗ (рис. 25). Пол состоял из крупных обожженных вальков, местами лежащих в 3—4 слоя; вальки нижнего слоя имели отпечатки бревен и плах. В центре и по краям площадки найдены остатки трех печей, стоявших непосредственно на полу без специально выложенного пода. Глинобитные остатки печей сильно обожжены и ошлакованы. Рядом с ними находились небольшие возвышения с глиняной обмазкой мощностью 5—7 см, по-видимому, использовавшиеся для хозяйственных работ. У каждой печи найдены зернотерки и много керамики; всего из жилища происходят остатки не менее 50 сосудов, около 40 орудий труда, более 800 костей животных.

Жилище 3, совершенно разрушенное плугом, представлено обрывками глинобитной площадки из вальков, залегающих в два слоя (нижние вальки залегали более плотно и имели большую мощность).

Жилище 4 (8×5 м) имело однослойный глинобитный пол, уложенный непосредствен-

* На плане поселения (рис. 7) и в тексте арабскими цифрами обозначены площадки, римскими — землянки.

но на землю. В северной части площадки зафиксированы остатки печи, рядом с которой находилась небольшая вымостка из хорошо отгмученной глины. На восточном краю сохранились глиняные вальки, возвышающиеся на 15—20 см над уровнем площадки (остатки стен жилища, по предположению Е. К. Черныш). В северо-восточной и южной частях расчищены скопления керамики; в целом же инвентарь жилища 4 беден.

Жилище 5 площадью 10×4 —5 м находилось в 3 км к востоку от предыдущего и также было ориентировано по линии ЮЗ-СВ. Однослойный глинобитный пол лежал непосредственно на земле. Зафиксированы остатки восточной стены жилища в виде слабо обожженных кусков обмазки, перекрывающих площадку на участке в 10 м^2 . Предположительная высота стены — 2,5 м.

В южной части на площади 4 м^2 обнаружено компактное залежание ошлакованной обмазки — остатки печи, рядом с которой находилась яма глубиной 0,7 м, заполненная кусками обмазки, костями, керамикой, кроме того, у печи расчищены остатки плитчатого возвышения. Здесь, сконцентрирована большая часть находок, происходящих из жилища.

Жилище I в плане имело вид неправильного овала. Размеры землянки — $6,5 \times 5$ м при глубине немногим более 1 м. Она состояла из двух соприкасающихся ям, из которых западная, очевидно, имела хозяйственное назначение. В южной ее стенке находилась ниша-очаг, а рядом с ней расчищены куча створок раковин и небольшая хозяйственная яма. Впоследствии в жилище был произведен ремонт: засыпаны углубления пола, очаг перенесен к северной стенке. На относительно ровном полу верхнего жилого горизонта (0,5 м от древней поверхности) находились камни, развалы сосудов, зернотерка, скопления раковин, рога и кости животных. Всего из землянки происходит около 3,2 тыс. фрагментов керамики, более 150 орудий труда, 21 статуэтка и т. д.

Жилище II в плане имело форму неправильного овала, ориентированного по линии СВ-ЮЗ. Площадь землянки около 9 м^2 , глубина восточной части 0,45 м, западной — до 0,9 м. Пол в восточной части был обмазан глиной, а у северной стенки выстлан мелкими обломками известняка (здесь находился очаг и связанная с ним небольшая яма). В западной части круглые стенки землянки были укреплены глиняной обмазкой. На полу здесь расчищено скопление раковин и зафиксированы крупные обломки известняка.

Жилище III, обнаруженное под площадью 3, состояло из трех ям разных размеров, прилегающих одна к другой. Максимальная длина землянки (по линии С—Ю) 6,5 м, ширина (в среднем) 2,5, глубина до 0,6 м. Западная яма, круглая в плане, содержала очаг; пол ее частично покрыт глиняной обмазкой, на дне — скопление раковин. Две остальные ямы, очевидно, были жилищами. Находок в землянке немного.

Жилище IV в южной части было пере-

крыто площадкой 2. Овальная в плане землянка ($4 \times 3,5$ м) ориентирована по линии СВ-ЮЗ (рис. 13). Первоначально пол жилища был неровным, достигая в северо-восточной части глубины 1,5 м и понижаясь к южной стенке до 1,7 м. У западной стенки находилась очажная яма. Находок в этом жилом горизонте встречено очень мало. Через некоторое время неровности пола были засыпаны, он выложен мелким известняком и утрамбован. Очаг перенесли в северную часть землянки на специальную площадку, обмазанную глиной и имеющую невысокий бортик. Здесь находилось большое скопление раковин. В заполнении верхней части жилища отмечена значительная примесь пепла. Отсюда происходит большое количество культурных остатков, в том числе более 500 орудий труда, медный браслет, предметы пластика.

Жилище V находилось непосредственно у края площадки 5. В плане землянка имеет форму неправильного овала (диаметром около 2,2 м), ориентированного по линии СВ-ЮЗ. Максимальная глубина 1 м, с южной, пологой стороны, возможно, находился вход. Дно неровное, с уступом в северо-западной части, где обнаружено кострище (очажная яма имела небольшой подбой). В землянке собран значительный вещественный материал (в основном у очага).

Еще одна землянка, непосредственно у северо-западного угла площадки 2, была вскрыта на площади 3 м^2 .

Кроме площадок и землянок, на северной окраине поселения открыты остатки легкого наземного жилища. В раскопе площадью около 50 м^2 залегал культурный слой мощностью до 0,2 м. Последний был чрезвычайно насыщен фрагментами и развалами сосудов, костями животных, орудиями труда из кремня и отходами их производства. Найдены также обломки глиняной обмазки с половой (вероятно, остаток стен).

21 (112). ЛОЕВИЦЫ Новоушицкого района Хмельницкой области. В 1 км к югу от села, на краю первой террасы левого берега Днестра (высота 5 м) Среднеднестровской экспедицией (1968 г.) собраны немногочисленные фрагменты раннетрипольской керамики.

22 (111). ЛУКА-ВРУБЛЕВЕЦКАЯ Камелец-Подольского района Хмельницкой области.

Поселение на южной окраине села, на первой террасе левого берега Днестра высотой 2—2,5 м. В 1945—1950 гг. раскопками под руководством С. Н. Бибикова [14] здесь исследовано семь углубленных жилищ, располагавшихся в один ряд вдоль берегового обрыва на участке длиной около 150 м (рис. 8).

Жилище 1 наполовину разрушено оползнями. Это овальная яма (длина около 8 м, ширина сохранившейся части до 2 м, глубина до 1,4 м) с пологими стенками и неровным дном. У западной стенки в суглинке был вырезан обжигательный горн, сохранившийся наполовину. Заполнение содержит мощный слой золы и культурные остатки, представляющие собой бытовые отбросы. Очевидно,

покинутая обитателями землянка использовалась затем как мусорная яма.

Жилище 2, расположенное перпендикулярно береговому обрыву, имело овальные очертания. Длина его около 12 м, ширина 8 м, глубина до 1 м. Пол слегка повышается с юга на север; в северной его части на расстоянии 2,2 м одна от другой были выкопаны две округлые ямки (вероятно, для опорных столбов, поддерживавших крышу). В западной и южной частях землянки находились открытые очаги. С востока к ней непосредственно примыкала овальная площадка (1,3×0,9 м) из обожженной глины (возможно, остатки пола еще одного очага, связанного с жилищем).

Заполнение землянки включало обильную смесь золы и угольков: в средней его части отмечена прослойка спрессованных створок *Unio* толщиной до 10 см. Среди обильного инвентаря, найденного в жилище, следует отметить два колечка из медной проволоки и 84 статуэтки.

Жилище 3 (см. с. 27—29 настоящей работы).

Жилище 4 непосредственно примыкает к предыдущему и состоит из нескольких углублений. Собственно жилая часть площадью 5,2×5 м в плане приближалась к овалу (максимальная глубина 1,5 м), ориентированному по линии СВ-ЮЗ. Стенки землянки, за исключением северной, в верхней части имеют крутой невысокий уступ, а затем плавно понижаются к полу, представляющему собой группу соприкасающихся ям разной формы и глубины. В южной его части, над одной из ям, уже заполненной культурным слоем, обнаружен развал глинобитной печи. В 1 м к западу от жилого углубления находилась округлая яма (диаметр 3,5 м, глубина 1,18 м), судя по заполнению, использовавшаяся в хозяйственных целях. С востока к нему примыкали еще три небольшие ямы для хранения пищевых припасов.

В 2 м к востоку от жилища расположены в ряд еще три ямы, как бы вписанные в темное очажное пятно овальных очертаний (5×2,5 м). В двух из них диаметром около 2 м находилось мощное скопление раковин *Unio*, зола и угли (очажные ямы?). Наконец, в 9,5 м к востоку от жилого углубления находилась еще одна яма (№ 9), сохранявшаяся в длину на 2 м (ширина 1,5, глубина 1 м). Яма была заполнена золой попеременно с прослойками раковин, в северной ее стенке вырублена небольшая сводчатая ниша. На площади раскопа собрано несколько тысяч фрагментов керамики, большое количество орудий труда, обломок медного изделия, более 70 глиняных статуэток.

Жилище 5 замыкало поселение с запада. В плане это неправильный прямоугольник с закругленными углами площадью около 65 м (рис. 11). Глубина колеблется от 1 до 1,5 м; стены пологие. В жилище хорошо фиксируются два жилых горизонта.

Нижний горизонт непосредственно связан с ровным дном землянки, включающим 9 ям, наибольшая из которых (в юго-запад-

ной части), в свою очередь, состоит из четырех ям. Три из них размещены в ряд и соединены друг с другом. Остальные ямы, неправильно-овальные в плане (длиной от 1 до 2,6 м, глубиной 0,1—0,7 м), расположены в разных частях землянки. В центре ее находится большая яма в виде восьмерки. С этим горизонтом связано мощное золистое заполнение с большим числом находок. Так, при расчистке лишь одного метрового квадрата было собрано 1149 фрагментов керамики, 119 кремней, 358 костей животных и т. д.

После того, как жилище было залито паводком (следы последнего в виде прослоек шла хорошо заметны и в других землянках), его реконструировали. Уровень верхнего горизонта четко фиксируется прослойкой раковин *Unio* мощностью 10—12 см, выстилающей пол. В центре жилища, непосредственно на полу, находился открытый глинобитный очаг (мощность слоя глины 5—6 см), вокруг которого выявлены пять зернотерок. В одном метре от очага, в небольшом углублении обнаружены разрозненные кости детского скелета (культурное захоронение). От второго очага (в южной части жилища) сохранилась хорошо прокаленная глиняная обманка на участке 0,95×0,8 м; предположительно служил большой плоский камень, под которым находился специально захороненный череп быка. Слой вокруг очага насыщен культурными остатками. На полу жилища встречено большое количество плоских камней. Среди множества находок заслуживают упоминания медные прошивы и прутки, глиняная погребушка, птицевидный сосуд.

В береговом обрыве были зачищены контуры землянок 6 и 7, частично разрушенных оползнями. Первая имела корытообразный профиль со сравнительно крутыми стенками и слегка вогнутым дном (ширина 3,2 м, глубина чуть более 1 м). В заполнении отмечены два скопления раковин *Unio* и прослойка речного песка — следы паводка. Аналогичную картину дает землянка 7, ширина которой 2 м при глубине 0,6 м.

23 (110). ЛУКА-УСТИНСКАЯ Каменец-Подольского района Хмельницкой области.

Поселение — в 2 км к востоку от села, на краю первой террасы левого берега Днестра (высота 6 м), сильно разрушено оползнями. В 1953 г. Т. Д. Белановская доисследовала две из трех полуразрушенных глинобитных площадок, обнаруженных в береговом обрыве [10].

Жилище 1, прямоугольных очертаний (9×4 м), ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Пол состоял из одного слоя слабо обожженной глины, местами перекрытого плотными плитками толщиной 5 см. В северо-западной части площадки глина сильно обожжена, шлакована. Находки в жилище немногочисленны: фрагменты керамики, костяной рыболовный крючок, статуэтка и др.

Жилище 2 находилось в 20 м от первого и имело такую же форму и ориентировку; размеры уцелевшей части 7×4 м. На одностороннем глинобитном полу (северо-восточная часть площадки) зафиксирован сильно ошла-

кованный развал печи, под которой состоят из крупных гладких глиняных плиток. Немногочисленные находки (среди них — медная пластинка) были сосредоточены в основном в центре жилища.

Непосредственно под площадкой выявлена овальная яма (1,7×1,3 м) глубиной 1,5 м, на дне которой залегал мощный компактный слой раковин. В засыпке ямы обнаружен череп подростка.

24 (122). МАКАРОВКА Кельменецкого района Черновицкой области.

Поселение находится в 2 км к западу от села, на краю узкого участка первой террасы правого берега Днестра (высота 5—6 м). В 1964 г. Среднеднестровской экспедицией расчищены остатки каменного очага, выступающие из берегового обреза. Собраны многочисленные фрагменты раннетрипольской керамики. Поселение полностью уничтожено водами Днестра.

25 (124). ОЖЕВО Сокирянского района Черновицкой области.

Поселение находится на восточной окраине села, близ устья ручья, впадающего в Днестр, и занимает участок первой террасы правого берега реки (высота 4 м). Обследовано Среднеднестровской экспедицией в 1970 и 1973 гг.

В береговом обресе на глубине 1 м заметны выходы культурного слоя. Зачищены контуры разрушенной землянки (длина до 4 м, глубина 1,3 м), в нижней части которой отмечено скопление раковин, кости животных, фрагменты керамики. Из культурного слоя происходят кремневые нуклеусы и орудия труда, а также массивная сланцевая мотыга.

26 (105). ОКОПЫ Борщевского района Тернопольской области.

Поселение находится в 2,5 км к востоку от села, рядом с устьем р. Збруч — левого притока Днестра, занимая нижнюю часть склона пологой первой террасы Днестра и Збруча. Высота ровного участка террасы (полоса шириной до 10 м) над уровнем воды около 5 м, далее к северу терраса постепенно повышается.

Поселение открыто Среднеднестровской экспедицией в 1969 г. и исследовано автором в 1978—1980 гг. На площади 70×40 м здесь обнаружено четыре наземных глинобитных жилища (рис. 6).

Жилища 1 и 2, расположенные рядом, разрушены обвалами берегового уступа, разрезаны глубокой плантажной вспашкой. Очевидно, они были расположены параллельно берегу по линии 3—В (рис. 19). О размерах первой площадки судить трудно, вторая могла достигать в длину 8—9 м при ширине около 6 м. В жилище 1 мощность глинобитного пола достигала 15 см; снизу на отдельных его обломках заметны отпечатки тонких стволов деревьев. В жилище 2 пол (толщина вальков 0,25—0,35 м) был уложен непосредственно на грунт.

Под площадками отмечена тонкая прослойка золы и угольков, ниже которой залегал мощный (до 0,5 м) культурный слой.

Находки в нем залегают бессистемно, не образуя скоплений. Нижняя граница слоя фиксируется на всей площади раскопа тонкой прослойкой раковин *Unio* на уровне древней дневной поверхности.

В западной части раскопа, на глубине 0,6—0,7 м ниже глинобитных площадок, на площади 8 м² расчищено скопление раковин *Unio* в виде купола высотой до 0,3 м (рис. 20). Тонкая стерильная прослойка грунта свидетельствует о том, что раковины ссыпались по крайней мере дважды. Здесь найдено около 200 фрагментов керамики, несколько десятков костей животных, камыш, мелкие угольки. С востока к скоплению раковин примыкала кучка речных галек и мелких обломков известняка (более 50). Рядом со скоплением вскрыта округлая яма (диаметр 1,8, глубина 0,65 м), выкопанная с уровня древней поверхности. В ней сверху найден крупный рог тура с остатками черепа, ниже залежали спрессованные раковины, перемежающиеся прослойками грунта с мелкими угольками. В заполнении ямы встречено также несколько десятков фрагментов керамики, речные гальки со следами нагара, кости животных и рыб. На самом дне лежали три больших обломка известняка.

Жилище 3 расположено в 50 м к северу от жилищ 1 и 2, вверх по склону террасы. Площадка залежала на глубине 0,3 м от поверхности, поэтому глинобитный пол неплохо сохранился лишь в центральной части жилища. По-видимому, постройка имела прямоугольные очертания и была ориентирована с севера на юг; предполагаемые ее размеры 14×9 м (рис. 26). Пол мощностью до 0,2 м был уложен на бревна диаметром 10 см; их отпечатки хорошо видны снизу на многих обломках глины. Детали внутреннего устройства жилища не прослеживаются, за исключением округлого открытого очага (диаметр 1 м) с прямым бортиком, находившегося у восточного края площадки. Культурные остатки на площадке немногочисленны; в большем количестве они встречены рядом с жилищем и под ним (на глубине до 0,3 м).

Жилище 4 находится в 20 м к северу от жилищ 1 и 2, несколько выше по склону. Оно совершенно разрушено вспашкой; от глинобитного пола остались лишь отдельные островки. Разведочные траншеи и шурфы помогли установить, что площадка имела подпрямоугольные очертания (10×4—5 м) и ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

С поселения происходит крупная коллекция керамики (около 8,5 тыс. фрагментов), 800 кремневых орудий, 70 изделий из сланца и камня других пород, 40 предметов из кости и рога и т. д. (фонды ИА АН УССР).

27 (116) и 28 (117). ОСЕЛІВКА Кельменецкого района Черновицкой области.

По сообщению Т. С. Пассек [131, с. 60], в 50-х годах Трипольской экспедицией ИА АН СССР вблизи с. Оселивки в урочищах «над Китрозой» и «над Плянцацей», несколько удаленных от Днестра, собран подземный материал раннетрипольского времени.

ДНЕСТРО-БУГСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ

29 (127). АЛЕКСАНДРОВКА, уроч. у с. Кирилловка Кодымского района Одесской области.

Поселение — на пологом берегу степной балки, по дну которой протекает ручей. Исследовалось Одесским археологическим музеем в 1951—1957 гг. [52], а затем — с 1971 по 1977 гг. [69; 70]. На площади около 3 тыс. м² открыто 13 наземных глинобитных жилищ, расположенных тремя рядами вдоль склона балки. Отрывочные сведения о некоторых из них приводятся в публикации и отчетах А. Л. Есиленко.

Жилище 1 в юго-восточной части поселения было частично разрушено земляными работами. Прямоугольная постройка (13,8 × 8,5 м) ориентирована по линии С—Ю. Мощность пола достигала 0,35 м, на месте стен прослежены полосы глинобитных вальков и небольшие ровики. Жилище состояло из трех помещений, разделенных перегородками; в северном находилась хозяйственная яма глубиной 0,95 м; в центральном — квадратная (2 × 2 м) глинобитная печь с подом мощностью 2,5 м. В жилище обнаружено более 6 тыс. фрагментов керамики, свыше 100 орудий труда, около 30 предметов пластики.

Жилище 2 в 3,5 м к северу от первого также ориентировано по линии С—Ю, перпендикулярно руслу балки. Жилище прямоугольное в плане (11,2 × 6,9 м), разделенное перегородкой на два помещения. В южной половине на земляном полу находилась открытый очаг с тонким плитчатым подом. При раскопках жилища обнаружены около 1700 фрагментов сосудов и несколько десятков орудий труда.

Жилище 3 расположено в 10 м к востоку от предыдущего. Постройка однокамерная, прямоугольных очертаний (14 × 6 м), ориентированная по линии запад-восток. Глинобитный пол с легким наклоном. Выявлены около 6,5 тыс. фрагментов сосудов, 80 орудий труда, 18 предметов пластики, медная булава.

Жилище 4 находится в 30 м к северо-западу от жилища 2. Постройка прямоугольных очертаний (9 × 6,8 м), ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Под глинобитным завалом и на его уровне отмечены зола и угли. Обнаружено около 3 тыс. фрагментов сосудов.

Жилище 5 находится в 70 м к юго-западу от предыдущего. Постройка прямоугольных очертаний (17,5 × 14 м) ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Остатки площадки имеют вид глинобитного завала мощностью 0,1—0,25 м; верхняя часть вальков ровная, снизу — бугристая, с отпечатками жердей и хвороста. Под глиной прослойка золы. Постройка делилась на два помещения, в одном из которых найдены остатки пода печи мощностью 2,5—2 см. Из жилища происходят около 2 тыс. фрагментов керамики. В 2 м к юго-западу от жилища обнаружены рабочая площадка — место обработки кремня, где находилась большая каменная плита, незакончен-

ные и готовые орудия, многочисленные отходы производства.

30 (126). ПАРТИЗАНСКИЕ КОНЮШНИ, уроч. у с. Тимково Кодымского района Одесской области.

Поселение находится в 5 км к юго-западу от села, в бассейне р. Молокчи, на мысу двух оврагов. Обследовано В. Н. Станко и Н. Б. Бурдо в 1974 г. [156]. Площадь поселения около 2 га. В шурфах обнаружены завалы обожженной глины — остатки глинобитных площадок. Собрана коллекция ранне-трипольской керамики.

31 (128). СЛОБОДКА-ЗАПАДНАЯ, вблизи станции Слободка Кодымского района Одесской области.

Поселение находится в 800 м к западу от станции, на пологом берегу балки. Исследовалось Н. Б. Бурдо в 1979—1981 гг. [28; 28а; 29а]. Площадь поселения около 2 га. Обнаружены следы нескольких наземных глинобитных жилищ (раскопано три).

Жилище 2 расположено в северной части поселения. Остатки наземной постройки в виде сплошного слоя обожженной глины без растительной примеси (мощность 0,2—0,3 м) залегали на площади 9 × 4 м, ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Основные находки встречены под слоем глины, преимущественно в южной части жилища: немногочисленный производственный инвентарь из кремня и камня, развалы более 60 сосудов.

Жилище 3 (площадь около 80 м²) ориентировано по линии ЮЗ-СВ. В центре завала обожженной глины (мощность 0,2 м) находился участок из мелких плиток (очаг?); за пределами площадки — скопление кремня и костей. Среди завала и под ним выявлены многочисленные развалы сосудов, фрагменты керамики и другой инвентарь.

32 (129). ТИМКОВО, Кодымского района Одесской области.

Поселение находится в центре села на первой, довольно высокой террасе ручья. Открыто А. Л. Есиленко в 1952 г., исследовалось Н. Б. Бурдо в 1981 г. [29]. Обнаружены остатки двух наземных жилищ.

Жилище 2 представляло собой монолитный завал обожженной глины (6 × 6 м) мощностью 10—15 см; снизу на глине иногда встречались отпечатки деревянных конструкций. В западной части завала находился на небольшом возвышении открытый глинобитный очаг размерами 1 × 1 м. На земляном полу, под завалом, в юго-восточной части жилища обнаружен еще один открытый глинобитный очаг (?) сложной конструкции и две глиняные емкости, подпрямоугольные в плане (высота 0,4 м). В северной части под завалом открыта очажная яма глубиной до 1 м. Хозяйственная яма глубиной около 2 м находилась у южного края площадки. Под площадкой обнаружены развалы сосудов и целые сосуды, стоявшие отдельными группами.

Глинобитные остатки еще одного, совершенно разрушенного жилища обнаружены к западу от предыдущего. Отсюда происходят развалы нескольких сосудов, глиняная мо-

дель жилища, женские статуэтки и глиняные ступельки к ним, немногочисленные орудия труда. Всего коллекция керамики из Тимково включает более 100 реставрированных или реконструированных сосудов и около 2,5 тыс. фрагментов керамики.

ПОБУЖЬЕ

33 (142). ВИШНОПОЛЬ Тальновского района Черкасской области.

Здесь в довоенные годы местными краеведами найдены и доставлены в краеведческий музей г. Умани цилиндрический поддон типичной раннетрипольской фруктошницы [128, с. 39, рис. 8, 3]. Находка свидетельствует о наличии вблизи села раннетрипольского поселения.

34 (131). ГАЙВОРОН, райцентр Кировоградской области.

Поселение находится на южной окраине поселка, на боровой террасе левого берега Южного Буга (высота 10—15 м). Открыто местным краеведом; частично исследовано М. Л. Макаревичем в 1960—1961 гг. Находки встречаются на площади около 6 га; раскопаны два жилища.

Жилище 1 — наземное, открыто на глубине 0,3—0,45 м от современной поверхности. В плане напоминает удлинённый овал (9×5 м), ориентированный по линии СВ-ЮЗ. Пятно жилища по краю оконтурено рядом камней. В северо-западной части расчищено небольшое скопление мелких обломков обожженной глины, возможно, здесь находился очаг. У северной стенки обнаружено значительное количество кремневых изделий и отходов; наиболее насыщена культурными остатками юго-западная часть жилища. За пределами пятна находки встречаются редко.

Жилище 2 открыто в 5 м к юго-западу от предыдущего. Оно также наземное, овальных очертаний (8×5 м), вытянуто по линии В-З. По краям пятна залегали камни — одиночные или в виде небольших скоплений; большая, сильно переженная гранитная плита служила фундаментом печи, находящейся у северной стенки. Рядом встречены комки глины с отпечатками лозы. В жилище найдено много кремня.

Археологические материалы из Гайворона представлены 1 тыс. фрагментов керамики, более 900 кремневыми орудиями и множеством отходов кремнеобработки, несколькими глиняными статуэтками (фонды ИА АН УССР).

35 (139). ГРЕНОВКА Ульяновского района Кировоградской области.

Поселение расположено на второй террасе левого берега Южного Буга, в 500 м от воды. Исследовалось М. Л. Макаревичем в 1948 г. [96, с. 89—91]. Разведочными шурфами обнаружены три наземных глинобитных жилища, два из них сохранились очень плохо, третье было полностью вскрыто.

Площадка прямоугольных очертаний (7×4 м), ориентирована по линии С—Ю,

состоит из пласта сильно обожженной глины, лежащего на каркасе из бревен. По длинной оси жилища и у стен расчищено десять неглубоких ямок диаметром до 0,3 м — очевидно, следы столбов, поддерживавших кровлю. У западного края находилась выкладка из крупных камней (рис. 23). В центре жилища стояла округлая в плане печь, от которой остался массив ошлакованной глины диаметром 1,2 м. Рядом с печью в глину была вмазана каменная зернотерка и стоял большой сосуд-хранилище. В северной части обнаружены развалы многих сосудов. На глине площадки, некоторых сосудах, камнях следы огня. Из жилища происходят остатки примерно 150 сосудов, остальной инвентарь малочислен.

36 (140). ДАНИЛОВА БАЛКА Ульяновского района Кировоградской области.

Поселение находится на территории села, на высоком склоне ручья (150—200 м от воды). В 1949 г. Э. А. Симоновичем здесь проведены разведочные раскопки на площади 51 м². Обнаружены выходы нескольких глинобитных площадок. В 1977—1978 гг. частично вскрыты округлая в плане землянка диаметром 2,9 м с углубленным очагом в центре и пять хозяйственных ям. Собрана коллекция раннетрипольской керамики, орудий труда, предметов пластики [159; 159 а].

37 (136). ЗАВАЛЬЕ Савранского района Одесской области.

Поселение расположено на мысу крутого правого берега Южного Буга против левобережного с. Завалье Кировоградской области. В 1974 г. обследовано В. Н. Станко и Н. В. Бурдо [156, с. 149]. Собрана небольшая коллекция раннетрипольской керамики и кремневых изделий.

38 (143). КОНСТАНТИНОВКА Арбузинского района Николаевской области.

Поселение на южной окраине села занимает участок первой террасы левого берега Южного Буга (высота 3—4 м) по обе стороны впадающей в реку старой балки с ручьем (уроч. Пугач). Исследуетеся в 1981 г. Николаевской экспедицией ИА АН УССР под руководством О. Г. Шапошниковой.

Культурный слой на поселении, тянущемся вдоль Южного Буга на расстоянии до 200 м, лежит на глубине 2 м от современной поверхности. Мощность его до 0,3 м. Слой включает керамику поздней фазы буго-днепровской культуры и раннетрипольскую (последняя составляет около 30 % материала). Повсеместно материалы обеих культур встречаются вперемешку (в том числе и у открытых кострищ-очагов), что, очевидно, указывает на их одновременность.

39 (141). КРАСНЕНЬКОЕ Кривоозерского района Николаевской области.

Поселение находится на острове посреди Южного Буга. Открыто и обследовано сотрудниками Николаевского краеведческого музея в 60-х годах [173]. Мощность культурного слоя на поселении достигает 0,2—0,3 м. Зачистки береговых обнажений и сборы на поверхности дали значительное количество

раннеэпопольской керамики и кремневых изделий.

40—43 (132—135). **МОГИЛЬНОЕ** Гайворонского района Кировоградской области.

В 1950—1951 гг. краеведом Н. С. Гасюком в окрестностях села, на берегах небольшой речки Могилянки (левый приток Южного Буга) открыты четыре раннеэпопольских поселения. Собрана небольшая коллекция керамики, орудий труда, предметов пластики [34; 131, с. 87—88].

I. Поселение находится в 1,5 км к югу от села, на высоком правом берегу речки, в 500 м от воды; площадь около 2 га. На вспашке и в стенках небольших овражков заметны остатки четырех глинобитных площадок; ближе к речке, возможно, находились землянки.

II. Поселение в 2 км к югу от предыдущего пункта занимает более высокий участок склона. Здесь также отмечены следы наземных жилищ в виде кусков обожженной глиняной обмазки.

III. Поселение расположено в 1 км к юго-востоку от предыдущего пункта, на довольно крутом берегу впадающего в Могилянку ручья. Материал, собранный здесь, аналогичен находкам на поселении Могильное I, но культурный слой залегает гораздо глубже. По мнению Н. С. Гасюка, площадь поселения около 20 га, однако это предположение нуждается в проверке.

IV. Поселение находится южнее предыдущего пункта, на левом берегу речки, при переходе на плато (в 50 м от воды). Зафиксированы следы площадок.

44 (138). **САБАТИНОВКА II** Ульяновского района Кировоградской области.

Поселение к северу от села, на правом берегу р. Синицы (левый приток Южного Буга), в 3 км от ее устья занимает склон третьей террасы речки, в 18 м над уровнем воды. Памятник открыт в 1939 г. и исследовался М. Л. Макаревичем и В. Н. Даниленко в 1947—49 гг. [46; 96, с. 91—95]. Раскопаны три наземных глинобитных жилища и одна землянка.

Жилище 1 (открыто в южной части поселения) в плане имеет форму удлиненного четырехугольника (12×7 м), ориентированного по линии СВ-ЮЗ. На остатках глинобитного пола снизу имеются отпечатки деревянных плах шириной 15—25 см и длиной 7 м, положенных поперек жилища. В центре и по углам площадки расчищены восемь неглубоких ямок диаметром 0,2—0,35 м, возможно, — это следы столбов, поддерживавших кровлю. В северной части жилища находились два скопления обожженной глиняной обмазки — остатки купольных печей; под одной из них сооружен на двуслойном фундаменте мощностью 0,15 м. У обеих печей найдены зернотерки, керамика, кости животных, статуэтки. С востока к площадке примыкала каменная вымостка площадью до 20 м², где также найдены фрагменты сосудов и глиняная женская статуэтка с креслицем. Рядом с жилищем, к югу от него, находилось скопление культурных остатков, очевидно, бытовые

отходы, выброшенные обитателями дома. Находки в жилище сравнительно немногочисленны.

Жилище 2 расположено к северо-востоку от предыдущего, неподалеку от него. Площадка — однослойный пласт обожженной глины — имела прямоугольные очертания (14×5 м) и была ориентирована по линии З—В. На обломках глины снизу имелись отпечатки деревянных плах и лозы. В центральной части площадки найдены остатки глинобитной печи, в конструкцию которой также входили камни. С запада к площадке примыкала каменная вымостка, при расчистке которой часто встречались культурные остатки; большое количество их найдено также к северу от площадки.

Из жилища происходят 250 фрагментов сосудов, 160 кремневых изделий, глиняные антропоморфные статуэтки.

Жилище 3 расположено к северу от предыдущего. Глинобитная площадка имела прямоугольные очертания (9×7 м) и была ориентирована по линии запад-восток. С востока к ней примыкал узкий коридор длиной 4 м, заканчивающийся вымосткой из крупных камней (рис. 84). Почти вся площадка состояла из одного слоя обожженной глины с отпечатками деревянных плах и прутьев снизу. В центральной части зафиксирована плитчатая обмазка толщиной 2—2,5 см; здесь найдены три большие зернотерки и несколько каменных растерляльников. У северной стенки расчищен округлый глиняный подпечник с предпечной ямой, в которой находилось несколько сосудов и кости животных. Рядом с печью найден обильный инвентарь, в том числе пять зернотерок, воле каждой из которых обнаружена женская статуэтка.

Западная часть площадки, прорезанная поздней траншеей, являлась помостом высотой до полуметра, сложенный из четырехпяти пластов обожженной глины, между которыми находились спрессованные, сильно обожженные фрагменты керамики, кости. На помосте найдены 16 женских статуэток и несколько «рогатых» креслиц, причем одна статуэтка сидела на креслице. В северо-западном углу жилища, рядом с помостом находилось большое глиняное сиденье на деревянном каркасе, имеющее широкую спинку с двумя боковыми выступами-рогами.

В жилище найдены более 20 целых или реконструируемых сосудов и 150 фрагментов керамики; 55 изделий из кремня и отходы кремнеобработки, единичные изделия из других материалов. Особо следует отметить находку 32 антропоморфных статуэток и около десяти глиняных креслиц.

Жилище 4, расположенное к западу от предыдущего, представляет собой землянку, глубина которой в древности достигала 1 м (верхняя часть ее срезана). В плане она приближается к неправильному овалу, ориентированному по линии запад—восток (рис. 12). Длина землянки 6 м, ширина 3,5 м. На дне у восточной стенки находились крупные обломки известняка, рядом с которыми лежали целый череп быка и женская статуэтка.

етка. В западной части землянки расчищено большое скопление раковин; здесь же выявлена округлая ямка (диаметр 0,3 м, глубина 0,5 м), очевидно, от столба, поддерживавшего кровлю.

Несмотря на разрушенность, землянка насыщена культурными остатками. Отсюда происходят около 1 тыс. фрагментов керамики, 200 кремневых орудий и 330 отщепов и сколов, несколько статуэток, около 300 костей животных.

Очевидно, описанная землянка не единственная в Сабатиновке II, так как исследователи поселения упоминают о наличии в западной его части пятна культурного слоя на глубине около 1,5 м.

45 (137). САВРАНЬ, район Одесской области.

Здесь или в одном из соседних сел находится равнотрипольское поселение, обследованное С. С. Гамченко в 1913 г. Коллекция материалов этого поселения, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, опубликована Т. С. Пассек [308, табл. XVII, 3—9, I; XIX, 1—5, 9—16].

46 (130). ТРОСТЯНЕЦ Тывровского района Винницкой области.

Поселение расположено на безымянном левом притоке Южного Буга, на склоне плато. Исследовалось в 1973—1975 гг. Винничским краеведческим музеем. Обнаружено семь землянок, из которых три раскопаны [100].

Первое жилище имело овальные очертания (4,5×4 м); в центре его находился очаг

размерами 0,5×0,6 м. Вторая землянка по форме и размерам близка первой, но содержала два очага. Находок в жилище немного.

Землянка 3 площадью 9,2 м² имела глинобитные стены, от которых сохранились обломки плиток с растительной примесью и отпечатками прутьев. В центре жилища находилась печь. Из землянки происходят около 2 тыс. фрагментов сосудов; 86 орудий труда из кремня, камня и кости; 16 антропоморфных и зооморфных глиняных фигурок.

47 (144). МАЙДАНЕЦКОЕ Тальновского района Черкасской области.

Поселение расположено на западной окраине села (уроч. Гребенюков Яр) и занимает часть мыса высотой 15—20 м, ограниченного с запада ручьем, впадающим в р. Тальянку — приток Горного Тикича. Поселение исследовалось в 1981 г. экспедицией ИА АН УССР [199а]. Обнаружены следы семи углубленных и наземных глинобитных жилищ на площади 1,5×0,5 км. Разведочными траншеями и шурфами частично вскрыты землянка овальных очертаний (7—8×3 м) и глинобитная площадка 15×7 м. На поселении собрано более 32 тыс. фрагментов керамики, 568 кремневых изделий, орудия из камня, кости, глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки.

Имеются сведения о наличии в среднем течении Южного Буга еще нескольких местонахождений, однако они нуждаются в про-

нахождений, однако они нуждаются в про-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Вынужденная эмиграция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 8.— С. 565—571.
2. Маркс К. Капитал. Т. 3.— М., 1961.— 545 с.— (Соч.: 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 25, ч. 1).
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.— 2-е изд.— Т. 3.— С. 7—544.
4. Александреску А. Д. О второй фазе докукунтской культуры // *Dacia*.— 1961.— Т. 5.— Р. 21—38.
5. Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии.— М.: Наука, 1977.— 150 с.
6. Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и Средневековье.— М., 1981.— С. 5—21.
7. Артамонов М. И. Південноподільська експедиція // АП УРСР.— 1949.— Т. 1.— С. 257—262.
8. Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ.— 1982.— № 1.— С. 8—21.
9. Балабина В. И. Опыт количественного анализа состава культурного слоя раннетрипольского поселения Бернашевка // Теория и методы археологических исследований.— Киев, 1982.— С. 111—136.
10. Белановская Т. Д. Раннетрипольское поселение Лука-Устинская // Исследования по археологии СССР.— Л., 1961.— С. 56—68.
11. Бейлекчи В. И. Исследования раннетрипольского поселения Исаково II // АО.— 1974—1975.— С. 436.
12. Бейлекчи В. С. Ранний неолит низовьев Прута и Дуная.— Кишинев: Штиинца.— 1978.— С. 152.
13. Версанская С. С. Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология — поиски и находки.— Киев, 1990.— С. 243—256.
14. Вибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская // МИА.— 1953.— № 38.— С. 5—408.
15. Вибиков С. Н. Из истории каменных серпов на Юго-Востоке Европы // СА.— 1962.— № 3.— С. 3—24.
16. Вибиков С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА.— 1965.— № 1.— С. 48—62.
17. Вибиков С. Н. О хронологическом разделении памятников Триполья — А и типа Гумельницы (Алдень II) на Юго-Западе СССР // VII Междунар. конгр. доисториков и протосториков.— М., 1966.— С. 93—99.
18. Вибиков С. Н. О ранних формах ремесленного производства // Домашние промыслы и ремесло: Тез. докл.— Л., 1970.— С. 3—6.
19. Вибиков С. М. Ранний этап трипольской культуры // *Археологія Української РСР*.— Киев, 1971.— Т. 1.— С. 150—165.
20. Вибикова В. И. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская // МИА.— 1953.— № 38.— С. 411—458.
21. Вибикова В. И. Из истории голоценовой фауны позаночных в Восточной Европе // Природная обстановка в фауны прошлого.— Киев.— 1963.— Вып. 1.— С. 119—146.
22. Бижбаев В. М. Памятники позднего палеолита — раннего Триполья в Лазовском районе // АИМ (1974—1976).— Кишинев, 1981.— С. 191—199.
23. Борзая И. А., Дергачев В. А. Новый тип неолитических памятников в Молдавии // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.: Тез. докл.— Днепропетровск, 1980.— С. 36—37.
24. Борисковский П. И. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини // *Археологія*.— 1950.— Т. 4.— С. 117—131.
25. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.— М.: Наука, 1973.— 281 с.
26. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии.— М.: Наука, 1981.— 389 с.
27. Бурдо Н. Б. Датировка раннетрипольского поселения Александровка и проблема хронологического разделения Триполья-А // Материалы по археологии Северного Причерноморья.— Киев, 1983.— С. 5—16.
28. Бурдо Н. Б. Исследование раннетрипольских поселений на севере Одесской области // АО.— 1981 г.— 1983.— С. 248—249.
- 28а. Бурдо Н. Б. Исследование раннетрипольского поселения Слободка — Западная // Новые археологические исследования на Одешчине.— Киев, 1984.— С. 24—33.

29. Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю. Типы ранне-трипольской керамики и ее орнаментации в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье. — Киев, 1984. — С. 96—104.
- 29а. Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю. Исследования ранне-трипольского поселения Слободка — Западная в 1980 г. // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. — Киев, 1987. — С. 5—16.
- 29б. Бурдо Н. Б., Видейко М. Ю. Ранне-трипольские поселения Тимкове в Одесской области // Археология. — 1985. — Вып. 52. — С. 78—85.
30. Васильев В. Сравнительные исследования роли животноводства и охоты для праисторических поселений Болгарии // *Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpuđeva 3.* — Sofia, 1982. — С. 301—310.
31. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. — Куйбышев, 1984. — 128 с.
32. Василь М. Прейсториска Вянча. — Београд, 1932. — 1936. — Т. 1—4.
33. Величанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. — М.: Наука, 1975. — 283 с.
34. Гасюк М. С. Разведки ранне-трипольских поселений у села Могильна // КСИИМК. — 1954. — Вып. 54. — С. 173—175.
35. Геншин В. Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 3—37.
36. Геншин В. Ф. Этнический процесс в первобытности. — Свердловск, 1970. — 127 с.
37. Геоботаничне районування Української РСР. — К.: Наук. думка, 1977. — 302 с.
38. Гохман И. И. Череп ребенка из ранне-трипольского поселения Лука-Устиновская // Сов. антропология. — 1958. — № 4. — С. 127—132.
39. Гричук В. П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата Северного полушария в атлантическом периоде голоцена // Голоцен. — М., 1969. — С. 41—57.
40. Давид А. И., Маркеевич В. И. Хозяйство и фауна неолитических поселений Среднего Поднестровья // Фауна кайнозой Молдавии. — Кишинев, 1970. — С. 53—74.
41. Даниленко В. М. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бугі // Археологія. — 1957. — Т. 10. — С. 3—9.
42. Даниленко В. Н. Неолит Побужья и сложение трипольской культуры // КСИА АН УССР. — 1960. — Вып. 9. — С. 3—9.
43. Даниленко В. Н. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. // Там же. — 1962. — Вып. 12. — С. 25—26.
44. Даниленко В. Н. Неолит Украины. — Киев: Наук. думка, 1969. — 258 с.
45. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. — Киев: Наук. думка, 1974. — 175 с.
46. Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Дослідження на ІІ Сабатинівському ранне-трипольському поселенні в 1949 р. // АП УРСР. — 1956. — Т. 6. — С. 134—144.
47. Дегев П. Археологически данни за икономиката на населението в Южна България през медната епоха // Изв. на музеите от Южна България. — 1950. — Т. 6. — С. 61—78.
48. Долуханов П. М. Истоки митрапии // Пробл. археологии. — 1978. — Вып. 2. — С. 38—43.
49. Долуханов П. М., Пашкевич Г. А. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена — голоцена и развитие хозяйственных типов на Юго-Востоке Европы // Палеоэкология древнего человека. — М., 1977. — С. 134—145.
50. Думитреску Г. К проблеме происхождения докукutenской культуры // МИА ЮЗ СССР и РНР. — Кишинев, 1960. — С. 33—47.
51. Дьяконов И. М. Введение // Мифология древнего мира. — М., 1977. — С. 5—54.
52. Есиленко А. Л. Ранне-трипольское поселение Александровка // МАСП. — 1957. — Вып. 1. — С. 10—23.
53. Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. — Л.: Колос, 1964. — 792 с.
54. Захарук Ю. М. Проблемы археологической культуры // Археология. — 1964. — Т. 17. — С. 12—42.
55. Захарук Ю. М. Пам'ятки культури лінійно-стрічкової кераміки // Археологія Української РСР. — К., 1971. — Т. 1. — С. 96—104.
56. Захарук Ю. М. Племена енеолітичної епохи // Історія Української РСР. — К., 1977. — Т. 1. — С. 70—90.
57. Збеневич В. Г. До проблеми становлення енеоліту // Археологія. — 1985. — Вып. 51. — С. 1—11.
58. Збеневич В. Г. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе // СА. — 1969. — № 3. — С. 135—141.
59. Збеневич В. Г. Нові трипольські пам'ятки Середнього Подністров'я // Матеріали 12 конф. ІА АН УРСР. — К., 1972. — С. 104—105.
60. Збеневич В. Г. Енеоліт Північно-Західного Причорномор'я // Матеріали з антропології України. — 1973. — Вып. 7. — С. 71—80.
61. Збеневич В. Г. К проблеме происхождения трипольской культуры // Первобытная археология — поиски и находки. — Киев: Наук. думка, 1980. — С. 124—145.
62. Збеневич В. Г. Періодизація і хронологія раннього Трипілья // Археологія. — 1980. — Вып. 35. — С. 3—25.
63. Збеневич В. Г. Поселение Бернашевца на Днестре. — Киев: Наук. думка, 1980. — 177 с.
64. Збеневич В. Г., Рындина Н. В. Раскопки ранне-трипольских поселений на Днестре // АО 1980 г. — 1981. — С. 248—249.
65. Зиньковская Н. Б. Антропоморфная пластика ранне-трипольского поселения Александровка // МАСП. — 1976. — Вып. 8. — С. 161—170.
66. Зиньковская Н. Б. Глиняные черпаки, ковши и ложки из ранне-трипольского поселения Александровка // Археологические исследования Северо-Западного

- Причерноморья.— Киев, 1978.— С. 205—219.
67. *Зиньковская Н. В.* Кухонная керамика раннетрипольского поселения Александровка // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья.— Киев, 1981.— С. 12—22.
 68. *Зиньковский К. В.* О методах изучения домостроительства трипольской культуры // МАСП.— 1976.— Вып. 8.— С. 36—49.
 69. *Зиньковский К. В., Зиньковская Н. В.* Поселение Александровка // АО 1973.— 1974.— С. 279.
 70. *Зиньковский К. В., Зиньковская Н. В.* К вопросу о стратиграфии раннетрипольского поселения Александровка // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя.— Киев, 1980.— С. 27—41.
 71. *Иванов И. С.* Раннехалколитни гробове до град Варна // Изв. на народни музеи.— 1978.— Кн. 14 (29).— С. 81—93.
 72. *Иванов И. С.* Съкровищата на варненския халколитен некропол.— София: Септември, 1978.— 126 с.
 73. *Иванов С., Василев В.* Проучвания на животинския костен материал от праисторическата селищна могила при Големо Делчево // Разкопки и проучвания.— 1975.— Вып. 5.— С. 245—302.
 74. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА.— 1970.— № 2.— С. 18—36.
 75. *Клейн Л. С.* Археологические признаки миграций // IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук (Чикаго, 1973): Докл. сов. делегации.— М., 1973.
 76. *Колонтаев А. П.* Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии.— М.: Наука, 1975.— 220 с.
 77. *Кожиа Е.* К вопросу о переходной фазе от культуры Боян к культуре Гумельница // Дасия.— 1981.— Т. 5.— С. 36—68.
 78. *Коробкова Г. Ф.* Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ // Успехи Среднеазиатской археологии.— Л., 1972.— Вып. 1.— С. 19—21.
 79. *Коробкова Г. Ф.* Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия // 150 лет ОАМ: Тез. докл.— Киев, 1975.— С. 37—38.
 80. *Коробкова Г. Ф.* Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трассологического изучения) // СА.— 1978.— № 4.— С. 36—52.
 81. *Коробкова Г. Ф.* Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трассологические исследования // Первобытная археология — поиски и находки.— Киев, 1980.— С. 212—225.
 82. *Коробкова Г. Ф.* Общее и особенное в хозяйстве ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР // Всесоюз. науч. конф., посвящ. новейшим открытиям в обл. археологии и 100-летию V Археол. съезда: Тез. докл. пленар. заседаний.— Тбилиси, 1981.— С. 31—37.
 83. *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.— М., 1981.— 40 с.
 84. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия.— М.: Наука, 1975.— 181 с.
 85. *Краснов Ю. А.* Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе // СА.— 1980.— № 3.— С. 15—23.
 86. *Кричевский Е. Ю.* Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху // КСИИМК.— 1940.— Вып. 8.— С. 49—62.
 87. *Кричевский Е. Ю.* Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук.— 1949.— Вып. 13.— С. 54—110.
 88. *Кричевский В. Ю.* Ранній неоліт і походження трипільської культури // Палеоліт і неоліт України.— К., 1947.— С. 323—401.
 89. *Круц В. А.* Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья.— Киев: Наук. думка, 1977.— 158 с.
 90. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и постарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.— М., 1982.— С. 124—146.
 91. *Кушнарева К. Х., Лисицына Г. Н.* О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы) // СА.— 1979.— № 2.— С. 5—18.
 92. *Кънчев К.* Земедельски орудия от неолита и энеолита в българските земи // Археология.— 1967.— № 3.— С. 50—64.
 93. *Лисицына Г. Н.* Становление сельскохозяйственного производства в аридных районах СССР // Становление производства в эпоху неолита и бронзы.— М., 1981.— С. 49—71.
 94. *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока.— М.: Наука, 1977.— 125 с.
 95. *Лисицына Г. Н., Филипович Л. А.* Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // SP.— 1980.— Вып. 4.— С. 5—90.
 96. *Макаревич М. Л.* Среднебузьянская экспедиция по дослідженню пам'яток трипільської культури // АП УРСР.— 1952.— Т. 4.— С. 89—95.
 97. *Макаревич М. Л.* Статуетки трипольского поселения Сабатиновка II // КСИА АН УССР.— 1954.— Вып. 3.— С. 90—94.
 98. *Макаревич М. Л.* Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗООИД.— 1960.— Т. 1 (34).— С. 290—301.
 99. *Макарова Л. Н.* Исследования памятников культуры линейно-ленточной керамики в Днестровско-Прутском междуречье // АО 1974 г. 1975.— С. 440—441.
 100. *Малинковская Т. В.* Раннетрипольское поселение Тростянец на Южном Буге // 150 лет ОАМ: Тез. докл.— Киев, 1975.— С. 53.

101. *Маркевич В. И.* Многослойное поселение Новые Русецы I // КСИА АН СССР.— 1970.— Вып. 123.— С. 56—68.
102. *Маркевич В. И.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг. // АИМ (1970—1971).— Кишинев, 1973.— С. 52—78.
103. *Маркевич В. И.* Памятники эпохи неолита и энеолита.— Кишинев: Штиинца, 1973.— 161 с.— (Археол. карта МССР; Вып. 2).
104. *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1974.— 174 с.
105. *Маркевич В. И.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции // АИМ (1972).— 1974.— С. 26—51.
106. *Маркевич В. И.* Новые данные о трипольских верованиях по материалам Молдавии // Конф. «Идеологические представления древнейших обществ»: Тез. докл.— М., 1980.— С. 84—86.
107. *Маркевич В. И.* Подтрипольские племена Северной Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1981.— 192 с.
108. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964.— 467 с.
109. *Массон В. М.* Поселение Джейтун // МИА.— 1971.— № 180.— 207 с.
110. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ.— Л.: Наука, 1976.— 189 с.
111. *Массон В. М.* Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология — поиски и находки.— Киев, 1980.— С. 204—212.
112. *Массон В. М.* Введение // Энеолит СССР. Археология СССР.— М., 1982.— С. 5—8.
113. *Массон В. М., Маркевич В. И.* Палеодемография Триполья и вопросы динамики развития трипольского общества // 150 лет ОАМ: Тез. докл.— Киев, 1975.— С. 31—32.
114. *Мелегинский Е. М.* Поэтика мифа.— М.: Наука, 1976.— 406 с.
115. *Мерперт Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА.— 1978.— № 3.— С. 9—28.
116. *Мерперт Н. Я.* Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы.— Куйбышев, 1980.— С. 3—26.
117. *Мерперт Н. Я.* Ранние скотоводы Восточной Европы и судьба древнейших цивилизаций // SP.— 1980.— Вып. 5.— С. 65—90.
118. *Мерперт Н. Я.* К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи.— Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.— С. 4—21.
119. *Мовша Т. Г.* Глинябитное жилище ранне-трипольского поселения Соловчены I // Изв. Молд. фил. АН СССР.— 1955.— № 5 (25).— С. 5—13.
120. *Мовша Т. Г.* О связях племен трипольской культуры со степными племена-
- ми медного века // СА.— 1961.— № 2.— С. 186—199.
121. *Мовша Т. Г.* Многослойное трипольское поселение Соловчены II // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 105.— С. 91—100.
122. *Мовша Т. Г.* Гончарный центр трипольской культуры на Днестре // СА.— 1971.— № 3.— С. 228—234.
123. *Мовша Т. Г.* Нові дані про антропоморфну реалістичну пластiku Трипілья // Археологія.— 1973.— Вып. 11.— С. 3—21.
124. *Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. Археология СССР.— М., 1982.— С. 94—164.
125. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческое поселение Северной Месопотамии.— М.: Наука, 1981.— 318 с.
126. *Нейштадт М. И., Гуделис В. К.* Проблемы голоцена // Вопросы голоцена.— Вильнюс, 1961.— С. 5—37.
127. *Николов В.* Градешница.— София: Наука и искусство, 1974.— 145 с.
128. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений // МИА.— 1949.— № 10.— 245 с.
129. *Пассек Т. С.* Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. // КСИИМК.— 1957.— Вып. 70.— С. 78—93.
130. *Пассек Т. С.* Результаты археологических раскопок у села Флорешты в Молдавии // МИА Ю-З СССР и РНР.— Кишинев, 1960.— С. 49—50.
131. *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // МИА.— 1961.— № 84.— С. 5—203.
132. *Пассек Т. С.* Костяные амулеты из Флорешты // Там же.— 1965.— № 130.— С. 77—83.
133. *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники культуры ливейно-ленточной керамики на территории СССР // САИ.— 1963.— Вып. Б 1-11.— 42 с.
134. *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Открытие культуры Гумельницы в СССР // КСИА АН СССР.— 1965.— Вып. 100.— С. 6—18.
135. *Пашкевич Г. А.* Палинологическое исследование разреза стоянки Кормань IV. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV.— М., 1977.— С. 105—111.
136. *Петрунь В. Ф.* К петрографическому определению состава и районов добычи минерального сырья раннеземледельческими племенами Юго-Запада СССР // КСИА АН СССР.— 1971.— Вып. 111.— С. 50—59.
137. *Погожева А. П.* Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1971.— 28 с.
138. *Погожева А. П.* К вопросу о технологии изготовления ранне-трипольских статуэток // КСИА АН СССР.— 1973.— Вып. 134.— С. 28—34.
139. *Погожева А. П.* Антропоморфная пластика Триполья.— Новосибирск: Наука, 1983.— 145 с.
140. *Попова Т. А.* Древние земледельцы Среднего Поднепровья в IV—III тысячелетиях до н. э. (по материалам многослойного поселения Подливанов Яр): Автореф.

- дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1972.— 22 с.
141. *Попова Т. О.* Початок розвинутого Трипілья на Середньому Дністрі (за матеріалами Поліванового Яру) // Археологія.— 1985.— Вып. 52.— С. 22—32.
 142. *Решетов А. М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы.— Л., 1980.— С. 34—42.
 143. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА.— 1965.— № 1.— С. 24—46; № 2.— С. 13—33.
 144. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян.— М.: Наука, 1981.— 606 с.
 145. *Рындина Н. В.* К вопросу о технике обработки трипольского металла // МИА.— 1961.— № 84.— С. 204—209.
 146. *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— 141 с.
 147. *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур меднобронзового эпохи // Вестн. МГУ.— Сер. История.— 1978.— № 6.— С. 74—86.
 148. *Рындина Н. В., Орловская Л. Б.* Результаты металлографического исследования // Черных Е. Н.— Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.— София, 1978.— С. 286—321.
 149. *Сайко Э. В.* Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // SP.— 1984.— Вып. 7.— С. 131—152.
 150. *Сайко Э. В., Терехова Н. Н.* Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы.— М., 1981.— С. 72—122.
 151. *Свешников И. К.* Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднепровья и Западной Волыни // СА.— 1954.— Т. 20.— С. 100—130.
 152. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия.— Л.: Наука, 1974.— 315 с.
 153. *Сергеев Г. П.* Раннетрипольский клад у с. Карбуна // СА.— 1963.— № 1.— С. 135—151.
 154. *Скакув Н. Н.* Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трассологического исследования) // Там же.— 1978.— № 1.— С. 15—23.
 155. *Спицын А. А.* Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губ. // Изв. Археол. комиссии.— 1904.— Вып. 12.— С. 87—118.
 156. *Станко В. Н., Зильковская Н. В.* Разведка памятников эпохи энеолита в северных районах Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины.— Киев: Одесса, 1976.— С. 130—157.
 157. *Субботин Л. В.* Антропоморфная пластика гумольницких памятников Юго-Запада СССР // МАСП.— 1976.— Вып. 8.— С. 21—36.
 158. *Субботин Л. В.* Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины.— Киев: Наук. думка, 1983.— 137 с.
 159. *Симонович Э. А.* Раннетрипольское поселение в с. Давилова Балка // КСИИМК.— 1951.— Вып. 39.— С. 104—109.
 - 159a. *Симонович Э. О.* Раннетрипольские поселения в с. Давилова Балка на Кировоградщині // Археологія.— 1987.— Вып. 60.— С. 91—94.
 160. *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура.— К.: Наук. думка, 1968.— 258 с.
 161. *Телегин Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді.— К.: Наук. думка, 1973.— 168 с.
 162. *Телегин Д. Я.* Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине // СА.— 1979.— № 2.— С. 229—234.
 163. *Телегин Д. Я., Соболевич Э. В., Ковалюк Н. Н.* Радиоуглеродное датирование археологических материалов // Использование методов естественных наук в археологии.— Киев, 1978.— С. 55—61.
 164. *Тимощук В. О.* Розвідка в басейні р. Пруту // АП УРСР.— 1952.— Т. 3.— С. 409—416.
 165. *Тимощук В. О.* Раннетрипольские поселения Рогатка в Чернівцях // Археологія.— 1979.— Вып. 31.— С. 107—108.
 166. *Титов В. С.* Неолит // Археология Венгрии (каменный век).— М., 1980.— С. 73—417.
 167. *Титов В. С.* К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света.— М., 1982.— С. 89—145.
 168. *Тодорова Х.* Новая культура среднего неолита в северо-восточной Болгарии // СА.— 1973.— № 4.— С. 16—31.
 169. *Тодорова Х.* Археологическое проучване на селищата могила и некропола при Голямо Делчево // Разкопки и проучвания.— 1975.— Вып. 5.— С. 5—244.
 170. *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии.— София: София пресс, 1979.— 104 с.
 171. *Тодорова Х., Василев В., Янушевич З. В. и др.* // Разкопки и проучвания.— 1983.— Вып. 9.— 128 с.
 172. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественных научных знаний в древности.— М., 1982.— С. 8—40.
 173. *Фоменко В. Н.* Раннетрипольское поселение у с. Красненькое на Южном Буге // 150 лет ОАМ: тез. докл.— Киев, 1975.— С. 54—55.
 174. *Формозов А. А.* Этнокультурные общности на территории европейской части СССР в каменном веке.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 124 с.
 175. *Хвойко В. В.* Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI АС.— М., 1901.— Т. 1.— С. 739—812.
 176. *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья.— Киев, 1913.— 101 с.
 177. *Хлопин И. Н.* Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура.— М., 1981.— С. 26—30.
 178. *Далкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА.— 1970.— № 161.— 278 с.

179. *Цвек О. В.* Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності // *Археологія*.— 1985.— Вып. 51.— С. 31—45.
180. *Цвек О. В.* Трипільська посудина з ритуальними зображеннями // *Археологія*.— 1964.— Т. 16.— С. 78—81.
181. *Цвек Е. В.* Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья // *Первобытная археология — поиски и находки*.— Киев, 1980.— С. 163—185.
182. *Цыбесков В. П.* Некоторые итоги исследования Березовского поселения // *МАСП*.— 1971.— Вып. 7.— С. 187—192.
183. *Цыбесков В. П.* Некоторые наблюдения и выводы в связи с углубленными и наземными жилищами трипольской культуры // 150 лет ОАМ: Тез. докл.— Киев, 1975.— С. 44—46.
184. *Цыбесков В. П.* Обряд акротиния в культуре трипольских племен // *МАСП*.— 1976.— Вып. 8.— С. 170—176.
185. *Цыбесков В. П.* Древнейшая расписная керамика на Южном Буге // *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*.— Киев, 1978.— С. 220—231.
186. *Черныш Е. Н.* Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // *МИА*.— 1965.— № 129.— С. 96—110.
187. *Черныш Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы // *Там же*.— 1966.— № 132.— 142 с.
188. *Черныш Е. Н.* Первые спектральные исследования меди днепро-донецкой культуры // *КСИА АН СССР*.— 1966.— Вып. 106.— С. 66—68.
189. *Черныш Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии.— София: Изд-во БАН, 1978.— С. 7—285.
190. *Черныш Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация раннего металла на территории СССР // *СА*.— 1978.— № 4.— С. 53—82.
191. *Черныш К. К.* Раннетрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі.— Київ: Вид-во АН УРСР, 1959.— 107 с.
192. *Черныш Е. К.* Раннетрипольские поселения Среднего Поднепровья // *КСИИМК*.— 1954.— Вып. 56.— С. 111—119.
193. *Черныш Е. К.* К вопросу о раннетрипольских поселениях // *Изв. Молд. филиала АН СССР*.— 1956.— № 4 (31).— С. 5—18.
194. *Черныш Е. К.* К истории населения неолитического времени в Среднем Поднепровье // *МИА*.— 1962.— № 102.— С. 5—85.
195. *Черныш Е. К.* Некоторые локальные особенности племен трипольской культуры // VII Междунар. конгр. антропол. и этнограф. наук: Тез. докл.— М., 1964.— 12 с.
196. *Черныш Е. К.* Место поселений Борисовского типа в периодизации трипольской культуры // *КСИА АН СССР*.— 1975.— Вып. 142.— С. 3—10.
197. *Черныш Е. К.* Основные направления путей расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период Восточная Европа в эпоху камня и бронзы.— М., 1976.— С. 90—102.
198. *Черныш Е. К.* Формирование трипольско-кукутенской культурной общности SP.— 1981.— Вып. 5—6.— С. 5—47.
199. *Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // *Энеолит СССР*. *Археология СССР*.— М., 1982.— С. 166—320.
- 199а. *Шмаглай Н. М., Видеико М. Ю.* Раннетрипольское поселение Гребенюков Яр у с. Майдавецкое // *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*.— Киев, 1987.— С. 87—99.
200. *Штерн Э.* Доисторическая греческая культура на Юге России // *Тр. XIII АС*.— М., 1907.— Т. 1.— С. 9—95.
201. *Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям.— Кишинев: Штиинца, 1976.— 213 с.
202. *Янушевич З. В.* Земледелие в раннем Триполье (по данным палеоботаники) // *Первобытная археология — поиски и находки*.— Киев, 1980.— С. 225—234.
203. *Янушевич З. В., Маркесич В. И.* Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днепровского Междуречья // *Интродукция культурных растений*.— Кишинев, 1970.— С. 83—110.
204. *Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L.* A population model for the diffusion of early farming in Europe // *The explanation of culture change: models in Prehistory*.— London, 1973.— P. 343—357.
205. *Anati E.* Evolution and style in Camunian rock art // *Archivi*.— 1976.— N 6.— 184 p.
206. *Bader T.* Despre figurinele antropomorfe în cadrul culturii Criș // *AMN*.— 1968.— T. 5.— P. 381—388.
207. *Bankoff H. A., Winter F. A.* A house — burning in Serbia (What do burned remains tell an archaeologist?) // *Archaeology*.— 1979.— N 5.— P. 8—14.
208. *Banner J.* The Neolithic Settlement on the Kremenyák hill at Csóka // *AA*.— 1960.— T. 12, N 1—4.— P. 1—82.
209. *Batariuc P.-V.* Așezărea precucuteniană de la Bosanci (judetul Suceava) // *Suceava*.— 1980.— T. 6—7.— P. 33—44.
210. *Berciu D.* Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări.— București: Editura ARPR, 1961.— 581 p.
211. *Berciu D.* *Cultura Hamangia*.— București: Editura ARSR, 1966.— 319 p.
212. *Bichir Gh.* Săpăturile de la Mîndrișca // *MCA*.— 1970.— T. 9.— P. 113—125.
213. *Blain A., Paquier Y.* Les débuts de l'agriculture dans les Alpes // *Archéologia*.— 1978.— N 117.— P. 18—29.
214. *Bognár-Kutzián I.* The Copper Age Cemetery of Tiszapolgár — Basatanya.— Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963.— 595 p.
215. *Bökönyi S.* History of domestic Mammals in Central and Eastern Europe.—

- Budapest: Akadémiai kiadó, 1974.— 597 p.
216. *Bökönyi S.* Early Neolithic vertebrate fauna from Lánycsók — Egettmalom // AA.— 1981.— T. 33, N 1—4.— P. 21—34.
217. *Bolomey A.* Gospodărirea animalelor în așezărea neolitică de la Fărcășu de Sus // SCIVA.— 1979.— N 1.— P. 3—10.
218. *Cantacuzino Gh.* The prehistoric necropolis of Cernica and its place in the neolithic cultures of Romania and of Europe in the light of recent discoveries // Dacia.— 1969.— T. 13.— P. 45—59.
219. *Chapman J. C.* The Vinča culture of South — East (Europe.— Oxford, 1981.— Vol. 1—2.— (BAR int. ser., N 117).
220. *Chapman J. C., Tylecote R. F.* Early Copper in the Balkans // PPS.— 1983.— V. 49.— P. 373—376.
221. *Chernikh E. N.* Metallurgical provinces of the 5-th — 2-nd Millennia in Eastern Europe in relation to the Process of Indo-Europeanisation // JIES.— 1980.— Vol. 8, N 3/4.— P. 317—336.
222. *Clark R. M. A.* A calibration curve for radiocarbon dates // Antiquity.— 1975.— N 196.— P. 251—266.
223. *Comșa E.* Studiul cercetărilor cu privire la faza Giulești a culturii Boian // SCIV.— 1957.— N 1/4.— P. 27—51.
224. *Comșa E.* Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II // Ibid., 1963.— № 1.— P. 1—31.
225. *Comșa E.* Quelques données nouvelles sur la phase de transition de la civilisation de Baian à celle de Gumelnița // SZ.— 1969.— № 17.— S. 73—86.
226. *Comșa E.* Données sur la sivilisation de Dudești // PZ.— 1971.— № 46, H. 2.— S. 195—249.
227. *Comșa E.* Quelques nouvelles données sur la culture à céramique rubanée en territoire Roumain // Alba Regia.— 1972.— N 72.— P. 173—179.
228. *Comșa E.* Quelques problèmes relatifs au complexe néolithique de Radovanu // Dacia.— 1972.— T. 16.— P. 39—51.
229. *Comșa E.* Istoria comunităților culturii Boian.— București: Editura ARSR, 1974.— 270 p.
230. *Comșa E.* Remarques sur l'étape finale de la phase Bolintineanu — culture Boian (à Radovanu II) // Dacia.— 1977.— T. 21.— P. 319—328.
231. *Comșa E.* Unele probleme privind populațiile de stepă din nordvestul Mării Negre din perioada eneolitică pînă la începutul epocii bronzului // SCIVA.— 1978.— № 3.— P. 353—363.
232. *Comșa E.* Despre obiectele de mobilier din epoca neolitică de pe teritoriul României // Pontica.— 1980.— N 13.— P. 32—56.
233. *Comșa E.* Considérations concernant l'utilisation de cuivre en Olténie à l'époque néolithique // Dacia.— 1981.— T. 25.— P. 331—342.
234. *Comșa E.* Probleme privind practicarea vânătorii în cursul epocii neolitice pe teritoriul Dobrogei // Pontica.— 1981.— N 14.— P. 9—10.
235. *Czerniak L., Piontek J.* Próba modelowego opisu form organizacji społecznej i gospodarczej ludności „kultur wstęgowych” na podstawie analizy zespołów osadniczych typu Brześć Kujawski // AP.— 1980.— T. 24, N 2.— S. 335—361.
236. *Dennell R. W.* Archaeobotany and early farming in Europe // Archaeology.— 1978.— N 1.— P. 8—13.
237. *Dodă-Oprilescu A.* Vecinii estici și nord — estici al triburilor Cucuteni — Tripolie // SCIVA.— 1983.— N 3.— P. 222—234.
238. *Dombay J.* Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövrarkony.— Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1960.— 237 S.
239. *Dragomir I. T.* Aspectul cultural Stoicani — Aldeni în lumina săpăturilor de la Lișcoteanca. Băneasa și Suseveni // MA.— 1970.— T. 2.— P. 25—38.
240. *Dragomir I. T.* Eneoliticului din sud — estul României (aspectul cultural Stoicani — Aldeni).— București: Editura ARSR, 1983.— 183 p.
241. *Dumitrescu H.* Contribuții la problema originii culturii Precucuteni // SCIV.— 1957.— N 1—4.— P. 53—69.
242. *Dumitrescu H.* Două vase de o formă deosebită descoperite în așezărea de la Traian-Dealul Viei // MA.— 1976.— T. 4—5.— P. 47—54.
243. *Dumitrescu H., Dumitrescu Vl.* Săpăturile de la Traian-Dealul Fântinilor // MCA.— 1959.— T. 6.— P. 157—178.
244. *Dumitrescu H., Dumitrescu Vl.* Șantierul arheologic Traian // Ibid.— 1970.— T. 9.— P. 39—58.
245. *Dumitrescu Vl.* Complexul cultural Cucuteni // Istoria României.— București; Editura ARPR, 1960.— T. 1.— P. 60—63.
246. *Dumitrescu Vl.* Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripolie // SCIV.— 1963.— N 1.— P. 51—74.
247. *Dumitrescu Vl.* Betrachtungen zur chronologischen Ansetzung der Cucuteni — Kultur im Verhältnis zu den Nachbarkulturen // SZ.— 1969.— N 1.— S. 87—103.
248. *Dumitrescu Vl.* A propos d'une nouvelle synthèse concernant l'époque néo — éneolithique du Sud — Est et du Centre — Est de l'Europe // Dacia.— 1973.— T. 17.— P. 293—310.
249. *Dumitrescu Vl.* Aspecte regionale în aria de răspîndire a culturii Cucuteni în cursul primei sale faze de dezvoltare // SCIVA.— 1974.— N 4.— P. 545—554.
250. *Dumitrescu Vl.* Cronologia absolută a eneoliticului românesc în lumina datelor C¹⁴ // Apulum.— T. 12.— P. 23—39.
251. *Dumitrescu Vl.* În legătură cu două fragmente cu decor de tip Sârka (?) descoperite la Rast // SCIVA.— 1981.— N 2.— P. 233—240.
252. *Dumitrescu Vl., Bănăteanu T.* A propos d'un soc de charrue primitive en bois de cerf, découvert dans la station néolithique de Căscioarele // Dacia.— 1985.— T. 9.— P. 59—67.
253. *Dumitrescu Vl., Dumitrescu H., Petrescu*

- Dimbovița M., Gostar N. Hăbășești. Monografia arheologică.*— București: Editura ARPR, 1954.— 608 p.
254. *Evans R. K. Craft specialisation in the Chalcolithic of the Balkan Peninsula // Actes du VIIIe CISPP.*— Beograd, 1973.— T. 2.— P. 466—473.
255. *Galbenu D. Așezărea neolitică de la Hîrșova // SCIV.*— 1962.— N 2.— P. 285—306.
256. *Garšanin M. Vinča-Cucuteni relativ — chronologische Betrachtungen // Sbornik národního muzea v Praze.*— 1966.— T. 20.— N 1—2.— S. 43—47.
257. *Gejte B., Mateescu C. N. L'utilisation des bovins à la traction dans le néolithique moyen // Actes du VIIIe CISPP.*— Beograd, 1973.— T. 2.— P. 454—461.
258. *Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe (7000 to 3500 B. C. Myths, Legends and Cult Images).*— London: Thames and Hudson, 1974.— 303 p.
259. *Gimbutas M. The Temples of Old Europe // Archaeology.*— 1980.— N 6.— P. 41—50.
260. *Hajnalová E. Odtlačky kultúrnych rastlín z neolitu na Východnom Slovensku // AR.*— 1977.— T. 29, N 2.— S. 121—136.
261. *Hajnalová E. Paleobotanické neolitické nálezy zo Stúrova // SA.*— 1983.— N 1.— S. 199—218.
262. *Hartuche N. Raport asupra săpăturilor arheologice de la Lișcoteanca (jud. Brăila) // MCA (a XIV-a sesiune anuală de rapoarte).*— Tulcea, 1980.— P. 67—85.
263. *Hegedüs K. Újköri lakótelep Csanytelek határáböl // AE.*— 1981.— N 1.— S. 3—12.
264. *Hood S. Discrepancies in ¹⁴C Dating as illustrated from the Egyptian New and Middle Kingdoms and from the Aegean Bronze Age and Neolithic // Archaeometry.*— 1978.— N 2.— P. 197—199.
265. *Höpf M. Frühe Kulturpflanzen aus Bulgarien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz.*— 1973.— N 20.— S. 1—47.
266. *Höpf M. Frühe Kulturpflanzen in Südosteuropa // Bericht des Deutschen Botanischen Gesellschaft.*— 1978.— T. 91.— S. 31—38.
267. *Horváth P. A Gorzsaí halom késő-neolitik rétege // AE.*— 1982.— N 2.— S. 201—222.
268. *Jovanović B. Rudna Glava — najstarije rudarstvo bakra na centralnom Balkanu.*— Bor; Beograd, 1982.— 155 s.
269. *Kalicz N. Clay Gods.*— Budapest: Corvina, 1970.— 82 p.
270. *Kalicz N. Siedlung und Gräber der Lengyel — Kultur in Ászód // Mitteilungen des archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften.*— 1973.— N 3.— S. 65—71.
271. *Kalicz N. Die Hüttenmodelle der Lengyel — Kultur in Ungarn // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte.*— 1976.— 60.— S. 117—127.
272. *Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Großen Ungarischen Tiefebene.*— Budapest: Akadémiai kiadó, 1977.— 385 s.
273. *Kalicz N., Racsky P. The precursors to the "Horns of consecration" in the Southeast European Neolithic // AA.*— 1981.— T. 33, N 1—4.— P. 5—20.
- 273a. *Kalicz N., Racsky P. Preliminary Report on the 1977—1982 Excavations at the Neolithic and Bronze Age tell Settlement of Berettyó Újfalu — Herpály // Ibid.*— 1984. T. 36.— P. 85—136.
274. *Klichowska M. Najstarsze zbroja z wykopalisk Polskich // AP.*— 1975.— T. 20, N 1.— S. 83—143.
275. *Kozłowski J. K. Über die Untersuchungen der östlichen Peripherien der linienbandkeramik-Kultur // AAC.*— 1974.— T. 14.— S. 5—56.
276. *Lasslo A. Vase neolitice cu fețe umane, descoperite în România // MA.*— 1970.— T. 2.— P. 39—74.
277. *Leahu V. Săpăturile arheologice de salvare de la Giulești — Sîrbi // Cercetări arheologice în București.*— București, 1963.— P. 41—302.
278. *Makkay J. The Late Neolithic Tordos Group of Signs // Alba Regia.*— 1969.— N 10.— P. 9—50.
279. *Marinescu-Bîlcu S. Die Bedeutung einiger Gesten und Haltungen in der jungsteinzeitlichen Skulptur der Außerkarpatischen Gebiet Rumaniens // Dacia.*— 1967.— T. 11.— S. 49—58.
280. *Marinescu-Bîlcu S. Asupra unor aspecte ale raporturilor dintre culturilor Precucuteni și Hamangia // Pontica.*— 1972.— N 3.— P. 29—30.
281. *Marinescu-Bîlcu S. Quelques aspects du problème de la contribution de la céramique rubanée à la formation de la civilisation Precucuteni I // Alba Regia.*— 1972.— N 12.— P. 162—171.
282. *Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni pe teritoriul României.*— București: Editura ARSR, 1974.— 270 p.
283. *Marinescu-Bîlcu S. „Dansul ritual” în reprezentările plastice neoneolitice din Moldova // SCIVA.*— 1974.— N 2.— P. 167—179.
284. *Marinescu-Bîlcu S. La plastica in terracotta della cultura precucuteniana // Rivista di scienze preistoriche.*— 1974.— N 2.— P. 400—436.
285. *Marinescu-Bîlcu S. Asupra unor probleme ale culturii Criș // SCIVA.*— 1975.— N 4.— P. 487—506.
286. *Marinescu-Bîlcu S. Relații între cultura Precucuteni și Boian — Gumelnița // Ibid.*— 1976.— N 3.— P. 347—353.
287. *Marinescu-Bîlcu S. Tirpești — from Prehistory to History in Eastern Romania // BAR International Series.*— 1981.— N 107.— Oxford.— 187 p.
288. *Marinescu-Bîlcu S. Le début et les étapes de la culture Precucuteni ainsi que ses relations avec la culture de Tripolje / Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva 3.*— Sofia, 1982.— P. 23—44.
289. *Marinescu-Bîlcu S., Cărciumaru M., Măroaru A. Contributions to the Ecology of Pre- and Protohistoric Habitations at Tirpești // Dacia.*— 1981.— T. 25.— P. 7—31.

290. *Maringer J.* Der Hund in der Mythologie der vorgeschichtlichen Menschen // *Acta Praehistorica et Archaeologica*.—1981.—N 11/12.—S. 37—41.
291. *Mateescu C. N.* Remarks on cattle breeding and agriculture in the Middle and Late Neolithic on the Lower Danube // *Dacia*.—T. 19.—P. 13—18.
292. *Mateescu C.* Contribution to the study of Neolithic dwellings in Romania: a dwelling of the second phase of the Vădastra culture (Middle Neolithic) // *Dacia*.—1978.—T. 22.—P. 65—71.
293. *Mellaart J.* Egyptian and Near Eastern Chronology: a dilemma // *Antiquity*.—1979.—N 207.—P. 6—18.
294. *Miśtauskas S.* The Linear culture Site at Olszanica B1 in Poland // *Archaeologia Polona*.—1975.—T. 16.—P. 155—178.
295. *Miśtauskas S., Kruk J.* Settlement Organization and the Appearance of Low Level Hierarchical Societies during the Neolithic in the Bronocice Microregion, Southeastern Poland // *Germania*.—1984.—T. 62, № 1.—P. 1—30.
296. *Monah D.* Datarea prin C¹⁴ a etapei Cucuteni A2 // *SCIIVA*.—1978.—N 1.—P. 33—41.
297. *Monah D., Antonescu S., Bujor A.* Raport preliminar asupra cercetărilor arheologice din comuna Poduri // *MCA* (a XIV-a sesiune anuală de rapoarte).—Tulcea: Editura ARSR, 1980.—P. 86—99.
298. *Necrasov O.* Studiul resturilor de faună din aşezărea neolitică de la Radovanu, jud. Ilfov // *MCA*.—1973.—T. 10.—P. 39—45.
299. *Necrasov O., Haimovici S.* Studiul resturilor de faună neolitică (cultura Hamangia) descoperite în cursul săpăturilor de la Techirghiol (1959) // *Ibid.*—1962.—T. 8.—P. 175—183.
300. *Necrasov O., Haimovici S.* Studiul resturilor de faună neolitică deşumate la şanţierul arheologic Traian // *Ibid.*—1970.—P. 59—66.
301. *Necrasov O., Ştirbu M.* The Chalcolithic palaeofauna from the settlement of Tîrpeşti // *Marinescu-Bîlcu S. Tîrpeşti*.—Oxford, 1981.—P. 174—187.
302. *Neustupný E.* Mobilität der äneolithischen Populationen // *SA*.—1981.—T. 29, № 1.—S. 111—119.
303. *Neustupný E.* Prehistoric migrations by infiltration // *AR*.—1982.—T. 34, № 3.—P. 278—293.
304. *Nica M., Niţa T.* Les établissements néolithiques de Leu et Padea de la zone d'interférence des cultures Dudeşti et Vinča // *Dacia*.—1979.—T. 23.—P. 31—64.
305. *Nitu A.* Aşezărea cu ceramică de factură precucuteniană de la Tg. Negreşti // *Studii et cercetări ştiinţifice*.—1955.—N 1—2.—P. 1—28.
306. *Niţu A.* Criterii actuale pentru clasificarea complexelor ceramice şi periodizarea etapelor culturii cucuteniene // *Cercetări istorice (seria nouă)*.—1980.—T. 11.—P. 133—222.
307. *Oates J.* Religion and ritual in sixth millennium B. C. Mesopotamia // *WA*.—1978.—V. 10, № 2.—P. 117—124.
308. *Passek T.* La céramique Tripolienne // *ИТАИМК*.—1935.—Вып. 122.—165 p.
309. *Passek T.* Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque Néolithique.—VIe CISPP. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS.—Moscou, 1962.—17 p.
310. *Paul I.* Aşezărea neolitică tîrzie de la „Poiana în Pisc” // *MCA*.—1961.—T. 7.—P. 107—120.
311. *Paul I.* Der Forschungsstand über die Petreşti — Kultur // *SZ*.—1969.—№ 17.—S. 325—344.
312. *Păunescu Al.* Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României.—Bucureşti: Editura ARSR, 1970.—359 p.
313. *Pavúk J.* Kultúry staršieho a stredného neolitu na západnom Slovensku // *Slovensko v mladšej dobe kamennej*.—Bratislava; Akadémie vied, 1970.—S. 20—64.
314. *Pavúk J.* Stabilita a premeny vo vývoji stredo-európskeho neolitu // *SZ*.—1983.—№ 20.—S. 39—47.
315. *Pavúk J., Šiška S.* Návrh chronologie pravěku a včasnej doby dejinnej na Slovensku: neolit a eneolit // *SA*.—1980.—T. 28, № 1.—S. 137—158.
316. *Petrescu-Dîmboviţa M.* Sondajul stratigrafic de la Perieni // *MCA*.—1957.—T. 3.—P. 65—82.
317. *Quitta H., Kohl G.* Neue Radiocarbon daten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion // *Zeitschrift für Archäologie*.—1969.—№ 3.—S. 223—318.
318. *Renfrew C.* Varna and the social context of early metallurgy // *Antiquity*.—1978.—№ 206.—P. 199—203.
319. *Renfrew J. M.* Palaeoethnobotany.—London: Methuen, 1973.—208 p.
320. *Poman P.* Ceramica precucuteniană din aria culturilor Boian — Gumelniţa şi semnificaţia ei // *SCIIV*.—1963.—№ 1.—P. 33—49.
321. *Szekely Z.* Contribuţii la cunoaşterea culturii Boian în Sud — Estul Transilvaniei // *MA*.—1970.—T. 2.—P. 19—23.
322. *Szénászký J. G. A.* Korai Szakalháti csoport települése Battonyán // *AE*.—1979.—T. 106, № 1.—S. 67—77.
323. *Šiška S.* Die Bükker Kultur in der Ostslowakischen Tiefebene // *SA*.—1979.—T. 27, № 2.—S. 245—290.
324. *Titov V. S.* Tripolye culture in the chronological system of Neolithic and Copper Age cultures of South — Eastern and Central Europe // *VIII CISPP* (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS.—Moscou, 1971.—17 p.
325. *Todorović J.* Written signs in the Neolithic cultures of South — Eastern Europe // *Archaeologia Jugoslavica*.—1969.—N 10.—P. 77—84.
326. *Tringham R.* Hunters, fishers and far-

- mers of Eastern Europe : 6000—3000 B. C.—
London : Hutchinson and Co. Ltd.—1971.—
219 p.
327. *Tringham R., Kristić D., Kaiser T., Voytek B.* The early agricultural Site of Selevac, Yugoslavia // *Archaeology*.—1980.—
N 2.—P. 24—32.
328. *Urulescu N.* Sur les débuts du Chalcolithique à l'est des Carpates // *SP*.—1978.—
N 1—2.—P. 130—135.
329. *Urulescu N.* Contribuții la cunoașterea evoluției și poziției cronologice a culturii Starcevo-Cris pe teritoriul Moldovei // *Soceava*.—1983.—T. 10.—P. 261—381.
330. *Vlassa N.* Cultura Cris în Transilvania // *AMN*.—1966.—T. 3.—P. 40—48.
331. *Vlassa N.* Einige Bemerkungen zu Fragen des Neolithikums in Siebenbürgen // *StZ*.—1969.—N 17.—S. 519—540.
332. *Vulpe R.* Izvoare.—București : Editura ARPR, 1957.—391 p.
333. *Zaharia E.* Angaben über die Boian-Giulești Kultur. Die Siedlung von Let // *Dacia*.—1967.—T. 11.—P. 5—88.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Археологические исследования в Молдавии
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
БАН	— Болгарская Академия Наук
БДН	— Буго-днестровская культура
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИА АН УРСР	— Институт археології АН УРСР
КЛЛК	— Культура линеинно-ленточной керамики
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МГУ	— Московский Государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА ЮЗ СССР и	— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики
РНР	
ОАМ	— Одесский археологический музей
СА	— Советская археология
САН	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
АА	— Acta Archaeologica
ААС	— Acta Archaeologica Carpathica
АЕ	— Archeologiai Ertesitő
АМН	— Acta Musei Napocensis
АР	— Archeologia Polska
АР	— Archeologické Rozhledy
АНРР	— Academia Republicii Populare Romîne
АНРР	— Academia Republicii Socialiste România
ВАР	— British Archaeological Reports
СISPP	— Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques

JIES	— Journal of Indo-European Studies
MA	— Memoria Antiquitatis
MCA	— Materiale și cercetări arheologice
PZ	— Praehistorische Zeitschrift
SA	— Slovenská Archeológia
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche
SCIVA	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologie
SP	— Studia Praehistorica
SZ	— Studijne Zvesti
WA	— World Archaeology

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК 5

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО
ЭТАПА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ 14

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 47

ГЛАВА IV

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ
РАННЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ 124

ГЛАВА V

ЭКОНОМИКА, СОЦИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ И ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА РАННЕТРИПОЛЬСКИХ
ПЛЕМЕН 144

ГЛАВА VI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ 171

ГЛАВА VII

РАННЕЕ ТРИПОЛЬЕ И ЭНЕОЛИТ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 187

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 197

СВОД РАННЕТРИПОЛЬСКИХ
ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ
УКРАИНЫ 201

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 212

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 222

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЗБЕНОВИЧ Владимир Гецемевич

РАННИЙ ЭТАП ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

Художественный редактор
С. П. КВИТКА

Технический редактор
Т. С. ВЕРЕЗЯК

Корректоры Л. И. СЕМЕНЮК,
П. С. БОРОДЯНСКАЯ,
Л. Ф. РЯБЦЕВА

ИБ № 9936

Сдано в набор 07.06.88. Подп. в печ. 15.12.88.
Формат 70×100^{1/8}. Бум. тип. № 1. Обычн. нов. гарн.
Выс. печ. Усл. печ. л. 18,2. Усл. кр.-отт. 18,69.
Уч.-изд. л. 20,54. Тираж 1000 экз. Зак. 8—1806.
Цена 4 р. 30 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, Рейнна, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия ре-
спубликанского производственного объединения
«Полиграфкига». 252057, Киев-57, ул. Довженко, 3
в Нестеровской городской типографии. 292310, Не-
стеров, Львовской обл., ул. Горького, 8. Зак. 877